КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
АГРАРНЫЙ ИНСТИТУТ

СОДЕРЖАНИЕ

ТРУДЫ ПЕРВОЙ ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ АГРАРНИКОВ МАРКСИСТОВ

ТОМ ВТОРОЙ
ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СТЕНОГРАММЫ ДОКЛАДОВ и ПРЕНИЙ ПО ДОКЛАДАМ В СЕКЦИИ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ АГРАРНЫХ ПРОБЛЕМ

Г. ГОРДЕЕВА
М. СУЛКОВСКОГО
Н. ХОМЕНКО
Д. ЛУРЬЕ
Л. ЛЮБИМОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

1930

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
АГРАРНЫЙ ИНСТИТУТ

ТРУДЫ ПЕРВОЙ ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ АГРАРНИКОВ-МАРКСИСТОВ

20/XII 27/XII 1929 г.

ТОМ ВТОРОЙ, Ч. 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МОСКВА — 1930

II. СЕКЦИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ АГРАРНЫХ ПРОБЛЕМ

ДОКЛАД Г. ГОРДЕЕВА

АГРАРНЫЕ КРИЗИСЫ

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ

УЧАСТНИКИ:

М. Спектатор
Т. Билаш
Л. Любошиц
Я. Шафир
А. Ганин
П. Ульянов
С. Слуцкина
Е. Эфроимский
К. Печак
М. Власов
М. Спектатор

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Я должен начать с нескольких предварительных замечаний, которые мне кажутся неизбежными, при рассмотрении сложной проблемы аграрных кризисов, главным образом потому, что за последнее время в нашей литературе появился целый ряд совершенно неправильных толкований в вопросе об аграрных кризисах. Первое предварительное замечание, которое я считаю необходимым сделать,—это замечание относительно характера с.-х. производства; является ли оно капиталистическим или остается докапиталистическим? Если с.-х. производство является капиталистическим, то на какой ступени этого развития находится с.-х. производство в капиталистическом смысле? Мне кажется, что эти две стороны одного и того же вопроса являются очень важными. С этой точки зрения в литературе опубликовано два мнения, которые вам достаточно хорошо известны. Я на них и попытаюсь остановить ваше внимание.

Первое замечание относится к т. Лященко, который в своей статье, напечатанной в «Аграрных проблемах», очень неосторожно высказал мнение, что в начале XIX столетия в Европе господствовало крепостное право. Поскольку крепостное хозяйство не является капиталистическим хозяйством, то ясно, по мнению Лященко, что в начале XIX столетия в Европе не могли иметь места аграрные капиталистические кризисы. Тов. Лященко потом было ясно указано, что согласно всем историческим и литературным источникам его замечание относительно крепостного права в Европе не соответствует действительности. Следовательно мы можем отбросить первую неправильную предпосылку о том, что в начале XIX столетия развитие капитализма в сельском хозяйстве не имело места.

Второе замечание относится к т. Пикус, которая в статье об аграрных кризисах сделала несколько ошибок. Она полагала, что с.-х. производство хотя ведется и капиталистически, но не в том смысле, как это понимается в отношении промышленности. Чтобы быть совершенно точным, я укажу ее основное грехопадение, а затем перейду к дальнейшему изложению. В своей статье, напечатанной в журнале

«На аграрном фронте», она отметила, что сельское хозяйство стоит почти на уровне мануфактуры, иначе говоря, капитализм хотя и развит в сельском хозяйстве, но развит очень слабо. Она имела неосторожность в этом пункте сослаться на Ленина, который в IX томе отметил, что американское сельское хозяйство стоит ближе к мануфактурному производству в промышленности, чем это имеет место в самой промышленности. Но здесь произошло весьма любопытное смешение понятий Ленина. Если вы присмотритесь к цитате из Ленина, то увидите, что капитализм в земледелии, по Ленину, находится ближе к мануфактурной стадии, если сравнить его с уровнем крупной машинной индустрии. Следовательно в земледелии есть капитализм, как утверждал Ленин. Капитализм находится на низшей стадии, чем стадия промышленного капитализма, настолько ниже, что это дало основание Ленину сделать вывод, что сельское хозяйство оказывается ближе к мануфактуре, чем к современной машинной индустрии. Вот что Ленин заявил по поводу американского земледелия: «Капитализм в земледелии находится в стадии б л и ж е (подчеркнуто мной—*Г. Г.*) к мануфактурной, если сравнить его эволюцию с эволюцией промышленности, чем к крупной машинной индустрии» [1]. Это положение до сих пор остается незыблемым, но только в ленинской постановке, а не в какой-либо другой. Я привожу эту цитату затем, чтобы показать, что Ленин говорит о двух этапах развития промышленности и сельского хозяйства. Сельское хозяйство отошло от мануфактурной стадии хозяйства, но отошло не так далеко, как индустриальная промышленность. Следовательно здесь Ленин брал сельское хозяйство не как «почти» стоящее на уровне мануфактуры, а как стоящее ближе к мануфактуре по сравнению с индустрией. Поэтому я полагаю, что мы должны говорить о с.-х. производстве, как о капиталистическом производстве. Это—основное. Но ввиду того, что в сельском хозяйстве наличие ренты задерживало развитие последнего, мы должны говорить о нем, как о производстве, стоящем к мануфактуре ближе, чем стоит машинная индустрия. Пикус подменила только одно слово. Вместо слова «ближе» она поставила слово «почти». Дальше она выбросила из этой цитаты Ленина сравнение промышленного производства с с.-х. производством, взяла с.-х. производство в его абсолютном отношении без всякого сравнения. В этом заключается ее основная ошибка в толковании уровня капиталистического сельскохозяйственного производства.

Для того, чтобы быть совершенно точным, я приведу несколько замечаний из Маркса и Ленина по поводу понимания ими капитализма в сельском хозяйстве, а затем уже перейду к дальнейшему. У Маркса в главе XXIV I тома «Капитала» мы можем найти замечание такого порядка:

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. IX, с. 270.

«Хотя первые зачатки капиталистического производства имели место уже в XIV и XV столетиях в отдельных городах по Средиземному морю, тем не менее начало капиталистической эры относится лишь к XVI столетию» [1].

«В Англии к концу XVI столетия образовался класс богатых для того времени «капиталистических фермеров» (с. 768). Эта цитата относится к XVI столетию и дает основание говорить, что Маркс предполагал развитие капитализма в сельском хозяйстве в очень раннее время, и уже безусловно к концу XVIII столетия Маркс констатировал развитие капитализма в сельском хозяйстве. Тут можно привести разбор Марксом теорий Рикардо и Родбертуса, где вы найдете указание Маркса, что капитализм развился в сельском хозяйстве вместе с развитием промышленности. Излишне указывать на разделы III тома, посвященные земельной ренте. У Ленина имеется замечание по вопросу об аграрных кризисах, и это настолько связано с проблемой о том, развивалось ли с.-х. капиталистическое производство или не развивалось, что я считаю нужным обратить ваше внимание на это замечание. Он при разборе теорий Сисмонди, говоря относительно народников и их неправильного понимания крестьянства, заявил: «Они сочиняют себе какое-то абстрактное, вне общественных отношений производства стоящее, мелкое хозяйство и просматривают то маленькое обстоятельство, что это мелкое хозяйство в действительности стоит в обстановке товарного производства, как мелкое хозяйство европейского континента 1820-х гг., так и русское крестьянское хозяйство 1890-х гг. В действительности мелкий производитель, возводимый в апофеоз романтиками и народниками, есть поэтому м е л к и й б у р ж у а, стоящий в таких же противоречивых отношениях, как и всякий другой член капиталистического общества» [2]. Это говорилось во II томе, а в III томе имеется довольно существенное дополнение. Ленин полагает, что крестьянское хозяйство Западной Европы 20-х гг. стояло на уровне нашего крестьянского хозяйства 90-х гг., т. е. мы отстали на 70 лет. Одновременно, говоря о кризисе 90-х гг., он полагает, что современный с.-х. кризис есть кризис капиталистический [3]. Сравнивая 90-е гг. в России, когда с.-х. кризис был кризисом капиталистическим, с 20-ми годами в Европе, мы можем с полным основанием утверждать, что Ленин считал развитие капитализма в сельском хозяйстве Западной Европы настолько далеко ушедшим, что капиталистические противоречия в сельском хозяйстве в 20-х гг. могли приводить к периодическим кризисам.

Но как мы должны относиться к той прослойке, которая в сельском хозяйстве имеется и которая относится к простым товаропро-

[1] См. замечание о Пруссии, с. 763; о Франции, с. 768.
[2] Л е н и н, Собр. соч., т. II, с. 235.
[3] Там же, т. III, с. 175.

изводителям? С.-х. производство в начале XIX столетия в Европе и особенно в Англии развивалось как капиталистическое, но имелись страны, где капиталистическое развитие было задержано. В таких странах товаропроизводители составляли значительную прослойку. Какова закономерность развития сельского хозяйства в такой стране? Ленин писал по этому поводу: «Аграрный кризис простирается на все производящие товары классы сельского хозяйства, он не останавливается перед средними крестьянами». «И в деревне экономическая жизнь, которая до сих пор с суровым однообразием двигалась в вечно неизменной колее, попала в состояние постоянного революционизирования, состояние, характерное для капиталистического способа производства» [1] Следовательно товаропроизводители не делают погоды, погоду делает капиталистический сектор. Последний определяет закономерность развития. Можно сослаться на Маркса, который говорил, что в капиталистических условиях и некапиталистический производитель подчиняется капиталистическим представлениям. Можно обратить внимание еще на один нюанс, который может дать повод к различным толкованиям.

Этот нюанс следующий: есть страны, в которых этот некапиталистический товаропроизводитель составляет такой важный сектор, от которого не только трудно отрешиться, но который в целом ряде явлений оказывает сильное воздействие на динамику хозяйства. В связи с этим я должен сослаться на одно место из Маркса, которое дает правильное понимание роли таких товаропроизводителей. Маркс пишет:

«В теории предполагается, что законы капиталистического способа производства развиваются в чистом виде. В действительности всегда имеется налицо лишь некоторое приближение; но приближение это тем больше, чем более развит капиталистический способ производства, чем менее он искажается и осложняется пережитками прежних экономических состояний» [2].

Следовательно тем самым я считаю вопрос о капиталистическом и некапиталистическом сельском хозяйстве решенным. Я резюмирую. С начала XIX столетия Европа имела настолько развитое капиталистическое сельское хозяйство, что в сельском хозяйстве складывались противоречия, дающие возможность проявляться капиталистическим с.-х. кризисам, а не каким-нибудь другим, причем это усложнение противоречий несомненно было увеличено наличием сильного еще слоя товаропроизводителей, которые как товаропроизводители в некотором отношении модифицировали то, что называется нарастанием капиталистических противоречий. Но эти товаропроизводители не должны нами переоцениваться. У Маркса в этом отношении опять-таки есть законченная мысль относительно товара и товаропроизводителя. Он говорит

[1] Ленин, Собр. соч., т. IX, с. 46—47.
[2] Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, с. 150.

таким образом: «На основе капиталистического, как господствующего, способа производства всякий товар необходимо становится товарным капиталом в руках продавца. Он продолжает быть таковым в руках купца или делается таковым, если не был раньше» [1]. Следовательно я исхожу из того, что с.-х. производство было капиталистическим, что можно говорить с начала XIX столетия о накоплении таких противоречий, которые выражались в периодических капиталистических с.-х. кризисах.

Второй вывод у меня будет следующий. Целый ряд экономистов, а особенно буржуазных (к ним к сожалению примыкают не только буржуазные, но и экономисты-максисты) трактует сельское хозяйство как особую техническую отрасль, такую отрасль, которая в силу органической природы дает возможность сильно модифицировать закономерности и противоречия. Для ясности я с самого начала прочту Зеринга, который наиболее законченно выяснил свое отношение к данному вопросу. Зеринг конечно не нов, можно то же самое взять у Булгакова, Давида и других: «Земледелие,—пишет Зеринг,—не испытывает тех быстрых переходов от подъема к кризису, того регулярно повторяющегося кругооборота от перепроизводства к застою, который характеризует промышленное развитие в эпоху развития капитализма. В земледелии нет того простора, который открывают энергии предприимчивого человека промышленность и пути сообщения... Земледелие находится в зависимости от медленных органических растительных процессов, протекающих на разбросанных пространствах. Оно работает на удовлетворение мало колеблющейся потребности. Несоответствие между производством и потреблением может быть вызвано либо чрезмерными урожаями, либо недородом» [2]. И затем говорится о том, что в сельском хозяйстве проявляется закон падающей производительности и пр. и пр. Ставится вопрос, что с.-х. производство—органическое производство, оно не может поспевать за ростом населения, за ростом потребностей и за ростом промышленности. На фоне этого могут происходить кризисы, но эти кризисы другого порядка, чем обычные капиталистические кризисы.

Я не остановился бы на Зеринге, если бы «зерингиада» не была проявлена в книжке, изданной под фамилией Спектатора. Как раз на с. 37 этой книжки вы можете найти следующее замечание: в сельском хозяйстве отнюдь нельзя бесконечно увеличивать продукцию на клочке земли, не повышая производственных расходов. На с. 42 той же самой книжки Спектатора вы найдете, что индустриализующаяся аграрная страна переходит от вывоза к ввозу с.-х. продуктов, следовательно спрос обгоняет предложение. Наконец, на с. 43 оказывается, что сель-

[1] Маркс, Капитал, т. II, с. 69.
[2] Зеринг, Аграрные кризисы, с. 42.

ское хозяйство расширяет свое производство только тогда, когда цены значительно поднимаются. На с. 63 той же самой работы Спектатор говорит следующее: сельское хозяйство, по крайней мере капиталистическое, имеет такие же циклические колебания, как и промышленность, но в сельском хозяйстве эти циклические колебания «не всегда сказываются так разрушительно, как в промышленности, вследствие того, что колебание цен на основные продукты сельского хозяйства часто более слабо, чем на промышленные». Вы видите, с одной стороны, указание на органическую природу с.-х. производства, которая мешает сельскому хозяйству развиваться так же быстро, как развивается промышленность. С другой стороны, и цены не колеблются так разрушительно, как на промышленные товары. К сожалению надо указать и на т. Пикус, которая в своей статье в журнале «На аграрном фронте» считает, что сельское хозяйство не может увеличить урожайность в равной степени при вложении капитала, что там мы не имеем возможности свободного мигрирования капиталов, что там оборот капиталов длительнее и т. д. Наконец т. Лященко в «Аграрных проблемах» тоже говорит о технико-производственных моментах, которые настолько ограничивают аграрные кризисы, что ему кажется возможным отметить особенности этих кризисов. На приведенных рассуждениях явно сказывается влияние ревизионизма и буржуазной мысли.

По этому вопросу я мог бы сослаться на ряд мыслей Ленина и Маркса. Их рассуждения настолько известны и настолько ясны, что на этом не следует задерживать ваше внимание. Основное марксистское положение заключается в том, что с.-х. производство в техническом отношении как органическое производство отлично от транспорта, от различных отраслей промышленности; точно так же и различные отрасли промышленности технически различны между собой, но мы полагаем, что с.-х. производство одинаково подвергнуто закономерностям капиталистического развития. Эти закономерности суть закономерности социального, а не технического порядка, и технические особенности сельского хозяйства не могут задержать капиталистического развития и накопления противоречий.

К сожалению т. Пикус впала в другую ошибку. Тов. Пикус полагает, что в сельском хозяйстве по сути дела нет капиталистических кризисов. Она полагает, что здесь имеются только рентные кризисы, не больше. Она исходит из того, что сельское хозяйство развито слабо в отличие от промышленности и что следовательно сельское хозяйство не имеет тех регулярных циклов, которые имеются в промышленности. Чем это вызывается? Она заявляет, что сельское хозяйство может переживать специфические аграрные кризисы, но что эти аграрные кризисы обусловливаются совершенно не теми причинами, которые вызывают обычные промышленные кризисы. Дальше она говорит, что если бы земля принадлежала государству, то сельское хозяйство было бы из-

бавлено от специфических аграрных кризисов, но зато оно было бы более подвержено кризисам, имеющим место в промышленности, т. е., если бы в сельском хозяйстве не было ренты, как она говорит, можно было бы говорить о капиталистических кризисах. А поскольку в сельском хозяйстве имеется рента, то эта рента не дает возможности проявляться капиталистическим кризисам, а вызывает особые рентные кризисы. На этом основании она совершенно твердо убеждена, что жизненный путь современного сельского хозяйства отличен от промышленности. Она заявляет категорически, что нет возможности доказать, что в сельском хозяйстве развиваются такие же кризисы, как в промышленности. Причины такого своеобразия она находит в противоречии между новыми условиями производства и фиксированной рентой. Пока рента не будет снижена в соответствии с новыми издержками производства, до тех пор не прекратится аграрный кризис. Тут происходит смешение самого термина «кризис». Кризисом она называет и депрессию и чуть ли не весь цикл с.-х. производства. Здесь проявляется опять-таки своеобразие в толковании капиталистических кризисов. Кризисы объявляются не капиталистическими, а рентными, следовательно—кризисами землевладельческими. Все противоречия сводятся лишь к противоречию земельной ренты. По этому вопросу она ссылается на Ленина. Она считает себя самой верной последовательницей Ленина, Маркса, Энгельса и затем Парвуса. Но нужно сказать к ее огорчению, ни того, ни другого ни третьего она не поняла.

Посмотрим, как Ленин толкует вопрос о понижении ренты и как он в этом отношении солидаризируется с Парвусом. Вы знаете, что у Ленина имеется рецензия на книжку Парвуса, причем эта рецензия напечатана во II томе. Затем в IX томе есть специальный раздел, где Ленин, защищая книгу Каутского об аграрном вопросе от Булгакова, делает специальное замечание по кризисам. Кризисам уделено солидное место во II и III томах. В своей рецензии Ленин хвалил книжку Парвуса, но в этой похвале совершенно ясно подчеркнул, что согласие Ленина с Парвусом заключалось в том, что современные с.-х. кризисы делают невозможной прежнюю ренту, взимаемую европейским землевладельцем. «Таким образом,—писал Ленин,—вывод, к которому пришел Парвус, совпадает в общем и целом с мнением Энгельса, указавшего в III томе «Капитала» на то, что современный с.-х. кризис делает невозможным прежние ренты на землю, взимаемые европейскими землевладельцами». Здесь действительно фигурирует землевладелец, и этот землевладелец оказывается в таком положении, когда он не может получить старую ренту. Но у Ленина нет абсолютно никаких замечаний о том, что только эта рента вызывает кризисы. Наоборот, он говорит о кризисах, как о таких явлениях, которые делают невозможным получение высокой ренты. Таким образом кризис ренты не есть самый аграрный кризис, а есть следствие аграрного кризиса. Очевидно,

что Пикус спутала следствие с причиной. Ленин в своей книжке в защиту Каутского против Булгакова в IX томе делает следующее замечание: «Суть аграрного кризиса Каутский видит в том, что сельское хозяйство Европы потеряло вследствие конкуренции стран, производящих хлеб крайне дешево, возможность сваливать на массу потребителей все тяжести, которые частная собственность на землю и капиталистическое товарное производство возлагает на сельское хозяйство... Главная из этих тяжестей—поземельная рента». Дальше он перечисляет еще ряд других «затруднений»[1]. Следовательно из этой цитаты очевидно, что Европа потеряла возможность взимать высокие ренты вследствие конкуренции стран. А почему эта конкуренция произошла? Вследствие перепроизводства. А почему случилось перепроизводство? Тут вы подходите к коренным основам кризиса. Следовательно анализ аграрного кризиса требует ответа на вопрос, почему произошло перепроизводство. Пикус упрощенно полагает, что раз Ленин говорит о невозможности взимать высокие ренты, значит только земельные ренты являются виновницами кризиса. Этого у Ленина нигде найти не удается. Наоборот, Ленин везде подчеркивает, что прежние ренты стали невозможными из-за перепроизводства, из-за того, что лучший участок стал определять цены, регулировавшиеся до сих пор худшим участком. Ленин говорит не только об одной тяжести земельной ренты, но считает ее лишь одной из тяжестей, которые европейские землевладельцы и капиталисты возложили на потребителя. Ленин считает, что «аграрный кризис, как и всякий кризис»[2], есть «перепроизводство товаров, которые не могут быть реализованы, не могут найти и спроса»[3]. Если мы спросим,—что же за причина таких аграрных кризисов, то придем к одному заключению: способность капиталистического способа производства к абсолютному расширению входит в столкновение с антагоническим распределением. Следовательно брать Ленина в защитники т. Пикус никак не приходится. Даже Парвус понят т. Пикус неправильно. У Парвуса есть замечание, что основная причина кризиса есть рента. То же замечание вы находите и у Каутского в «Аграрном вопросе», но надо читать не одно замечание, хотя бы оно и относилось к существу этого вопроса. Парвус развил положение об аграрном кризисе в целой книге. Толкование лишь одной цитаты из Парвуса не дает правильного представления о теории аграрных кризисов Парвуса. По вопросу об аграрном кризисе Парвус заметил следующее: «Последняя основная причина аграрных кризисов — это поднятые исключительно капиталистическим развитием земельные ренты и соответствующие им цены на землю»[4]. Дальше Парвус пишет: «Аграрии слишком часто забывают,

[1] Ленин, Собр. соч., т. IX, с. 49.
[2] Там же, т. IX, с. 50.
[3] Там же, т. III, с. 193.
[4] Парвус, Мировой рынок 1898 г., с. 340.

что падение хлебных цен, а следовательно и рент, явилось следствием торговых кризисов»[1]. «Мы видим, что американская хлебная конкуренция есть законное порождение европейского капитала»[2]. Об этом писал и Маркс[3]. О чем же следовательно здесь может итти речь? О том, что аграрный кризис есть результат капиталистического развития, а этот аграрный кризис, разразившись, приводит к тому, что ренты не могут держаться на том же самом уровне по целому ряду причин, в силу капиталистического развития, в силу понижения нормы прибыли и т. д. Для ясности я приведу цитату из Энгельса, на которую часто ссылаются, не совсем правильно толкуя ее: «И с этой конкуренцией девственной степной земли, равно как с конкуренцией крестьян России и Индии, изнемогающих под податным винтом, европейский арендатор не мог справиться при старых рентах... ренты повсюду упали»[4]. Опять-таки Энгельс говорит о конкуренции, о перепроизводстве и упавших рентах как о следствии перепроизводства. Следовательно я самым решительным образом отрицаю какое бы то ни было наличие специальных только рентных кризисов. Аграрный кризис есть капиталистический кризис, кризис капиталистического воспроизводства, а следовательно кризис воспроизводства прибыли и земельной ренты, но не только одной земельной ренты. Ренты играют крупную роль в аграрном кризисе, но придавать им такое абсолютное значение, что весь аграрный кризис сводится к их роли, это значит не понимать аграрного кризиса.

Я должен несколько слов сказать о другом неверном толковании роли земельной ренты в кризисах. Тов. Спектатор недооценивает значения ренты. Это обстоятельство заставило его подойти к теории аграрных кризисов чрезвычайно механистически. Но об этом придется говорить несколько позже. Вернемся к т. Пикус. В связи с тем, что ей нужно было объяснить рентный кризис, она допустила другую ошибку, настолько крупную, что мимо нее пройти нельзя: «Условия развития сельского хозяйства, изготовляющего предметы потребления, другие, нежели условия развития сельскохозяйственных отраслей, изготовляющих сырье. О влиянии же промышленного кризиса на отрасли сельского хозяйства, изготовляющего предметы потребления, мы у Маркса ничего не нашли»[5]. Этой цитатой т. Пикус выдала себе удостоверение в бедности, потому что она Маркса просто не смотрела. Во-вторых, она ложно понимает вопрос о потреблении. Она думает, что личное потребление не эластично, оно не зависимо от того, есть кризис или нет. Человек должен кушать хлеб во-время, а поэтому его спрос не изменяется во время кризиса. Но поскольку у Маркса есть указание на связь цикла промышленного

[1] Парвус, Мировой рынок 1898 г., с. 135.
[2] Там же, с. 133.
[3] Маркс, Капитал, т. I, с. 450.
[4] Там же, т. III, ч. 2, с. 256.
[5] «На аграрном фронте» № 1, 1929, с. 25.

с сельскохозяйственным, то этого она не могла преодолеть. Пикус вынуждена была, чтобы сохранить свою рентную теорию, один и тот же предмет называть то сырьевым, то продовольственным. Ячмень она будет вынуждена подводить под закономерность капиталистического цикла, когда он идет на пивоварение, и под рентную закономерность, когда ячмень идет в потребление рабочему.

Следовательно для промышленного сырья действителен промышленный кризис, для продовольственных продуктов сельского хозяйства—аграрный кризис. В одном продукте, в одном колосе, оказывается, живут две души: одна душа движется по циклу промышленному, другая—по циклу рентного кризиса. Большую путаницу, большее абсолютное несоответствие реальному процессу утверждения выдумать вряд ли возможно. Относительно неэластичности личного потребления у Маркса имеется совершенно ясное замечание:

«Весь процесс продолжается, а вместе с ним продолжается и обусловленное им личное потребление капиталиста и рабочего»[1]. Оказывается, что потребление личное обусловлено процессом производства. Ни о каком сепаратизме, независимости и стабильности личного потребления не может быть и речи. Но Маркс говорит об этом еще определеннее: «А если этот процесс расширяется, что предполагает расширение производительного потребления средств производства,—то такое воспроизводство капитала может сопровождаться расширенным личным потреблением (и следовательно спросом) на стороне рабочего...»[2]. А если вы возьмете I том «Капитала», где Маркс специально останавливался на влиянии кризисов на пролетариат — как на хуже, так и на лучше оплачиваемой части, то можно удивиться, как это т. Пикус выдала себе удостоверение в бедности, заявив, что она у Маркса ничего не нашла об изменении личного потребления. Буквально камни вопиют.

Маркс сделал замечание, направленное как бы специально против т. Пикус. Во время кризиса «падает и потребление и спрос на ситец именно потому, что на рынке его слишком много. Но падает также и спрос и на все другие товары, на те предметы потребления, на которые затрачивается доход лиц, косвенным образом являющихся производителями ситца. Их средства для покупки ситца и других продуктов потребления ограничиваются и сокращаются. Это касается и других товаров (предметов потребления)». Кроме того, во время кризиса получается, с одной стороны «избыток всех условий воспроизводства». а с другой стороны,—«обанкротившиеся капиталисты, лишенные всяких средств существования, голодающие рабочие массы»[3]. Таким образом нет никаких оснований говорить, что потребление рабочих масс стабильно. Но Маркс сделал замечание и о раздвоении товара. «Однако,—

[1] Маркс, Капитал, т. II, с. 48.
[2] Там же, с. 49.
[3] „Теории прибавочной ценности" т. II, ч. 2, с. 190—191.

писал он,—хлеб служит не только жизненным средством для производительных рабочих и др., но и вспомогательным материалом для скота, сырым материалом для водки, крахмала и т. д.»[1]. Маркс не выводил из этого раздвоения особой теории аграрных кризисов.

Я полагаю, что никакие технические особенности сельского хозяйства, в том числе урожай и неурожай, не изменяют капиталистических циклов в с.-х. производстве. Если допустить даже возможность некоторых изменений, то эти изменения являются случайными. Они могут нарушить тот или иной цикл в каком-нибудь одном пункте, но ни в какой мере они не нарушают закономерности цикла.

Наконец последнее замечание. Я полагаю, что рента вносит своеобразие в с.-х. производство. Об этом я буду еще говорить дальше. Но она не настолько сильна, чтобы создавать какие-то особые кризисы в отличие от общих кризисов.

После этих замечаний я должен перейти к тому, как надо понимать аграрные кризисы. Процесс воспроизводства в сельском хозяйстве, как и во всем народном хозяйстве, переживает циклические колебания и кризисы являются одним из этапов этих циклов. Для большей ясности я приведу ряд замечаний, которые по этому вопросу имеются у Маркса. «Промышленная жизнь,—пишет Маркс,—превращается в последовательный ряд периодов среднего оживления, процветания, перепроизводства, кризиса и застоя»[2]. Вы видите здесь 5 этапов. В отдельных местах у Маркса имеется ссылка на 4 этапа. Примерно она говорит о периоде среднего оживления, о периоде производства под высоким давлением, об этапе кризиса и о застое. Таким образом здесь намечаются 4 градации. Но при желании эти циклы можно сводить к более дробным делениям, чем те, которые имеются у Маркса. Надо сказать, что в связи с этим вопросом были сделаны попытки со стороны буржуазных экономистов истолковать эту проблему по-своему. Так, американцы совершенно выбросили само понятие кризиса. Это положение нас ни в какой степени не должно устраивать, и мы остаемся на марксистском толковании цикла, которому свойственен не просто перелом, а именно кризис. Следовательно кризис оставляет лишь одно звено всего цикла. И только об этом звене мы будем толковать сегодня.

В дополнение к сказанному укажу лишь на взгляды Маркса относительно цикличности сельскохозяйственного воспроизводства. У Маркса имеется любопытное, абсолютно не спектаторское, не зеринговское понимание вопроса о темпах развития сельского хозяйства. В «Теориях прибавочной ценности»[3] он пишет следующее: «В бурный период капиталистического производства производительность промышленности развивается по сравнению с земледелием быстрее, хотя ее развитие и пред-

[1] „Теории прибавочной ценности" т. II, ч. 2, с. 161.
[2] Маркс, Капитал, т. I, с. 452.
[3] „Теории прибавочной ценности", т. II, ч. 1, с 202.

полагает, что в земледелии произошло уже значительное изменение в отношении между постоянным и переменным капиталом. Ведь масса людей оторгнута от земледелия. Впоследствии производительность прогрессирует как в промышленности, так и в земледелии, хотя и не равным темпом. Но на известной ступени развития, достигнутой промышленностью, несоразмерность должна уменьшиться, т. е. производительность земледелия должна увеличиваться относительно быстрее, чем в промышленности». Чтобы закончить с этим вопросом, я должен сослаться на Маркса, который говорит, что «чем ближе подходим мы к истории промышленности, к современности, тем регулярнее оказывается, и как раз в наиболее важных отраслях промышленности, постоянно повторяющаяся смена периодов относительного вздорожания и вытекающего отсюда обесценения сырых материалов органического происхождения»[1]. Этим я хочу сказать, что с.-х. производство в отдельных этапах может отставать от промышленности. Но промышленность не может встретиться с таким обстоятельством, что сельское хозяйство будет служить барьером, препятствием для расширенного воспроизводства промышленности. Сельское хозяйство в отдельные моменты в отдельных отраслях может опередить развитие отдельных отраслей промышленности, анархическое распределение производительных сил в капиталистическом обществе.

Теперь я коснусь вопроса о том, что нужно понимать под с.-х. кризисом. В этом отношении тоже имеется значительное количество неясностей. К сожалению эти неясности имеются не только в буржуазном, но и в марксистском лагере. На этих неясностях я остановлюсь сейчас. Начнем с буржуазного лагеря для того, чтобы яснее были ошибки наших товарищей-марксистов. Бунятян, который не занимался специально аграрными кризисами, считал себя настолько авторитетным в этом вопросе, что дал определение аграрному кризису. «Аграрный кризис,—писал он,—обозначает такое состояние сельского хозяйства, при котором значительная часть с.-х. населения терпит имущественный ущерб или даже подвергается значительному разорению вследствие уменьшившейся доходности» [2]. В приведенном отрывке никакого определения кризиса нет и даже нет его описания, нет даже намека на кризис. Если вы вспомните проблему дифференциации, то вам будет ясно, что огромная часть крестьянского населения под давлением крупного капиталистического хозяйства постоянно разоряется и образует кадры пролетариата города. Следовательно Бунятян кризисом называет обычное состояние конкуренции, дифференциации, происходящей в деревне, в результате чего происходит обезземеливание, лишение средств производства простого товаропроизводителя. Назы-

[1] Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, с. 96.
[2] Бунятян, Экономические кризисы.

вать это кризисом будет ошибочно. Излишне говорить, что его определение кризиса, равно как и определение уменьшения доходности земли, ничего общего с марксизмом не имеет. Вы знаете теорию штандорта, в которой играют роль силы пространственного размещения. Что получается в результате пространственного размещения? Иногда целые отрасли сметаются с лица земли, целые хозяйства устраняются, лишаются прибыли. Но можно ли все эти процессы назвать кризисом в сельском хозяйстве? Здесь нет и намека на кризис. Сам Бунятян заявил, что «частнохозяйственные потери как массовое явление представляют внешнее проявление экономических кризисов, но они одни не составляют еще кризиса» [1], и тем не менее частнохозяйственную точку зрения положил в основу своего рассуждения. Я не буду зачитывать Конрада, Левитского и других, которые писали о сельскохозяйственном кризисе. все они дуют в одну и ту же дудку. Обратимся к т. Лященко. Тов. Лященко пишет: «Явлением капиталистического кризиса в сельском хозяйстве мы можем считать такое положение с.-х. производства в общем цикле капиталистического воспроизводства, при котором на почве предшествовавшего усиленного капиталовложения и расширенного воспроизводства происходит настолько значительное и резкое изменение условий производства, что оно приводит к снижению регулирующей цены, а вместе с тем к снижению высоких рент в арендных договорах, в цене земли, в ипотеках и проч...» [2]. Следовательно, если кризис сводится только к таким моментам, то это будет архибуржуазная теория, но не марксистская. Марксист должен включать нарастание классовых противоречий в понятие кризиса как основную конституирующую причину. Тов. Лященко же говорит только об изменении цен, о снижении прибыли. Такой оборот означает указание только на одну часть огромного процесса кризиса, и не на главную, не на основную, а на производную и на внешнюю. К сожалению эта ошибка имеется и у т. Спектатора: «Итак, поскольку под кризисом мы понимаем падение цен ниже рыночной стоимости или ниже производственной цены, т. е. резкое падение нормы прибыли». Вопрос о кризисе сведен к падению прибыли, к падению цен, т. е. к внешнему проявлению кризиса, не больше. Таким образом ядрышко, суть, понятия кризиса т. Спектатор обходит.

Основной причиной с.-х. кризисов, так же как и промышленных, я считаю ту причину, на которую указывал Маркс, на которую указывали Ленин и целый ряд других ортодоксальных марксистов. Мне кажется, что если описывать этот процесс, то он сводится к следующему. В сельском хозяйстве происходит постоянный процесс увеличения капитала. Этот процесс происходит благодаря внедрению ма-

[1] Бунятян, Экономические кризисы, с. 2.
[2] „Аграрные проблемы" кн. 1, 1929, с. 31.

шин, этот процесс проходит как огромное увеличение зерновой и прочей с.-х. продукции. Поскольку в промышленных отраслях и в сельском хозяйстве происходит благодаря уменьшению доли переменного капитала соответствующее понижение платежеспособного спроса вообще,—а Маркс указывал, что спрос определяется соответствующей расстановкой классов в производстве—естественно, что в тот или другой момент настанет такое переполнение продуктами с.-х. рынка, что их некуда будет сбыть и которые останавливают, делают невозможным и дальнейшее воспроизводство в старых условиях. Поэтому я и полагаю, что кризисом можно считать момент взрыва всех накопившихся противоречий, противоречий, которые периодически выражаются в перепроизводстве. Следовательно основным противоречием, на которое я указываю на основании теории Маркса, является противоречие, сводящееся к возможности капиталистического производства бесконечно расширять производительные силы и невозможности результаты этого развития производительных сил реализовать на рынке благодаря частному способу присвоения, благодаря наличию прибавочной стоимости, благодаря изъятию этой прибавочной стоимости капиталистами и пуску этой прибавочной стоимости в расширенное производство. Следовательно основное противоречие сводится к противоречию между бесконечными возможностями расширения производства и узким базисом потребления, основанным на капиталистическом антагонистическом распределении. Это у меня основное. Меня могут спросить: а какова роль нормы прибыли, анархии и т. д.? Отвечаю, что они — результат тех же капиталистических противоречий. Почему не может потребить обществе того, что произведено? Маркс замечает: не потому, что оно не хочет, не может потребить, а потому, что оно ограничено антагонистическим распределением доходов. Ограничивается переменный капитал, а если понижается доля переменного капитала, то понижается и норма прибыли.

Анархия производства происходит вследствие тех же самых причин капиталистических антагонистических отношений. Анархия производства облегчает наступление кризиса, она может даже вызвать случайный кризис, если бы не было для этого никаких других причин. Но эта анархия не может служить основной причиной периодически повторяющихся кризисов, о которых мы должны говорить, когда говорим о с.-х. кризисах. Но мне могут задать дальнейший вопрос: а какова роль ренты в этом вопросе, как я ее рассматриваю в общем процессе аграрного кризиса? В связи с этим я должен указать на следующее. Я приведу сначала небольшой расчет, а потом перейду к своим рассуждениям по этому вопросу. Начну с того, что в капиталистическом хозяйстве имеются следующие агенты производства: капиталист и рабочий. Соответственно этому имеются прибыль, процент, сверхприбыль—и только. Товар продается по ценам,

приближающимся к ценам производства. Капитал свободно мигрирует. Сверхприбыль не затвердевает, она текуча. И дальше—сфера с.-х. производства. Здесь имеется над капиталистом землевладелец. Затем—капиталист и рабочий. Таким образом вместо двух классов мы имеем три класса. Затем соответственно и число категорий больше в сельском хозяйстве, чем в промышленности: прибыль, процент, дифференциальная и абсолютная рента. Товар продается выше цены производства благодаря наличию абсолютной ренты. Миграция капитала затруднена существованием земельной ренты.

В силу этого обстоятельства возникает целый ряд следствий. Я ставлю один основной вопрос. Наличие отдельных категорий в сельском хозяйстве, какими являются землевладелец и рента, несомненно вносит изменение в циклизацию сельского хозяйства. Но эти изменения не имеют ничего общего с тем, что утверждает т. Пикус. Рента вносит необычайно противоречивые влияния. Трудно даже установить влияние каждой противоречивой тенденции. Во-первых, наличие ее вызывает уход капитала из сельского хозяйства. Об этом писал Маркс, который говорил, что «непроизводительные потребители не только образуют огромный отводный канал для выброшенных на рынок продуктов, но и сами не выбрасывают на рынок никаких продуктов, следовательно, сколько бы их ни было, они создают не конкуренцию для капиталистов, а, наоборот, спрос без предложения, таким образом уничтожают перевес предложения над спросом на стороне капиталистов... Землевладельцы не должны сами производить, и обычно они не производят» [1]. Следовательно землевладельцы захватывают часть прибавочной стоимости и не передают ее обратно в процессе расширенного воспроизводства. Как нам известно, и капиталисты не всю прибыль передают, так как часть ее они сами потребляют. Но здесь мы имеем иное дело. Здесь почти вся рента расходуется землевладельцами, а там, наоборот, почти вся прибыль входит в процесс расширенного воспроизводства. Следовательно здесь, с одной стороны, отливает капитал, а с другой стороны, капитал в известной степени ограничен. Я не ставлю вопроса так, как некоторые товарищи, что капитал не может вообще мигрировать в сельское хозяйство. Нет, он лишь ограничен в своей миграции. На этом основании, во-вторых, можно говорить о некотором замедлении притока капитала в сельское хозяйство. Таким образом, с одной стороны, мы имеем отток капитала, а с другой,—замедленный приток. Наконец — третья тенденция, которая бьет против двух тенденций, замедляющих развитие сельского хозяйства, а следовательно замедляющих и созревание противоречий; эта тенденция зависит от того, что рента закрепляет высокие цены на с.-х. продукты. Эти высокие цены ограничивают спрос на с.-х. продукты, следовательно они сужают рынок, ускоряют

[1] „Теории прибавочной ценности", т. II, ч. 2, с. 44.

созревание противоречия, которое выражается в перепроизводстве и кризисе. Следовательно вы видите две тенденции, действующие замедляющим образом, и тенденцию, которая до известной степени элиминирует замедление.

Следовательно, мне кажется, наличие ренты и трех противоречивых тенденций может отклонить с.-х. кризис от промышленного, причем с.-х. кризис может произойти раньше или позже, чем разразится промышленный кризис, или может произойти всеобщий кризис, т. е. совпадение промышленного и с.-х. кризисов. Иначе говоря, я констатирую, что с.-х. цикл имеет те же закономерности, что и промышленный цикл. Но последний лишен действия земельной ренты. Это значит, что рента в отличие от промышленного цикла создает в сельском хозяйстве особенный цикл. Исходя из своего понимания с.-х. кризисов, я должен прежде всего обрушиться на т. Спектатора, который проявляет ревизионистские уклоны, подлежащие расшифровке. Тов. Спектатор исходит при анализе с.-х. кризисов из той общей формулы воспроизводства, которая дана Марксом. «Отсюда мы рассматриваем,—пишет он,—капиталистическое с.-х. производство как производство предметов непосредственного потребления» [1]. Но с.-х. производство имеет предметы, которые идут в постоянный капитал и в оба его раздела—основной и оборотный капиталы. В промышленности в свою очередь некоторые отрасли готовят только предметы потребления, и ни в какой капитал не идут например консервы. Есть другая часть, которая готовит средства производства. Следовательно путь марксистский есть путь деления на средства потребления и средства производства в зависимости от функций, которые несут различные продукты. Тов. Спектатор отраслевым делением заменил функциональное.

Отсюда ясно, что деление должно производиться не по отраслям, как это намечает т. Спектатор, а функционально, как это дано Марксом. Я бы не останавливался на этой ошибке т. Спектатора, если бы она не сопровождалась еще более грубой и примитивной ошибкой, которая всю теорию т. Спектатора зачисляет в разряд буржуазных. «Отсюда,—пишет он,—совершенно ясна зависимость сельского хозяйства от развития промышленности: если последняя развивается, то должно наступить улучшение положения сельского хозяйства. Если последняя попадает в кризис, то неминуемо должно ухудшиться и положение сельского хозяйства. В сельском хозяйстве кризис есть явление только отраженное» [2]. Тов. Спектатор, откажитесь, пока не поздно! Я полагаю, что если мы луну называем светилом отраженным, то только потому, что она есть действительно затухшее небесное тело. Следовательно по аналогии очевидно, что в сельском хозяйстве затухли

---

[1] См. Зеринг, Аграрные кризисы, с. 13.
[2] Спектатор, Теории аграрных кризисов, с. 85—87

противоречия классов, и если все же там происходят кризисы, то только по аналогии с промышленностью, где эти противоречия еще сохранились. Можем ли мы сказать, что в сельском хозяйстве затухли противоречия, можем ли мы сказать, что в сельском хозяйстве капиталистический цикл есть только отражение капиталистических противоречий в промышленности? Это абсолютный ревизионизм, который ни в какие марксистские ворота не лезет. Достаточно привести одну цитату из Маркса относительно с.-х. кризиса, где этот кризис толкуется так: «Антагонистический характер капиталистического производства и накопления нигде не проявляется в более грубой форме, чем в прогрессе английского земледелия (включая сюда и скотоводство) и в регрессе английского с.-х. рабочего» [1]. Ясно, что капиталистические противоречия развиваются там, где есть капиталистическое производство, а раз мы сказали, что сельское хозяйство есть капиталистическое производство, то ни о каких «отражениях» мы говорить не можем. В сельском хозяйстве накапливаются капиталистические противоречия, они ускоряют проявление капиталистического кризиса.

Тов. Спектатор может с известной натяжкой, с известной передержкой, в свое оправдание сослаться на одно место из Маркса. Поскольку роль промышленности, но этим нельзя откинуть огромную роль противоречий в сельском хозяйстве. Точнее—т. Спектатор подчинил проблему кризиса вопросам влияния промышленного цикла на сельское хозяйство. Нечего и говорить, что и вторая проблема важна, но она оставляет в стороне с.-х. кризис. И третья ошибка т. Спектатора, которая не делает ему чести, заключается в том, что основой с.-х. кризиса объявляется еще и диспропорция между сельским хозяйством и промышленностью. Туган-Барановскому и Касселю от замечания т. Спектатора хорошо поперхнулось, потому что здесь ничего, кроме туган-барановщины и касселевщины найти нельзя.

Тов. Спектатор может с известной натяжкой, с известной передержкой, на свое оправдание сослаться на одно место из Маркса. Поскольку оно может вызвать недоразумение, я его зачту. «Перепроизводство этих немногих, но важнейших предметов вызовет на рынке более или менее всеобщее (относительное) перепроизводство» [2]. Дальше, чтобы кризис, следовательно и воспроизводство, был всеобщим, достаточно, чтобы он касался главных предметов торговли» [3]. «В моменты общего перепроизводства перепроизводство в некоторых сферах всегда является результатом, следствием, перепроизводства главных предметов торговли, (оно там) всегда (является) относительным. Это—перепроизводство, обусловленное перепроизводством в других сферах» [4]. С первого взгля-

[1] Маркс, Капитал, т. I, 1920, с. 693.
[2] „Теории прибавочной ценности" т. II, ч. 2, с. 190.
[3] Там же, с. 184.
[4] Там же, с. 195.

да приведенные цитаты подтверждают взгляды Спектатора. Но это только с первого взгляда. Маркс не отрицал, как вам известно, возможности появления частичных кризисов и общих кризисов. «Все противоречия буржуазного производства,—писал он,—проявляются во всеобщих мировых кризисах коллективно, в частичных кризисах (частичных по содержанию и распространению) лишь рассеянно, изолированно, односторонне»[1]. На той же самой странице у Маркса имеется следующее положение. Говоря о главных предметах перепроизводства, Маркс под ними разумеет «вообще предметы, которые могут быть произведены лишь в больших количествах и фабричным способом—также и в земледелии». Иначе говоря, он не давал ни одного козыря Спектатору, чтобы зачислить сельское хозяйство в отрасли, где кризис является отраженным. Точно формулируя Маркса, можно сказать, что кризис может быть универсальным только тогда, когда он захватывает главные отрасли производства. Следовательно второстепенные отрасли могут переживать кризис благодаря тому, что в главных разразился кризис. Но какие отрасли являются второстепенными? Это—в зависимости от обстоятельств, от конкретного проявления кризиса. В них может попасть то одна отрасль, то другая. Но когда т. Спектатор во второстепенные отрасли вопреки Марксу зачисляет земледелие, то он делает грубейшую ошибку. А насчет его диспропорции Маркс, возражая Рикардо, назвал теорию диспропорции «жалкой софистикой»[2].

Я сейчас обращаюсь к основному и последнему пункту своего доклада, который дает ответ на вопрос, какие циклы переживает с.-х. кризис, есть ли здесь полный параллелизм с промышленными кризисами или этс-- параллелизма не наблюдается. Прежде чем перейти к этому вопросу, я укажу на то, как отдельные товарищи и по этому вопросу неосторожно выражаются. Достаточно указать на т. Пикус, которая полагает, что все историки промышленных кризисов мало говорят о влиянии их на с.-х. кризисы. Отсутствие указаний считается косвенным свидетельством того, что промышленные кризисы не вызывают сельскохозяйственных. Дальше она еще более храбро заявляет, что всех аграрных кризисов было только три: после наполеоновских войн, кризис 70-х гг. и затем кризис после империалистической войны. Таким образом—три мировых аграрных кризиса, ни больше ни меньше. Причем т. Спектатор, когда его спрашивает т. Пикус, в чем же дело, почему мало пишут об аграрных кризисах, почему нет источников, очень любезно отвечает: «О них не пишут, потому что о положении народных масс, в особенности деревенских, не могут говорить»[3].

Если т. Пикус не знала источников только потому, что к ним не обращалась, то т. Спектатор, исследующий мировое хозяйство,

[1] „Теории прибавочной ценности“ т. II, ч. 2, с. 199.
[2] Там же, с. 196.
[3] Спектатор, Теория аграрных кризисов, с. 100.

казалось бы, должен был знать источники. К сожалению ни т. Спектатор, ни т. Пикус не ознакомились с основными источниками и поэтому своей полемикой вводили только в заблуждение своих читателей. Тов. Пикус руководилась Туган-Барановским, Зерингом, Спектатором—и все. А т. Спектатор не указывал вообще источников. По вопросу о периодичности высказался еще Каутский. Он полагает, что «сельское хозяйство также может переживать кризисы, но они никогда не совпадают с периодическими кризисами промышленности и имеют другой характер» [1]. И эту констатацию я отношу к ошибочным. Чтобы не быть голословным, я изложу, что я нашел в мировой литературе по этому вопросу. К сожалению т. Пикус, я нашел, что кризисов было гораздо больше, чем три, и к огорчению т. Спектатора должен сказать, что об этом буржуазные экономисты очень много писали, так как от кризисов страдали не только народные массы, но и землевладельцы и капиталисты. А последних в безмолвные народные массы зачислить никак не удается.

К каким вопросам я обращаюсь в процессе разработки? В тезисах отмечено, что я установил по документам, которые мне удалось использовать, шесть мировых с.-х. кризисов и целый ряд кризисов разрозненных, частных, локальных. В Европе общих кризисов было больше, чем кризисов, одновременно охватывавших и Европу и Америку. Оказывается, что шесть мировых кризисов захватывали сельское хозяйство Европы и Америки. Но не все экономисты стоят на признании всех отмеченных с.-х. кризисов. Энфельд например устанавливает, исходя из своих ошибочных теорий, три кризиса.

Но если вы возьмете другого английского писателя—Эрля, то вы увидите, что он констатировал еще ряд кризисов. Он полагает, что после наполеоновских войн, которые Эрль считает годами великой депрессии, был кризис в 1836 г., затем он специально упоминает 1847 г. Он же говорит, что эта депрессия продолжалась до 1853 г., и затем период с 1853 г. по 1863 г. был золотым веком английского сельского хозяйства. После этого начались затруднения, которые окончились кризисом в 1875 г. Этот кризис по Эрлю продолжался до 1884 г. Следующий кризис начался в 1891 г. и продолжался до 1899 г. Следовательно вы видите, что буржуазные экономисты устанавливают кризисы в 1816—1817 гг., затем в 1836 г., в 1847, 1884 и в 1891 гг. Вот вам один буржуазный источник, который подтверждает свои утверждения целым рядом обстоятельств: расширением покупок земли, огромной спекуляцией и т. д. Затем в связи с разорением мы имеем колоссальный рост банкротств и затруднений, которые переживались лордами-арендаторами и т. д.

---

[1] Каутский, Проблемы рынка и кризисов, ч. 2, с. 133.

Затем имеется известный Спектатору и целому ряду других товарищей источник—так называемые «синие книги». История английских «синих книг» такова. Каждый кризис и затем следовавшая за ним депрессия вызывали назначение Палатой общин специальной комиссии. Некоторые кризисы вызывали назначение комиссии даже Палатой лордов. Если посмотреть, когда были назначены эти комиссии, то окажется, что эти комиссии были назначены в связи с кризисами в 1831, 1833 и 1836 гг., затем в 1882 г. в связи с кризисом, который был раньше, а именно в связи с кризисом в 1875 г.; четвертая комиссия была назначена в 1894 г. в связи с кризисом 1891 г. и наконец пятая комиссия была назначена в связи с войной и с послевоенным кризисом. Таким образом эти данные чисто фактического порядка позволяют установить, что Англия пережила целый ряд кризисов, кроме широко признанных кризисных изломов. Затем такие экономисты, как Мюлхолл и Леви, устанавливают целый ряд кризисов, которые также выходят из рамок трех кризисов, установленных тт. Пикус и др.

В результате всего этого рассуждения я прихожу к мысли, что можно установить следующие с.-х. кризисы, имевшие место в сельском хозяйстве Англии: 1818, 1825, 1831, 1839, 1847, 1874, 1881, 1891, 1920 гг. Всего мы будем иметь 11 кризисов. Для того чтобы подтвердить свою мысль, я позволю себе обратить ваше внимание на динамику цен, которая имела место в Англии. Цены проявляют закономерные движения. 800-ые гг.—эпоха наполеоновских войн—отличаются особенной резкостью колебаний. После поражения Наполеона наступил мир. После мира в 1817 или 1818 гг. мы можем наметить общий кризис для промышленности и для сельского хозяйства. Сперва идет подъем, за которым следует глубокое падение с.-х. цен. Затем снова начинается подъем, который кончился в 1825 г. новым кризисом, за ним следует падение цен. Потом некоторый рост с перерывом в 1831 г. По имеющимся данным мы можем считать 1831 г. кризисным. На это указывают официальные источники, говорящие, что сельское хозяйство, оправившееся после колоссальных потерь, в связи с покупательной способностью золота снова пришло в упадок. Затем наступил некоторый подъем цен, продолжавшийся до 1839 г., после которого разразилась новая депрессия, тянувшаяся до 1843 г. Затем 1847 г. опять знаменуется новым циклом. В 1853 и 1854 гг. цены повысились до очень высокого уровня и, несмотря на то, что промышленные цены пали, с.-х. цены не обнаружили падения. Наоборот, с.-х. цены остались почти стабильными, или, если немного и колебались, то все же продолжали стоять на очень высоком уровне до 1873 г., когда грянула гроза, предвестница кризиса, разразившегося в 1875 г. За 1875 г. следовала новая волна падения цен, которая закончилась в 1879 г. С 1879 г. начинается снова повышение цен, которое кончилось для разных продуктов в период с 1880 до 1882 г., а после 1882 г. на-

чалось новое сильнейшее падение. Затем постепенно падение остановилось, сменилось повышением, приведшим к новому кризису в 1891 г. После этого происходило почти непрерывное развитие сельского хозяйства в Англии до самого конца мировой войны.

Таким образом мы можем по динамике цен установить сходство и расхождение промышленных и с.-х. кризисов. В качестве корректива надо принять во внимание покупательную способность с.-х. продуктов. С.-х. цены очень сильно падают, но это падение корректируется тем, что обнаруживается рост покупательной способности с.-х. продуктов. Можно ли однако положиться на динамику индексов с.-х. цен и т. д.? Несомненно нельзя полностью и целиком. Во-первых, цены изменяются и колеблются не только в зависимости от кризисов, не только в зависимости от циклов, а и в зависимости от изменения техники, от урожаев, от спроса и предложения, в зависимости от целого ряда случайных обстоятельств. Поэтому я осторожно подошел к ценам и не на них главным образом основывал свое рассуждение, а на различных свидетельствах, достаточно фундированных развитием сельского хозяйства. Когда получилось совпадение цикличности и кризисов сельского хозяйства с колебаниями с.-х. цен, то эти колебания должны рассматриваться как закономерные и обнаруживающие кризисы. В определенные промежутки, которые предшествуют кризисам, они поднимаются вверх, а в моменты после кризисов они быстро падают вниз. Эти падения и подъемы достаточно закономерны, чтобы с известной долей вероятия отметить по динамике цен кризисы.

Перейдем к Пруссии. Пруссия представляла собой приморскую полосу, которая в огромной степени зависела от лондонского рынка. Отсюда Тюнен сконструироввал свою теорию. В действительности лондонский рынок накладывал отпечаток на развитие капитализма в Пруссии, и поэтому сельское хозяйство Пруссии в сильной степени было связано с динамикой развития английского сельского хозяйства и развитием рынка вообще. Обратимся к историческим документам. Зеринг отмечает кризисы послевоенные и затем кризисы 70-х гг. Кондрат в своей статье в «Handwörterbuch», переведенной на русский язык в книге «Землевладение и сельское хозяйство» изд. Водовозовой, отмечает, что после колоссальнейшего кризиса в 20-х гг., был еще кризис в 40-х гг., в 50-х гг., затем — в 60-х, 70-х и 80-х гг. Вот пять кризисов, поскольку Конрад не дожил до мировой войны и не мог констатировать последующего мирового кризиса. Он достаточно твердо это обозначает. Второй свидетель кроме Зеринга осложняет картину кризисов,—кризисов оказывается было гораздо больше. Но перейдем после Конрада к другим свидетелям—к Укку и Гольцу, они тоже указывают на большее количество кризисов. Гольц указывает на кризисы 40-х, 50-х и 70-х гг. Затем Дитц в специальной статье «Jahrbuch für National Oekonomie und Statistik» в 1868 г.

написал любопытнейшую вещь, почти марксистскую, об обосновании аграрных кризисов. По этой теории выяснилось, что в течение XIX столетия имелись специальные острые кризисы в 40-х гг., затем в 1864 г. Если после всего этого обратимся к ценам и подведем некоторые итоги, то увидим, что по Пруссии имеется целый ряд переломных моментов, которые можно охарактеризовать как кризисные. К сожалению я не мог воспользоваться индексами, потому что индексов по Пруссии нет, а есть только индексы вообще по Германии. По всей Германии индексы имеются лишь после 70-х гг. Динамика цен обнаруживает, что 1816 год начинает подъем, причем подъем идет по пшенице, по ржи, по говядине, по свинине, по маслу и по разным продуктам. 1817 год является переломным кризисным годом для прусского сельского хозяйства. Это совпадает с английским с.-х. кризисом, который разразился в это время. Дальнейшая динамика цен характеризуется резким снижением в 1831 г., т. е. она обнаруживает параллельное течение с кризисами, намечавшимися в Англии, причем в Пруссии мы прослеживаем значительно более резкое снижение, чем в Англии. Потом имеем резкое снижение цен в 1839 г., т. е. следовательно почти параллельное движение цен с Англией. 1847 г. характеризуется опять резкой волной повышения и затем падения. В 1857 г., когда в Англии никакие кризисы наметить было нельзя благодаря благоприятному положению сельского хозяйства, замечается резкое понижение цен, которое знаменует собою понижение почти для всех продуктов. Переходя дальше к трем продуктам,—говядине, свинине и маслу—находим, что они делают резкий скачок вверх над зерновыми продуктами—рожью и пшеницей. В 1847 г. опять-таки обнаруживаются переломные моменты и этот год с полным правом можно назвать кризисным годом. Наконец в 1875 г. имеется совпадение с общим мировым кризисом, который именуется кризисом 70-х гг. В 1879 г. были введены пошлины в Германии, и казалось бы, что кризис должен был бы быть изжит, но он снова обнаружился по пшенице и ржи: по пшенице—очень резкое изменение цен, по ржи—меньшее. В 1881 г. наблюдалось опять совпадение с английским с.-х. кризисом. В 1891 г. цены на с.-х. товары обнаруживают резкое падение цен, выявляя тем самым новый кризис.

Затем мы имеем здесь довольно любопытную вещь, о которой будем говорить и в связи со свидетельскими показаниями и с общим обследованием цен. Тов. Спектатор настаивает на том, что в 1907 г. в связи с тем, что сельскохозяйственный кризис есть кризис отраженный, имел место в Германии с.-х. кризис. Но это утверждение неверно. В 1907 г. ни падения цен, ни других признаков кризиса не наблюдалось. Падение цен сельскохозяйственных товаров имело место позже—в 1909 г. Следовательно по динамике цен можно было говорить о том, что после того, как промышленный кризис был изжит и началось некоторое ожив-

ление, разразился с.-х. кризис. При падении же цен вряд ли мы сможем констатировать наличие какого-либо с.-х. кризиса вследствие огромного повышения покупательной способности зерновой и с.-х. продукции по сравнению с промышленной. Это—первое обстоятельство. Второе обстоятельство—это то, что падение было исключительно коротким по сроку. Третье обстоятельство—это то, что по сравнению с тем, что имело место в 1903 или в 1904 гг., это было все-таки повышение, т. е. здесь было восхождение, причем это восхождение было сорвано на очень короткий промежуток. Но поскольку мы имеем свидетельские показания, например показание Файлера, а также показания ряда других экономистов, указывавших на то, что, начиная с 1900 г., в Германии сельское хозяйство переживало необычайно большое оживление и ни о каком кризисе толковать не приходилось,—постольку я это падение цен не считаю кризисным.

После всего сказанного можно установить следующие кризисы в Пруссии, а позднее в Германии: 1817, 1824, 1831, 1839, 1847, 1857, 1867, 1875, 1881, 1891 и 1920 гг. Это представляет чрезвычайно большой интерес, потому что по Зерингу, по Суханову, Спектатору и т. д. оказывается (Спектатор не в такой степени грешен этим конечно), что кризисы есть результат столкновения экстенсивных стран с интенсивными. Продукция экстенсивных стран дешевле, и поэтому происходит столкновение со странами с дорогим интенсивным земледелием.

По теории Суханова и Зеринга Соед. штатам, казалось бы, нечего бояться кризиса. Там настолько дешева продукция, что Соед. штаты все время только и делают, что конкурируют с странами дорогой продукции. С этой целью я взял ряд документов—толстых, тонких, средних, одним словом, всяких качеств. Первым долгом обращаю ваше внимание на «History of Domestic and Foreign Commerce», затем на тт. I, II «Financial and Business Foreinsting». И вот по этим документам устанавливается целый ряд кризисов в сельском хозяйстве конца XVIII и начала XIX столетий. Эти источники внутренней и иностранной торговли считали нужным говорить следующее: «Емкость европейского рынка для продовольственных продуктов вызвала повышение цен на с.-х. продукты и вызвала приток капитала и труда на фермы. Прибыль в сельском хозяйстве и в судоходстве была наиболее привлекательна». Обнаружилось явление, которое непосредственно предшествует кризисам: огромное оживление в сельском хозяйстве, во-первых, приток капитала, во-вторых, а в-третьих, то, что американское сельское хозяйство в конце XVIII и начале XIX столетий было крепкими узами связано с мировым рынком и испытывало динамику этого мирового рынка. В результате того оживления, которое имело место в Соед. штатах, мы получили кризис в 1818 г. Следующий кризис в Соед. штатах разразился в 1836 г. В 1825 г. в Соед. штатах не было кри-

зиса, но 1836 г. отмечается в целом ряде документов, где указано, что многие фермеры и земельные спекулянты оказались не в состоянии покрыть свои обязательства и многие банки закрылись. Следовательно вы видите, что Америка была в этом году связана с кризисом. Затем весьма любопытным является период 1847—1848 гг. Во-первых, оказалось, что Англия переживала в это время недород и была вынуждена ввозить огромное количество хлеба из Америки. В Америке получился огромный ажиотаж на хлебном рынке, выбрасывалось колоссальное количество хлеба. Имеется справка, которая говорит, что вывоз хлеба из Америки повысился в 4 раза. В связи с этим в Англии ускорился кризис, так как был ослаблен валютный фонд. Известно, что этот кризис разразился в 1847 г. Но можно ли сказать, что в Америке не было кризиса? Я с самого начала был склонен считать, что в Америке кризиса не было. Но вот Артур Коль привел специальное исследование «Обозрение экономики и статистики и показал, что этот кризис фактически имел место. Он называет этот кризис не промышленным, а специфически сельскохозяйственным, потому что промышленность благодаря огромному притоку валютных резервов из Англии имела возможность справиться с затруднениями. Правда эти затруднения привели к ряду конвульсивных движений в последующие годы, но 1847 г. явился годом специфического сельскохозяйственного кризиса. Затем надо отметить 1858 г., который явился годом огромного переполнения рынка, в связи с наличием громадного количества с.-х. продуктов. Таким образом вы видите, что в период с 1847—1857 гг. совершилась огромная экспансия американского земледелия, которая вызвала новые кризисы. Затем наступила гражданская война, которая необычайно осложнила положение сельского хозяйства, и кончилось это тем, что экспансия земледелия продолжалась, и в результате этого в 1874 г. произошло знаменитое падение, которое привело к мировому аграрному кризису. После этого в Америке были кризисы в 1881 г. и в 1891 г., а затем до самой мировой войны мы не видим каких-либо кризисных явлений в сельском хозяйстве Америки. Таким образом мы и в Соед. штатах насчитываем целый ряд кризисов, которые превышают то количество кризисов, которое установлено некоторыми экономистами. Можно указать на ряд других, в частности английских и немецких, исследователей которые говорят о сельскохозяйственных кризисах Соед. штатов. Если мы присмотримся к ценам, то заметим, что, начиная с 1815 г. 1817 г. дал высочайшие цены. Я начну с 1817 г., после конца наполеоновских войн, потому что наполеоновские войны все-таки характеризовались колоссальной нестабильностью. Они не могут быть приведены как примерные. 1817 г.—год кризиса, дальше—депрессивное состояние, продолжавшееся очень долго; в 1825 г. резкого подъема цен не замечается; в 1837 г. цены выросли подобно горе. Позже эта гора дала резкий обрыв, который сменился дальнейшим повышением и в 1846—1847 гг.

Следующие 1857—1859 гг., т. е. три года, характеризовались неопределенностью конъюнктуры и кризисом. Но в 1865—1868 гг. в связи с гражданской войной цены повысились в огромной степени благодаря тому, что бумажные деньги переполнили страну, и эта закономерность, осложненная войной, является характерной для данного периода. Дальше необходимо начать исследование динамики цен приблизительно с 1874 г. С этого года началось депрессивное состояние. Здесь особенно резко проявляется вторая полоса кризисов в 1881 г., который все экономисты считают сплошной депрессией. Однако после 1875 г. американское сельское хозяйство приспособилось к новым условиям, и это приспособление выразилось в огромном расширении посевных площадей и в огромном вложении капиталов. Новая экспансия привела к кризису 1881 г. В 1891 г. вы видите новое падение покупательной способности и цен, что характеризует новую полосу кризисного состояния, дошедшего до 1896 г. Таким образом с 1896 г., с низшей точки депрессивного состояния, мы не видим в Соед. штатах на протяжении всего периода никаких кризисов. Об этом говорят те же самые документы, те же свидетельские показания, на которые мы ссылались. Любопытное подтверждение того, что я говорил, дает колебание дохода от продажи земель госфонда. Вы знаете, товарищи, в Америке был колоссальный государственый земельный фонд. Этот земельный фонд продавался земледельцам, спекулянтам и т. д. В периоды оживления продажа земли достигала высочайшей точки. Повышенная спекуляция с землей имела место в 1837—1839 гг., затем—перед 1847 г. не успела спекуляция развиться до высокого напряжения. И наконец в 1857 г. кризис перед гражданской войной, которая имела место в Соед. штатах. Таким образом можно установить три бесспорных пика. О пике 1847 г. можно спорить, поскольку здесь был кризис, смягченный мировым состоянием сельского хозяйства. По Франции за неимением источников прямо обратимся к динамике цен, которая довольно любопытна. По Франции намечаются характернейшие кризисы, которые мы имели в европейском сельском хозяйстве. Вот они: 1817, 1830, 1847, 1856, 1861, 1868, 1873, 1880, 1891, 1899 и 1920 гг. Следовательно здесь было кризисов гораздо больше,—их было почти столько же, сколько и в Пруссии. Их было немного больше, чем в Англии, но их было значительно больше по сравнению с Америкой. Поэтому, если пойти по количеству аграрных кризисов, то мы можем сказать, что США пережили наименьшее количество с.-х. кризисов; Англия—следующая по очереди; дальше идут Пруссия и Франция, которые пережили большее количество с.-х. кризисов, чем те две страны. Чем это объясняется, отчего это произошло, я не имею возможности сейчас на этом остановиться. Один момент мне бы хотелось зафиксировать в вашей памяти.

Если взять пшеницу как наиболее рыночную культуру, то вы заметите любопытнейшее сходство в динамике трех, казалось бы, ничего общего не имеющих, стран: Франции, Англии и Соед. штатов. Прояв-

ляется связное движение—подъема, падения, одновременно обнаруживается ряд кризисных пик. Это обстоятельство дает мне полное право сказать, что по главным рыночным продуктам мы несомненно имеем общую мировую цикличность в сельскохозяйственном производстве.

Теперь я хочу перейти к последней части, которая падает на разделение с.-х. кризисов от промышленных. Я не стану слишком подробно на этом останавливать ваше внимание. По Англии я не буду называть те промышленные кризисы, которые мне кажутся для Англии обязательными, потому что они достаточно известны по Туган-Барановскому, хотя Туган-Барановский называет не все. Я взял ряд английских источников, и у меня получилось следующее. Промышленные кризисы, которые не сопровождались аграрными кризисами, были следующие: 1835, 1857, 1864, 1866, 1901, 1908 гг. Это—годы промышленных кризисов, когда не было с.-х. кризисов.

Укажу с.-х. кризисы, которые имели место тогда, когда не было промышленных кризисов: 1831, 1881, 1891 гг. В эти 3 года промышленных кризисов в Англии не было.

Общими кризисами для Англии я считаю: 1818, 1825, 1839, 1847, 1874, 1891 и 1920 гг.

Что касается Франции, то во Франции кризисы, которые не сопровождались с.-х. кризисами, имели место в 1864 г., 1903 и 1913 гг., остальные с.-х. кризисы совпадали с промышленными кризисами.

По Германии до 1870 г. очень трудно судить о кризисах, потому что Германия, как хорошо известно, представляла собою раздробленную страну. В целом можно считать, что кризисы, не захватившие с.-х. имели место в 1901, 1907, и 1913 гг. Затем имели место по Пруссии с.-х. кризисы без общих кризисов в 1831 и в 1852 гг.

Если взять Соед. штаты, то надо указать, что там имеются разные подсчеты, в зависимости от разных теорий. Однако и по Соед. штатам мы можем точно так же наметить общепризнанные промышленные кризисы и сельскохозяйственные. Общие с.-х. и промышленные кризисы имели место в 1817, 1836, 1847, 1857, 1874, 1882, 1891 и 1920 гг. Только промышленные кризисы происходили в 1825, 1829, 1866, 1903, 1907, 1913 гг.

Вот те общие наблюдения, которые я смог сделать только по некоторым источникам. Я совершенно убежден в том, что сельские кризисы периодичны. Я также совершенно убежден в том, что некоторые с.-х. кризисы совпадают с промышленными, а некоторые не совпадают. Совпадение кризисов в разных странах образует мировые с.-х. кризисы. Это—основной вывод.

Вследствие того, что мой доклад затянулся, я не думаю, что мне нужно переходить к формам проявления кризисов. Эта область весьма поучительна и интересна, но к ней повидимому придется обратиться в другой раз.

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ

М. Спектатор (Москва). Я начну со второй части доклада т. Гордеева. Доклад дает большой ценный материал, но материал сам по себе еще недостаточно выясняет теоретические проблемы. Необходимо к ним подойти с определенной точки зрения. Для меня осталось не выясненным, чем вызываются те сельскохозяйственные кризисы, которые не совпадают с промышленными и которые имеют особую цикличность, иначе—это случайные кризисы, о которых не стоило бы в данной связи говорить. Что вызывает периодичность этих кризисов, и не было ли каких-нибудь специфических моментов, не поддающихся научному анализу, которые вызвали эти особые кризисы? Другими словами не были ли эти кризисы результатом урожая или неурожая, или вообще связаны с какими-нибудь случайными моментами, не поддающимися никакой закономерности. Только ответив на этот вопрос, т. Гордеев мог бы противопоставить факт существования аграрных кризисов, не совпадающих с промышленными кризисами, моей теории аграрных кризисов. Одно же указание на существование тех или других отдельных кризисов ничего не говорит против моей концепции.

Теперь еще одно небольшое замечание по той же части доклада. Правда, я в своей работе не говорил об этих кризисах, о которых говорил т. Гордеев. Я не задавался этой целью. Я говорил, что кризисы в сельском хозяйстве не вызвали в литературе столько шума, сколько промышленные кризисы. Одно дело, что те или другие ученые открывают какой-нибудь кризис в сельском хозяйстве, а другое дело—вся та социальная борьба, которая разыгрывается вокруг промышленных кризисов. Я только подчеркнул, что социальная борьба в деревне не находила до сих пор достаточного отражения в литературе, но что такие кризисы были, я указывал ссылкой хотя бы на Бина.

Теперь перейду к первой части доклада. В теоретической части докладчик на 80% согласен с моей теорией. Я говорю на 80% потому, что для меня остается неясным, в каком смысле он говорит о недооценке роли ренты или о сельскохозяйственных кризисах, которые не совпадают с промышленными кризисами. За исключением этого последнего указания, все остальное взято т. Гордеевым у меня, и, желая

очевидно этот факт несколько сгладить, он считает необходимым сделать несколько резких выпадов против меня.

Тов. Гордеев приписывает мне мысль, что я соглашаюсь с так называемым законом падения последовательных затрат в сельском хозяйстве. Как обстоит дело на самом деле? На с. 38—40 моей работы «Теория аграрных кризисов» я развиваю теорию цен сельскохозяйственных продуктов и говорю, что спрос на сельскохозяйственные продукты опережает предложение, исходящее от предприятий со средними производительными расходами. Иначе предприятия с высокими производительными расходами, определяющими цены, не существовали бы. Затем я доказываю, что и Маркс определял цены на сельскохозяйственные продукты по высшим производительным расходам, и прибавляю: «Является ли однако тенденция рыночной стоимости сельскохозяйственных продуктов к высшим производственным расходам, вытекающая из того обстоятельства, что спрос на сельскохозяйственные продукты, как нормальное явление, опережает предложение, доказательством правильности так называемого «закона падения последующих затрат». Ничуть. Рост спроса на с.-х. продукты определяется более быстрым ростом промышленной продукции. Маркс говорит, что подъем цен на с.-х. продукты может быть вызван как результат недостатка сырьевого материала, который в свою очередь может быть вызван, независимо от величины урожая, перепроизводством основного капитала в промышленности. «Если в какой-либо отрасли промышленности на машины и т. д. затрачивается слишком большая часть накопленной прибавочной стоимости, добавочного капитала, то сырьевого материала будет недостаточно для нового производства, хотя было бы достаточно для старой ступени производства. Это следовательно получается вследствие неправильного распределения прибавочного капитала между его различными элементами. Мы здесь имеем перепроизводство основного капитала» [1].

Итак в объяснении цен на с.-х. продукты я ссылаюсь на Маркса, который говорит о перераспределении капитала в стране. Имеет ли это объяснение роста цен на с.-х. продукты что-нибудь общее с так называемым законом падения последовательных затрат на землю? Дальше я говорю: «Вся суть так называемого закона падения последовательных затрат состоит в том, что при тех же капитальных затратах обработка новых земель может оказаться выгодной, но при новых затратах капитала, при улучшении техники, при улучшении системы производства и т. д. уже несомненно более выгодными оказываются последующие затраты». Я привожу новейшие данные, полученные американским департаментом земледелия, в доказательство того, что дальнейшая затрата капитала и труда оказывается более выгодной.

---

[1] Маркс, Теории прибавочной ценности, т. II, с. 183, русск. издание.

Как можно после этого говорить о том, что я будто признаю этот злополучный закон.

Еще менее обоснованный упрек сделал мне т. Гордеев, утверждая, что я говорю о кризисах, а не о циклах развития сельского хозяйства. Всем, кто занимался этой проблемой в последнее время, известно, что мысль о цикличности развития сельского хозяйства выдвинул именно я в противоположность Каутскому, который утверждает, что сельскохозяйственные кризисы перманентны, никогда не прекращаются и во всяком случае продолжительны. Взяв у меня эту мысль, т. Гордеев говорит, что я будто бы не говорю о цикличности, а только о кризисах.

Тов. Гордеев упрекает меня далее в том, что я вижу выражение кризисов в падении цен и нормы прибыли. Прежде всего в моей работе говорится следующее: «Под кризисом я понимаю временное разрешение противоречий развития капиталистического хозяйства—разрешение, проявляющееся в резком падении цен ниже среднего уровня производственных расходов и в замедлении процесса расширенного воспроизводства или даже во временной его приостановке».

Тов. Гордеев в своих тезисах повторил эту мысль в весьма неудачной форме. Он пишет: «Выражение капиталистических противоречий в перепроизводстве, которые ведут к затруднениям в воспроизводстве, можно назвать кризисом». Значит затруднения в воспроизводстве он называет кризисом. По существу то же самое, что говорил я, только неудачно выражено, причем он не говорит, в чем сказываются эти затруднения в воспроизводстве. Между тем Маркс определенно говорит: «Наиболее о б щ е е и бросающееся в глаза явление торговых кризисов—это внезапное падение цен, наступающее после сравнительно продолжительного и всеобщего их возрастания». Тут Маркс подчеркивает два момента: падение цен является, во-первых, наиболее общим явлением, а во-вторых, оно больше всего бросается в глаза. Как же можно утверждать, что указание на падение цен как явление кризиса является ревизионизмом [1]. Почему Маркс говорит о цене, что в ее колебании проявляются кризисы. Цена—это форма проявления противоречий, раздирающих капиталистическое хозяйство. Норма прибыли—это фокус, в котором концентрируются эти противоречия, и падение или повышение этой нормы прибыли знаменует собой обострение или ослабление этих противоречий. Поэтому временное разрешение этих противоречий не может не сказаться в падении цен и нормы прибыли.

[1] Тов. Гордеев слово „ревизионизм" очевидно не совсем понимает. Мы употребляем это выражение для обозначения стремления уничтожить революционный дух марксовой теории и превратить ее в либерально-оппортунистическое учение. Может ли серьезный товарищ, прочитавший мою работу, утверждать, что у меня имеется стремление проделать над учением Маркса подобный опыт.

К тому же недоразумению приходится отнести указание т. Гордеева на то, что я объясняю кризисы диспропорцией, что по его мнению не верно, так как этим как будто не обнимаются противоречия между стремлением капиталиста к увеличению своей продукции и покупательной способностью рынка. Свою теорию кризисов я изложил в третьем томе моего «Мирового хозяйства до и после войны» и кратко формулировал ее на с. 71—72 своей брошюры об аграрных кризисах. Хочу отметить одно недоразумение, связанное с этим вопросом. Я говорю, что кризисы вызываются теми обстоятельствами, что цены на готовые изделия могут подыматься соответственно с ростом производственных расходов, потому что покупательная способность рынка не растет соответственно с ростом этих расходов (само собой разумеется, что я думаю о платежеспособности рынка, который зависит в капиталистическом обществе от высоты зарплаты). Следовательно эти противоречия капиталистического способа производства являются исходной точкой кризиса, и моя теория не только не игнорируют их, но дает им совершенно конкретное, определенное содержание (см. с. 72).

Еще одно замечание по поводу того же невероятного упрека в ревизионизме на том основании, что я отношу с.-х. производство ко второму подразделению формулы расширенного воспроизводства у Маркса. Какое это имеет отношение к ревизионизму, понять никак нельзя. Важно то, что во втором томе «Капитала», на с. 497 русск. издания 1923 г. Маркс тоже относит земледелие ко второму подразделению. Так как однако сельское хозяйство производит и продукты, которые в таком виде не поступают непосредственно в потребление, то формально можно отнести сельское хозяйство и к первому подразделению, о чем я оговаривался в примечании (см. с. 17). Во всяком случае я считаю, что общая постановка проблемы аграрных кризисов от того не меняется, отнесем ли мы сельское хозяйство к первому или ко второму подразделению. Ибо суть вопроса об аграрных кризисах сводится к следующему основному положению: подчиняется ли сельское хозяйство общему развитию промышленности или нет, есть ли особый специфический путь для развития сельского хозяйства или нет. Это по существу тот же вопрос, который ставил Ленин в борьбе против ревизионистов, но в другой плоскости, а именно в отношении к проблеме концентрации в сельском хозяйстве. Если отрицать, что сельское хозяйство развивается вместе с промышленностью, что оно является неотделимой частью общего развития народного хозяйства, то этим вы создаете определенную лазейку для тех, которые говорят, что сельское хозяйство идет по особому пути, что оно не подчиняется общему закону и что следовательно закон концентрации не применим к развитию сельского хозяйства. Ведь кризис является одной из самых важных пружин, ускоряющих процесс концентрации. Если сельское хозяйство в этом отношении не подчиняется закону развития промышленности,

если тут имеются какие-то особые циклы, то нет ничего удивительного, если станут говорить, что в смысле концентрации сельское хозяйство тоже идет по особому пути. Вот почему надо совершенно определенно сказать, что те, которые отрицают подчинение сельского хозяйства общему закону цикличности, волей-неволей становятся на путь Давида и Булгакова, отрицающих закон концентрации в сельском хозяйстве и утверждающих, что последнее развивается по особому пути, между тем для Маркса фермер производит пшеницу точно так же, как фабрикант производит пряжу.

Если это правильно, то нечего искать особых циклов для развития сельского хозяйства. Если вы с этим согласны, то почему вы говорите, что с.-х. кризисы не совпадают с промышленными или возникают совершенно независимо. Я выступил в своей работе против Каутского. Мне кажется, что мнение Ленина о работе Каутского теперь было бы совершенно другое, чем раньше. Тов. Стучка писал еще до появления моей работы в своем предисловии к «Аграрному вопросу» Каутского, что, когда мы рассуждаем, что Каутский изменил теперь, после революции, то это неправильно,—на самом деле Каутский остался таким же, каким он был все время. Ценность его работы заключается в том, что он дает популярное изложение теории ренты Маркса. Каутский утверждает, что аграрные кризисы не могут кончиться, что они вообще продолжительны. Это фактически означает теоретическое отрицание возможности развития капитализма в сельском хозяйстве, ибо, если представить себе, что сельское хозяйство все время переживает кризисы, то это значит, что капитал не идет в сельское хозяйство, производительные силы не развиваются и следовательно не может происходить и процесс концентрации, так как последний может иметь место только в том случае, если идет развитие производительных сил. Вы видите, к какому положению приходится притти, если исходить из того, что кризисы в сельском хозяйстве перманентны или что они продолжаются 20 и больше лет [1]. Я не буду говорить о том, что в этой же работе Каутский делает противопоставление интересов общего прогресса интересам пролетариата. Я не думаю, чтобы нашлись товарищи, которые подписались бы теперь под таким заявлением Каутского. Это точка зрения, из которой он исходил во всей своей борьбе против нашей революции.

Перехожу к основному вопросу, который должен нас интересовать. Если между промышленностью и сельским хозяйством устанавливается определенная зависимость в развитии, если товары, приносящие ренту,

[1] Между тем, основываясь на этом учении Каутского, некий Шафир упрекает нас в ревизионизме на том основании, что мы утверждаем, что сельское хозяйство развивается, подобно промышленности, циклично. Можно себе представить, как глубоко понимает этот Шафир теорию кризисов Маркса и развитие сельского хозяйства в частности.

как говорит Маркс, ничем не отличаются от простых товаров, то спрашивается, какие моменты могут вызвать с.-х. кризисы. Я нахожу эти моменты в той же общей формуле, которую дал Маркс для выяснения капиталистических кризисов вообще. Эта формула такова: процесс расширенного воспроизводства, с одной стороны, и падение норм прибыли—с другой. Эта формула обнимает собой и развитие сельского хозяйства. Из нее вытекает, что промышленный подъем вызывает повышение цен на с.-х. продукты. Промышленный кризис должен привести к обратному. Может конечно получиться, что до начала промышленного кризиса начнется кризис в сельском хозяйстве ввиду того, что предшествующий подъем цен в сельском хозяйстве вызывает перепроизводство в самом сельском хозяйстве. Получается взаимодействие между промышленностью и сельским хозяйством, которое не понималось не только буржуазными учеными, подобно Муру и Туган-Барановскому, но и даже многими марксистами, которые до сих пор не усвоили себе той истины, что и аграрные кризисы должны быть цикличны.

Значит ли, что я не принимаю во внимание ренту и недооцениваю ее. На с. 20 я привожу мнение Зеринга о том, что кризис 70-х гг. вызван конкуренцией заокеанских стран, и говорю, что «это указание несомненно правильно, но оно не может объяснить всей проблемы кризисов». На с. 47 я так формулирую свою задачу: «Испытывает ли сельское хозяйство не только падение диференциальной ренты как результат изменившихся условий производства, но и регулярные кризисы перепроизводства, подобно промышленности, когда цены падают ниже средней стоимости продуктов?». На с. 73-74 я снова оговариваюсь, что бывают в сельском хозяйстве кризисы, вызываемые падением ренты. Такие кризисы могут быть вызваны изменением в условиях производства, подобно тому как изменение в условиях производства может вызвать кризис той или другой отрасли промышленности. На с. 87 я заявляю: «Мы не отрицаем значения ренты как одного из элементов производственных расходов, но причину с.-х. кризисов приходится искать в том, что вызывает падение цен на продукты, после того как они раньше шли в гору. Вот в этом возвратном движении цен и лежит кор[illegible] зла. Что конкуренция новых стран может вызвать падение цен, само собой разумеется. Но как обстоит дело с влиянием промышленного цикла?». В этом вся суть данной проблемы. Следовательно я ставлю себе проблему: исследовать влияние промышленных циклов на развитие сельского хозяйства, но отнюдь не отрицаю влияния конкуренции других стран при изменившихся условиях производства. Я оговариваюсь, что вопрос о влиянии ренты не составляет предмета моего изучения, так как он достаточно выяснен уже в литературе. Как же после этого можно сказать, что я недооцениваю значения ренты. Больше того, я говорю, что кризисы проявляются в падении цен. Цены же на с.-х. продукты, как известно, включают в себя

элементы частной собственности на землю и ренты. Следовательно теоретически в самое определение проблемы с.-х. кризисов я включаю и проблему ренты.

Тов. Гордеев очень много говорил о том, будто у меня идет речь об отраженных кризисах. Прежде всего я это выражение употребил только один раз и говорил о ведущей роли промышленности по отношению к сельскому хозяйству,—например на с. 120.

Во-вторых, я не согласен, что выражение «отраженный кризис» исключает социальные противоречия в сельском хозяйстве. Ничего подобного. Само выражение взято мною у Маркса, который говорит об отраженной цене на невозделываемую землю. Подобно тому как цены на невозделываемую землю зависят от цен на возделываемую землю, так движение цен на с.-х. продукты зависит от изменения органического строения капитала промышленности. Следовательно оно является результатом не столько процесса, происходящего в самом сельском хозяйстве, сколько процесса, происходящего в промышленности, и тем самым представляют собой отраженные процессы. Если однако вы утверждаете, что это выражение неудачное, то я против этого спорить не хочу. Дело не в том или ином выражении, а в сути самой мысли. Правильно ли, что промышленность является ведущей отраслью хозяйства по отношению ко всем остальным отраслям. Маркс говорит об относительных и абсолютных кризисах. К относительным он относит не главные отрасли народного хозяйства. Тов. Гордеев считает большим грехом, что я отношу сельское хозяйство к менее важным отраслям народного хозяйства. Но ведь совершенно очевидно, что это не «ревизионизм». Более того, мы все считаем, что сельское хозяйство является ведомой отраслью, а промышленность ведущей. В этом смысле можно говорить о «слабой» или «сильной» отрасли народного хозяйства. Если же вы утверждаете, что сельское хозяйство не является ведомой отраслью народного хозяйства, то вы опровергаете всю нашу практику, построенную на том, что именно промышленность является ведущей отраслью народного хозяйства, что от ее развития и успехов зависит процветание и сельского хозяйства. Если вы согласны с этой мыслью, то я не стану спорить, правильно ли выражение «отраженный кризис», ибо, как уже говорил, суть вопроса заключается в том, что моменты, которые вызывают кризисы, проявляются прежде всего в промышленности, а потом в сельском хозяйстве.

Теперь позвольте зачитать мои тезисы:

1. Кризис является временным разрешением противоречий капиталистического способа производства; кризис проявляется в падении цен, нормы прибыли и в перерыве процесса расширенного воспроизводства.

2. Развитие сельского хозяйства теснейшим образом переплетается с развитием промышленности. Подъем цен на с.-х. продукты (в результате чего расширяется продукция сельского хозяйства и поднимается

рента) вызывается перенакоплением капитала в промышленности и недостаточным капиталовложением в сельское хозяйство; подъем цен на с.-х. продукты (в результате чего падают рента и нормы прибыли, если производственные расходы не понижаются соответственно) вызывается приостановкой процесса расширенного воспроизводства в промышленности.

3. Сельское хозяйство подчиняется в своем развитии общим законам капиталистического развития (Ленин). Оно выявляет те же тенденции к укреплению производства, концентрации капитала, переходу от оживления к кризисам и депрессии. Совершенно абсурдна точка зрения Каутского, что аграрный кризис стал перманентным явлением в капиталистическом хозяйстве. «Перманентных кризисов не бывает» (Ленин). Признание перманентных кризисов означало бы отрицание возможности капиталистического развития сельского хозяйства, проникновения капитала в сельское хозяйство, следовательно оправдание ревизионистской и народнической точек зрения. Неверен отсюда и вывод, который делает Каутский, что «если кончится аграрный кризис, вытекающий из конкуренции отсталых стран, капиталистический способ производства потеряет всякую возможность распространения». Это— вульгарный люксембургизм.

4. Теоретически мыслимы специфические аграрные кризисы, вызванные изменениями в способах производства, точно так же, как такие кризисы могут возникнуть в любой другой отрасли народного хозяйства.

Чтобы пали цены на с.-х. продукты (а вместе с ними и рента), необходимы два условия: рост предложения и отсутствие соответственного роста спроса. Знаменитая заокеанская конкуренция могла оказать влияние на цены с.-х. продуктов в Европе потому, что темп спроса был более медленный, чем темп расширения продукции, следовательно потому, что Европа переживала сравнительный застой в развитии промышленности.

Причины более дешевого производства хлеба в США лежат не в экстенсивном характере их сельского хозяйства, а в применении там технических усовершенствований и в сравнительной технической отсталости европейского сельского хозяйства.

5. Последствия аграрных кризисов, как и общих кризисов, ведут к повышению технического уровня и поднятию его на более высокую ступень противоречий. Отсюда вытекает, что и аграрные кризисы не могут быть продолжительными, а чередуются в общем и целом так, как идет промышленный цикл.

6. При конкретном анализе с.-х. кризисов необходимо изучать влияние на них ренты, усугубляющей общий ход кризиса.

Т. Билаш (Украина). Бывает иногда, что два человека идут, один—в одну сторону, другой—в другую, но в тот или иной момент сходятся, оказываются в одной точке. Но это не значит, что они вышли

из одного и того же места и в конечном счете придут к одному и тому же пункту. Так бывает и в теоретическом построении. Такой случай мы имеем в отношении концепций т. Гордеева и т. Спектатора. Как будто бы они находятся в одном месте в начале доклада, но приходят к совершенно различным выводам и толкованиям. Тов. Спектатор, исходя из правильного положения, пришел к совершенно невероятным вещам. Как известно, т. Спектатор первый стал популяризировать ту идею, что закономерность развития промышленности и сельского хозяйства, точнее, закономерности кризисов сельского хозяйства и промышленности—одни и те же, в противовес Каутскому, который в своей книжке выдвинул теорию, что кризисы в сельском хозяйстве и в промышленности совершенно различны. В противовес Пикус и др., т. Спектатор четко и резко поставил вопрос о том, что закономерности одни и те же. В этом его заслуга. Но мне кажется, что он исходил не из марксистского положения в своей концепции. На него оказали влияние американцы. Он и его коллега Губерман взяли свою премудрость у американцев. Как известно, есть целый ряд американских экономистов, которые доказывают, что никакой разницы между закономерностями промышленных и с.-х. кризисов не существует. Однако, несмотря на то, что основные закономерности одни и те же, разница все-таки существует. Ведь экономические отношения в конечном счете—это отношения классов. Если исходить из этого положения, то разница будет заключаться в том, что в промышленности мы имеем два класса, а в сельском хозяйстве три класса. Мы имеем там землевладельцев, капиталистов и рабочих. Тов. Спектатор при построении теории аграрных кризисов прав, когда говорит, что закономерности одни и те же. Но он чересчур прав, беря свою премудрость от американцев и упуская целый класс. Как будто бы можно сказать, что в Америке исторически сложившегося класса феодалов не было. Но Маркс в «Теориях прибавочной стоимости» говорит об Америке, что там имеется своеобразное конструирование класса собственников—класса землевладельцев. Если это было так во времена Маркса, то еще более правильно это сейчас при том росте ренты, который мы имеем.

Я хочу указать, где корни концепции т. Спектатора. Возьмем его теорию кризисов. Он, как и Губерман на Украине, является распространителем гильфердинговского понимания кризисов. Причину кризисов они видят в падении нормы прибыли. Тут т. Спектатор цитировал Маркса. Но Маркс говорит об основном бросающемся в глаза. Конечно это внешность, потому что если бы не было падения норм прибыли, то капиталист кризиса не почувствовал бы. Следовательно нельзя сказать, что кризис определяется падением нормы прибыли. Это только поверхность, это, как выразился удачно один рецензент, ползание на брюхе по поверхности. В конечном счете они приходят к вопросу о диспропорции, причем говорят о диспропорции между отраслями производства.

Это есть теория Гильфердинга, первоначально им изложенная. Если вдумаешься в теорию Гильфердинга и сделаешь логические выводы, которых он сам не сделал, то и придешь к тому выводу и к той оценке послевоенных кризисов, которая была им дана в Вене на совещании в 1926 г. Там Гильфердинг объяснял послевоенный кризис перемещением производства в заокеанские страны. Перенесение центра тяжести на вопрос о диспропорции и является характерным признаком этой теории, которая учит, что кризисы исчезнут тогда, когда диспропорция восстановится. Вот где корень этой теории понимания кризисов в сельском хозяйстве. От того, что мы перенесем неверную теорию кризисов из области общеэкономических промышленных кризисов в область сельского хозяйства, эта теория вернее не станет.

Но у т. Гордеева есть момент, который его немного роднит как с т. Спектатором, так и с Каутским. Я нахожу нужным выступить по поводу т. Спектатора как вредного носителя безусловно не марксистской теории кризисов, каковым является не только он, но и целый ряд товарищей. Очевидно на очереди станет вопрос о том, чтобы взять на прицел этих носителей гильфердиновской теории кризисов. У т. Гордеева основным и единственным противоречием является бесконечная способность расширения производства и узкая база потребления. Конечно у Маркса мы имеем место, где он говорит, что в конечном счете кризис сводится к узкой базе потребления, к ограниченному потреблению масс. Понятно, что какие бы закономерности ни были в процессе производства, куда бы они ни толкались, но если бы, скажем, платежеспособное потребление было неограниченно, если бы, несмотря ни на что, несмотря ни на какие изменения противоречий, все-таки потребление было бы безгранично, кризисов не было бы. Это совершенно понятная вещь, но это вопрос только о стене, о той стене, в которую упирается ход производства,—но что приводит ход производства к этой стене? Ограниченное потребление масс—это только одна из составных частей или одно из противоречий. Конечно мы должны найти основное противоречие, но оно конечно не единственное. Основное противоречие не исключает других важных не основных противоречий, в этом отношении мы имеем хотя бы такую вещь, как диспропорция—результат анархии. В этом отношении мы имеем прямое указание, что вообще всеобщий кризис есть результат проявления всех противоречий,—об этом Маркс постоянно говорит, этого не нужно забывать. Затем у т. Гордеева не диалектический подход к экономическим противоречиям. Нужно помнить о том, что одно и то же противоречие на одной исторической стадии или в одной стадии является простым или простейшим, усложняется, делается более полным, конкретизируется. Нужно проследить все стадии развития категорий. Понятно, мы знаем, мы слышали неоднократно ссылку на Маркса, утверждавшего, что все противоречие заключается в понимании буржуазией

собственности (в «Нищете философии»). Ленин говорил, что основной причиной кризисов являются противоречия между общественным характером производства и присвоением. Это уже усложненная категория элементов противоречия, которая в еще более конкретном виде проявляется как противоречие между общественным производством и общественным потреблением, куда идет уже не только потребление масс при развитии капиталистического строя. То противоречие, в той форме, о какой говорят Ленин и Маркс, существует и на первых стадиях развития товарного капиталистического общества. Известно место из сочинений Маркса в III томе о том, что все сводится к противоречиям между общественным производством и общественным потреблением. Первая часть формулы т. Гордеева несомненно совпадает с марксовой формулой и с пониманием этих основных противоречий в его полной формуле. Но во второй части—«узкий базис потребления»—мы имеем известный контакт или известное приближение т. Гордеева к Каутскому. В этом отношении ему следует немного почистить свою теорию.

Л. Любошиц. В марксистской с.-х. экономии проблема аграрного кризиса, синтезирующего в острой форме все противоречия капиталистического развития сельского хозяйства, имеет очень важное значение. Углубленная, систематическая разработка этой проблемы только начата, и здесь мы имеем лишенные цельности построения, за исключением одной серьезной работы т. Парвуса, изданной еще в 1898 г. Поэтому следует отметить, что доклад, поставленный конференцией, очень интересен, имеет большое значение и в этом смысле требует усиленного внимания со стороны участников конференции.

Работа Парвуса, ставшая библиографической редкостью, требует своего переиздания. Совпадение основных построений этой работы со взглядами Энгельса, рекомендация ее в свое время т. Лениным—заставляют желать распространения этой работы среди широкой читательской массы, и это тем более, что она до сих пор продолжает питать научную мысль новых авторов. В частности мы имеем новое издание основных положений этой теории у Пикус и Лященко. Причем к сожалению эта теория воспроизводится в значительно ухудшенном виде, сочетаясь у Пикус с отрывом аграрных кризисов от общих условий капиталистического воспроизводства, а у Лященко—с рядом ошибочных положений в других направлениях. Уже было указано, что он противопоставляет с.-х. кризисы как явление производственного характера аграрным кризисам как явлению социального порядка. Это лишено смысла, ибо всякий кризис выражает конфликт между производительными силами и производственными отношениями.

Теперь я перехожу к теории кризисов Спектатора, которую он выставил еще ранее и повторил здесь и против которой выступал докладчик. На мой взгляд она заслуживает жесткого обстрела. Я считаю, что Спектатор, правильно включив сельское хозяйство в сферу

общих условий капиталистического воспроизводства, в дальнейшем анализе становится на упрощенную позицию, совершенно растворяя аграрный кризис в общей теории капиталистического цикла. На мой взгляд эта схема должна встретить осуждение, ибо она игнорирует важнейшее противоречие капиталистического развития сельского хозяйства, свойственное с.-х. сфере производства, а именно—наличие рентных отношений, которые налагают своеобразный отпечаток на капиталистические аграрные кризисы. Поэтому я бы так сформулировал это: в анализе капиталистического аграрного кризиса нельзя отвлекаться от особых противоречий движения капитала в с.-х. сфере производства, т. е. от рентных отношений, но нельзя также отвлекаться в анализе движения капитала в сельском хозяйстве от движения всего капиталистического хозяйства в целом. Вот две ошибки. Если Пикус отрывает движение капитала в сельском хозяйстве от общего движения капитала, то для Спектатора, как для всякого метафизика, существуют две полярные противоположности: или теория аграрных кризисов, оторванная, независимая от общей теории воспроизводства и ей противополагаемая, или полное растворение аграрного кризиса в теории промышленного цикла. И то и другое на мой взгляд является неверным. В частности у Парвуса, которого Лященко неосновательно упрекает в отрыве теории аграрных кризисов от общих условий воспроизводства, имеется правильное разрешение этого вопроса, которое совпадает с положениями докладчика. Так что я бы не отмежевывался от Парвуса. Я считаю, что он не совсем конкретно выяснил вопрос, но в основном методологическом подходе он прав. По Парвусу, падение с.-х. цен приводит к падению ренты; так как последняя в той или иной форме закреплена, то возникает не частный кризис землевладения, а общий аграрный кризис, затрагивающий все сельское хозяйство. Дальше он ставит также вопрос об экономических причинах самого понижения цен, включая движение с.-х. цен в рамки общего цикла капиталистического воспроизводства. Например он говорит (я привожу ту цитату, которую приводил и докладчик): «Аграрии слишком охотно забывают, что падение хлебных цен явилось следствием торгового кризиса, что пока продолжался промышленный подъем, хлебные цены, несмотря на могучий и быстро растущий ввоз из России и Америки, все повышались» [1]. В другом месте сказано еще ярче: «Хлебные цены пали в Пруссии, так как английские фабриканты повели плохо свои дела» [2].

Наличие своеобразия аграрного кризиса, подчеркнутое Парвусом, вовсе не заставляло его отказаться от связи с общей теорией капиталистического воспроизводства и цикла. Своеобразие аграрного кри-

[1] Парвус, с. 135.
[2] Там же, с. 115.

зиса получается им на основе, а не в противовес общей теории капиталистического воспроизводства. В этом его заслуга, и Пикус неправильно поняла Парвуса.

Я хочу сказать, что Спектатор как раз отказался от исследования «тех определенных отношений производства и обмена, которые возникают из приложения капитала к сельскому хозяйству», т. е. от того положения, которое выставил Маркс, когда перешел к анализу ренты. Он считает даже своей заслугой, что сумел радикально освободить теорию капиталистических аграрных кризисов от всякой греховной связи с землевладением. Он игнорирует то, что земельная собственность экономически реализует себя в земельной ренте и что последняя накладывает свою печать на все отношения в сельском хозяйстве. В связи с такой методологией Спектатор резко противопоставляет кризис землевладения кризису сельского хозяйства и рассматривает их совершенно изолированно друг от друга, как два явления совершенно самостоятельного значения. Он критикует Пикус, «что она не различает между кризисом ренты, т. е. ухудшением положения землевладельцев, и положением сельского хозяйства—арендаторов и собственников-крестьян» [1]. В другом месте он говорит, что мы «в праве говорить о кризисе ренты, но никоим образом не о кризисе сельского хозяйства, которое может даже процветать, хотя рента пала, или даже благодаря этому факту падения цен на землю» [2]. Спектатор не понимает простого факта, что во время аграрного кризиса движение с.-х. прибыли не отделено китайской стеной от движения ренты. При падении цен, в условиях фиксирования ренты, пострадает не только сверхприбыль, как думает Спектатор, но и средняя прибыль. Поэтому неверно, что кризисы землевладения и кризисы сельского хозяйства могут развиваться совершенно в противоположном направлении, как это получается у Спектатора. Такое положение должно быть отвергнуто. Ленин ясно говорит, что «аграрный кризис нарушил и продолжает нарушать прежнее благополучие капиталистического землевладения и капиталистического сельского хозяйства» [3]. Таким образом кризис капиталистического землевладения и кризис капиталистического сельского хозяйства представляют собой две обусловленные и взаимно обусловленные стороны единого процесса аграрного кризиса. Нужно различать ренту и прибыль. Но в том-то и дело, что в природе вещей анархической системы хозяйства, если во время кризиса нарушаются обычные границы между прибылью и рентой, т. е. если рента выплачивается не за счет сверхприбыли, а за счет прибыли и даже за счет оборотного капитала,—это нарушение

[1] М. Спектатор, с. 79.
[2] Там же, с. 86.
[3] Ленин, собр. соч., т. IX, с. 41.

границ между сверхприбылью, как нормальным источником ренты, и прибылью является необходимой и своеобразной чертой проявления аграрного кризиса. Поэтому нельзя противопоставлять кризисы сельского хозяйства кризису землевладения. Тов. Спектатор говорит, что нужно исследовать «вопрос о том, выгодно ли само сельское хозяйство, если даже отвлечься от ренты» [1]. Замечательная методология! Весь вопрос именно заключается в том, можно ли в условиях существования земельной собственности при анализе аграрного кризиса отвлекаться от ренты, т. е. от действительных противоречий капиталистического развития сельского хозяйства. Я считаю, что такая постановка превращает земельную собственность в простую юридическую надстройку, которую можно отбросить в экономическом анализе движения капитала в сельском хозяйстве. Это ошибочная метафизическая постановка вопроса. Реальный аграрный кризис может быть понят только на основе анализа всех синтезируемых в нем противоречий,—как основного противоречия между производительными силами и производственными отношениями, свойственного всем сферам производства, так и особого противоречия между движением капитала и земельной собственностью, свойственного с.-х. сфере производства. Вот основные положения. По Марксу, общий капиталистический кризис, взятый в его целом, есть последняя ступень абстракции, и как последняя ступень абстракции он выражает взрыв всех противоречий капиталистического хозяйства, т. е. действие и взаимодействие всех экономических категорий, отражающих эти противоречия. Игнорируя ренту, Спектатор желает исследовать движение с.-х. прибыли и кризис капиталистического сельского хозяйства изолированно и независимо от движения ренты и кризиса землевладения. Это метафизическое отделение от ренты в анализе движения капитала в сельском хозяйстве и приводит Спектатора в отрицанию своеобразия аграрного кризиса. В этом его основная ошибка. Вторая существенная ошибка Спектатора та, что он формулирует кризис как простое падение цен и нормы прибыли. В одном пункте он говорит следующее: «Теоретически правильно понимать и под аграрным кризисом падение средней нормы прибыли, вызванное расхождением между стоимостью продукта и ценами на с.-х. продукты независимо от того, ведет ли такое падение нормы прибыли к разорению, обезлюдению и т. д.» [2]. Итак острая форма взрыва противоречий совершенно элиминируется. По простому раствору «ножниц» цен Спектатор отмечает кризисные точки. Я считаю, что это положение Спектатора ясно идет против Маркса, но зато совпадает с построениями школы Митчеля, которые затушевывают вопрос об острой критической форме перелома конъюнктуры.

---

[1] М. Спектатор, с. 79.
[2] Там же, с. 47.

Свое отрицание длительности аграрных кризисов Спектатор подкрепляет совершенно смехотворными аргументами. Аргумент № 1: «Маркс отнюдь не говорит о кризисе 1815—30 гг., а о том, что фермеров обманывали и разоряли этим о б м а н о м»[1]. Аргумент № 2: «Сплошного кризиса не было. Был только с а м о о б м а н, который вызван неясным представлением о сущности денег у крестьян... им казалось, что они недостаточно зарабатывают»[2].

Все аргументации Спектатора основаны на «обмане» и «самообмане». Но этот «обман» разорил целое поколение фермеров. Маркс говорит: «Отсюда экспроприация и разорение целого поколения фермеров»[3]. Итак у Маркса на обмане, т. е. на высоких рентах, уплачиваемых арендатором не из сверхприбыли, а за счет средней прибыли, основан целый кризис сельского хозяйства, произошло разорение целого поколения фермеров. Тов. Спектатор же говорит, что дело не в кризисе, не в разорении фермеров, а в обмане. Знакомым уже нам образом он пытается переключить экономические отношения в юридическую плоскость и отвлечься от ренты, как экономической категории, переодев ее в юридический костюм обмана фермеров землевладельцами. Поэтому он с такой горячностью и ухватился за словечко «обман».

Совершенно правильно докладчик критиковал Спектатора за поверхностность его методологии. Так, Спектатор утверждает, что «Маркс говорит о падении цен, а не о банкротствах»[4]. Почему падение цен во время кризиса не должно между прочим выражаться и в банкротствах? Откуда это противопоставление? Всем известно, что и падение цен и банкротства суть поверхностная форма выражения кризиса, а Спектатор неверно противопоставляет их. Секрет лежит в том, что Спектатор п р о т и в о п о с т а в л я е т «падение цен», как глубокую основу, «банкротствам» как простому симптому кризиса. Ясно, что здесь дается опять неверная установка. Справедливую критику буржуазной экономики Спектатору нужно было бы повернуть и в сторону самокритики.

Далее Спектатор выставляет целых три варианта объяснения механизма аграрных кризисов. Один объясняет кризисы тем, что сокращается потребление с.-х. продуктов в результате промышленного кризиса и что с.-х. кризисы следуют за промышленными через определенные промежутки времени. Второй вариант утверждает, что кризисы возникают вследствие «значительного увеличения с.-х. продукции при относительно медленном росте потребления»[5]. По третьему варианту аграрный кризис начинается раньше промышленного вследствие падения покупательной способности и фермерских товаров (в результате

[1] М. С п е к т а т о р, с. 73.
[2] Там же, с. 135.
[3] К а п и т а л, т. III, ч. 2, с. 134.
[4] М. С п е к т а т о р, с. 85.
[5] Там же, с. 132.

«ножниц» цен). Абсолютное сокращение потребления вследствие промышленного кризиса, относительное сокращение потребления сравнительно с с.-х. продукцией и «ножницы» как причина аграрного кризиса—все эти три варианта объяснения механизма аграрного кризиса сталкиваются. Оба последних варианта противоречат и общей теории капиталистических кризисов, по которой отставание сельского хозяйства, подъем с.-х. цен приводит на определенной ступени к общему промышленному кризису.

Далее следует отметить физиократизм наизнанку в построениях Спектатора. Спектатор всю специфичность сельского хозяйства сводит к одному моменту, а именно—к особенностям спроса на с.-х. продукты. Он пишет буквально следующее: «Сельское хозяйство тем и отличается от промышленности, что оно развивается вместе со спросом, вслед за ним, между тем как промышленность старается опередить спрос. В этом лежит коренная разница в характере рынка для сельскохозяйственных и промышленных продуктов» [1]. Дальше, в другом месте он говорит, что «сельское хозяйство не заинтересовано в расширении своей продукции» [2], и здесь же ставит в скобки частную собственность на землю и все докапиталистические отношения. Таким образом Спектатор не придает необходимого значения действительным социальным особенностям сельского хозяйства и все специфические черты сельского хозяйства сводит к особенностям спроса на с.-х. продукцию. Ясно, что такой физиократический момент должен быть отброшен.

В основном мои положения в теоретической части в значительной степени совпадают с положениями докладчика. Я не противопоставлял бы однако рентным кризисам капиталистические аграрные кризисы, как это делал докладчик, потому что ренту мы берем как капиталистическую категорию, и последняя действительно придает своеобразную печать аграрному кризису в отличие от промышленного кризиса. Своеобразие аграрного кризиса в связи с наличием рентных отношений должно быть выявлено на основе общей теории воспроизводства, циклов и кризисов—вот правильная методологическая постановка вопроса.

Я. Шафир (Москва). Тов. Спектатор, выступая по поводу доклада т. Гордеева заявил: «В общем, если вас очень смущает мое утверждение, что аграрный кризис является отраженным кризисом,—то я пожалуй от этого откажусь». Т. е., если эта формулировка вас смущает, то я могу согласиться и на то, что аграрный кризис—не отраженный кризис. Меня, признаться, это выступление Спектатора привело в величайшее недоумение. Если вдуматься, почему сельскохозяйственный, аграрный кризис у Спектатора является отраженным кризисом,—то в этих словах «отраженный кризис» содержится вкратце

[1] М. Спектатор, с. 35–36.
[2] Там же, с. 75.

формулировка всей теории т. Спектатора и не только теории кризиса, но и всей его «теории» по аграрному вопросу. Если же т. Спектатор так легко отказывается от этой формулировки, то, собственно говоря, что остается от его книжки? Разрешите пояснить, что такое, по Спектатору, «отраженный кризис».

Особенность сельского хозяйства заключается в том, говорит Спектатор, что в сельском хозяйстве в отличие от индустрии, где наиболее низкие издержки производства ложатся в основу образования,—издержки производства на наихудшей земле являются основой ценообразования. Отсюда вытекает основное отличие между сельским хозяйством и индустрией. Отсюда вытекает все, что он говорил относительно спроса и предложения, что спрос опережает предложение. Откуда взялась эта теория? Он ссылается на Маркса. Я смею думать, что это—новейшая теория социал-демократов по аграрному вопросу, новейшая теория, которая получает свое попутное развитие в одном из выступлений Гильфердинга в 1927 г. Маркс говорит, что издержки производства на худшей земле определяют собой ценность с.-х. продуктов, имея в виду, что таково ценообразование в чистом капиталистическом обществе или в капиталистической стране, изолированной в тот или иной момент от мирового рынка. Гильфердинг же, ревизуя Маркса, говорит, что этот марксов закон относится не только к одной стране, а к мировому рынку. Это—«маленькое» прибавление. Отсюда Гильфердинг делает следующий вывод, что как общее правило в сельском хозяйстве нет конкуренции. Мы имеем, допустим, Данию и Россию, и какая-нибудь из этих стран будет иметь худшую землю—в буквальном ли смысле, в смысле ли естественного плодородия или в смысле искусственно-экономическом: если мы будем иметь такую разницу в условиях, то на мировом рынке цены будут определять не страны с большим плодородием, а страны с наиболее крупными издержками производства. Отсюда вытекает, что у сельского хозяйства нет конкуренции. До сих пор считали, что этот закон относится к определенной стране, что речь идет об условиях развития сельского хозяйства при чистом капитализме. Оказывается, что, по Гильфердингу и Спектатору, это относится и к мировому рынку. Но если это так, то никакой конкуренции нет, ибо при конкуренции предполагается, что страна, у которой имеются более низкие издержки производства, вытесняет страну с высокими издержками, а на самом деле такого вытеснения нет,—говорит Гильфердинг. Из этого он делает вывод о том, что этим и объясняется, почему мелкие отсталые хозяйства не вытесняются хозяйствами более крупными и более усовершенствованными. Отсюда—новейшие обоснования всего того, что говорили ревизионисты. Модернизированный ревизионизм выступает с теорией об отсутствии конкуренции в сельском хозяйстве—обстоятельство, якобы обусловливающее то, что в сельском хозяйстве не действует закон конкуренции.

Какие практические выводы делаются из этой теории?

Отсюда делается целый ряд выводов: в сельском хозяйстве благодаря этому особому способу ценообразования мы не имеем того развития техники, какое имеем в индустрии. Развитие производительных сил в сельском хозяйстве требует внешнего вмешательства государственного принуждения, государственной «защиты сельского хозяйства», иначе нет в сельском хозяйстве стимула для развития, так как здесь отсутствует конкуренция. Это утверждение Гильфердинга есть в основном ревизия, теоретическая ревизия всего того, что марксисты писали по аграрному вопросу. Эта теория ложится в основу целой программы мероприятий практического характера, в частности это лежит в обосновании основного пункта всей программы социал-демократии после войны. Аграрный протекционизм обосновывается теми особыми условиями, которые имеются в области ценообразования.

Из других видных социал-демократов заслуживает внимания Бааде. Он написал специальную книжку по вопросу относительно возможности развития сельского хозяйства, в которой развивает более подробно положение относящееся и к сельскому хозяйству: в основном везде спрос идет впереди предложения. И у него эта теория ложится в основу целой программы мероприятий в области сельского хозяйства.

Тов. Спектатор по существу исходит из этой же теории. Почему у него кризис отраженный? Очень просто. Докладчик говорит, что мы имеем в сельском хозяйстве такой процесс, как в индустрии, что мы имеем процесс расширенного воспроизводства и он в известный момент приводит к перепроизводству. Спектатор говорит, что в сельском хозяйстве спрос идет обычно впереди предложения; значит тут перепроизводства не может быть. И он это относит не к изолированной капиталистической стране, а к мировому рынку вообще.

Перепроизводство по этой теории берется время от времени как отражение депрессивного состояния индустрии, когда в индустрии благодаря кризису снижается потребление. Оно берется «отраженным» потому, что в сельском хозяйстве, как общее правило, по Спектатору, вообще перепроизводству не полагается быть. Ему не полагается быть, потому что спрос идет впереди предложения. Совершенно очевидно, что там, где речь идет о том, что спрос идет впереди предложения, там не может быть перепроизводства. Для Спектатора это является основным законом развития сельского хозяйства. Я утверждаю, что эта новейшая теория аграрного вопроса социал-демократии является и теорией Спектатора. Поэтому надо только удивляться той легкости, с какой т. Спектатор отказывается от этой своей формулировки. Если мы будем говорить, что в сельском хозяйстве, как общее правило, эти перепроизводства систематически наступают, не просто как результат отражения, тогда отпадает вся теория Спектатора.

Спектатор в своей книжке несколько раз ставит вопрос: «как это получилось, что в сельском хозяйстве во время кризиса вдруг предложение оказалось впереди спроса?» Потому что, по его мнению, для сельского хозяйства является нормальным, когда спрос идет впереди предложения. Спрашивается—кто первый построил эту теорию, что в сельском хозяйстве как постоянное явление спрос идет впереди предложения. В этой теории, с которой необходимо бороться, мы имеем повторение старой формулы мальтузианцев, что население давит на средства потребления. Несмотря на то, что Спектатор в своих выступлениях всячески подчеркивает, что он против Булгакова, против ревизионизма, что он стопроцентный ленинец, несмотря на эти благочестивые утверждения, в своей книжке он повторяет теории Гильфердинга, Бааде, вообще теорию социал-демократов, теорию, которая сейчас ложится в основу всех тех программ, которые выставляются партиями II Интернационала.

Разрешите в нескольких словах остановиться на вопросе о теории аграрных кризисов. Тов. Спектатор сводил весь вопрос к одному положению: подчиняется ли сельское хозяйство в своем развитии индустрии или оно самостоятельно развивается. Вот, по его мнению, основной вопрос: «Если вы признаете, что сельское хозяйство в своем развитии подчиняется развитию промышленности, то тем самым вы становитесь,—говорит он,—на мою точку зрения и выступаете против всех тех, против кого я выступаю». Не понимаю, как можно выступить с такого рода утверждением. Спектатор ведь главным образом выступает против Каутского. По Спектатору, Каутский говорил, что сельское хозяйство развивается самостоятельно, независимо от промышленности. Против Каутского, против «Аграрного вопроса» выставляется в виде основного аргумента зависимость сельского хозяйства от промышленности. По Спектатору получается, что Каутский в «Аграрном вопросе» стоит на точке зрения Булгакова. Больше вряд ли можно путать, искажать, чем это делает т. Спектатор. Ленин боролся против Булгакова и защищал «Аграрный вопрос» Каутского от Булгакова. Это Спектатора не смущает. Он прибегает к софизму. Он заявляет, что если бы Ленин жил сейчас, то он отрекся бы от Каутского. Я не знаю, на каком основании это можно утверждать. Мне кажется, что это—плод самомнения автора «Теории аграрного кризиса». Других оснований не может быть. События последних лет не дают никаких таких фактов, которые заставили бы пересмотреть теорию Парвуса, Каутского, Энгельса, Маркса, Ленина.

Мне хочется остановиться на высказываниях марксистов по вопросу об отдельных аграрных кризисах.

Возьмем кризис послеиаполеоновских войн. И Маркс и Энгельс несколько раз ставят вопрос об этом кризисе. Маркс говорит, что во время наполеоновской войны мы имели в Англии особое положение,

при котором действие законов ренты обнаружилось в наиболее чистом виде. В Англии, подчеркивает Маркс, вследствие того, что она была изолирована от внешнего мира, стали прибегать к обработке все худших и худших земель, и эти худшие земли стали определять цены на сельскохозяйственные продукты. Он подчеркивает, что именно в силу этой изоляции получилось такое положение в отношении ценообразования. Маркс указывает, какую огромную роль в образовании цены на с.-х. продукты играло то, что приходилось втягивать новые земли в обработку, что обработка новых земель вызывала новые издержки. Все это вместе взятое привело к повышению цен на сельскохозяйственные продукты. Когда же войны закончились, то действие законов ренты в чистом виде прекратилось, так как началась конкуренция, т. е. мы имели то положение, которое отчасти повторилось сейчас у нас после мировой войны. Из высказываний Маркса по поводу кризиса посленаполеоновских войн видно, что Маркс считает, что издержки на худших землях определяют цену лишь тогда, когда капиталистическая страна изолирована.

Для Спектатора же такой способ ценообразования в отношении сельскохозяйственных продуктов относится, как постоянное явление к мировому рынку. «И в силу этого,—говорит Маркс,—произошло падение цен на землю, и в силу этого разорился целый класс фермеров». Об этом же говорил и Энгельс, и я утверждаю, что так говорили все, кто писал об этом самом кризисе. Об этом в свое время писал и Парвус. Все они подтверждают наличие этих сельскохозяйственных кризисов, которые продолжались с 1815—1830 гг.

Игнорируя это объяснение кризиса, данное марксистами, Спектатор выступает с новой теорией о том, что падение цен произошло исключительно в силу падения цен на индустриальные продукты, что этот кризис являлся только отражением промышленного кризиса. Если бы это было так, то нужно было доказать, что в течение 15 лет (от 1815—1830 гг.) мы имели все время промышленный кризис. Если мы его имели, то нужно было указать, каким образом и в какие моменты получаются в сельском хозяйстве депрессивные отражения. Спектатор этого не делает, а просто на основании всякого рода искажений в фактической стороне дела отступает от той классической трактовки вопроса посленаполеоновского кризиса, которая имеется в марксистской литературе. То, что говорят по вопросу о теории аграрного кризиса Парвус и Каутский, в общем и целом совпадает с объяснениями, которые были даны посленаполеоновскому кризису Марксом и Энгельсом. Что касается кризиса 1870-х гг., то мы имеем высказывание Энгельса по этому поводу. И это высказывание совпадает с тем, что Маркс говорит о соотношении между странами старой культуры и между странами колониальными, в том месте, где Маркс указывает на возможность такого положения, при котором конкурен-

ция со стороны собственно колониальных стран будет бить страны старой культуры. В основном эта теория Парвуса и Каутского была дана Марксом и Энгельсом. То, что вы пытаетесь сейчас строить, расходится не только с Каутским и Парвусом, но и с Марксом и Энгельсом.

Тов. Спектатор ссылается на одно место у Каутского. Каутский, мол, утверждает, что кризис перманентный—и, стало быть, Каутский ревизионист. Такой прием полемики является только демагогическим. Мысль о перманетности аграрного кризиса встречается и у Энгельса (см. то место в III томе «Капитала», где Энгельс высказывается в том смысле, что аграрный кризис разобьет не только крупное хозяйство, но и мелкое), попадается эта мысль и у других авторов-марксистов. Но это очень дешевый аргумент, если вы думаете придраться к такому предсказанью, которое не сбылось, и на этом основании захотите объявить «Аграрный вопрос» ревизионистской книгой.

А. Ганин. Прежде всего, товарищи, мне хотелось остановиться на общей постановке вопроса. Чем отличается проблема аграрных кризисов от общей проблемы кризисов? В то время как в общей теории кризисов мы имеем довольно четкую постановку в исследовании кризисов путем (методом) восхождения от абстрактного к конкретному и только на основе этого исследования обычно переходим к исследованию тех или иных конкретных кризисов, в работах же по аграрным кризисам разграничения между общетеоретической постановкой и конкретно-историческим исследованием мы не имеем. Это обстоятельство ведет к очень большим разногласиям. В теории с.-х. кризисов необходимо прежде всего исходить так же, как и в общей теории, пользуясь общим методом восхождения от абстрактного к конкретному. Если мы станем на эту точку зрения, то прежде всего возникнет вопрос, который в литературе по с.-х. кризисам чрезвычайно слабо выяснен: следует ли сельское хозяйство включать в общекапиталистический цикл или нет? Вы хорошо знакомы вероятно с работой по этому вопросу Максаковского «Капиталистический цикл». Максаковский держится той точки зрения, что сельское хозяйство не следует включать в общекапиталистический цикл. Это точка зрения не новая, она упирается в ту точку зрения, которую так рьяно защищал т. Шафир, хотя я не совсем понял, что он хотел сказать. Это—аргументация Каутского о невключении сельского хозяйства в общекапиталистический цикл развития в его работах «Теории кризисов» и X гл. «Аграрного вопроса». Я ее не буду здесь развивать, а только останавливаюсь на этом обстоятельстве попутно. По существу же аргументация у Каутского отсутствует. Он просто заявляет, что сельское хозяйство не является циклическим; причины аграрных кризисов и целого ряда других проблем в сельском хозяйстве иные, чем в индустрии, и что общие кризисы ничего общего не имеют (ибо они периодичны) с аграрными кризисами (последние непериодичны).

В такой общей форме ставит этот вопрос и Максаковский. Он говорит, что из теории цикла нужно исключить докапиталистические формы и капиталистическое сельское хозяйство.

Следует ли исключать капиталистическое сельское хозяйство из общей теории цикла? Этот вопрос должен быть в первую очередь обсужден для того, чтобы пойти дальше. Если мы предположим, что сельское хозяйство не включается в капиталистический цикл, то тогда нам придется каким-то особым методом восходить от абстрактного к конкретному в сфере сельского хозяйства, отрывая последнее от общей теории воспроизводства и цикла, что явно ошибочно. Особенность сельского хозяйства ведь только тогда и может быть понята, когда мы будем исходить из общей теории цикла, отмечая противоположности и даже противоречия. Постановка Максаковского, которая упирается своими корнями в работу Каутского, является неверной. У Маркса в I и II томах «Капитала» вы можете встретить иллюстрацию своих теоретических положений, столько же из сферы с.-х. производства, сколько и из других сфер. На этом моменте я не могу остановиться, но утверждаю, что Маркс во II томе «Капитала» дает больше фактов для теории воспроизводства из сферы сельского хозяйства, чем из других сфер. Последнее объясняется исторической постановкой этого вопроса. Именно—вопрос о воспроизводстве в целом был поставлен сначала по отношению к сельскому хозяйству как исходный пункт еще физиократами. Беря за исходный пункт процесс воспроизводства в целом сельское хозяйство, физиократы различали по существу десятилетний оборот основного капитала в отличие от ежегодного обращения оборотного капитала, перенося это деление при случае и на другие сферы. Мысль эта была снова поднята и развита на другой основе Марксом, в связи с чем последний так часто пользуется иллюстрацией из сферы с.-х. производства. Однако вы не найдете даже намека у Маркса на то, что развиваемые им отдельные элементы процесса воспроизводства или теория воспроизводства в целом якобы не включают сельское хозяйство. Если же мы станем на ту точку зрения, что капиталистическое сельское хозяйство не отличается принципиально от других сфер, не включая сюда пока вопроса о распадении прибавочной стоимости на различные формы, в частности земельную ренту, отбрасывая дальше докапиталистические остатки, отвлекаясь от урожаев и неурожаев, то мы конечно должны его включить в общий цикл. Если же при такой постановке мы включаем сельское хозяйство в капиталистический цикл, то проблема аграрных кризисов станет несколько в ином свете. Именно мы будем иметь общую теорию кризисов, причины которых раскрываются раскрытием всех предыдущих фаз цикла, и после этого мы перейдем к этим усложняющим, конкретизирующим моментам сельского хозяйства.

Какие же это моменты? Прежде всего это—рента. Здесь действительно получается то своеобразие, что, переходя от общего цикла

к сельскохозяйственному, вы встречаетесь с рентой как с таким обстоятельством, когда прибавочная стоимость обособилась в своем движении в форму ренты и дает себя различно чувствовать в различные периоды истории, что зависит от классовых взаимоотношений землевладельцев и арендаторов, (это, как известно, отмечает Маркс еще в III томе Капитала). Это обстоятельство вносит модифицирующее значение, и циклы в сельском хозяйстве будут вести себя иначе. А если циклы будут изменяться, то и самый кризис будет проявляться иначе. Если вы к этому обстоятельству прибавите наличие докапиталистических форм и их характер, которых нет в подобных размерах в других сферах хозяйства, прибавите затем значение урожая и неурожая, то цикличность развития сущности сельского хозяйства не совпадет с формами ее проявления, именно порядок наслоения этих дополнительных факторов, которые могут различно сочетаться, и следовательно в зависимости от того, как будут наслаиваться факторы, будет различно проявлять себя внешность цикла в сельском хозяйстве. Поэтому, когда обычно пытаются найти точное выражение цикличности в сельском хозяйстве, это показывает только, что товарищи не в состоянии отличить теоретическую постановку от конкретных исторических исследований. Если мы будем стоять на этой точке зрения, то тогда нам вопрос об анализе кризисов представится несколько в ином свете, чем обычно. Если мы следовательно станем на ту точку зрения, которую я обрисовал, и отбросил точку зрения Каутского и Максаковского как совершенно не дающих возможности понять сущность аграрных кризисов, то при этой постановке мы уже при анализе существующих теорий сразу обнаружим те недостатки, которые у них содержатся. Обычно принято утверждать, что теория Парвуса, Каутского и Пикус—это одна теория. Более грубой ошибки нельзя придумать. Конечно у них есть сходство, поскольку они сущность аграрных кризисов сводят к ренте. Действительно в анализе аграрных кризисов рента выпячивается чрезвычайно сильно, и с этой точки зрения сразу же чувствуется недостаток, который имеется у Спектатора и который сегодня также был обнаружен у Гордеева; именно на этой ступени исследования Спектатор явно ошибается, Гордеев же закончил свои теоретические построения как раз на этом пункте, где сущность аграрных кризисов только начинается.

Прежде всего остановлюсь на Парвусе. Как Парвус строил свою теорию? Парвус ставит вопрос абстрактно. Он предполагает существование только капиталистического сельского хозяйства. Далее, он рисует такое положение, при котором руководящую роль занимает промышленность, и в этих условиях цены на сельское хозяйство при растущем спросе со стороны промышленности растут. Цены главным образом фиксируются в ренте. Рента, как еще Маркс отмечал, обгоняет все остальные доходы в таком развитии сельского хозяйства. В этом случае Парвус ставит следующую задачу. Предположим, что

у нас имеются два государства. Одно развито более индустриально, другое—менее. Если государство менее индустриально развито, следовательно я ренты там сравнительно ниже. Если другое государство более индустриально развито, то и ренты там подняты гораздо выше. В этом случае при их конкуренции получается следующее положение: менее индустриальная страна будет побита более индустриальной страной по линии промышленных товаров, и в свою очередь более развитая индустриально страна будет побита на с.-х. рынке. Итак более развитая индустриальная страна будет побита на рынке сельскохозяйственных товаров (аграрный кризис), потому что ренты у нее выросли выше, чем в менее индустриальной стране. В таких условиях,—заявляет Парвус,—последней причиной являются непомерно высокие цены на землю, непомерно возросшая рента. Снизьте эту ренту, говорит Парвус, и в более развитой индустриальной стране сельское хозяйство будет конкурентоспособным. Если вы станете на эту точку зрения, т. е. представите две конкурирующих страны, то должны признать, что это положение Парвуса правильно. Но в том-то и дело, что на такую методологическую позицию становиться не следует, потому что в таком случае, став на точку зрения Парвуса, вы должны так своеобразно объяснить не только аграрные, но и промышленные кризисы. Парвус в общем своем определении стал на неверную позицию. Он сразу методологически предположил существование налицо двух стран, а нужно развить эти положения не прибегая к двум странам.

Каутский тот же вопрос методологически точно так же сводит к двум странам, но в еще более грубой форме. Он сводит сущность аграрного кризиса к вопросу о конкуренции докапиталистических форм с капиталистическими. Он считает, что последовательное развитие капиталистического способа производства все время втягивает в орбиту своего воздействия страны, которые не имеют этого способа производства. И вот это втягивание все время будет давить на сельское хозяйство, и раз оно будет все время давить, эти промышленные страны будут перманентно переживать аграрный кризис. Дальше он заявляет, что таких стран еще так много, что капитализм не изживает себя в такой степени, чтобы этот перманентный кризис прекратился. Я думаю, что мы на такую методологическую позицию стать не можем, такую методологическую позицию мы должны отрицать, не говоря уже о том, что признание перманентных аграрных кризисов ведет к невозможности развития капиталистического сельского хозяйства. Что касается т. Пикус, то ее концепция представляет собой ученическое и очень неудачное переложение этих двух теорий—Парвуса и Каутского.

Перехожу к Гордееву. Мне кажется, что основным недостатком т. Гордеева является то, что он не мог резко разграничить общетеоретическую постановку и постановку конкретного исследования. Эти две части у него как бы друг друга сопровождают. Это конечно хорошо

как иллюстрация того, что он резко не противопоставил общетеоретическую установку конкретной—это сказалось на всем его построении. Он перешел к иллюстрации конкретной истории цикличности не тогда, когда нужно. В самом деле, когда он изложил в самой общей форме теорию кризиса Маркса, не упоминая о капиталистическом цикле и когда нужно было хотя бы в такой постановке перейти к усложненности этих кризисов рентой, докапиталистическими формами и влиянием неурожаев на формы проявления кризиса в сельском хозяйстве,—он как раз перед этой трудностью остановился и перешел к иллюстрации истории. Поэтому его постановку и трудно критиковать. Правильной является его критика Пикус и Спектатора. Вся его постановка заключается в том, что он стоит на общей теории кризиса, не идя дальше.

Этот же недостаток, мне кажется, еще больше относится к т. Спектатору. Конечно подчеркивание той мысли, что сельское хозяйство является ведомым со стороны промышленности, само собой является очень верным, но нельзя понимать это механистически, как т. Спектатор, а именно—отраженно. В экономике нет отраженности, есть взаимодействие, и вот их-то т. Спектатор не видит. Тов. Спектатор наряду с этим страдает тем недостатком, что он от общеабстрактных положений переходит сразу к конкретным историческим иллюстрациям.

П. Ульянов (Москва). Если с.-х. кризис является только проявлением общего кризиса в сельском хозяйстве, то тогда безусловно никакой особой теории аграрных кризисов быть не может. Тогда мы вполне можем обойтись той общей теорией кризисов капиталистического хозяйства, которая конечно всем присутствующим хорошо известна. Тогда ни о какой особой теории аграрных кризисов речи быть не может, так как не существует особых кризисов сельского хозяйства, отличных от общих кризисов. Но если существуют эти особые кризисы, которые не являются проявлением общего кризиса в данной области, т. е. в сельском хозяйстве, то тогда приходится говорить об особой теории этих аграрных кризисов. Это не значит, что мы здесь выдумываем какие-то особые законы развития сельского хозяйства, так как и эти специфические аграрные кризисы конечно являются результатом капиталистического развития народного хозяйства. Это значит, что те же самые законы капиталистического развития, которые вызывают появление общих периодических кризисов, вызывают также и появление, существование в сельском хозяйстве особых аграрных кризисов, которые не укладываются в рамки общих кризисов капиталистического хозяйства. Если с этой точки зрения подходить к оценке теории аграрных кризисов, которая дана т. Спектатором, то нужно сказать, что проблема аграрных кризисов как таковая в его книжке исчезает. Там в основном говорится о том, что всякий аграрный кризис есть не что иное, как проявление общекапиталистического кризиса в сельском хозяйстве и только. Но если это

так, то зачем вы пишете—«Теория аграрных кризисов»? Вы определенно отрицаете существование проблемы аграрных кризисов независимо от проявления общих кризисов в сельском хозяйстве. Если вы это отрицаете, то не можете дать положительную теорию аграрных кризисов, иначе получается, что вы даете теорию несуществующего явления. Вы отходите в общем от марксистской позиции. Представители ортодоксального марксизма не отрицали существования специфических аграрных кризисов, специфических в том смысле, что они не укладываются в общую схему кризисов капиталистического хозяйства.

Я хочу коснуться развиваемой т. Спектатором теории по существу, ибо я ее считаю ревизионистской и особенно вредной, так как многие товарищи находятся под влиянием этой теории и не расходятся с ней.

Как ставит вопрос т. Спектатор?

Сельскохозяйственный кризис есть только «отражение» общего кризиса капиталистического хозяйства. Происходит это следующим образом. «Расширенное воспроизводство основного капитала в основных отраслях народного хозяйства вызывает перенакопление капитала в этих отраслях и недостаток капитала в сельском хозяйстве и вместе с этим и повышение цен на сельскохозяйственные продукты, а впоследствии даже и кризис» [1].

Вот вам на лицо в основных чертах та теория, которую преподносит нам т. Спектатор в своей книге. Любопытно, что этим перепроизводством основного капитала т. Спектатор объясняет и существование дифференциальной ренты. Я сейчас постараюсь показать, что дифференциальная рента у т. Спектатора выступает как результат перепроизводства основного капитала в области промышленности и тем самым предлагаемая им теория аграрных кризисов выступает и в качестве теории ренты. Это означает, что при таком объяснении кризисов сельского хозяйства, какое дает нам в своей книге т. Спектатор, смазываются все те моменты, все те проблемы, которые мы объединяем под общим названием аграрного вопроса. Частная земельная собственность, остатки докапиталистических отношений в сельском хозяйстве, вытекающие из этого особенности развития капитализма в сельском хозяйстве—все это смазывается, все это устраняется целиком и полностью. Вместо того чтобы учесть при исследовании аграрных кризисов наличие частной земельной собственности в сельском хозяйстве, следовательно наличие ренты и абсолютной и дифференциальной и те особенности, которые этот факт вызывает в развитии сельского хозяйства, т. Спектатор предпочитает делать наоборот, т. е. из теории аграрных кризисов выводить существование ренты, что является с

[1] Спектатор, Теория аграрных кризисов, с. 74

очевидностью абсурдным, поскольку рента есть «экономическая форма реализации частной собственности на землю».

Посмотрим однако, как это происходит.

Тов. Спектатор на с. 41 своей книги пишет: «Маркс совершенно определенно говорил о том, что цена определяется высшими производственными расходами, т. е. последующие затраты оказываются менее производительными, чем предыдущие. Это происходит оттого, что отвлекается капитал от сельского хозяйства в промышленность, так как при улучшении техники производительность последующих затрат может возрастать». Итак в сельском хозяйстве цены определяются высшими производственными расходами, потому что последующие затраты менее производительны. Но почему все-таки эти последующие затраты менее производительны? Потому что не улучшается техника, а техника не улучшается потому, что капитал отвлекается из сельского хозяйства в промышленность. Отвлечение же капитала из сельского хозяйства в промышленность есть перепроизводство основного капитала. Между прочим, чтобы не было тут никаких сомнений, я приведу еще другую цитату. На с. 41 автор пишет, что это отвлечение капиталов из сельского хозяйства, приводящее к медленному развитию техники и тем самым к падению последующих затрат капитала, есть не что иное, как выражение перепроизводства основного капитала, «происходит перепроизводство основного капитала, т. е. отвлечение значительной части капитала из сельскохозяйственной области в промышленную». Резюме—диференциальная рента выводится автором из факта медленного развития техники в сельском хозяйстве, которым обусловлено падение последующих затрат капитала. Падение же последующих затрат капитала вызывается перепроизводством основного капитала в области промышленности, ибо у т. Спектатора перепроизводство основного капитала объясняется как отвлечение капитала из сельского хозяйства в промышленность. Вот та путаница, тот ревизионизм, который имеется в этой книге. И эта путаница стоит в неразрывной связи с той концепцией кризисов в сельском хозяйстве, которую нам дает т. Спектатор. В этой концепции кризисов мы имеем отход от той концепции, которую дали нам классики марксизма. Я же думаю, что нам нужно предпочесть точку зрения классиков марксизма (Маркс, Энгельс, Парвус, Ленин и др.), развивать то, что ими уж давно в этой области дано, нежели становиться на точку зрения той новой теории кризисов, которую преподносит нам т. Спектатор в своей книге и которая ни в какой мере не может нам объяснить тех специфических аграрных кризисов, которые мы фактически имели в 20-х, 70-х, 90-х гг. прошлого столетия и имеем в послевоенное время, начиная с 1920 г. и до сих пор.

Так как я не имею времени останавливаться на разборе доклада т. Гордеева, то я хочу только сказать, что т. Гордеев не согла-

совал первую часть своего доклада со второй. В первой части он совершенно отрицает наличие с.-х. кризисов, выходящих за рамки общих кризисов капиталистического хозяйства. Во второй же части он вынужден был признать не только существование этих кризисов, но даже особую цикличность их, причем эта теория совершенно не вязалась с теми конкретными материалами, которые он представил. У него выходит, что в истории были аграрные кризисы, независимые от промышленных, проходившие без промышленных кризисов; промышленные кризисы, не вызывавшие аграрных кризисов, и промышленные кризисы, сопровождавшиеся аграрными. Тов. Гордеев не дал нам никакого объяснения получаемому совпадению одних с другими и отдельному существованию как одних, так и других. Другими словами, он не дал теоретического обоснования фактическому материалу, поскольку, как я уже указывал, у него получился определенный разрыв между 1-й и 2-й частями доклада. В этом заключается самый большой недостаток доклада т. Гордеева.

С. Слуцкина (Москва). В основном я согласна с положениями, выдвинутыми т. Гордеевым. Я считаю его работу ценной, в особенности в конкретной части. Что касается общей методологической установки, то она тоже была правильна, так как была дана абстрактная теория кризисов и конкретная иллюстрация основных теоретических положений. Однако теоретическая часть с конкретной были слабо увязаны.

Я остановлюсь на некоторых моментах доклада. Во-первых, у докладчика имелась неувязка общих условий кризисов с конечной причиной последних. Тов. Гордеев ищет в кризисе классовый момент как причину последнего и не видит, что этот момент является внутренним моментом общей диспропорциональности.

Общее основание кризиса—противоречие между общественным производством и частным присвоением. Единое общее основание обусловливает диспропорциональность производства и как внутренний момент этой диспропорциональности—диспропорциональность между производством и потреблением. И в этой диспропорциональности, обусловленной единым основанием кризисов, лежит классовый момент.

Движение нормы прибыли вверх и вниз на основе анархии производства, тенденция нормы прибыли к понижению является непосредственным проявлением основных противоречий и в свою очередь причинами возвышения и обострения этих противоречий.

Дальше — относительно вопросов ренты. Тов. Гордеев говорит: «Вопросы ренты являются лишь следствием кризисов. Их нужно рассматривать изолированно, как определенное следствие кризисов». Это неправильно. Вопросы ренты не только вытекают из кризисов, но рента вносит особенные условия в конъюнктуру. Нужно говорить о спе-

цифическом влиянии законов ренты на кризисы, чего т. Гордеев не делает.

Формулировка первого тезиса очень неудачна. Там говорится: «Выражение капиталистических противоречий в перепроизводстве, которое ведет к затруднениям в воспроизводстве, можно назвать кризисом». Это точка зрения механического равновесия, а не диалектически развивающихся противоречий. «Затруднения в воспроизводстве не есть кризис. На основе диалектически развивающихся противоречий мы имеем в кризисе взрыв последних на данной стадии развития производительных сил.

Дальше я хочу сделать несколько замечаний по поводу тт. Спектатора и Пикус. Я считаю, что у т. Спектатора имеются большие ошибки в теории аграрных кризисов. Тов. Спектатор отрицает все специфическое, все особенное, что лежит на стороне сельского хозяйства. Он видит единство, но не видит противоположностей. Он видит только единство, но не диалектическое единство и тем самым отрицает противоположности, отрицает то основное, то особенное, что вносят законы ренты в это диалектическое единство. Из концепций т. Спектатора исчезает противоречие между промышленностью и сельским хозяйством, исчезает основное и решающее противоречие, особенно обостряющееся в эпоху монополистического капитализма. Вот где корень ошибок теории кризисов т. Спектатора.

Тов. Пикус делает противоположную ошибку. Пикус видит противоположности, но не видит единства. Пикус дает типичную ревизионистскую теорию, по которой сельское хозяйство совершенно оторвано от промышленности, у т. Пикус получается, что сельское хозяйство развивается по совершенно особым законам, что оно живет своей самодовлеющей, специальной жизнью, ничего общего не имеющей с общими закономерностями капитализма.

Затем одно замечание по поводу той путаницы, которую внес т. Шафир своей теорией ренты. Тов. Шафир категорически утверждает, что у Маркса цены производства в сельском хозяйстве регулируются издержками производства на средних и лучших участках и утверждает, что основная ошибка т. Спектатора заключается в том, что цена производства в его теории кризисов регулируется издержками производства на худших участках. Я думаю, что т. Шафир совершенно не знает теории ренты. Мы будем в следующем докладе говорить о ренте, и т. Шафир убедится, что это так.

Е. Эфроимский (Украина). Я обращаюсь к выступлению Спектатора, потому что его постановка вопроса должна сейчас больше всего приковать наше внимание, ибо она чрезвычайно симптоматична; не остановиться на ней в настоящее время—значит не дооценивать значения различных извращений марксо-ленинской теории в настоя-

щее время обостренной классовой борьбы. Хотя доклад делал Гордеев, необходимо главное внимание обратить на Спектатора, тем более, что и качество ошибок у них совершенно различно.

Я хотел обратить внимание на один—«подмоченного» характера—прием реабилитации, который здесь применил т. Спектатор. Речь идет о его попытке замазать и обвинить других, в том числе и Гордеева, в том, что он стоит на позиции «особой» и достаточно подозрительной. Свой тезис, в котором он едва ли не прямо становится на позицию пресловутого «закона», убывающей доходности, он пытался оправдать тем, что имеет место известное перераспределение капиталов не в пользу сельского хозяйства. Если имеет место известное перераспределение капиталов не в пользу сельского хозяйства, что является несомненным, можно и нужно говорить лишь о самом факте отсутствия всяких дополнительных вложений капитала или о недостаточности их, что было бы вполне логичным. Если капиталовложения отсутствуют, то не может быть речи ни о какой—ни падающей, ни возрастающей—доходности вообще. Если же кое-какие капиталовложения все же имеют место, то с ними необходимо считаться как с таковыми, нельзя отрицать того, что они должны приносить возрастающую или пропорциональную доходность. Говорить, что имеет место падающая производительность при последующих затратах в силу недостаточности капиталовложений в сельское хозяйство,—будет неправильно, будет означать по сути протаскивание пресловутого «закона» в полном объеме.

Во-вторых, совершенно неверно выступавшими изображается позиция т. Спектатора, будто бы речь идет у него об аграрном кризисе как проявлении общего кризиса, как проявлении моментов общего цикла. Я бы сказал, что его аргументация в действительности гораздо хуже.

Тут выступает на сцену его «отражение». Основное методологическое положение, которым нужно руководствоваться каждому исследователю аграрных кризисов, заключается в том, что прежде всего мы должны рассматривать сельское хозяйство со всеми его частями как входящее в оба подразделения народного хозяйства. Это требование т. Спектатором не выполнено. Поэтому если у него аграрный кризис в известной мере и связан с общими кризисами, то лишь как «отражение», а не как осложненное проявление общего кризиса. Это было бы некоторым приближением к действительности, потому что сельское хозяйство входит в оба подразделения, следовательно входит в общий цикл, и несомненно, что аграрный кризис является проявлением (правда, осложненным социальными особенностями сельского хозяйства) общего кризиса. Правда, т. Спектатор говорил, что некоторые моменты сельского хозяйства вносят характерные изменения в проявление аграрного кризиса, и это заставляет нас говорить об аграрных кризисах.

Но это у него выглядит случайной обмолвкой, ибо вхождение сельского хозяйства в оба подразделения все-таки не учтено, и поэтому-то аграрный кризис у него выступает лишь как «отражение» общего. Недостаточно этот момент учтен и у т. Гордеева.

Перехожу к выступлению т. Гордеева. Тов. Гордеев выдвинул известный тезис, что главная причина кризиса—сужение потребления, диспропорция между расширяющимся производством и сужающимся базисом потребления. Тов. Билаш, «поправляя» т. Гордеева, тоже привел другой известный тезис, гласящий: если допустить, что потребление не суживается, а неограниченно растет, то кризиса мы не имели бы. Я думаю, что в выступлениях т. Билаш и Гордеева, напиравших все время на, так сказать, конечное основание кризиса, есть все же попытка смазать значение капиталистической анархии, находящей выражение и в этих диспропорциях. Несомненно, что в основном и в конечном причина кризиса сводится к диспропорции между сужающимся базисом потребления и расширяющимся производством. Но если даже на время допустить,—допущение, вообще говоря, «недопустимое», что потребление идет в ногу с расширяющимся производством, то мы все же имели бы диспропорцию (между отраслями), которая могла бы вырасти в значительный кризис. И почему т. Гордеев, все время отмечавший один тезис Маркса, смазывал неоднократно подчеркивавшееся Марксом значение капиталистической анархии—непонятно.

Обратимся теперь к аграрным кризисам эпохи монополистического капитализма. Основное, что бросается здесь в глаза,—это сравнительно меньшая цикличность, сравнительно больший удельный вес депрессивного момента, причем этому большему удельному весу депрессивного момента придается хронический характер. Действительно, мы можем говорить, что кризис является как будто бы более нормальным состоянием, чем некризисное состояние; что моменты подъема сейчас как будто бы вырастают в отклонение от нормального состояния сельского хозяйства. В чем корень этого? Мне кажется, что основной корень современного аграрного кризиса (и его крайняя специфичность) лежит в неэквивалентном обмене, который существует между картелированными и некартелированными отраслями и который особенно задевает капиталистические и в особенности докапиталистическе формы сельского хозяйства. Так как наш анализ в силу особенностей современной стадии капитализма должен носить менее абстрактный характер, то нам необходимо втянуть в орбиту своего исследования крестьянское хозяйств. А так как крестьянское хозяйство является классической некартелированной отраслью, как это неоднократно в других местах доказывалось, то вполне понятно, что упомянутые последствия неэквивалентного обмена для сельского хозяйства должны быть особенно ощутительны. Мы должны пытаться взять сельское хозяйство сейчас во всем его конкретном многообразии. Анализ империализма вообще

отличается несколько меньшей абстрактностью, потому что специфические черты монополистического капитализма как раз выявляются при учете всего его многообразия. Отсюда, повторяю еще раз, значение анализа взаимоотношений монополистического капитализма с крестьянством. Мы видим как постоянное явление тот неэквивалентный обмен, который принимает характер эксплоатации монополистическим капитализмом крестьянства, против чего крестьянское хозяйство противопоставить почти ничего не может. Вот это обстоятельство и является главной причиной той специфичности аграрных кризисов, которую мы имеем в эпоху монополистического капитализма. Эта специфичность заключается с формальной стороны в некотором превалировании депрессивной стадии, ибо перманентная эксплоатация крестьянства монополистическим капитализмом создает перманентные затруднения в воспроизводстве, облегчаемые лишь короткими периодами оживления общего цикла. Такое состояние характерно для всякого хронического заболевания. При этом положении,—состояние перманентной депрессии,—означающем доподлинное гниение сельского хозяйства, самое проявление кризиса не воспринимается так «катастрофично», как ранее, не потому, что размеры его стали слабее, а потому что состояние между кризисами все время депрессивное. Здесь нет перехода от депрессии к высокому подъему, и кризис является выражением накопившихся противоречий постольку, поскольку противоречия депрессии достигают своего апогея. Я этим хочу еще раз подчеркнуть своеобразие нынешнего аграрного кризиса, выступающего не только как продукт общего цикла, но и как результат перманентных противоречий в сельском хозяйстве, которые возникают на базе эксплоатации его монополистическим капиталом.

К. Печак (Москва). Когда мы исходим при анализе аграрного кризиса из движений производственных отношений, общая постановка у нас правильная. С этой точки зрения и вопрос, который был поставлен здесь—имеем ли мы дело с анализом одного или двух кризисов—тоже разрешается, ибо на капиталистическое хозяйство мы должны смотреть, как на некоторое единство противоположностей, т. е. включающее в себя хотя и различные социальные уклады, но на основе их взаимопроникновения, т. е. сохраняющее противоречивое единство. Поскольку мы имеем дело с торговым земледелием,—а мы знаем, что в нашем анализе нас интересует главным образом только такое земледелие, потому что только оно принимает непосредственное участие в этом цикле (хотя не исключено действие и прочих форм по отношению к кризисам)—совершенно ясно, что мы должны иметь одну теорию экономического кризиса, включающую уже в себя проблему аграрных кризисов. Мне кажется, что спор может быть не в этой плоскости. И с этой точки зрения т. Гордеев в своем докладе прервал свой анализ на самом интересном и существенном месте. Спо-

ры в той плоскости, как они ведутся до сих пор, уже несколько надоели, и мы как-то иначе должны ставить вопрос. Я совершенно согласен с общей постановкой т. Ганина. Дело в том, что если бы мы не имели своеобразия производственных отношений в сельском хозяйстве, мы не имели бы проблемы специфической теории аграрного кризиса. У нас стояла бы тогда одна проблема, именно проблема общеэкономического кризиса. Но почему все же у нас возникает отдельная проблема аграрного кризиса? Потому что наряду с земельной рентой, наряду с капиталистическими производственными отношениями в сельском хозяйстве мы имеем иного типа производственные отношения, типа простого товарного хозяйства, которое одновременно включает в себя хозяйственные отношения натурального типа. Мы имеем тип парцеллярного крестьянского хозяйства, которое одновременно является и товарным хозяйством и отчасти натуральным хозяйством. Именно из своеобразия социальных форм и производственных отношений вытекает необходимость специфической теории аграрных кризисов. Совершенно ясно и бесспорно, что мы в аграрных кризисах имеем проявление основного противоречия между общественным характером производства и частными формами присвоения. Это—азбучная истина. Когда мы рассматриваем аграрный кризис—дело не только в этом, ибо эта истина в одинаковой мере относится ко всем и всяким капиталистическим кризисам.

Если я правильно понял доклад т. Гордеева, то он недалеко ушел от Спектатора. Дело не только в том, чтобы декларировать это основное противоречие; необходимо показать в области аграрных кризисов и ту специфическую форму, которую приобретают эти основные капиталистические противоречия в сельском хозяйстве. В этом отношении у т. Гордеева не все обстоит благополучно. В своих тезисах он пишет, что «аграрные кризисы, как и промышленные, есть результат взрыва накопившихся противоречий», из чего выводится своеобразие аграрного кризиса: «Рента модифицирует накопление и разрядку противоречий. Отсюда своеобразие аграрного кризиса в отношении периодизации»—и только. А дальше: «Рассуждения об отсталости сельского хозяйства грешат большими ошибками». В начале доклада т. Гордеев противоставлял мануфактурный способ производства капиталистическому, как будто бы мануфактурный способ производства не является капиталистическим. Он упрекал т. Пикус в элементарной неграмотности. Я повторяю, что это странное противопоставление. Мануфактурный способ производства является тоже капиталистическим способом производства, но это противопоставление не является у т. Гордеева случайным. В своем докладе при конкретном анализе он не подчеркнул в достаточной мере того своеобразия, которое вытекает из существования докапиталистических форм хозяйства, из крестьянского типа этих хозяйств. А между тем, когда например

Ленин давал сравнительную картину эволюции промышленности и земледелия американского сельского хозяйства, то он указывал на два фактора, которые влияют в смысле модификации на развитие сельского хозяйства. «С одной стороны сельское хозяйство еще в довольно сильной степени сохраняет натуральный характер, и от земледелия продолжают откалываться различные операции, которые прежде входили в круг работ крестьянской семьи...» С другой стороны, с.-х. монополия, которой промышленность не знает и которая неустранима при капитализме,—это монополия землевладения [1]. Вот два основных фактора. Тов. Гордеев коснулся только одного из них—ренты, а это в конкретном анализе является неправильной постановкой вопроса. Нельзя недооценивать отсталости сельского хозяйства. Можно конечно возразить, что мы в промышленности точно так же имели различные производственно отношения. Но если возьмем удельный вес форм простого товарного хозяйства в промышленности и сельском хозяйстве, то мы увидим громадную разницу. В сельском хозяйстве отсталые формы, просто товарные, полутоварные и полунатуральные, играют еще крупнейшую роль. Но можно спросить: почему эти производственные отношения создают специфическое своеобразие протекания аграрного кризиса? Какую роль они тут играют? Мы имеем тут целый ряд факторов. Уже одно то обстоятельство, что здесь падение цен может пойти ниже «прибыли» и может съесть всю «прибавочную стоимость»,—уже это является своеобразием. Обращаю ваше внимание еще на одно обстоятельство. В III т. «Капитала» по отношению к цене земли в парцеллярном крестьянском хозяйстве приводится целый ряд модифицирующих факторов и говорится, что «прежде всего к крестьянам не относятся общие законы кредита» [2]. Как же вы хотите объяснить аграрный кризис, в котором капиталистический кредит играет громадную роль, общетеоретическими установками, которые мы имеем по отношению к каждому общекапиталистическому кризису. Вот почему нельзя в конечном итоге при конкретном анализе игнорировать этого обстоятельства и отмахиваться от него. Это обстоятельство, т. е. отсталость, играет громадную модифицирующую роль. Для примера возьму один только факт, Результатом кризисов является концентрация. Но разве эта концентрация является равнозначущей той, которая происходит в сельском хозяйстве во время аграрного кризиса? Разве мы не имеем тут наряду с обычными и иных форм концентрации? Мы имеем переход из простых форм товарного хозяйства к капиталистическим формам, после каждого кризиса усиливающимся,—перевод и производственных отношений на высшую ступень. Если мы этого фактора не учтем, то мы ничего не поймем в послевоенном кризисе, когда мы в целом ряде стран наряду

[1] Ленин, Соч., т. IX, Гиз, с. 265.
[2] «Капитал», т. III, с. 340.

с глубоким падением производства зерновых культур имеем развитие молочного хозяйства в кулацкого типа хозяйствах, которое вырастает и развивается. Вот почему т. Гордеев, недооценивая вышеупомянутое,—делает громадную ошибку. Если перевести на философский язык наш спор, то можно сказать, что в проблеме аграрного кризиса мы должны проанализировать не только тождество, но и различие с кризисом в промышленности. Когда я слушал доклад, у меня создалось впечатление, что т. Гордеев делает ударение только на тождестве этих двух форм. По существу это верно, ибо мы конечно имеем капиталистический характер и здесь и там, но он не выявил достаточно различий, которые мы имеем. С этих различий он должен был бы начать, а он большую часть своего доклада посвятил анализу движения цен. С точки зрения установления тождества это уже стадия, которую мы пережили. Основной вопрос, вопрос о конкретном характере классовых сдвигов, выпал из доклада.

М. Власов (Москва). Мне кажется неправильным со стороны т. Гордеева и т. Спектатора отрицание длительных специфических аграрных кризисов. Это отрицание противоречит как самим фактам, в достаточной степени статистически установленным, так и авторитетам, в достаточной степени прочным, например авторитету Ленина. Но, с другой стороны, неправильно также отрицать и те цикличные кризисы, которые здесь демонстрировал т. Гордеев. Мы должны признать наличность двух родов с.-х. кризисов: кризисов, которые, представляя собой продолжение промышленных, являются проявлением общехозяйственных кризисов и, с другой стороны,—специфических с.-х. кризисов, не всязанных с кризиамси промышленности. Это объясняется двумя свойствами сельского хозяйства. Во-первых, тем, что сельское хозяйство имеет специфические особенности, например наличие ренты, которые и ведут к специфическим с.-х. кризисам, а, с другой стороны, сельское хозяйство представляет собой часть общего капиталистического хозяйства, подчиняется его общим законам и следовательно законам, которые выражаются в кризисе. Кризисы специфически сельскохозяйственные проявляются в более резких формах и происходят более длительно. Поэтому на них было обращено больше внимания, они лучше изучены, в то время как периодические, цикличные с.-х. кризисы происходят в более слабой форме, поэтому на них обращалось меньше внимания, поэтому они оказались менее изученными. Заслуга т. Гордеева и т. Спектатора в том, что они обратили внимание на эти цикличные кризисы, которые представляют собой несомненно проявление общего хозяйственного кризиса, связанного с промышленным кризисом. Насколько я понял т. Гордеева,—а я не слышал всего его доклада—мне кажется, у него есть методологические неправильности. Он рассматривает кризисы сельскохозяйственные и вообще сельское хозяйство каким-то образом вне связи с промышленностью. Я ду-

маю, что с.-х. кризис, как вообще все, что относится к сельскому хозяйству, не может быть нами понят, если мы сельское хозяйство будем рассматривать вне связи с общим хозяйством. Это основная методологическая неправильность, которая никогда нигде не должна допускаться, тем более в изучении такого явления, каким является кризис.

Меня интересуют из этих двух родов с.-х. кризисов в данную минуту именно кризисы, которые являются циклическими, на которые мы не обращали достаточного внимания и которые представляют так же большой теоретический интерес, как и специфические с.-х. кризисы. Здесь в докладе не было дано им даже простого объяснения, а кем-то была высказана мысль, что раз с.-х. кризисы являются продолжением промышленных, то и нечего их изучать. А вот применение общих законов кризисов к сельскому хозяйству с его особенностями—разве это не представляет собой большого теоретического интереса? Я думаю, что теория аграрных кризисов должна заключать в себе как ту часть, которая касается специфических аграрных кризисов, не связанных с промышленными кризисами, так и ту часть, которая относится к с.-х. кризисам, представляющим собой продолжение промышленных. Что циклические с.-х. кризисы связаны с промышленными, это было отмечено т. Спектатором, и я думаю, что он прав. Он связывает сельское хозяйство больше со вторым подразделением. Это соответствует действительности, хотя конечно знака равенства между сельским хозяйством и вторым подразделением поставить нельзя, но тем не менее большая часть второго подразделения находится в сельском хозяйстве, и большая часть сельского хозяйства относится ко второму подразделению. Чтобы понять, что происходит с сельским хозяйством, мы должны принять во внимание это обстоятельство. Схемы воспроизводства Маркса должны быть привлечены для того, чтобы понять, что происходит в сельском хозяйстве, и чтобы, в частности, понять и циклические с.-х. кризисы. Правда, сельское хозяйство производит не только предметы личного потребления, но и сырье. Но мы должны обратить внимание на то, что это сырье идет только для второго подразделения, для промышленности, производящей предметы личного потребления. Поэтому, если мы сельское хозяйство и легкую промышленность представим себе как единый хозяйственный конгломерат и если мы выключим из поля своего зрения внутренний оборот между сельским хозяйством и легкой промышленностью, то в целом это будет представлять собой в конечном счете производство предметов личного потребления. Поэтому для понимания циклических кризисов в сельском хозяйстве мы должны исходить из общего понимания капиталистических кризисов, из понимания внутреннего механизма этих кризисов. Здесь для сельского хозяйства имеет большой интерес то обстоятельство, что все-таки в сельском хозяйстве цикличные кризисы происходят в более ослабленной степени, чем в промышленности. Это связано с законами механизма капиталисти-

ческих кризисов. Как бы мы себе кризис ни представляли, нельзя его представить помимо того, чтобы между первым и вторым подразделением не произошло диспропорции. До того момента пока, между первым и вторым подразделением существует пропорциональность, кризис невозможен, ибо оба эти подразделения являются рынком друг для друга. Следовательно диспропорция является необходимым элементом кризиса. Правда, основной причиной кризиса является противоречие между производством и потреблением, но свое выражение это находит в противоречии между производством средств производства и производством предметов потребления; поэтому изучение схем воспроизводств Маркса является совершенно необходимым для понимания кризисов. Математической основой схемы Маркса является следующее равенство: удельный вес первого подразделения в стоимости всей продукции равняется удельному весу мертвого труда в стоимости продукции, умноженному на темп роста всей промышленности. Я иллюстрирую это по второй схеме Маркса. Удельный вес мертвого труда в стоимости продукции там равняется $^5/_7$; темп накопления (со второго года схемы) устанавливается в 8%. Следовательно, если мы $^5/_7$ умножим на 1,08, на темп роста, то мы и получим удельный вес первого подразделения—0,77 (для всей схемы, кроме первого года). Приведенная формула есть математическая основа схемы расширенного воспроизводства. Алгебрически мы ее могли бы выразить следующим образом: $H = h(1 + t)$, где H есть удельный вес первого подразделения в стоимости всей продукции, h—удельный вес мертвого труда в стоимости продукции, что является экономическим выражением уровня техники, а t—темп накопления. Формула эта легко выводится на основании простых соображений, касаться которых я здесь не имею возможности.

Для простого же воспроизводства удельный вес первого подразделения равняется просто удельному весу мертвого труда в стоимости продукции. Когда происходит кризис, то конечно неизбежна приостановка накопления. Таким образом из нашего равенства выскакивает второй множитель, и равенство превращается в неравенство. Следовательно, если накопление приостанавливается, то тем самым неизбежно должна быть нарушена пропорциональность между первым и вторым подразделением, ибо правая часть формулы тогда видоизменится и первое подразделение попадает в такое положение, когда здесь получается излишек продукции этого первого подразделения (на величину в долях всей продукции промышленности), и поэтому первый удар кризиса приходится как раз по первому подразделению. Это неизбежно влечет сейчас же кризис и во втором подразделении, потому что спрос на продукцию второго подразделения со стороны первого сокращается. Следовательно по второму подразделению удар кризиса приходится вторичным порядком и следовательно в ослабленной степени. Правда, кризис во втором подразделении вызывает сейчас же дополнительные

затруднения в первом подразделении, потому что сокращается спрос для него со стороны второго подразделения, а это в свою очередь вызывает новый удар по второму подразделению и т. д. Таким образом создается общая дезорганизация и общий хозяйственный кризис. Рассмотрение внутреннего механизма кризиса приводит к тому, что наибольший удар и наибольшие разрушения капиталистического кризиса приходятся по тяжелой промышленности, по первому подразделению. Я этим самым и объясняю, что кризис в сельском хозяйстве, когда он происходит как продолжение промышленного кризиса, проявляется в более ослабленной степени, чем кризис в промышленности. Эта ослабленность еще определяется и тем, что всегда часть сельского хозяйства является натуральным хозяйством, поэтому здесь конечно кризис должен чувствоваться в более слабой степени.

По данным т. Гордеева можно видеть, что большей частью получается или же совпадение с.-х. кризисов с промышленными или же бывает промышленный кризис, когда с.-х. кризис мало или совсем не чувствуется, а это возможно и понятно с той точки зрения, которую я развивал. Очень мало случаев, когда мы имеем с.-х. кризис, который оторван от промышленности. Также мы должны обратить внимание и на то, что большая часть с.-х. кризисов идет за промышленными кризисами, а не наоборот. Поэтому было бы логичнее со стороны т. Гордеева, если бы он в своем заключительном слове увязал циклические с.-х. кризисы с кризисами промышленности. Этим конечно вопрос о теории аграрного кризиса не исчерпывается,—и я считаю ошибкой т. Спектатора отрицание специфических длительных аграрных кризисов, достаточно в нашей литературе изученных.

Из сказанного мной вытекает, что капиталистическое сельское хозяйство находится под действием двух родов кризисов. И если общие периодические кризисы капиталистического хозяйства на сельском хозяйстве отражаются в меньшей степени, чем на промышленности, зато на нем лежит добавочная тяжесть наиболее жестких специфических аграрных кризисов, имеющих своей основной причиной специфическое свойство капиталистического сельского хозяйства—земельную ренту. Таким образом капиталистическое сельское хозяйство несет на себе большую сумму противоречий капиталистического способа производства, чем промышленность, и больше от этого способа производства страдает, чем промышленность, постоянно отставая от нее и создавая одну из коренных болезней капитализма—противоположность между городом и деревней.

М. Спектатор (Москва). Само собой разумеется, что нельзя ответить на все те указания, которые были сделаны товарищами во время прений. Был выдвинут целый ряд вопросов, но многое было сказано потому, что выхватывали отдельную фразу и толковали ее совершенно противоположно тому, что автор хотел сказать. Много раз я в своей

работе повторял,—а свои тезисы я начал с этого,—что я не отрицаю специфических аграрных кризисов, но в этой работе разбираю вопрос, отвлекаясь от этих специфических аграрных кризисов. (Голос: Т. е. отвлекаясь от аграрных кризисов?). Извините. В этом-то и заключается суть вопроса. С вашей точки зрения эти специфические кризисы, не подчиняющиеся никакой закономерности, составляют суть аграрных кризисов. С моей точки зрения они представляют собой то же, о чем говорил Рикардо, когда он допускал частичные кризисы, которые вызываются специфическими условиями,—не больше. Я поставил проблему аграрных кризисов, как один товарищ выразился, не арифметически, а именно алгебраически, т. е. изучил этот вопрос теоретически, абстрактно, а не конкретно. При конкретном подходе к этому вопросу нужно было бы принять во внимание ряд и других моментов. Тут хотели, чтобы я, изучая капиталистические кризисы, говорил об аграрных кризисах в отсталых странах, т. е. там, где еще нет капитализма.

Меня упрекают в том, что я отвлекаюсь от ренты, причем один товарищ удивительнейшим образом заявил, что в сельском хозяйстве имеются три класса, а в промышленности только два класса. Он забыл о том, что «манчестерцы» боролись против третьего класса—землевладельцев. Следовательно и в промышленности чувствуется роль и значение «третьего класса». При отвлеченном анализе мы конечно отвлекаемся от этого третьего класса, но при конкретном анализе развития например текстильной промышленности приходится считаться и с этим «третьим классом», потому что и заработная плата и сырье содержат в себе ренту. Все это приходится к сожалению отмечать.

Далее, отвлекаюсь ли я в своем внимании от момента ренты и от частной собственности на землю? Тот, кто читал мою работу, знает, что в самом определении цены на с.-х. продукты я принимаю во внимание элемент собственности на землю. Как же можно говорить, что я вообще с этим моментом не считался, раз в движении цены отражают фазы развития сельского хозяйства, а сама цена определяется между прочим и фактом монополии землевладельцев. Всякий экономически мыслящий товарищ знает, что в цене, как в зеркале, отражаются все социальные противоречия капиталистического хозяйства. Я употребляю экономические категории, выступавшие же товарищи говорили, что я отвлекаюсь от социальных отношений, как будто эти экономические термины не выражают и социальных противоречий. Норма прибыли или цена—разве в этих словах не заключается определенное выражение социальных противоречий? Я думаю,—и в этом я не ошибусь,—что имею дело с товарищами, стоящими на марксистской точке зрения и изучающими политэкономию с этой точки зрения. Для нас все категории политэкономии—социальные категории. И когда мы говорим о цене, то я не думаю, чтобы мы при этом отвлекались от социальных

противоречий, характеризующих процесс образования цен в капиталистическом хозяйстве. Неверно и утверждение, будто я противопоставляю аграрный кризис с.-х. кризису. Ведь я выступил одним из первых в литературе именно против такого противопоставления.

Затем, товарищи, тут были и более серьезные замечания о моей работе. Но и они основаны на недостаточном знакомстве с тем предметом, о котором эти товарищи говорили. Один из выступавших говорил о том, что я не принимал во внимание взаимного действия сельского хозяйства на промышленность и обратно. Я говорил об отраженном с.-х. кризисе, но это означает только влияние промышленности на сельское хозяйство, а не обратное влияние сельского хозяйства на промышленность. И в этой работе и в специальной статье, посвященной теории кризисов, которую я дало, я именно показываю весь цикл развития. Как же можно утверждать, что под словом «отраженный», которое я употребляю правильно или неправильно, точно или неточно, я не понимал этого взаимодействия? На с. 71—72 моей книжки видно, что я подчеркнул момент взаимного действия, и это вытекает из всего моего понимания цикличного развития капитализма. Расширенное воспроизводство основного капитала в промышленности вызывает подъем цен на с.-х. продукты. Этот подъем цен на с.-х. продукты задерживает дальнейшее движение промышленности, вызывает кризисы в промышленности; кризис промышленности в свою очередь должен отражаться на положении сельского хозяйства и на понижении цен на с.-х. продукты. Это понижение цен на с.-х. и сырьевые продукты вызывает новое оживление промышленности и т. д. Итак получается беспрерывный цикл как раз вследствие взаимного действия сельского хозяйства на промышленность и последнего на сельское хозяйство.

Еще одно замечание. На все указания не могу ответить: нет времени, чтобы выяснить полностью мою точку зрения, мне надо было, во-первых, писать не полемическую работу, а изложить свою теорию в более законченной форме. Основная цель моих работ заключалась в пояснении конкретного кризиса после войны. Я остановился на теории только потому, что этот вопрос нашел в литературе истолкование (Каутский). Эта полемическая форма изложения и породила вероятно, много недоразумений. Но восторжествовала моя концепция, что развитие сельского хозяйства идет циклично, подчиняясь развитию промышленности. Это—несомненно шаг вперед в развитии теории аграрных кризисов.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО Г. ГОРДЕЕВА

Я кончу с последнего замечания т. Спектатора, затем позже снова перейду к нему. Тов. Спектатор заявил, что он взял свое деление из второго тома «Капитала» и в той же своей книге в подстрочнике написал, что этих делений не придерживается. Следовательно он придерживается двух вариантов. Он празднует, как говорят, два дня: и на Онуфрия, и на Антония. Если его обвинять во включении сельского хозяйства во второй подраздел, то у него найдется одно утверждение, для другого случая он вытаскивает другое, противоположное первому. Как называется такого рода теоретическая манера? Повидимому эклектическое двурушничество.

Перейдем к выступлению т. Власова. Я должен с сожалением констатировать, что если т. Спектатор и т. Пикус ошибаются, то т. Власов ошибается в квадрате: и по-спектаторски, и по-пикусовски. Он предлагает, ни много ни мало, признать наличие специфических с.-х. кризисов, отличных от промышленных, и затем наличие общих с.-х. и промышленных кризисов. В последнем случае с.-х. кризисы вызываются промышленными.

Власов повторяет и Спектатора и Пикус. Он соглашается и с тем и с другим одновременно. Ему сверх того кажется, что разразившийся кризис сильнее всего ударяет по первому подразделению. При переходе ко второму подразделению кризис смягчается. Таким образом второе подразделение по Власову переживает кризис значительно слабее. Получается «отраженная» гуттаперчевая теория кризисов, в которой нет ни грана марксизма.

Нигде ни Маркс ни Ленин ни одной строчки не обронили и не могли обронить чего-либо, отдаленно похожего на теорию т. Власова.

Тов. Власов утверждает, что с.-х. кризисы идут за промышленными. Тов. Власову, прежде чем выступать здесь, нужно было подковаться фактами. Как согласовать с вашими утверждениями такое положение: аграрный кризис имел место в 1891 г., а промышленный в 1893 г. Имел место этот факт? Имел. Однажды был подобный факт? Нет, не однажды. Следовательно как же вы говорите, что аграрный

кризис всегда следует за промышленным? Вы это не можете говорить, так как вы совершенно не согласуете с фактами свою схему. Очень любопытно также наметить грань между чисто с.-х. рентным кризисом и промышленным кризисом.

Тов. Власов предлагал мне принять свою схему как поправку к моему докладу. Бесспорно его предложения я принять не могу.

Затем я должен остановиться на т. Билаше, он упрекал меня в целом ряде пунктов: и в том, что я роднюсь с Каутским, и в том, что я в конечном счете принимаю противоречие между возможностью общественного производства и частным присвоением, но не принимаю во внимание аналогии и т. д. Эту же мысль поддержал и т. Эфроимский. Как нужно понимать все это дело? И т. Билаш, а затем и т. Эфроимский задали вопрос: а что было бы, если бы потребление поспевало за развитием капитала и общественного производства? Такой же вопрос может задать каждый из вас: а что будет с человеком, если вынуть сердце изнутри? Очень любопытно с точки зрения физиологической, что будет с организмом. Вероятно анатомы производили эксперименты такого рода над лягушками, мышами и др. Но над самим человеком такого эксперимента произвести нельзя. Невозможно также экспериментировать над общественным производством путем допущения нереальных гипотез. Капиталистическое общество так устроено, что рост постоянного капитала будет постоянно обгонять рост переменного. Из этого надо исходить. Для того, чтобы успокоить ортодоксальную совесть т. Билаша, я отвечу, что нельзя ставить вопроса так, что последняя причина—это противоречие между потреблением и возможностью расширения производства. У Маркса есть указание относительно последней причины; Маркс совершенно ясно ставит этот вопрос.

«Капитал и самовозрастание его стоимости являются исходным и конечным пунктом, мотивом и целью производства. Производство есть только производство для капитала, а не наоборот. Средства производства не являются просто средствами для постоянного расширения жизненного процесса общества производителей. Пределы, в которых только и может происходить сокращение и увеличение капитальной стоимости, основывающейся на экспроприации, обеднении неимущих масс производителей, эти пределы постоянно вступают поэтому в конфликт с методами производства, которые должен применять капитал ради своих целей... Средство—безграничное развитие общественно-производительных сил—вступает в постоянный конфликт с ограниченной целью—увеличением стоимости капитала» [1].

Дальше Маркс продолжает ту же самую идею. Я бы предостерег т. Билаша и т. Эфроимского от возможного эклектизма, если они будут

[1] «Капитал», т. III, ч. 1, новое издание, с. 189.

настаивать на множестве причин с.-х. кризисов. На самом деле согласимся на один момент с тт. Билашем и Эфроимским,—устраним распределение, которое имеет место в капиталистическом обществе. Что тогда будет? Можно ли ожидать, что от диспропорции или анархии производства мог бы произойти кризис? Мог бы и должен. Маркс об этот говорит утвердительно, и ни у кого положительный ответ сомнения не вызывает. Но эти кризисы в таком случае будут локальными, частичными. В процессе капиталистического производства их какими-нибудь способами изживали бы. Но мы говорим, не об этих частичных, локальных кризисах, а о кризисах периодических, закономерно проявляющихся в капиталистическом обществе, и эти кризисы могут быть объяснены вопреки убеждениям т. Эфроимского одной причиной. Все остальные причины являются модифицирующими и т. д., но не основными. Основной причиной является противоречие капиталистического общества, заключающееся в возможности безграничного расширения производства и ограниченных условий реализации на основе антагонистического распределения.

Между прочим я хочу избавить себя от той вульгаризации понимания потребления, которую т. Спектатор пытался провести. Я указываю не на потребление типа Родбертуса, против которого возражает Маркс, Я указал на то основное противоречие капиталистического общества, которое имманентно капиталистическому обществу, хотя бы рабочие и питались удовлетворительно.

Теперь относительно ряда других замечаний т. Билаша. Он меня обвинял в том, что я не диалектически рассматривал каждую стадию капиталистического развития. Это конечно не верно.

Затем т. Рудакова задала ехидный вопрос: «Как вы рассматриваете разъедание капиталистического общества этими кризисами в разные периоды?» «Рассматриваете ли вы, что кризисы разъедают одинаково или по-разному?»—Я конечно скажу, что по-разному. Но влияние кризисов на капиталистическое общество на различных его ступенях является темой для другого доклада и настолько крупной, что она может занять больше времени, чем я занял своим докладом.

Обращаю внимание на те замечания, которые сделал т. Печак. Он полагает, что доклад не дал интересного материала. Ему кажется, что периодизация и все прочее—давно известные вещи. Откуда однако ему известны все сообщенные схемы? Знал ли он, что есть 6 мировых кризисов? До сих пор все дудили в одну дудку — есть 3 кризиса. Посмотрите у Спектатора, у Пикус, у многочисленных буржуазных теоретиков. Кто сказал, кроме меня, что в мировой истории, начиная с наполеоновских войн, можно констатировать 6 общемировых кризисов, затем ряд кризисов, локально ограниченных Европой без Америки? Этого вы, т. Печак, не сказали. А ведь этот конкретный материал является базой для более правильного марксистского анализа с.-х.

кризисов. Но когда вы заявляете, что это ломаного гроша не стоит, я полагаю, что это немножко смело.

Я должен сделать снова несколько замечаний относительно т. Эфроимского. Я совершенно согласен с т. Эфроимским в том, что кризисы в монополистическую стадию—очень интересная тема. Я с ним согласен, что в эту эпоху кризис представляет настолько интересное явление, что на нем стоит остановиться особо.

Но к сожалению этого не удалось сделать по целому ряду обстоятельств сейчас, и конечно в ближайшем будущем к этому вопросу нам придется вернуться.

Вернусь еще к Печаку. Не разобрав моего доклада, т. Печак утверждал, будто я противопоставил мануфактурное производство капиталистическому, но ведь мануфактурное производство, говорит он, есть тоже капиталистическое. Из выступления т. Печака я понял, что он не в курсе всего спора о кризисах. Ведь т. Пикус привела совершенно правильную и уместную цитату из Маркса, которая утверждала, что чем более зрелым станет капитализм, тем регулярнее происходят кризисы. А Пикус, сводя сельское хозяйство почти на мануфактурный уровень, приписывает ему меньшую регулярность кризисов. А раз в сельском хозяйстве меньшая регулярность, то сельское хозяйство не знает циклов промышленных и подобных промышленным. В этом основное. И когда мне приписывают мысль, что я противопоставил мануфактуру как некапиталистический этап капиталистическому производству, то мне хочется сказать, что утверждающие это просто не слышали моего доклада. Тов. Печак обвинил меня в том, что я не обращаю внимания на своеобразия в сельском хозяйстве. Вот, говорит он, у Ленина есть отсталое и есть монополистическое землевладение, а у Гордеева только одно—капиталистическое. Неправильно, т. Печак, вы тоже не слышали меня. Маркс говорил, что в зависимости от зрелости капиталистического общества тенденции его развития модифицируются.

В частности относительно крестьянства как товаропроизводителей я сделал специальное замечание, если т. Печак прослушал этот момент, я не считаю нужным для себя утруждать всех, слышавших доклад, повторением этого места еще раз. Но дальше у т. Печак начинается то грехопадение, от которого я вас предостерегаю. Он начинает плакаться о том, что сельское хозяйство—полунатуральное, отсталое, и в этом сущность специфичности сельского хозяйства. Крестьянин не заинтересован в ценах, вообще он не так связан с рынком, как капиталистический производитель. Я должен повторить ту мысль, которую я высказал в средине или в начале доклада. Товаропроизводитель в современных условиях капиталистического производства погоды не делает. Он подчиняется капиталистическим закономерностям капиталистического сельского хозяйства, а его или выбрасывают вон из промышленного оборота или, если он остается, то подчиняется про-

явлениям капиталистического сельского хозяйства. Я снова напоминаю т. Печаку, что наличие большого слоя товаропроизводителей модифицирует тенденции развития. Против чего же возражает т. Печак? Если он возражает против того, что к сельскому хозяйству нельзя применить закономерностей развития промышленности, то против этого и был направлен, по существу дела, весь мой доклад.

Тов. Печак допустил в дальнейшем ошибку. Он говорит, что зерновое хозяйство страдало от кризиса, а молочное хозяйство, напротив, преуспевало. На основании чего он это утверждает? Если вы возьмете наиболее развитое американское сельское хозяйство, вы не найдете стабильности цен на молоко. Диаграмма по ценам для Соединенных штатов обнаруживает падение цен на все продукты. Вы не сможете опровергнуть этого факта. Можно говорить о том, что молочное хозяйство быстрее оправляется от кризиса. Можно сказать, что разные отрасли неравномерно переживают кризис, но не на этом настаивал т. Печак. Следовательно он впал в ряд ошибок, от которых надо предостеречь других товарищей.

Очень дельные замечания сделал т. Любошиц. Затем ряд замечаний, совершенно необходимых, сделали тт. Слуцкина и Ганин. Но т. Шафир допустил в своем заявлении ряд ошибок, которые надо будет ему исправить.

Перейду к т. Ульянову, который полагал, что у меня были противоречия между первой и второй частью и поэтому получилась какая-то разноголосица. У меня будто получилось, что есть с.-х. кризисы чистые, без промышленных—номер первый; есть аграрные кризисы, совпадающие с промышленными—номер второй, и промышленные, не совпадающие с с.-х. кризисами—номер третий. Получилось как будто, что под эти кризисы можно подвести гамму теорий. Против такого понимания я решительно предостерегаю. Я заявил в своем докладе, что теория с.-х. кризисов может быть одна; на основании этой теории мы имеем такую закономерность в развитии противоречий капиталистического сельского хозяйства, что они вызывают кризисы, не всегда совпадающие с промышленными. Таким образом получается, что часть с.-х. кризисов совпадала с промышленными и являлась частью общих кризисов, а часть не совпадала и остается с.-х. кризисами. Есть ли тут что-нибудь не от марксизма? Если т. Ульянов заглянет в Маркса и вспомнит о том, что кризисы могут быть общими, универсальными, частичными, локальными, то он поймет, что когда имел место только с.-х. кризис, там имел место локальный, частный кризис в капиталистическом хозяйстве. Там же, где с.-х. и промышленный кризисы совпали с мировым, имел место общий, универсальный кризис, который охватывал огромное количество отраслей. Это вовсе еще не значит, что все отрасли переживали кризис. Это марксистское голосование и дает мне повод выделить специфические с.-х. кризисы, которые не

совпадали с промышленными, и специфические с.-х. кризисы, которые совпадали, давая базу для появления универсальных кризисов.

Теперь несколько замечаний относительно т. Спектатора.

Я бы хотел совершенно откровенно ему сказать следующее: в основном его нельзя считать ревизионистом на 100%. Но к сожалению в ряде мест у него найдутся положения, создающие определенные ревизионистские уклоны, а затем попадаются и такие, которые дают основание ревизионистам хвататься за эти положения. Если бы было время, чтобы перелистать его «Теорию аграрных кризисов» страница за страницей, то я бы указал ему на ряд грубейших противоречий, которые говорят против марксизма. Тов. Спектатор возражает против закона таким образом, что сторонники закона только радуются. Он говорит против технического своеобразия сельского хозяйства, но так, что Булгаков и Давид только радуются. Возьмите наудачу такую фразу:

«Отставание сельского хозяйства вследствие естественных и других моментов вызывает регулярно, в периоды расцветания промышленности, повышение цен на промышленные товары». Оказывается, естественные условия и другие моменты—а какие—здесь вы не указали—вызывают отставание сельского хозяйства. На естественных моментах вообще базировать экономические закономерности невозможно. Ревизионисты строят свои антимарксистские схемы на природном своеобразии сельского хозяйства. Это не значит, что и мы должны следовать их дурному примеру.

Надо посоветовать т. Спектатору очистить свою книжку от ревизионистской шелухи.

Тов. Спектатор доказывает, что Каутский ошибся и Ленин, если бы он был жив, от него бы отказался. Я полагаю, что у Ленина есть совершенно точное указание на Каутского до войны и Каутского после войны. Ленин различал Каутского-революционера от Каутского социал-фашиста. Я не хочу этим сказать, что корни ревизионизма и оппортунизма, которые сейчас расцветают в Каутском, не заложены были до войны, но он многое популяризировал правильно, а в аграрном вопросе развивал много правильных марксистских идей. А когда т. Спектатор говорит о перманентном аграрном кризисе Каутского, то нельзя подойти к Каутскому так, как вы подходите. Нельзя и к теории Ленина подходить так, как вы подходите. У Каутского в другом месте—«Рынки и кризис»—есть статья по кризису вообще и замечание по с.-х. кризису специально. Он говорит, что аграрный кризис происходит циклически и вовсе не говорит о том, что аграрный кризис перманентен. Открывается два разных утверждения у одного и того же Каутского. В чем тут дело? Где противоречие? Каутский не увязал концов с концами? Я думаю, что аграрный кризис понимался Каутским так, как Лященко пытался выявить в своей статье. Европейское

сельское хозяйство под влиянием кризиса 1875 г. оказалось в состоянии загнивания, и мелкие крестьяне пачками выбрасывались из земледелия, лишаясь средств производства. Для мелкого крестьянства не было надежд на будущее. Конкуренция стала жать их все ощутительнее. Говоря о последствиях кризиса, Каутский с известным основанием мог писать, что обезземеливание будет перманентным вплоть до мировой революции. Если понимать Каутского так, то его теория будет увязана с другими местами, и будет понятно замечание Ленина по поводу аграрного кризиса Каутского. Следовательно нельзя Каутского довоенных времен вносить в ревизионистский лагерь.

Не думаю, чтобы стоило еще много останавливаться на т. Спектаторе. Я поднимаю общий вопрос, который здесь был затронут: «Вы говорите о специфическом аграрном кризисе и говорите, что в промышленности он не существовал. В то же время говорите о том, что капиталистическое хозяйство есть связный организм. Нельзя одну часть оторвать от другой». Я совершенно согласен с т. Марголиным, что промышленное развитие, промышленная динамика оказывает огромнейшее влияние на сельское хозяйство. Я полагаю дальше, что промышленный кризис не остается без влияния на динамику. Но устанавливая взаимную зависимость, можно все-таки вследствие наличия ренты, вследствие развития осложняющих обстоятельств допустить возможность в этом цельном органическом единстве таких проявлений, которые позволяют говорить об особых с.-х. кризисах. Отсюда я и полагаю, что у т. Спектатора основная ошибка заключается в подмене теории с.-х. кризиса утверждением о влиянии промышленного цикла на сельское хозяйство. Вместо разбора противоречий, которые приводят к с.-х. кризису и которые коренятся в капиталистическом сельском хозяйстве, он все дело свел к влиянию промышленных кризисов на сельское хозяйство. Конечно это влияние наблюдается, и конечно оно огромно, но им не объясняется с.-х. кризис.

Когда капиталистическая промышленность развивается и внедряет капиталистические начала в сельское хозяйство, тогда она оказывает решающее влияние на сельское хозяйство, и здесь нечего говорить о каком-то особом процессе в сельском хозяйстве. Но когда вы имеете два зрелых капиталистических сектора—сельское хозяйство и промышленность—и когда начинаете говорить о том, что в сельском хозяйстве, в капиталистическом секторе кризис находит только отраженное проявление, и когда вылезает т. Власов и говорит, что в производстве средств производства, где кризис зарождается, кризис выражается сильнее, пока же кризис доходит до производства средств потребления, он смягчается, т. е. получается смягченное отражение,—то в таких заявлениях вы имеете законченную ревизионистскую концепцию, вы не можете понять классовой борьбы, которая имеет место. По схеме Спек-

татора и Власова в хозяйстве нет классовой борьбы. Поэтому и кризис в сельском хозяйстве есть явление отраженное.

Мне был брошен упрек в том, что я был недостаточно конкретен, говоря о влиянии земельной ренты на кризисы. У меня все-таки были намечены три основные раздела влияния ренты. Во-первых, задержка притока капитала—а мне в частной беседе т. Берзтыс, правильно указал, что из-за этого происходит перераспределение капитала между странами.

Наличие земельной ренты задерживает механизацию и вообще развитие сельского хозяйства, замедляет накопление. Замедленный процесс задерживает накопление противоречий, ведущих к кризису.

Одновременно действует и обратная тенденция. Высокие цены суживают базис потребления. Кроме того, рента оказывает принижающее влияние на зарплату и прибыль.

В связи с рентой имеется любопытная диаграмма, которая показывает, как изменялась рента в английских условиях. Начиная с 1800 г., в 12 — 15 — 18 — 25 годы все эти зигзаги совпадают с кризисами, но имелся ряд кризисов, когда рента не понизилась,—к сведению тех, кто заявляет, что рента обязательно понижается. Вы видите, как упорно она сопротивлялась всякому понижению, а с 1870 г. начала падать неотступно. Она упорно сопротивлялась тому, что называется приспособлением издержек производства к новым условиям капиталистического производства.

Разрешите, высказав уверенность, что удастся в другой раз к затронутой теме вернуться более подробно, на этом закончить.

ДОКЛАД М. СУЛКОВСКОГО

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЭКОНОМИЯ КАК НАУКА

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ

УЧАСТНИКИ:

А. Сивогривов
А. Ганин
О. Таргульян
Я. Казанчук
П. Лященко
Г. Раевич
С. Потапов
В. Келлер
Е. Эфроимский
Т. Билаш
Г. Гордеев

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Товарищи, я буду делать доклад на тему «Сельскохозяйственная экономия как наука». В качестве практического приложения к этому докладу явится предлагаемая мною программа семинарских занятий по с.-х. экономии. Таким образом мы одновременно можем обсудить и принципиальные вопросы, касающиеся предмета с.-х. экономии, ее метода, и конкретное выражение этих теоретических положений в виде практических программ по с.-х. экономии. В частности моя теоретическая установка будет иметь в качестве своего подкрепления предлагаемую мной конкретную программу.

Я буду по возможности краток. Время уже позднее, поэтому я должен связать нынешний доклад с тем докладом, который я делал год тому назад в стенах Коммунистической академии. Во-первых, я должен сказать, что стою примерно на тех же самых позициях; изменения, которые произошли за это время в моих взглядах, касаются только некоторых отдельных формулировок. Некоторые я может быть сейчас несколько уточнил бы, но это не вносит никаких особо принципиальных различий по сравнению с моим прошлогодним докладом. С другой стороны, в этом своем докладе я постараюсь дать другой акцент, другое ударение своей постановке вопроса о предмете с.-х. экономии, связав этот вопрос с общей марксистской классификацией наук.

Мой первый тезис говорит о том, что нельзя пользоваться как при определении с.-х. экономии, так и при классификации наук, готовыми буржуазными определениями. Тов. Мирошхин в своей статье, помещенной во втором номере журнала «На аграрном фронте» за 1929 г., в качестве общего определения науки приводит цитату из Оствальда, даже эпиграф его статьи взят из Оствальда. Такая постановка вопроса лишает возможности всякого спора с т. Мирошхиным о предмете с.-х. экономии, так как классификация и методология наук являются одним из принципиальнейших моментов при определении той или другой науки. Если бы перед нами выступали буржуазные теоретики по вопросу о

предмете и методе с.-х. экономии, то вместо спора на эту тему нам пришлось бы говорить вообще о методологии и классификации наук. То же самое мы должны делать и при споре с т. Митрошхиным, ибо что представляет собой этот Оствальд и его концепция? На это я могу сказать словами Ленина, который, определяя систему Оствальда, говорит: «путанный агносцитизм, пускающийся кое-где в идеализм». Конечно для марксиста является совершенно недопустимым пользоваться определением и классификацией наук этого агностика.

Что мы имеем в нашей марксистской литературе для классификации наук? Мы имеем здесь очень немногое, если конечно брать основное, а не популярные брошюры, вроде недавно вышедшей брошюры Рожицина. Энгельс в своей «Диалектике природы» говорит: «Классификация наук, из которых каждая анализирует отдельную форму движения или ряд связанных между собой и переходящих друг в друга форм движения, является также классификацией, иерархией, согласно присущему им порядку, самих этих форм движения, и в этом именно и заключается ее значение». Таким образом по Энгельсу каждая отдельная наука занимается или отдельной формой движения или несколькими формами движения, переходящими одна в другую.

Так как вообще нет совершенно изолированных друг от друга форм движения,—все формы движения тесно между собой связаны и должны переходить друг в друга. Таким образом мы видим, что для образования каждой новой науки никаких принципиальных препятствий не ставится. Иногда несколько форм движения могут быть объединены в одну науку, в других случаях эта наука, объединяющая несколько форм движения, может быть разделена на ряд наук. Важно лишь только одно, чтобы наука охватывала определенную форму движения, определенное специфическое качество, и, с другой стороны, если наука охватывает ряд достижений, важно, чтобы эти движения были связаны тесно между собой и переходили друг в друга.

Коснусь другой важной цитаты, касающейся вопроса о марксистской классификации наук. Маркс в одном месте говорит, что если сущность вещи и форма ее проявления совпадали бы, то тогда отсутствовала бы наука.

Вот основные теоретические положения марксистской классификации наук, которые мы должны взять за основу, когда мы подходим к вопросу о том, существует ли с.-х. экономия как наука, вправе ли мы на нынешнем этапе говорить о необходимости отпочкования с.-х. экономии от других наук.

Во 2-м своем тезисе я говорю о том, что каждая форма проявления в свою очередь имеет свои формы проявления и т. д., и в этом смысле может получиться известная цепеобразная связь. Довольно грубый пример этому можно взять из политической экономии. Прибавочный продукт в качестве своей формы имеет прибавочную стоимость,

а формой прибавочной стоимости является прибыль, формой последней является добавочная прибыль, а формой добавочной прибыли является земельная рента. Вот грубый пример того, как форма проявления предшествующей вещи, в то же время служит сущностью для следующей формы. Насколько мне помнится, этот же самый пример я приводил и в своем докладе, который я делал в Коммунистической академии больше года тому назад.

Таковы общие абстрактные условия существования отдельных наук. Как мы видим, эти условия достаточно широки и требуют лишь того, чтоб объектом каждой науки была бы по меньшей мере отдельная специфическая форма движения.

Теперь подойдем к практическим условиям возникновения отдельных наук. Что является необходимым для этого? Я считаю, что для выделения каждой новой науки требуются три основных условия:

Практическая потребность человеческого общества в исследовании данных форм движения. Науки не возникают сами по себе. Есть очень много форм движения, которые не изучаются и может быть никогда не будут изучаться. Существование каждой отдельной науки в своем основании имеет практические потребности человеческого общества. Вне условий практической деятельности человеческого общества науки быть не может, ибо сама наука есть вид практического действия человека, направленного на природу.

Второе необходимое условие возникновения отдельной науки есть наличие единства объекта этой науки, т. е. включает ли объект данной науки особую форму движения или несколько связанных между собой форм движения. В частности недостатком анализа предмета с.-х. экономии до сих пор было то, что единство объекта этой науки было до сих пор довольно слабо доказано.

И наконец третье условие—это то, чтобы объект данной науки, та сумма проблем, которая подлежит изучению, была бы достаточно велика, чтобы вызвать необходимость соответственного разделения научного труда. Выше мы оговорились, что условием возникновения интереса к данной научной области является известная практическая потребность человеческого общества. В данном же случае мы должны подчеркнуть, что и условием того, что изучение данной формы движения формируется в отдельную науку, является практический критерий, а именно потребность соответственной специальности научного труда. Это приводит к тому, что на одной стадии развития научного знания при недостаточно накопленном научном материале, при недостаточной развитости поставленных проблем возможно охватить изучением в пределах одной науки несколько связанных между собой форм движения. В другом случае, случае большого развития научного знания, встает задача разделения изучения этих форм движения, встает задача необходимости специализации научного труда по изучению отдельных форм

движения, изучавшихся раньше в пределах одной науки. Поэтому и классификация науки не может быть постоянной, данный раз навсегда. Даже в условиях данного классового общества—на различных ступенях развития техники и развития науки—мы должны столкнуться то с более общей классификацией науки, то с более частной и раздробленной классификацией. Примеров такого рода можно было бы привести очень много. Так еще недавно политической экономии как отдельной науки не существовало. Сам Адам Смит был профессором нравственной философии, так что политическая экономия имела в качестве своего основателя Адама Смита, профессора нравственной философии. Когда-то в древнегреческую эпоху философия была «матерью всех наук», включая в себя элементы и общественных и естественных наук.

Таким образом мы не можем никогда стоять на той точке зрения, что классификация наук является вечной и неизменной: она зависит в известной мере опять-таки от степени накопления человечеством научного материала.

Теперь мы подойдем к конкретному вопросу о предмете с.-х. экономии. От кого должна с.-х. экономия отпочковаться? Здесь может стоять только вопрос об отпочковании с.-х. экономии от теоретической экономии. Можно ли говорить, что с.-х. экономия является только отделом политической экономии, или уже пора сказать, что с.-х. экономия есть не только отдел политической экономии, но она представляет особую науку? Для этого прежде всего нужно выяснить, имеются ли вообще те специфические формы движения, которые должны составить объект с.-х. экономии, или нет. Или, создавая с.-х. экономию, мы искусственно раскраиваем ту же самую форму движения, которую мы изучаем в политической экономии, и часть ее преподносим отдельно в виде с.-х. экономии. Конкретнее, дело сводится к вопросу о том, существуют ли различия законов развития капитализма в сельском хозяйстве и других отраслях. Для ответа на этот вопрос нужно мельком коснуться двух основных точек зрения—буржуазных и мелкобуржуазных экономистов по этому поводу. Ярким примером одной точки зрения по этому вопросу являются взгляды проф. Кажанова, который стоит на точке признания принципиальной разницы между законами товарно-капиталистического общества в сельском хозяйстве и других отраслях народного хозяйства. Поскольку специфические черты сельского хозяйства сводятся Кажановым лишь к его биологическим особенностям, создается база для признания особых законов сельского хозяйства, свойственных только ему. Такая точка зрения конечно не может быть принята марксистом. Ибо эта точка зрения не позволяет говорить просто даже о различиях в законах сельского хозяйства и других отраслях. Различия, как известно, на основании законов диалектики всегда предполагают единство. Поскольку же точка зрения Кажанова отрицает это единство, нужно говорить не о различиях, а о принципиальной раз-

нице между сельским хозяйством и другими отраслями. Эта «принципиальная разница», в виде особой биологической природы сельского хозяйства, была в свое время марксистами в их принципиальном споре с народниками и буржуазными учеными отвергнута.

Вторая точка зрения, которая имеет свое распространение у новейших буржуазных экономистов, стоит на признании полнейшего тождества законов капитализма в сельском хозяйстве и в других отраслях производства. Эта точка зрения является не менее ошибочной, чем первая. Объективно она так же, как и первая, сводится к апологетике капитализма в сельском хозяйстве. Отрицая специфичность форм проявления законов товарнокапиталистического общества в нем,—она вместе с тем отрицает и специфические противоречия капиталистического сельского хозяйства и сводит эти особые противоречия капиталистического сельского хозяйства к общим противоречиям товарнокапиталистического общества. Тем самым она уменьшает ту сумму противоречий, которые свойственны конкретному капитализму. Эта точка зрения является чрезвычайно опасной по своим тенденциям. Блестящим примером этой точки зрения является точка зрения т. Спектатора. Я не слышал сегодняшнего выступления т. Спектатора по докладу об аграрных кризисах, но по его литературным трудам выходило полное отрицание всяких специфических аграрных кризисов. По Спектатору нет никаких специфических, свойственных только капиталистическому сельскому хозяйству противоречий. Таким образом сумма противоречий в капиталистическом обществе была уменьшена. Такая точка зрения является чрезвычайно опасной. Несмотря на то, что она внешне противоположна стремлениям обычной буржуазной и мелкобуржуазной точек зрения, которые признавали принципиальную разницу между законами сельскохозяйственными и законами промышленности, эта точка зрения полного отожествления законов промышленности и сельского хозяйства приводила тоже к апологетике капиталистического общества. Признание принципиальной разницы законов сельскохозяйственных и промышленных, выведение особенностей сельского хозяйства из природных явлений привело к апологетике капиталистического общества в том отношении, что противоречия общественные сводились к противоречиям естественным, не зависящим от людей. Признание тождества противоречий сельского хозяйства и промышленности приводит к отрицанию специфических противоречий первого. Ни вопросов ренты, ни вопросов интенсивности, ни вопросов, связанных с аграрным перенаселением, нет. Все эти вопросы отрицаются. Следовательно сумма противоречий конкретного капитализма выступает как преуменьшенная.

Как же марксист должен подойти к вопросу? Я должен лишь повторить свою старую формулу[1]. Мы подчеркиваем единство законов

[1] Высказанную в докладе, сделанном в Комакадемии еще в октябре 1928 г.

капиталистической промышленности и сельского хозяйства, мы отрицаем принципиальную разницу этих законов, но, как во всяком единстве, мы в этом единстве находим различия. Законы капиталистического хозяйства, будучи по существу одними и теми же, в специфической форме преломляются в сельском хозяйстве. Противоречия капиталистического общества в сельском хозяйстве, будучи по существу теми же самыми, что и в промышленности, по-своему преломляются в сельском хозяйстве и носят некоторые особенности. Эти особенности составляют особые специфические противоречия, свойственные только сельскому хозяйству.

В оправдание своей точки зрения о наличии специфических законов сельского хозяйства я могу сослаться на цитату из Маркса. Приступая к анализу земельной ренты, Маркс говорит, что «задача вообще сводится к изучению тех определенных отношений производства и обмена, которые возникают из приложения капитала к сельскому хозяйству» [1]. Это даст мне возможность ответить т. Мирошхину, который говорил: что это за особые производственные отношения и особые законы в сельском хозяйстве? Или—т. Раевичу, говорившему: «Нельзя говорить о каких-нибудь особых производственных отношениях в какой-нибудь Рязанской губернии». Дело идет не о Рязанской губернии. или уезде, а о той сфере производства, специфичность законов которой подчеркивал и Маркс.

Теперь перейдем к сущности этих различий внутри единства. Я всячески подчеркиваю это единство, ибо с точки зрения диалектика нельзя говорить о различиях, не имея в виду единства. Поэтому я могу спокойно переходить к различиям, зная, что вы неверно меня не поймете. Я считаю, что никаких особых различий между сельским хозяйством и промышленностью, вытекающих из различий материально-технического характера производства, нет. Доказывать этого я не буду, считая, что это положение всем понятно. Конечно существует некоторая разница в материально-техническом характере производства между промышленностью и сельским хозяйством, но это такая же разница, как между отдельными отраслями промышленности и отдельными отраслями сельского хозяйства. Все те различия, которые я нахожу в законах товарнокапиталистического общества промышленности и сельского хозяйства,—все эти различия носят исторический характер и вызваны соответственными общественными условиями, общественными отношениями. Вообще и самый термин «сельское хозяйство», есть исторический термин. Было время, когда «сельское хозяйство» не существовало. Будет время,—и оно уже довольно скоро придет,—мы практически уже ставим этот вопрос—когда «сельское хозяйство» не будет существовать. Это не значит, что мы не будем производить хлеб и продукты животноводства.

[1] „Капитал", т. III, ч. 2, с. 155.

Но когда марксист говорит о сельском хозяйстве, то он имеет в виду определенное историческое понятие, связывая с ним определенные общественные условия. Когда мы говорим о сельском хозяйстве в отличие от промышленности, мы одновременно говорим о противоречиях между городом и деревней. Вне этого противоречия не существует сельское хозяйство как экономическое понятие. Поэтому когда мы говорим о с.-х. экономии, нужно всегда помнить, что сельское хозяйство есть исторический термин, существующий только в условиях товарнокапиталистического общества. Лишь только после возникновения общественного разделения труда появляется сельское хозяйство как сложный клубок специальной сферы материального производства и производственных отношений, его окружающих. При коммунизме эта отрасль как экономическое понятие опять уничтожается, и сельское хозяйство и промышленность сливаются в единое производство. Поэтому при коммунизме все различия между сельским хозяйством и другими отраслями промышленности будут такие же примерно, как сейчас различия между кожевенной и металлургической промышленностью, между пищевой и горной. Но здесь дело идет уже о различиях техники, о различиях технологических, а не о различиях экономических.

Что же тогда специфического в сельском хозяйстве? Специфическое в сельском хозяйстве—это отсталые формы производственных отношений. В этом корень специфичности сельского хозяйства, в этом лежит и основание необходимости отпочкования с.-х. экономии от политэкономии. Дело в производственных отношениях. Именно отсталые производственные отношения, наличие в сельском хозяйстве докапиталистических пережитков и приводит к тому, что сельское хозяйство и в техническом отношении отстало. Исходя из этого, мы должны и можем объяснить и разрешить все существующие аграрные проблемы. То, что отсталость техники сельского хозяйства является следствием отсталости производственных отношений в нем, сейчас довольно-таки легко доказать.

Ленин так говорит по поводу отсталости сельского хозяйства, критикуя натуралистические представления:

«Консервативность сил природы» есть просто словесная увертка реакционного мещанства, неспособного понять общественные условия, тормозящие особенно развитие сельского хозяйства. Давид обнаруживает непонимание того, что к этим общественным условиям принадлежат: во-первых, остатки феодализма в земледелии, неравномерность батраков и т. д. и т. п., а во-вторых, поземельная рента, которая вздувает цены и закрепляет высокие ренты в цене земли» [1].

Доказательством этому может служить практика нашей советской реконструкции сельского хозяйства. Мне недавно пришлось быть на докладе т. Вольфа. Этот доклад в некоторой части будет повторен

[1] Ленин, Соч., Гиз, т. II, с. 298

и у нас на конференции. Доклад говорит, что нам через год, через два нечего будет брать в американской технике сельского хозяйства. В отношении целого ряда сельскохозяйственных машин американская конструкторская мысль нас не в состоянии удовлетворить, и это в то время, как промышленность, которая является у нас в СССР более передовой отраслью, чем сельское хозяйство, почти полностью удовлетворяется западноевропейскими конструкциями. А в области сельского хозяйства мы уже практически обгоняем западноевропейскую и американскую технику, нам уже практически становится незачем ездить в Германию и Америку, ибо изменившиеся производственные отношения в Советском Союзе создают возможности такого прогресса техники сельского хозяйства, который является совершенно неслыханным и немыслимым в современных условиях капиталистического мира Осложненные «докапиталистическими остатками», капиталистические условия производства в сельском хозяйстве таковы, что они исключают возможность значительного прогресса его даже в такой мере, в какой он есть в промышленности. Наоборот, свержение капитализма создает такие условия, при которых сельское хозяйство начинает догонять промышленность. Достаточно привести пример хотя бы предполагаемого проведения электрификации Каширского района, куда будет вложен громадный капитал. Там будет создано громадное хозяйство, ведущееся исключительно при помощи электричества, т. е. то, о чем нигде в мире не мечтают. А это у нас ставится задачей ближайших лет. Наши успехи в области зернового хозяйства, тот факт, что в Америке, по существу нет таких крупных предприятий, как наш совхоз «Гигант», и то, что наши крупные зерновые совхозы уже становятся лучшими, нежели самые крупные американские хозяйства, показывают, как отстало капиталистическое сельское хозяйство, как там по сравнению с возможностями его развития задерживается рост техники и рост общественных производительных сил.

Следовательно, когда мы говорим об особых формах движения капитализма в сельском хозяйстве, отличных от форм движения его в других сферах производства, то можно их только объяснить остатками докапиталистических производственных отношений, которые сдерживающим образом влияют на развитие сельского хозяйства. В этом отношении определяется и место с.-х. экономии, с одной стороны, по отношению к политэкономии, с другой стороны, по отношению к прочим конкретным экономикам. Другие конкретные экономики—экономика промышленности, транспорта, отдельных отраслей промышленности—основаны на том принципе, что они изучают специфические законы, вытекающие из особенностей материально-технического характера данного производства. На этом основано и выделение различных экономик промышленности и экономики транспорта. Когда же мы говорим об экономике сельского хозяйства, то мы здесь говорим о выделении этой науки на основе различий, вытекающих из исторической отсталости сельского

хозяйства, отсталости производственных отношений в последнем. Поэтому для выделения сельского хозяйства, для отпочкования с.-х. экономии из политэкономии подводится более твердая, более принципиальная, более теоретическая база. То место, которое занимают по отношению к этим отраслям другие конкретные экономики по отношению к сельскому хозяйству занимает организация сельского хозяйства. Правда, нельзя поставить сейчас полный знак равенства между экономией промышленности, транспорта и организацией сельского хозяйства, но нечто вроде такого знака равенства поставить можно. С этой стороны мы для нашей классификации наук находим место и для с.-х. экономии и для организации хозяйства и находим соответствующее различие в объекте их изучения.

Теперь—несколько слов о характеристике отсталых форм производственных отношений в сельском хозяйстве. Сущность их сводится, во-первых, к тому, что докапиталистические производственные отношения в капиталистическом обществе сохраняются в гораздо большей степени в сельском хозяйстве, чем в других отраслях производства, второе—что эти докапиталистические остатки как-то органически сливаются в сельском хозяйстве с капиталистическими производственными отношениями. Эти остатки не есть только чуждый нанос на тело капитализма, а это есть некоторое органическое слияние и сочетание. Феодальное содержание частной земельной собственности как-то модифицируется и превращается в капиталистическую частную земельную собственность. Эта капиталистическая частная земельная собственность не есть только наносное феодализма: это есть категория, которая тесным образом сливается с нормально развитым капитализмом, но она не является обязательной для этого капитализма и на известной ступени развития капитализма задерживает развитие его производительных сил. Поэтому нельзя было бы так грубо говорить о докапиталистических отношениях в сельском хозяйстве, как только о чем-то чуждом. Мы должны говорить о каком-то тесном единстве докапиталистических производственных отношений с капиталистическими, в котором примат принадлежит капиталистическим. Дело не только в том, что капитализм недостаточно развит, а в том, что капитализм принимает некоторые уродливые формы, причем эти уродливые формы, вызваны наличием остатков докапиталистических производственных отношений, конкретнее—двумя наиболее принципиальными моментами докапиталистических производственных отношений в капиталистическом сельском хозяйстве, тесно сливающимися с капиталистическими отношениями. Эти два момента следующие: частная земельная собственность и аграрное перенаселение [1]. Исходя из

[1] **Так Ленин, говоря об аграрном перенаселении в дореволюционной России в полемике с Струве, пишет: „В современном „перенаселении" кроме основных капиталистических черт есть, след., еще крепостнические". (Т. I, Гиз, с. 347).**

этих двух моментов и развивая эти два момента со всеми вытекающими из них последствиями, мы можем объяснить основные специфические законы товарнокапиталистических отношений в сельском хозяйстве.

В виду позднего времени я очень тороплюсь. Я повторяю лишь тезисы. Определение с.-х. экономии с моей точки зрения должно быть следующим: сельскохозяйственная экономия есть наука об особых формах проявления законов товарнокапиталистического общества в сельском хозяйстве, вызванных наличием в последнем остатков докапиталистических производственных отношений.

Встает вопрос относительно зависимости между с.-х. экономией и тем, что мы до сих пор называли аграрным вопросом. Тов. Мирошхин упрекал меня в том, что я хочу ограбить аграрный вопрос. Я не имею таких злых намерений, но считаю, что мы в наших условиях должны поставить и разобрать с.-х. экономию под углом зрения аграрного вопроса. Аграрный вопрос—более узкое название сельскохозяйственной экономии. Сущность аграрного вопроса состоит в изучении особых законов товарнокапиталистического общества, свойственных сельскому хозяйству, и как заключение анализа той политики рабочего класса, которая должна вытекать из этого. Но марксисты в отличие от буржуазных экономистов ставили ударение не на политике, а на изучении, на теории.

Аграрный вопрос—название историческое, свойственное лишь определенному этапу. Следовательно между с.-х. экономией и аграрным вопросом каких-либо различий, тем более принципиальных, провести нельзя. Аграрный вопрос как наука не существовал и не существует. Это был известный комплекс различных теоретических вопросов для конкретной политики пролетариата в его борьбе с буржуазией. Сейчас нас это удовлетворить уже не может. Мы должны, исходя из проблем, входивших раньше в аграрный вопрос, развить дальше, разработать новые вопросы и таким образом положить основу системе с.-х. экономии. Лучше было бы эту науку назвать по-иному—аграрная экономия, оторвав таким образом от обычного буржуазного содержания.

Поскольку мы определили эти особые формы движения, свойственные капиталистическому сельскому хозяйству, легко встают и разрешаются другие вопросы, являющиеся условиями возможности отпочкования с.-х. экономии как особой науки от политической экономии. Насчет потребностей человеческого общества в образовании такой науки говорить не стоит. Гораздо острее стоит вопрос о том, существует ли единство объекта с.-х. экономии? Поскольку я вывожу специфические различия законов капиталистического общества в сельском хозяйстве только из докапиталистических остатков, постольку тоже отпадает вопрос и о единстве объекта этой науки. Нужно наконец поставить вопрос о достаточном объеме этих проблем для выделения новой науки. Существует ли необходимость выделения той сферы научного

труда, которая занималась бы этой суммой проблем? Практика уже дала ответ на этот вопрос. Тот факт, что существует секция теоретических аграрных проблем, которая собрала довольно много народа и является второй по величине секцией нашей конференции аграрников-марксистов, показывает, что такое разделение труда уже существует, что наука уже практически существует вопреки всем утверждениям т. Раевича. Далее в качестве подтверждения я должен сослаться на опубликованную мною программу по сельскохозяйственной экономии. Там вы увидите большой круг проблем, которые я считаю необходимым в учебных условиях проработать, причем это те проблемы, которые подлежат семинарской проработке, т. е. такие, которые уже имеют достаточную для этого литературу. А сколько имеется в сельскохозяйственной экономии еще неразработанных и не так остро стоящих проблем! Таким образом и с этой стороны никаких опасений быть не может,—с содержанием с.-х. экономии дело сводится не к тому как говорил тогда т. Раевич: существует-де, мол, только две проблемы: проблема интенсивности и проблема штандорта.

Теперь несколько слов относительно системы с.-х. экономии. Здесь я предвижу больше всего возражений, и как раз меньше всего времени я могу уделить этому вопросу, поскольку время мое истекает. Я отметил в своих тезисах три попытки систематизации с.-х. экономии. Первую попытку трудно вообще назвать попыткой. Это есть отсутствие всякой попытки. Таковая к сожалению имеется у т. Гордеева. Надо рассчитывать, что в другом издании своей книги т. Гордеев проведет некоторую систематизацию, недаром сейчас он назвал свою книгу «Основные проблемы с.-х. экономии» не «курсом», а «проблемами».

Вторая попытка была сделана т. Слипанским в его статье, помещенной в украинском «Вістнике». В этом «Вістнике» т. Слипанский исходит из того, что с.-х. экономия по существу должна заниматься дублированием «Капитала» Маркса, с.-х. экономия должна начинаться со стоимости и кончаться земельной рентой. Я считаю, что такую попытку нельзя считать удовлетворительной. Дело в том, что не все законы товарнокапиталистического общества имеют специфическое преломление в сельском хозяйстве. Например деньги специфического преломления в сельском хозяйстве как будто бы не имеют. (Голос: И не надо!). Но вопрос идет о системе. Раз вы выколачиваете деньги, то ваша система пропадает. Марксистская система политической экономии предполагает между анализом стоимости и капитала анализ денег. Таким образом здесь дело не в механическом оглавлении, а в единстве и последовательности изложения.

Наконец третья попытка проводилась в статьях Лященко и Уласевич.

Эта система исходила из анализа ренты. Анализ ренты и ее особенностей выставлялись в качестве основного теоретического строения

системы. Я считаю, что этот основной теоретический стержень выдерживает критику только тогда, когда мы ограничим докапиталистические пережитки в сельском хозяйстве только частной земельной собственностью. Предположим, что у нас существуют те условия, которые Маркс имел в виду в своем предварительном замечании в разделе о земельной ренте. Только тогда такая классификация окажется правильной. Если же мы перейдем к более конкретным условиям и более конкретному капитализму, возьмем еще условия аграрного перенаселения, примем во внимание существование мелкого крестьянского хозяйства и вытекающие из этого противоречия, то тогда все новые проблемы будут искусственно привязаны к тому основному стержню, который составит теория земельной ренты, и это приведет к тому, что четкой систематизации не будет.

Та систематизация, которую я предлагаю, была опубликована раньше. В настоящее время она более уточнена и представлена в той программе, которую я предлагаю вашему суждению. Там вы увидите при рассмотрении проблем с.-х. экономии в связи с этапами развития капитализма и достаточное единство и достаточную целостность этой науки. Я думаю, что если ограничиться капиталистической эпохой и не брать во внимание последнего переходного периода, то это единство достаточно выдержано. Эта программа есть дальнейшее развитие той схемы, которую я предлагал в своей статье. С своей стороны я просил бы тех, кто меня будет критиковать с этой точки зрения, одновременно предлагать свою позитивную точку зрения. Гораздо легче критиковать и труднее выступать со своей схемой. Было бы хорошо, если бы критика не была бесплодной. Ибо, когда идет речь только о систематизации то этот вопрос является достаточно конкретным вопросом, не играющим сам по себе особо принципиальной роли.

Последний вопрос о методе. Я ограничусь лишь общим положением того, что я говорил в своих тезисах, а именно, что метод с.-х. экономии является тем же методом политической экономии и специфичность этого метода сводится лишь к тому, что с.-х. экономия является по отношению к политэкономии наукой более конкретной.

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ

А. Сивогривов (Северный Кавказ). Длительная, ставшая почти хронической дискуссия о предмете с.-х. экономии свидетельствует не о кризисе марксистской мысли, не о скудости ее и не о неактуальности вопроса, а также и не о молодости марксистской с.-х. экономии. Длительная, почти хроническая дискуссия о предмете и методах с.-х. экономии свидетельствует скорее всего об оторванности нашей марксистской теоретической мысли от действительности, во-первых, и, во-вторых объясняется засильем в нашей марксистской системе буржуазных схем. Мы мало знаем таких споров и дискуссий о схемах той или иной науки, мало совершенно знаем таких случаев, когда целыми годами трактовался бы вопрос классификации наук, а знаем больше всего и скорее всего, как он выдвигался жизнью.

Переходя к вопросу по существу, я должен заметить, что спор о том, является ли с.-х. экономия наукой, на мой взгляд, не принципиальный спор. Принципиальным вопросом является вопрос: что такое с.-х. экономия и, дальше, каким образом подразделить между собой соопределенные дисциплины, чтобы найти отграниченные пути фиксирования последующих категорий и начальных категорий и проблемы каждого предмета. Поэтому частное замечание прежде всего, что необязательно совпадение педагогических схем со схемами теоретическими марксистской науки, но обязательным требованием первоочередным являются следующие требования. Во-первых, сельскохозяйственная экономика, как наука, возникает в условиях товарного капиталистического способа производства, в силу обособления и дифференциации общественного производства в отдельной, решающей производственной отрасли. Второе обязательное требование—сельское хозяйство возникает не на биологической основе, и не как своеобразие сельского хозяйства, отличного от индустрии в связи только с остатками докапиталистических отношений в сельском хозяйстве. Третье обязательное требование—с.-х. экономия, как наука, раскрывает новое содержание экономических явлений и закономерностей, которые ускользают от теоретической экономии, аграрной политики, аграрной истории и организации хозяйства. Тавтология и дублирование здесь отметаются. Четвертое обязательное требование: с.-х. экономия, как наука экономическая и

теоретическая, но не историческая и не историко-экономическая. Это не значит, что категории исследования сельскохозяйственной экономии внеисторические. Пятое обязательное требование: с.-х. экономия имеет самостоятельную исходную категорию по аналогии с политэкономией, и шестое обязательное требование—с.-х. экономия методологически базируется на политэкономии. Вот какие требования можно выдвинуть при постановке вопроса о предмете с.-х. экономии и о системе этой науки.

В виду того, что у меня мало времени, я должен буду итти по тезисам. Здесь говорится, что буржуазная наука о сельском хозяйстве ставит своей самостоятельной задачей задачи, отличные от политической экономии и от организации сельского хозяйства, понимая, что политическая экономия изучает народное хозяйство. Сельскохозяйственная экономия изучает сельское хозяйство и организацию предприятия, изучает предприятие. Буржуазные экономисты и мелкобуржуазные считают с.-х. экономию неотделимой от организации хозяйства, рассматривая конкретную с.-х. экономику в отличие от организации хозяйства, как общую часть и теоретическую часть. Это так называемое классическое деление, что политическая экономия изучает народное хозяйство, с.-х. экономия изучает сельское хозяйство в целом, как отрасль, и организация хозяйства изучает предприятие, это классическое деление, с которым считаются все буржуазные экономисты и дальше они делают подразделение между с.-х. экономией и организацией хозяйства. Дальше идет разделение на науки номографические и идеографические, т. е. с.-х. экономия является наукой номографической, а организация—наукой идеографической. Вот эти все классификации тесно связаны и с нашим трактованием предмета с.-х. экономии и организации хозяйства. И отсюда целевая установка с.-х. экономии следующая. Она изучает общие закономерности типов организации сельского хозяйства и систем хозяйства.

Во-вторых, дайте определение основным понятиям, встречающимся в сельском хозяйстве, производственные факторы, производственные типы сельского хозяйства, системы хозяйства, хозяйственные районы, интенсивность, экстенсивность, рациональность, штандорты и т. д. С.-х. экономия дальше разграничивает все эти понятия по степени важности на основные и второстепенные, скажем, внешние и внутренние факторы, систему хозяйства, интенсивность,—это будет являться основными проблемами с.-х. экономии. В конечном итоге строго последовательно, именно в этой системе теоретический анализ всех возникающих проблем. Буржуазная и мелко-буржуазная с.-х. экономия сводится к изучению производства с целью наилучшего сочетания труда, земли и капитала, предприятий для получения дохода наивысшей устойчивости. Следовательно, эта теоретическая схема очень последовательна и ясна,—сельскохозяйственная экономия изучает законы общественного

развития сельского хозяйства. А организация хозяйства всецело строит на всех этих положениях и выводах свои законы.

Но это теоретическое определение и методологические посылки здесь не верны, принципиально не верны, и марксисты с ним не соглашаются и правильно критикуют.

Прежде всего, что такое с.-х. экономия. Будем ли мы говорить, что она изучает экономию сельского хозяйства, будем ли говорить, что с.-х. экономия есть специальная часть политической экономии, будем ли мы как-нибудь иначе называть, во всех этих случаях, как совершенно правильно отмечает т. Гордеев, в них отсутствует историческая постановка вопроса, т. е. категории, здесь возникающие, получают внеисторическое объединение. Что здесь наблюдаем, где основные посылки здесь, которые должны быть положены в основу. Во-первых, равенство факторов производства, т. е. труда, земли и капитала, ведет к созданию материального субстрата на основе законов равенства, как для сельского хозяйства, так и для отдельных предприятий городских, под знаком логического расчленения категорий. Дальше биологизм усугубляет вульгаризацию экономических понятий, а ревизионисты, примкнув к буржуазной экономии ее еще больше вульгаризируют. В этом совершеннейшая путаница и вульгаризация. Достаточно того, что развитие фаз капитализма определяется, как неизбежное следствие развития концентрации капитала, объясняется эволюционностью систем хозяйства. Рассматривая системы хозяйства под знаком интенсивности, полагаю, что развитие систем хозяйства, начиная от кочевого и кончая плодосменным, есть процесс исторический. А отсюда итог такой, что выделение с.-х. экономии как науки, механично связано с организацией хозяйства. Таким образом, буржуазная с.-х. экономия выделяется из науки механично, мы не видим обоснования этой науки, как она связана даже с организацией хозяйства, а это не отделимо. Здесь логическая связь только такова, что организация хозяйства, как конкретная наука, связанная с предприятием, не объяснима без предмета с.-х. экономии.

Переходя к постановке Сулковского, что мы видим у него, как он ставит этот вопрос. Логично он обосновывает с.-х. экономию практическими потребностями в этой науке. Логическое обоснование у Сулковского есть практическая потребность науки. Принципиальное обоснование Сулковского следующее: сельское хозяйство обусловливается докапиталистическими формами. Поэтому рассуждения его и конкретны и абстрактны,—о сущности вещей и о формах проявления и о совпадении сущности вещей и формы. Положение о том, что наука вызывается необходимостью, практическими требованиями и принципиально обосновывается тем, что в условиях сельского хозяйства существуют докапиталистические формы, они и заставляют нас создавать новую науку для объяснения этих форм. Отсюда у него уже и определение,

что предмет с.-х. экономии—анализ форм проявления законов товарно-капиталистического общества в сельском хозяйстве под углом зрения воздействия на последнее остатков докапиталистических производственных отношений. А дальше он говорит, что если этих отношений нет, то тем самым отпадает и наука об этих отношениях. В этой формулировке у Сулковского есть успех в сравнении с теми последними статьями его, и, в частности, с последней статьей. Я этот успех отношу,—может быть неправильно,—за счет статьи т. Хмельницкой, появившейся в первом номере «Проблем экономики», потому что трактовка ее тезисов и его сходятся, и можно таким образом объяснить. Таким путем с постановкой Хмельницкой и последней постановкой Сулковского отпадает постановка Сулковского, которую он давал очень давно. И даже измененная схема Сулковского, в отличие от той схемы, которую он раньше дал, появилась под воздействием последних тезисов Хмельницкой, он, может быть только развил их. По содержанию они изменились, а по существу совпадают с теми тезисами, которые Сулковский давал еще и раньше в своей статье. Но с теми тезисами его схема имеет меньшую связь, на мой взгляд. Я только констатирую факт, что последняя постановка Сулковского отлична от той, которую мы видели раньше. Там он говорит прямо, что с.-х. экономия является специальной частью политической экономии, то же самое, что доказывает и Бруцкус.

Но самый слабый пункт, на мой взгляд, в так называемой системе Сулковского состоит в нерасчлененности соопределенных с.-х. дисциплин. У него не доказано, что должна существовать с.-х. экономия в отличие от других наук и что подлежит непосредственно компетенции этой науки. Сулковский ведет себя на длинном поводу, он себя очень свободно чувствует. Для него важно оговориться вообще об организации хозяйства, сказать попутно об аграрной теории, а потом формулировать понятие с.-х. экономии. Здесь он не ставит себя в твердые строгие рамки в том смысле, что с.-х. экономия отличается чем-то принципиально и от политической экономии, и от аграрной политики, и от истории развития общественных форм, и от организации хозяйства. Сулковский такого расчлененного анализа не дает и не дал.

Поэтому слабым в конструктивном отношении пунктом является тот пункт, что он не дает какого-нибудь расчлененного анализа, если он хочет выделить науку, как таковую. Здесь он чувствует себя совершенно свободно, и чем свободнее он себя чувствует, тем более в его схему впутывается всяких приходящих проблем. Он эту схему очень неудачно строит. Он строит ее так, чтобы он мог любую проблему ввести сюда и назвать сельскохозяйственной экономией, лишь бы она касалась сельского хозяйства. То-есть тут нет строгой последовательности, какую мы имеем в буржуазной науке, где прямо сказано,

что сельскохозяйственной экономии предшествует организация хозяйства и все основные проблемы эволюции сельского хозяйства: штандорт, интенсивность сельского хозяйства и т. д., трактуются в отделе с.-х. экономии, в отделе критическом, а вся конкретная проблема, касающаяся организации территории, средств производства, труда, относится к организации хозяйства. Там есть строгая логическая связь, логическая последовательность, есть система. У Сулковского нет ни связи с организацией хозяйства, ни связи с политической экономией. Это мое первое замечание.

Второе мое основное замечание касается следующего пункта. Наиболее интересным является вопрос о принципиальном обосновании с.-х. экономии наличием в сельском хозяйстве докапиталистических форм производства. Здесь я позволю себе не согласиться с тов. Сулковским, и его определению я противопоставлю свое определение, сходное с ним, но не совпадающее. Это определение следующее. С.-х. экономия изучает конкретные проявления капиталистических законов концентрации в сельском хозяйстве в виде многообразия производственных форм в процессе превращения и процесс превращения докапиталистических форм в форму капиталистическую. Эту формулу я дал еще раньше, когда читал лекции в Донском с.-х. институте. Следовательно, для меня с.-х. экономия изучает конкретные проявления капиталистического закона концентрации в сельском хозяйстве и процесс превращения докапиталистических форм в форму капиталистическую. Т. е. вторая формулировка перекрывает формулировку Сулковского, и если у меня выпадают докапиталистические отношения, если мы встанем перед фактом, когда крепостное право, как пережиток, отпадает, то все равно у меня остается закон и своеобразное проявление этого закона в сельском хозяйстве. Поэтому закон стоимости и закон концентрации является не отпадающим пунктом, а является общим законом в конкретном, многообразном проявлении в связи с наличием в сельском хозяйстве специфических, экономических форм производства. Отсюда с.-х. экономия у меня ориентируется на предмет теоретического анализа вступающих в этой связи категорий и проблем и на предмет методологической конкретизации проблем, входящих в систему организации хозяйства. Исходным пунктом анализа с.-х. экономии является трактовка закона концентрации в приложении к сельскому хозяйству, к определенному социальному экономическому типу хозяйства. И свою систему я буду строить отсюда.

Сулковский вчера бросил всем вызов: если будете меня критиковать, так представьте свою систему, а если не дадите системы, то меня не критикуйте. Да, нужно, конечно, представить систему, но поскольку ее не существует, то можно критиковать.

Но, с другой стороны, что такое система. Вот у меня сейчас есть система, данная Г. С. Гордеевым. Я не знаю, насколько имеет пре-

имущества система Сулковского перед Гордеевской системой. Когда вы дадите систему, тогда мы скажем, насколько она приемлема для марксистов.

В частности, о проблеме интенсивности, которая является основной проблемой. Вряд ли можно называть ее проблемой исторической без оговорок. Я не говорю, что здесь под интенсивностью и экстенсивностью имеем совершенно условные понятия. Интенсивность и экстенсивность, возведенные в литературе в определенную категорию, являются весьма условными. Если буржуазная экономия рассматривала эволюцию сельского хозяйства по системам хозяйства и под этой эволюцией систем хозяйства видела исторический процесс, переход от системы кочевой к переложной, от переложной к трехполью и т. д. к плодосменной системе, то эти процессы рассматривались под знаком интенсивности, полагая, что это процесс исторический. Но здесь она глубоко ошибалась. Но интенсивность у нас всегда фигурировала, как понятие, сопряженное с понятием именно исторического процесса, но процесс этот не исторический, а технический. Никогда буржуазная экономия не выдвигала интенсивности, как категории исторической, так как вообще не знает категории исторической. Сулковский выдвигает интенсивность, как категорию историческую. Спрашивается, правильно это или не правильно. Что мы приобретаем в архив марксистской науки с.-х. экономии познавательного в том, что введем его понятие в науку. Помешаем ли мы марксистской науке с.-х. экономии понятием интенсивности, как понятием историческим. Я думаю, что нет. А опасность вульгаризировать марксизм есть здесь или нет. Я думаю, налицо. Почему? Что такое—историческая категория. Всякая историческая категория не есть абстрактная категория, она вытекает из исторических отношений, она олицетворяет класс, ту или иную группу. Возьмем ли мы рынки, возьмем ли аренду, там класс землевладельцев, там процент на капитал, заработная плата и т. д. Ни одна категория историческая не фигурирует вообще абстрактно, она имеет за своей спиной какой то класс, имеет определенные отношения. Она есть олицетворение класса. Давайте, рассмотрим интенсивность, как процесс концентрации капитала. Если мы полагаем, что под интенсивностью понимается процесс концентрации капитала на земельной площади, значит ли отсюда, что интенсивность есть историческая категория. Нет, не значит. Процесс концентрации капитала на единице земельной площади есть процесс внедрения капитала. А что такое капитал? Капитал есть категория историческая, и олицетворение ее выражающееся в определенных затратах, в издержках, олицетворение организационных, производственных, технических и других исторических категорий. Здесь отождествляется процесс концентрации и движения капитала с процессом технико-производственных явлений, нашедших себе место в с.-х. экономии буржуазной, нашедших себе место в организации хо-

зяйства. Следовательно, здесь два понятия, ничем не связанных между собой абсолютно. И когда дело касается системы Сулковского, а он это ввел, я ставлю под большое сомнение и этот вопрос и под большое сомнение всю его систему.

Одним словом, я думаю, что как в прошлом году, когда я слушал доклад Сулковского, он был бледным докладом и теперь, когда я через полтора года слушаю его доклад, я нахожу его опять очень бледным докладом. А вообще Сулковский может говорить весьма и весьма не бледно, весьма и весьма обстоятельно и глубоко. Чем объяснить это? Мне кажется, что объясняется это тем, что в первой части системы он копирует ту систему, как мы имеем ее у любого буржуазного ученого. С другой стороны, вся система познавательная настолько искусственна, настолько искусственно приспособлена вся к одному пункту, что поскольку мы допустим, что существуют в сельском хозяйстве остатки докапиталистических отношений, постольку мы будем строить на этом пункте всю систему. С другой стороны, нет расчленения соопределенных дисциплин, скажем, политэкономии, аграрной политики, истории развития общественных форм, организации хозяйства и т. д. Он взял в свою систему все, что можно в нее влить из всех наук, и мы имеем не самостоятельную науку с.-х. экономии, которая будет действительно изучать конкретные проявления закона концентрации в сельском хозяйстве и конкретный процесс превращения докапиталистических форм в капиталистические, а получили такую науку, которая может ответить на все вопросы, но которая может нас не удовлетворить.

А. Ганин. Построение Сулковским системы с.-х. экономии базируется по-моему на двух основных ошибках. Первая ошибка заключается в общей его теоретической постановке, в понимании сущности и формы. Не дав разрешения этому вопросу, он перешел затем на вторую посылку, эклектическую по существу, посылку на докапиталистические формы. Сущность докапиталистических форм в сельском хозяйстве составляет, по его мнению, содержание с.-х. экономии. Как первая посылка, так и вторая, неверны. Остановлюсь сначала на первой.

Еще в первом своем докладе осенью 1928 г. Сулковский рассуждает следующим образом: можно, говорит, дать на вопрос, что такое с.-х. экономия, три ответа. Первый ответ—законы с.-х. экономии и законы политэкономии различны. Второй ответ—эти законы тождественны, и третий ответ, который он приписывает себе как его собственный—законы тождественны и только формы различны. Итак содержание с.-х. экономии в таком понимании он свел только к формам, к бессодержательным формам, законы же—одни и те же. Но вам известно, товарищи, не только из «Логики» Гегеля, но известно и по работам Маркса, что бессодержательных форм не бывает, поэтому это положение его совершенно неверно. Неверность его формулировки углу-

бляется еще следующим моментом. Он считает, что марксистской разработки вопроса,—что такое наука—до сих пор еще нет. Это он утверждает в своей статье на с. 38 журнала «На аграрном фронте». Должен отметить, что такое заявление нисколько не соответствует действительности. Вы знаете, что в «Диалектике природы» Энгельса есть указание по этому вопросу, также и в других марксистских работах, особенно в X томе Ленина можно найти ответ на поставленный вопрос. Сулковский говорит, что согласно Марксу во всякой науке должно быть такое положение, когда сущность и содержание вещей не совпадают. Это он отмечает также и в своей статье. В таком случае, это же самое методологическое требование мы должны предъявлять и к с.-х. экономии, поскольку Сулковский говорит о с.-х. экономии как науке. И здесь же, вслед за этим, Сулковский рассуждает элементарно, противореча себе. Он заявляет, что сущность, законы упомянутых дисциплин одни и те же, но формы проявления в с.-х. экономии отличны. Такой постановки, товарищи, не может быть, потому что в политической экономии как таковой законы и формы их проявления различны. В том-то и заключается сущность, что законы и формы не только различны, но они также и противоположны. И когда на этом основном вопросе ему по существу не удалось выудить содержания с.-х. экономии, он тогда пошел дальше, в поисках, нельзя ли подвести какой--либо иной базис, какой-то другой фундамент. Таким фундаментом оказываются так называемые докапиталистические остатки. Итак содержание с.-х. экономии как науки он видит в докапиталистических остатках. В этом—сущность с.-х. экономии в отличие от экономии промышленности и вообще экономии других сфер. Другие экономии отдельных сфер—экономия промышленности, экономия горная и т. д.—различаются по их материальному производству—это он вчера нам доказывал. Я ниже покажу простое элементарное незнание Сулковским того вопроса, о котором он говорит, в частности—вопроса об экономии промышленности и других сфер, где вопрос сводится не к материальным различиям, а к различиям социально-экономического характера. Но об этом несколько ниже. Сейчас же я отмечу, что сведение с.-х. экономии к докапиталистическим формам является и по существу теоретически неверным. Не кто иной, как Ленин, писал: «Теория претендует только на объяснение одной капиталистической организации и никакой другой». Только одной капиталистической организации и никакой другой. Следовательно, если мы будем предъявлять требования к теории с.-х. экономии, то чье положение мы должны предпочесть—Сулковского, когда теорию с.-х. экономии он преподносит как докапиталистические остатки, или положение Ленина? Совершенно ясно, что то положение, которое говорит, что теория претендует только на объяснение капиталистической организации и никакой другой, должно быть положено в основание содержания с.-х. экономии как науки.

Этим неверным по существу положением Сулковский не ограничивается. Дальше мы встречаем еще более неверные, по существу ревизионистские положения, когда Сулковский подходит к тому, что он хочет понимать под так называемыми докапиталистическими остатками. Под докапиталистическими остатками Сулковский понимает не что иное, как частную земельную собственность и аграрное перенаселение. Это он утверждает здесь, это он утверждает также и в своей статье. Чтобы не быть голословными, сошлюсь на тот курс семинарских работ, который он предложил в кн. 10 «На аграрном фронте». Там можно прочесть следующее положение:

«Там именно сказалось влияние двух основных докапиталистических остатков (частная собственность на землю и аграрное перенаселение) на экономическую структуру сельского хозяйства».

Итак докапиталистические остатки: и частная земельная собственность и аграрное перенаселение—это у него центральное положение. Вы не думайте, что это у него только здесь, я укажу это в другом месте, в другой статье.

В статье о предмете и методе с.-х. экономии он пишет: «Остатками старых докапиталистических отношений, которые своеобразно изменяют форму проявления капиталистических законов в сельском хозяйстве, являются частная земельная собственность и аграрное перенаселение».

Товарищи, никто другой, как Богданов, определял, что частная собственность на землю есть докапиталистические остатки, но Маркс никогда этого не утверждал. Частная собственность на землю, как отмечает Маркс, начиная с мануфактурного периода капитализма, когда капитализм начал превращаться в промышленную его стадию, также превращается из докапиталистической, из феодальной, в капиталистическую.

Надо ли доказывать, что настоящий ревизионизм сказался в статье «На аграрном фронте» № 10, где он считает, что центральной проблемой с.-х. экономии являются феодальные остатки: частная собственность на землю и аграрное перенаселение.

Теперь перейду к аграрному перенаселению. Если посмотреть в III том Ленина, то не кто иной, как Ленин, полемизируя с народниками, доказал, что аграрное перенаселение и есть как результат капиталистического развития в сельском хозяйстве, только особенности сельского хозяйства придают особый характер аграрному перенаселению. Считать, что аграрное перенаселение есть докапиталистические остатки, есть еще больший абсурд, чем утверждение, что частноземельная собственность есть феодальное остатки. Вот на этих двух методологических положениях—на бессодержательности формы и на том, что частная земельная собственность и аграрное перенаселение есть дофеодаль-

ные остатки—базируется содержание с.-х. экономии, и против этого, против такой сущности с.-х. экономии, каждый марксист, стоящий на правильной позиции, должен категорически возражать.

Но вся соль еще не в этом. Вы видите, что раз став на такую эклектическую и механистическую по существу позицию, Сулковский покатился дальше. Но прежде чем перейти к этому, я только напомню Сулковскому об одной вещи. Сулковский говорит, что самая сущность с.-х. экономии, которую я только что изложил, имеет свое социальное содержание, а что касается других сфер, то там этого содержания нет. Экономии других сфер различаются только по материально-техническим моментам. Конечно такая точка зрения есть, правда, не в такой грубой форме, как Сулковский это рисует, а в несколько другой. Это утверждение мы находим у Леонтьева и Хмельницкой, в их работе «Экономика промышленности». Но эта точка зрения отнюдь не всеми разделяется. Эта точка зрения противопоставляется другим воззрениям, и в частности Гинзбург пишет: «Есть общие законы экономической деятельности, проявляющиеся во всех отраслях народного хозяйства, и есть специальные законы, находящие свое применение только в одной какой-либо отрасли народного хозяйства. Изучением первых занимается политэкономия, изучением вторых—экономия сельского хозяйства, торговли, транспорта и т. д.».

И еще более рельефно этот вопрос выставляет т. Сегаль в своей работе «Беседы по горной экономике». Он отмечает, что предмет горной экономики «есть экономическая наука», т.-е. она изучает «некоторую область социальных отношений». Это значит изучать «не материальный субстрат», а «общественные взаимоотношения и их категории».

Утверждение Сулковского о сущности с.-х. экономии, его механистическое понимание резче всего проявляется в его так называемой системе. Я буду иллюстрировать это его тезисами, но это можно видеть и по его статье.

Если вы помните систему Богданова, то какой характерный признак, которым она отличается. Сначала шла техника по богдановской системе, потом экономика, затем надстройка—идеология. Если вы посмотрите систему Сулковского, то вы видите то же самое—исторические этапы и трехэтажность каждого из них.

Названия другие, но существо то же самое. В том то и дело, что называется это—производство, экономика и идеология, но по существу это та же система—«общественное разделение труда, техника и система классовых отношений». Та же техника, экономика и идеология, только преподнесены под другим названием. Начинается эта трехэтажность с феодального периода, затем—первоначальное накопление, эпоха производственного капитала—везде трехэтажно—затем—эпоха финансового капитала и сельскохозяйственного периода—также трехэтажно. Как

Богданов, так и т. Сулковский таким же образом переходит к этой трехэтажности. Вот это отражение богдановщины в с.-х. экономии должно быть конечно отвергнуто со всей категоричностью.

Ошибочность положений т. Сулковского вытекает из непонимания метода. Самое замечательное в его статье—это его интерпретация введения «К критике политической экономии» Маркса, где Маркс говорит о предмете и методе политической экономии. Там Маркс объясняет соотношение исторического и логического. Маркс говорит о необходимости изучать историю категорий как таковых, их генезис, но не во всем их конкретном многообразии. Маркс объясняет таким образом, что восхождение от абстрактного к конкретному содержит в себе генезис категорий, но это еще не есть историчность процесса, как он дан во всем его конкретном своеобразии. Маркс дальше отмечает, что порядок, расположение категорий определяется тем положением, какое они занимают в действительности, в более развитой конкретности. Ф. Энгельс в рецензии «О критике политэкономии К. Маркса», касаясь соотношения исторического и логического, писал: «Логический метод исследования является поэтому единственно подходящим. Последний однако есть также исторический метод, только освобожденный от его исторической формы». А что Сулковский преподносит? Он берет конкретность в ее многообразии и начинает ползать на брюхе по поверхности. Я считаю, что основное у него в непонимании этого метода. Он, интерпретируя это место, заявляет, что у Маркса-де есть здесь второстепенные категории и первостепенные и что с.-х. экономия занимается второстепенными категориями. Например рента есть второстепенная категория.

Дополнение к выступлению т. Ганина (представлено в редакцию Трудов конференции в письменном виде).

Есть ли в самом деле объект для системы с.-х. экономии,. или может быть в этом отношении правы те, которые отрицают таковой? Мне кажется, что объект, а следовательно и система с.-х. экономии существуют, только этот вопрос должен быть разрешен иначе, чем это делает Сулковский. Утверждение, что с.-х. экономия есть отдел, часть политэкономии, осталось у него в тени, не связанное со всем его изложением. В самом деле, в развитии этого положения и заключается весь смысл предмета и далее системы с.-х. экономии. Раз с.-х. экономия есть часть политэкономии, то следовательно надо показать, при помощи каких категорий образуется как единство, так и различие этих дисциплин. Это разграничение рельефно прощупывается уже в экономических работах Маркса, именно там, где он переходит к выяснению на основе предшествующего анализа движения капитала, как он дан на поверхности явлений[1]. Здесь именно развивается, с одной стороны,

[1] Капитал, т. III.

цена производства, с другой—рыночная и индивидуальная стоимость, сваливание которых в одну кучу является совершенно недопустимым. Я не могу на этом останавливаться в данном случае, только утверждаю, что категория рыночной стоимости по мысли Маркса—как раз и есть та категория, функция которой ограничивается пределами данной сферы производства. Напротив цена производства есть категория, отражающая социальные странствования капитала между различными сферами. Итак цена производства отражает междусферные отношения в то время, как рыночная стоимость отражает внутрисферные отношения. Но ведь с.-х. экономия и есть анализ внутрисферных отношений с.-х. производства. Поэтому исходным анализом должна быть именно категория рыночной стоимости. Если мы таким образом прощупали те узловые пункты, где политэкономия, не теряя всего своего значения, переходит в более конкретную свою часть—в с.-х. экономию, содержась в последней, то система с.-х. экономии этим самым сама собой дается.

В таком случае рельефно выделяются три отдела:

Первый—при помощи категории рыночной стоимости вскрывает все своеобразие сферы с.-х. производства, анализ которого отчасти дан Марксом, отчасти указано то направление, в котором должен итти этот анализ. Второй отдел также еще указан Марксом в его оглавлении содержания политэкономии «К критике»—противоречия города и деревни, что в переводе на экономический язык означает анализ междусферных отношений при помощи все той же рыночной стоимости, обогащенной всем своеобразием рассматриваемой сферы и категории цен производства. Наконец—третий отдел, который особенно рельефно оттенен Лениным в XIII томе его работ, именно период монополистического капитализма, где противоречия, отмеченные во втором разделе, углубляются и достигают громадных размеров.

Тематично с.-х. экономия представляется в следующем виде:

1) Методология изучения отдельных сфер, и в частности сферы с.-х. производства.

I. Внутрисферные отношения

2) Оборот капитала при простом воспроизводстве. Роль системы хозяйства (и системы полеводства, см. II том «Капитала», гл. XIII). Понятие интенсивности хозяйства.

3) Оборот при расширенном воспроизводстве. Штандорт.

4) Превращение добавочной прибыли в ренту и влияние этого момента на расширенное воспроизводство.

5) Отношения капиталистических и докапиталистических форм. Разрешение в теоретической части вопросов о конкуренции крупных и мелких предприятий, диференциация, закон падающей производительности и пр.

II. Междусферные отношения

6) Теория капиталистического цикла и спор о том, следует ли сельское хозяйство включать в этот цикл.

7) Цикл в сельском хозяйстве и споры об аграрном кризисе.

III. Период монополистического капитализма

8) Цикл в условиях монополистического капитализма и сельское хозяйство.

9) Характер аграрного кризиса.

Раз дан теоретический стержень, то тематизация может быть дана более или менее детально, это ближайшим образом определяется потребностью вуза и имеет в данном случае иллюстративное значение. Что касается экономики сельского хозяйства в переходный период, то последняя требует совершенно самостоятельного рассмотрения и ни в коем случае не может быть разрешена так механистически, как у Сулковского,—в виде надстройки к периоду финансового капитала.

О. Таргульян (Москва). Нельзя говорить о сельскохозяйственной экономии, как о науке, изучающей категории товарнокапиталистического общества, и о предмете с.-х. экономии, не представляя себе ясно прежде всего предмета теоретической экономии и метода, которым пользовался Маркс. По этой части у т. Сулковского имеется большой грех в том смысле, что, обсуждая вопрос о предмете и методе с.-х. экономии в своих тезисах, он совсем забыл привести те предпосылки, которые должен был иметь в виду, прежде чем говорить о с.-х. экономии как науке. Здесь не лишне упомянуть те дискуссии и те споры, которые имели место у нас за последний год и в печати и в ИКП по вопросу о предмете и методе политической экономии и о категориях в «Капитале». Я имею в виду дискуссию между Рубиным, Бессоновым и т. д. На этих дискуссиях был затронут целый ряд вопросов, которые должны были бы быть учтены при дальнейшем развитии споров и обсуждения о предмете и методе остальных наук, которые мы считаем уже частью теоретической экономии. Рассматривая вопрос под этим углом зрения, мы увидим, что теоретическая экономия изучает производственные отношения, тесно связанные с производительными силами, что развивающиеся производительные силы, являясь бесспорно первопричиной, предпосылкой развития и изменения производственных отношений, обмениваются местами, происходит диалектический процесс превращения причины в следствие и следствия в причину, производственные отношения из следствия превращаются в предпосылку развития производительных сил, последние из причины превращаются в следствие развития производственных отношений.

Что же говорит по этому вопросу т. Сулковский? В пятом пункте его тезисов (в докладе это подчеркнуто еще более категорично и

более схематично, в результате чего мы получаем очень недиалектическую постановку вопроса) мы читаем:

«5. Различие форм проявления товарнокапиталистических законов в сельском хозяйстве не может быть объяснено материально-техническим характером его производства».

Т. е. производственные отношения в области сельского хозяйства не могут быть объяснены развитием производительных сил в области сельского хозяйства, потому что материально-техническое производство есть то же самое, что и производительные силы. (Сулковский: Далеко не то же самое). Если вы говорите, что далеко не то же самое, то познакомьтесь с дискуссией, которую вы забыли. Я полагаю, что общественная техника, рабочая сила и природные богатства составляют основу общественного производства и в результате сочетания (отнюдь не механического) трех этих элементов мы имеем общественно-производительные силы. Противопоставить последние материально-техническому характеру производства недопустимо. Еще более ошибочно и недопустимо, обсуждая вопрос о производственных отношениях, говорить и ставить в сравнение с ним не понятие общественно-производительных сил, которые более общи и включают в себя понятие «материально-техническое производство». С точки зрения марксистско-ленинской методологии т. Сулковский здесь допускает непростительную погрешность.

Дальше он пишет:

«Последний, в своем большинстве, в данном случае выступает не как первопричина, и его отсталость лежит не в нем самом, а в специфических производственных отношениях его окружающих. А посему предмет сельскохозяйственной экономии заключается не в производственных отношениях, возникающих внутри данно-конкретной сферы материально-технического производства как таковой, не в тех производственных отношениях, которые по существу ограничиваются лишь сферой организации производства (такой характер носит предмет конкретных экономий отдельных отраслей народного хозяйства: экономии промышленности, транспорта и т. п.). В соответствии с этим является совершенно неверной постановка вопроса у некоторых авторов (Мирошхина, Раевича), сводящих с.-х. экономию к проблемам организации сельскохозяйственного производства и тем самым отрицающих особые черты производственных отношений в сельском хозяйстве—позиция, объективно приводящая к необуржуазным взглядам на аграрный вопрос».

Выходит, что именно технико - материальный процесс не является первопричиной специфических производственных отношений в сельском хозяйстве, а посему предмет с.-х. экономии, по его мнению, заключается не в производственных отношениях, возникающих внутри конкретной сферы с.-х. производства,—как будто последнее не рассматривается в связи с городской промышленностью. У т. Сулковского

нет ясности в постановке вопроса, если же имеется определенное ударение, то последнее ошибочно, ибо с.-х. экономия как наука изучает развитие производственных отношений в сельском хозяйстве, в связи с развитием производительных сил как всего так называемого народного хозяйства, так и сельского хозяйства в частности. Совершенно прав т. Сулковский, указывая на совершенно неверную постановку этого вопроса у некоторых авторов (Мирошхина и Раевича) и критикуя точку зрения, которую защищает т. Раевич. Точка зрения, которая утверждает, что с.-х. экономия изучает только организацию сельского хозяйства, неверна. Приходится только сожалеть о том, что т. Раевич при всей своей воображаемой начитанности и грамотности оказался в лагере необуржуазных «ученых». В свою очередь т. Сулковский впадает в крайний идеализм. Он совершенно отнимает базу из-под производственных отношений. Он говорит, что с.-х. экономия изучает не материальный процесс, а изучает только производственные отношения. Вчера в докладе он заявлял, что в сельскохозяйственном производстве отсталая техника, являющаяся следствием отсталости производственных отношений. Я считаю такое категорическое утверждение недиалектичным. Действительно в общественном развитии производственные отношения из результата превращаются в предпосылку развития производительных сил—это совершенно верно, но отрицать основной закон, что «способ производства материальной жизни обусловливает собой процесс социальной, политической и духовной жизни вообще», что в общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные необходимые, от их воли не зависящие отношения, производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил [1], и что диалектически развиваются категории производительных сил и производственных отношений,—нельзя и недопустимо. Тов. Сулковский ошибается, когда он вырывает материальную базу из-под производственных отношений в сельском хозяйстве, изучаемых с.-х. экономией, разрывает связь между производственными отношениями и производительными силами—технико-материальными процессами производства—и из круга диалектического рассмотрения этих двух основных моментов общественного развития превращает одну часть, притом как раз не ту, которую нужно, в безусловную причину развития другой. Я подчеркиваю еще раз, что постановка т. Сулковского неверна, ибо она недиалектична.

Я не останавливаюсь на с.-х. экономии в капиталистическом обществе, но скажу несколько слов относительно экономики переходного периода. Мы можем говорить об экономике переходного периода только постольку, поскольку мы признаем, что с.-х. экономия изучает производственные отношения товарнокапиталистического общества и соот-

[1] К. Маркс, К критике политической экономии, Гиз, 1929, с. 55.

ветствующего характера производства. С этим я согласен. Признавая это, мы можем говорить о с.-х. экономии у нас в переходный период; поскольку мы согласны, что в переходный период наша экономика имеет товарнокапиталистические элементы наряду или вместе с социалистическими элементами; и поскольку капиталистические элементы утопают и уничтожаются в развивающихся социалистических элементах, постольку должна развиваться тенденция к тому, чтобы с.-х. экономия как самостоятельная наука не развивалась. Если взять с.-х. экономию как науку, то хотя товарнокапиталистические производственные отношения—конечно в ничтожной мере—и существуют у нас, однако выделять эту науку в самостоятельную науку в старом понимании для экономики переходного периода было бы неудачно и неверно. Это так же неудачно, как вчера т. Сулковский очень неудачно поставил знак равенства между с.-х. экономией и аграрной политикой. Я задавал ему вопрос, но он мне еще не ответил,—я полагаю, что аграрный вопрос он понимает как аграрную политику. (Сулковский: Нет, шире). Что значит шире? Известно, что аграрный вопрос вообще не изучается. Есть с.-х. экономия, есть аграрная политика и т. д. Если аграрный вопрос еще шире, чем аграрная политика, значит первое понятие включает в себя и второе и даже с.-х. экономию и может быть все с.-х. науки,—в таком случае тем более нельзя поставить знак равенства между общим и составляющим часть этого целого общего частным. Схематически я так себе это представляю. Я кладу в основу производительные силы и производственные отношения. Теоретическая экономия прежде всего изучает законы развития всего капиталистического так называемого народного хозяйства. Дальше, имеется основная генеральная линия—это общественное развитие производства. Теоретическая экономия изучает общие законы. С.-х. экономия изучает производственные отношения в сельском хозяйстве. Экономию промышленности я отношу к той науке, которая изучает производственные отношения, специфические, свойственные отдельным отраслям промышленности, скажем, в транспорте и т. д. В капиталистическом обществе имеют место производственные отношения, классовые отношения в более узких сферах производства, и можно изучать эти специфические отношения, однако с.-х. экономию я не ставлю наряду с экономикой промышленности.

Дальше с.-х. экономия делает возможным изучать расстановку классовых сил, и на основе выводов с.-х. экономии мы можем построить определенный теоретический баланс экономической политики данного государства. У нас мы экономическую политику строим с помощью сельскохозяйственной экономии, которая дает картину диференциации деревни, дает взаимоотношение классов и т. д. Я здесь ставлю экономическую политику, аграрную политику после с.-х. экономии. Планирование у нас возможно только на основе и с помощью организованных социалистических элементов (диктатура пролетариата и вытекаю-

щие отсюда последствия), идущих в наступление на капиталистические элементы.

Не имея возможности сколько-нибудь систематически изложить собственную точку зрения на с.-х. экономию в эпоху переходной экономики, я вынужден этим закончить.

Я. Казанчук (Одесса). Я остановлюсь на вопросе о необходимости существования с.-х. экономии как науки. Прежде всего надо уяснить, какие вопросы остаются для с.-х. экономии. Если посмотреть «Капитал» и другие работы Маркса, то можно заметить, что на первых же страницах К. Марксом включено рассмотрение тех продуктов, которые производятся в сельском хозяйстве: пшеницы, хлопка и т. д.; очевидно Маркс, изучая экономические отношения, изучает их не только для промышленности, но и в отношении к сельскому хозяйству. Рассматривать развитие капиталистического общества можно только в целом, потому что капиталистическое общество без сельского хозяйства не будет конкретным капиталистическим обществом.

Вся работа Маркса заключалась в том, чтобы дать в руки пролетариата оружие для борьбы. Задача совершенно ясная, конкретная и точная. Марксова наука была орудием действия, орудием борьбы для пролетариата. Остались некоторые незаконченные вопросы. Сюда нужно отнести вопрос о диференциации крестьянского хозяйства и аграрный вопрос. Это—отношения к основному средству производства—к земле. Маркс дал анализ производственных отношений в чистом виде для капиталистического хозяйства, но не приспособил его к тому многообразию, которое замечается в докапиталистическом способе производства. Эти главы—главу о диференциации крестьянского хозяйства, о путях проникновения и развития капитализма в сельском хозяйстве на первых этапах—закончил Ленин. Что касается аграрного вопроса в странах, не переживших феодализма, то следует сказать, что он прорабатывался Каутским, был проработан Лениным и затем прорабатывается марксистами и в общей постановке й в постановках конкретных, применительно к различным условиям.

Тов. Сулковский определяет с.-х. экономию как науку о движении. Конечно это определение правильное, но слишком общее. Если Энгельс говорит относительно наук, что каждая наука есть наука о движении, то это противопоставляется метафизическому пониманию науки. Но когда приходится говорить об экономике сельского хозяйства, то следует дать конкретное содержание этой конкретной науке, а не говорить вообще.

Если мы посмотрим, что захватила теоретическая экономия и что остается для экономии сельского хозяйства, то увидим, что таких общих теоретических проблем для экономии сельского хозяйства не остается, если понимать, что принципиальные законы развития в промышленности и в сельском хозяйстве остаются одними и теми же. Иначе пони-

мают те, которые указывают, что законы развития сельского хозяйства иные,—например Давид, Булгаков, Бруцкус, Кажанов. Как будто бы с такой постановкой т. Сулковский спорит, но одновременно и присоединяется к ней. Он стоит на половинчатой позиции: не утверждает, что сельское хозяйство имеет принципиально различные пути,—это он отрицает—но отрицает также и то, что пути одни и те же для сельского хозяйства и для промышленности. В общем этот вопрос т. Сулковским изложен недостаточно четко. Говорить о том, что имеются какие-то различия в путях развития сельского хозяйства, конечно не приходится. Пути развития одни и те же. Этот вопрос был разработан и доказан Марксом и его позднейшими продолжателями. Этот вопрос совершенно ясен. Если нет особых экономических категорий в сельском хозяйстве, то не нужна и особая наука—с.-х. экономия. Какие же категории должна изучать экономия сельского хозяйства? Может быть вопросы стоимости? Но все общие вопросы стоимости разработаны Марксом и разрабатываются дальше политической экономией. Может быть нужно изучать вопросы цен производства? Это разрабатывается и для сельского хозяйства и для промышленности в целом. Для экономии сельского хозяйства общих проблем как будто бы не остается, все они разрабатываются политической экономией. Поэтому, на мой взгляд нам нужна не с.-х. экономия, а экономика сельского хозяйства. Для экономики сельского хозяйства есть достаточно большое поле деятельности. Задача экономики сельского хозяйства должна заключаться не в том, чтобы изучать производственные отношения,—это изучается в общей теоретической экономии—а экономика сельского хозяйства должна изучать пути развития производительных сил в сельском хозяйстве. В этом ее конкретная задача. В таком понимании с.-х. экономика становится наукой, изучающей исходные положения для социалистической реконструкции сельского хозяйства, руководством для действия.

П. Лященко (Москва). К сожалению я был занят в других секциях, не слушал доклада т. Сулковского и знаю его содержание главным образом по его тезисам и отчасти по той дискуссии, которая была уже в Комакадемии по этому вопросу. Очень многие вопросы я не смогу затронуть и поэтому остановлюсь только очень кратко на основных вопросах построения т. Сулковского.

Я выслушал здесь двоих выступавших и получил впечатление, что доклад т. Сулковского вызывает большие нападки. Я собираюсь все-таки подчеркнуть не только некоторые неправильности в построении т. Сулковского, но и отметить значительные положительные стороны. Вопрос идет о том, чтобы создать новую систему марксистской с.-х. экономии, и построение т. Сулковского и его доклад следует рассматривать именно только как первый опыт, или, вернее, как один из первых опытов построения марксистской системы с.-х. экономии. Мы имеем сейчас уже выпущенный труд т. Гордеева, в котором эта про-

блема ставится в развитом и законченном виде. Правда, он озаглавил свою книгу как «Основные проблемы с.-х. экономии», но во всяком случае из самого перечня этих проблем видна и целая система, которой т. Гордеев придерживается. В настоящее время наша наука еще не дошла до такой степени разработки, чтобы можно было говорить уже о законченной системе. Как т. Гордеев, так и Сулковский в этом отношении идут по верному пути, который конечно должен привести к перестроению господствующих систем с.-х. экономии.

Не буду говорить сколько-нибудь подробно о том, почему для нас неприемлема та основная постановка, которую преподносит старая с.-х. экономия, начиная с немецких авторов и затем у русских старых экономистов времен Людоговского и кончая самыми последними изданиями как народнического направления, так и буржуазных авторов. Старые построения с.-х. экономии отличаются, как вам известно, во-первых, частно-хозяйственной постановкой вопроса, во-вторых, производственно-технической, а в связи с этим и телеологической постановкой вопроса. Вся система сводится к выявлению условий получения и способов повышения частнохозяйственного дохода. Поэтому, когда т. Сулковский отказывается от такого построения и указывает на необходимость иных методов и иных путей построения этой экономии, против этого не только спорить не приходится, но нужно эту постановку вменить ему в заслугу. При этом нужно сказать, что упомянутые старые трактовки с.-х. экономии как учения об организации сельскохозяйственного предприятия, не только не изжиты среди авторов, принадлежащих к буржуазной с.-х. экономии, но имеют своих защитников и среди современных марксистов-аграрников. Я подразумеваю на этот раз тех, о которых упоминает в тезисе 5 т. Сулковский и которые выступали в Комакадемии в дискуссии по докладу т. Сулковского в защиту старой структуры с.-х. экономии. Тов. Раевич и т. Мирошхин исходят именно из того, что с.-х. экономия должна быть наукой материального производственного содержания — не больше. Вместе с тем основная цель этой науки, по их мнению, заключается в изучении организационно-производственных форм сельского хозяйства. Правда, в наших условиях они сводят ее не к изучению организационно-производственных моментов частнохозяйственного порядка, а народнохозяйственных. Таким образом как будто бы содержание иное. Потребность в таком изучении технических и организационно-производственных моментов построения народного хозяйства вне всякого сомнения имеется, и такой круг вопросов должен подлежать изучению. Но делать отсюда вывод, отрицающий необходимость изучения общественных отношений в сельском хозяйстве, а отсюда—особой науки с.-х. экономии, я считаю совершенно неправильным. Такой вывод я считаю прямо научно реакционным, т. к. он отрицает дальнейшую возможность и необходимость развития экономической мысли в том направлении, которое настоя-

тельно требует разработки. Эти авторы—Раевич, Мирошхин и некоторые другие—повидимому исходят из следующего положения. Если считать, что с.-х. экономия как теоретическая экономия представляет собою главу политэкономии и изучает общественные отношения в сельском хозяйстве, то таковой науки не может быть, потому что никаких новых общественных отношений здесь не создается и все основные категории общественных отношений достаточно рассмотрены в политической экономии. Следовательно никакой новой науки здесь создать нельзя. Конечно неправильно было бы возводить необходимость выделения науки с.-х. экономии в какой-то абсолютный гносеологический принцип и т. д. Отчасти отголосок этого мнения виден в тезисе 4 т. Сулковского, где он говорит, что «выделение с.-х. экономии и отпочкование ее является безусловной необходимостью». Я думаю, что это слишком сильно сказано. Я бы сказал, что задача выделения круга с.-х. экономии из общих вопросов политической экономии есть только углубление изучения производственных отношений, складывающихся в сельском хозяйстве, и дальнейшая конкретизация этого изучения. Именно в этом последнем моменте—в степени абстрактности и степени конкретности рассмотрения этих производственных отношений—лежит момент, который делает необходимым выделение группы вопросов с.-х. экономии в особую дисциплину. Таким образом в моем понимании основные предпосылки, которые должны быть установлены для понимания с.-х. экономии как науки, сводятся к следующему. Во-первых, это наука теоретическая. Она не является наукой практической, прикладной, как она главным образом трактуется в старых направлениях с.-х. экономии. Но, во-вторых, она вместе с тем не является ни в коем случае наукой исторической. В этом отношении т. Сулковский грешит несколько в том смыслее, что у него историзм рассматривается не только как метод, как историческая обусловленность отдельных моментов, но принимается как самая сущность построения с.-х. экономии. Наконец третий момент—это именно то, что она рассматривает общественные отношения, складывающиеся в системе с.-х. производства.

Можно спросить, почему именно и в каком именно понимании эти общественные отношения, складывающиеся в сельском хозяйстве, должны выделяться в с.-х. экономию в противоположность вообще общественным отношениям, изучаемым в политической экономии. Конечно, говоря о том, что с.-х. экономия изучает общественные отношения, мы очень мало говорим, мы ничего не говорим, а даем только формальный признак. Известно, что все категории политической экономии, как абстрактной науки, есть категории абстрактного капитализма, которые в конечном счете могут быть сведены к изучению основного общественного отношения между капиталистом и рабочим. Вся структура капиталистического общества в абстракции может быть сведена

к одному этому общественному отношению. Поэтому рассмотрение в чистой форме отношений земледельческого капитализма так же, как капитализма вообще, может быть дано вне условий частной земельной собственности, как указывают это Маркс и Рикардо. Следовательно для того, чтобы понять, какую именно группу вопросов и какие общественные отношения должна рассматривать с.-х. экономия, необходимо брать эти отношения и рассматривать их социальную обусловленность уже не в абстрактном капитализме, вне наличности частного земельного собственника, а в условиях конкретного капитализма, в условиях частной земельной собственности и в условиях ренты. Если сама проблема ренты является лишь последним звеном в изучении абстрактного капитализма и если этот третий персонаж—землевладелец—в системе Маркса приходит уже в конце и налагает лишь руку на процесс распределения общественного дохода, то при рассмотрении конкретных условий развития капитализма в сельском хозяйстве мы должны исходить именно из этого момента. Я считаю, что т. Сулковский близко стоит именно к такому же пониманию этого вопроса—лишь только со следующим небольшим возражением. Последний тезис его говорит о том, что если мы считаем основным стержнем с.-х. экономики теорию ренты и все остальные проблемы выступают только лишь как развитие этой теории, то такое построение не позволяет объяснить целого ряда моментов в области изучения особенностей общественных отношений сельского хозяйства. Я полагаю, наоборот, что все особенности и все категории с.-х. экономии сводятся к особенностям, налагаемым ограниченностью земли, земельной собственностью и рентообразованием. Этим конечно не отменяется сущность и значение основного общественного отношения и категорий «чистого» капитализма. Но я утверждаю, что рассмотрение всех этих основных категорий (как проблема перенаселенности, проблема аграрных кризисов и т. д.), в их модифицированном виде в сельском хозяйстве, разрешается с указанной точки зрения в с.-х. экономии. К сожалению я не присутствовал на предшествующем докладе т. Гордеева, но с моей точки зрения тоже без понимания проблемы ренты и условий рентообразования нельзя понять и с.-х. кризиса. Далее, без понимания условий частной собственности и рентообразования нельзя понять экономику низкой заработной платы в сельском хозяйстве, нельзя понять проблемы концентрации капитала и процесса воспроизводства в сельском хозяйстве и т. д. В этом случае можно видеть именно тот характерный момент, что определенные производственные отношения обратно влияют на развитие производительных сил в сельском хозяйстве. Это основное (в смысле модификации общих категорий капитализма) отношение—частная земельная собственность и рентообразование—сказывается на всем процессе развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве. Это не значит, что нужно придавать этому моменту исторический характер и рассматривать

все проблемы с.-х. экономии исключительно как проблемы развития капитализма в сельском хозяйстве, как предлагает рассматривать т. Сулковский. Я напомню одно выражение Маркса, который говорит именно про частную земельную собственность, что капитализм, когда пришел в мир, не нашел соответствующих ему отношений земельной собственности и собственности вообще и начал преобразовывать последнюю соответственно своей экономике. Необходимость изучения этого процесса превращения докапиталистических отношений в капиталистические распространяется не только на земельные отношения и земельную собственность, но и на все другие отношения. Капитализм, когда пришел в мир, не нашел также свойственных ему отношений и форм труда и точно так же начал преобразовывать эти отношения соответственно своей экономике. Он точно также не нашел и соответственной техники и преобразовал эту технику соответственно своей новой экономике. Развитие всех этих отношений в сельском хозяйстве проходит под непосредственным и решающим воздействием основного социального момента—ограниченности земли, монополии частной земельной собственности и рентообразования. Почему решающим? Именно потому, что решающим моментом для капитализма в сельском хозяйстве является социальная невозможность преодоления частной земельной собственности. Об этом неоднократно говорил Маркс. В этом заключается особенность соотношения между развитием производительных сил и производственных отношений в сельском хозяйстве, в том смысле, что эти условия земельной собственности являются социально непревозойденными для капитализма. Поэтому-то этот социальный момент—условия монополии частной собственности на землю—сказывается решительно на всех категориях с.-х. экономии. Даже—более того—понять такие категории без привлечения решающего значения этого социально-противоречивого в капитализме момента не представляется возможным.

Вот как я понимаю сущность и особенности предмета с.-х. экономии. Я считаю, что и т. Сулковский стоит в целом на том пути, который можно считать правильным подходом и опытом построения марксистской с.-х. экономии.

В заключение сделаю одно замечание. В тезисе 6 т. Сулковский объясняет своеобразие проявлений законов товарно-капиталистического общества в сельском хозяйстве и говорит, что в сельском хозяйстве основные противоречия этого общества развиваются быстрее, чем в других областях.

Вот этот тезис я считаю совершенно неправильным. Наоборот, я считаю, что социальная непримиримость основных противоречий капитализма приводит к тому, что противоречие между производственными отношениями и развитием производительных сил в сельском хозяйстве происходит более замедленно, и разрыв общественной оболочки, который при таких противоречиях должен получиться, происходит в сельском

хозяйстве не раньше, чем в других отраслях народного хозяйства, а, наоборот, позже. Противоположное утверждение является отрицанием ведущего значения промышленности и даже—более того—отрицанием необходимости экономики переходного времени. Экономика переходного периода в значительной степени обусловливается по отношению особенно к сельскому хозяйству тем, что разрыв капиталистической оболочки, т. е. переход от капитализма к социализму, происходит в сельском хозяйстве с особенным запозданием, оставляя в наследство переходному периоду недоразвитые отношения и противоречия капитализма в земледелии.

Г. Раевич (Москва). Первый тезис, который я выдвинул в начале дискуссии по вопросу о методике с.-х. экономии, состоял в том, что с.-х. экономия у нас в сущности является не наукой, а искусством, т. е. искусством составлять программы из разнородных клочков и самых разнообразных наук и, придавая сюда какую-нибудь приправу, составлять какое-то кушание. Значит—искусство не совсем высокого стиля, примерно на уровне поварского. В самом деле, те выступления, которые здесь были, та дискуссия, которая здесь развернулась, достаточно подтверждают, что здесь речь идет о каком-то рецепте, а не о том, чтобы действительно наметить методику науки, которая себя обосновывает, которая имеет свои достижения. Что здесь действительно предлагается в качестве составных элементов этой науки? Во-первых, ряд проблем, общих теоретической политической экономии, которые в ней уже разрабатываются, которые из нее никак не могут быть изъяты, если политическая экономия не выхолащивается совершенно, если не сводить ее к выяснению самых общих взаимоотношений между двумя классами. Здесь товарищи правильно отметили, что Маркс считал, что земельная собственность является не только пережитком докапиталистических отношений, а что земельная собственность входит в систему капитализма. Затем здесь предлагают в качестве составных элементов этой науки ряд элементов аграрной политики, ряд элементов организации с.-х. предприятий. Ряд случайных элементов объединяется вместе. Есть другой рецепт, противоположный тому, который предлагает т. Сулковский, рецепт, который предлагает в основу всего положить ренту. Наконец есть третья концепция, которая ближе всего к действительности, которая не мудрствует лукаво, говорит, что нужно преподавать с.-х. науку так: давайте составлять какую-то энциклопедию, какое-то собрание отдельных проблем, пусть не объединенных единым методом, единой мыслью, но раз это в целях преподавания необходимо, давайте мы на это пойдем. Вот к чему приходит ряд товарищей. Попытки сколько-нибудь обосновать единство методов, единство предмета в достаточной степени здесь раскритикованы. Достаточно выяснено, что система, которую предлагает т. Сулковский, является отражением системы Богданова. Выяснены и те ошибки, которые де-

лает т. Лященко. Во время дискуссии когда нам приходилось выступать против всех этих попыток, мы имели в виду здесь не вопрос о том, как будет итти преподавание—это в конце концов вопрос второстепенный. Большое значение—но не главное—мы уделяли тому, что благодаря созданию этого искусственного курса с.-х. экономии силы марксистов отвлекаются от изучения науки об организации сельского хозяйства или науки о с.-х. предприятиях. То, что эта наука, исходящая из народнохозяйственной установки, нужна—этого никто не отрицает. Эта наука очень важна, тем не менее она не составляет центра тяжести нашей установки. Центр тяжести был в ином.

Я вам прочту одну из цитат, которая характеризует, как создание этой науки с.-х. экономии понимается некоторыми товарищами. Один автор пишет: «Книга Бринкмана является квинтэссенцией достижений буржуазной науки, и задача исследования при помощи марксистской методологии вопросов с.-х. экономии, совпадает с разбором и критикой идей, изложенных Бринкманом в его книге».

Таким образом задача исследования при помощи марксистской методологии вопросов с.-х. экономии совпадает с разбором конкретного изложения этих проблем у буржуазных авторов. Я считаю необходимым еще раз заострить на этом ваше внимание. Тот же автор пишет:

«Центральным местом работы Бринкмана является проблема интенсивности. Поэтому задачей нашего исследования мы ставим разбор этой проблемы».

Дальше идет разбор идей Бринкмана; автор говорит:

«Такое понимание интенсивности в общем (а не в частности—*Г. Р.*), если приравнять, как это делает дальше Бринкман, затрату труда к затрате переменного капитала и объединить затраты капиталов в затрату без различия вещественных их форм, близко совпадает с определениями Маркса и Ленина».

Значит понимание интенсивности в общем совпадает с определениями Маркса и Ленина. Вот, товарищи, против того, чтобы создавались такие науки, конструированные недостаточно обоснованно, в которых дается лазейка таким взглядам, которые я прочитал и которые являются неслучайными,—мы и выступаем. Автор конечно т. Сулковский. Но дело не в этом, товарищи, а в том понимании, что наша наука с.-х. экономии—и это между прочим отметил здесь предыдущий товарищ—считает проблемой с.-х. экономии ту путаницу, которую ставит задачей буржуазная с.-х. экономия. Считать это проблемами с.-х. экономии—не значит, что мы построили свою науку, ибо таким путем мы будем подчиняться тому ходу мыслей, тому построению, которое дают ей буржуазные ученые.

Но это не единственный случай, товарищи. Возьмите проблему штандорта. Что социально-экономического в проблеме штандорта? Как можно ее включить в систему теоретической экономии, включающей

прежде всего классовые взаимоотношения? Тов. Сулковский вчера мне сказал: напрасно вы говорите, что штандорт не относится к политической экономии.

Тов. Сулковский в своей постановке проблем с.-х. экономии не выкинул ни одной из тех проблем, которые ставит буржуазная с.-х. экономия. Правда, он говорит, что мы все эти проблемы разберем, покритикуем, но мы у него имеем ту постановку, которая дается буржуазной наукой. Вполне понятно, что буржуазная с.-х. экономия выдвигает на первый план такие вещи, как проблема интенсивности, проблема штандорта. Благодаря постановке этих проблем буржуазная наука старается уйти от тех вопросов, которые имеют острое классовое значение, которые вскрывают действительные противоречия капиталистического общества, по возможности к таким, которые затрагивают или второстепенные классовые противоречия, как проблемы интенсивности (противоречие между землевладельцами-капиталистами—не основные классовые противоречия в капиталистическом обществе). Поэтому выдвигать эту проблему как центральную является неправильным: Ее нужно выдвигать как второстепенную и тем не менее здесь эта проблема выдвигается как центральная. Мы имеем со стороны ближайших товарищей Сулковского, которые вместе с ним делали доклады, и о которых он здесь заявлял, что они вместе прорабатывали вопрос, такое определение, что центральной проблемой с.-х. экономии является определение степени интенсивности, наиболее рентабельной для данной местности. Это определение т. Ужанского. Вот к чему ведет такой некритический подход.

Таким образом мы видим, что в первую очередь проблема с.-х. экономии должна состоять в том, чтобы вскрыть те пункты,—а этих пунктов довольно много—по которым нам грозит возможность, что ходячие проблемы буржуазной с.-х. экономии, займут то же самое место у нас, какое они занимают в буржуазной с.-х. экономии. Вот что я считаю центральной задачей в этом вопросе. Какова будет программа с.-х. экономии для меня этот вопрос второстепенный. Некоторые товарищи неправильно представляют тот пункт, по которому нужно бить.

В заключение т. Сулковский говорит: мы ищем, а вы только занимаетесь критикой. Вы ищете, и мы ищем то, на чем свихнулись те товарищи, которые считают себя марксистами.

С. Потапов (Москва). Было бы очень печально, если бы проблемы, входящие в круг вопросов с.-х. экономики, рассматривались таким образом, как их здесь сейчас рассматривал т. Раевич,—как нечто относящееся к области поварского искусства. Точка зрения Раевича—больше продукт детского задора, продукт чувства протеста «вообще», а не серьезного и вдумчивого анализа капиталистических производственных отношений в сельском хозяйстве; потому на ней нет смысла сейчас останавливать ваше внимание.

Другое дело—доклад т. Сулковского, которому нельзя отказать ни в продуманности, ни в цельности его содержания.

Концепция т. Сулковского в основном логически последовательна и по своему продумана, но вместе с тем эта концепция в основном же и не верна и именно в основном, в принципиальном отходит от марксистско-ленинской методологии.

В те 10 минут, которые мне предоставлены, я постараюсь это показать. Я ставлю себе задачей дать только критику методологических основ доклада т. Сулковского.

Мы читали статью т. Сулковского «Предмет и метод с.-х. экономии» (помещенную в журнале «На аграрном фронте № 12 за 1928 г.), где он писал, что «марксистской разработки вопроса, что такое наука, какие принципы существуют для классификации наук, до сих пор еще нет. Впрочем вряд ли удастся когда-либо (?) провести принципиальную грань между отдельными науками, в особенности между материнскими и дочерними науками».

К сожалению т. Сулковский и сейчас «твердит все то же», топчется на месте с видимостью движения вперед. По существу же это топтание на месте есть решительное движение в сторону от марксизма.

Я остановлю ваше внимание на основном, на принципиальном, на методологической стороне доклада т. Сулковского. Он пишет в своем втором тезисе: «С точки зрения марксизма необходимым условием существования науки является несовпадение сущности вещи и ее формы проявления». Таково известное положение Маркса, не подлежащее оспариванию, если его понимать не метафизически, т. е. если при этом имеется в виду, что условием науки является отсутствие непосредственного совпадения сущности вещи и ее формы проявления, или, иначе, если в этом положении не забывается и подчеркивается и существенное единство формы проявления и сущности и их относительное несовпадение. «Поскольку каждая форма проявления,—продолжает Сулковский,—имеет в свою очередь свою форму проявления и является для них сущностью (форма проявления, сущность формы проявлений—забавно, но не верно.—*С. П.*), создается возможность существования по отношению к отдельным абстрактным наукам цепи все более и более конкретных наук, из которых каждая, занимаясь изучением формы проявления вещей (наука с точки зрения Сулковского следовательно изучает формы проявления вещей. Несколько маловато приходится на ее долю, бедна была бы наша наука, если бы ограничивалась этим—*С. П.*), служит объектом более абстрактной науки, в свою очередь создает предпосылки существования ряда более конкретных наук, изучающих форму проявления вещей, служащих объектом вышеупомянутой науки». «В конечном счете,—заканчивает т. Сулковский этот тезис мыслью Энгельса, ничего общего не имеющего с рассуждениями Сул-

ковского,—каждая отдельная форма движения может быть объектом соответственной науки».

Итак, мы видим вначале тезиса известное положение Маркса, несколько неудачно изложенное Сулковским, что «если бы сущность вещей и форма проявления ее непосредственно совпадали, наука была бы излишня». В конце тезиса приклеена мысль Энгельса о том, что «всякая форма движения может быть объектом соответственной науки». В середине же тезиса — творчество самого Сулковского. На нем нужно сосредоточить внимание, так как оно абсолютно неверно.

Тов. Сулковский путает две вещи: форму проявления и форму движения. Наука изучает форму движения, а не ограничивается формой проявления. Форма движения имеет и форму проявления и сущность. Если мы задачей науки будем ставить изучение форм проявления, то мы будем останавливаться на полпути, если не хуже.

К изучению того или иного предмета или явления следует подходить с точки зрения развития сущности их, с точки зрения развития их содержания. Сущность предмета не может быть сведена только к одной форме проявления или к простой сумме внешнего многообразия предметов или явлений, ибо она есть всеобщая, внутренняя, необходимая их связь, их внутреннее единство и их устойчивость. Со стороны развития сущности, со стороны внутреннего содержания, внутренних закономерностей, внутренних необходимых связей, с точки зрения специфичности именно существенных связей следует подходить к построению наук. Ибо только в «сущности» дается понимание единства противоположности, внутренних необходимых закономерных связей, которые являются источником и внутренним импульсом саморазвития и самодвижения, причины своего отрицания и перехода в свою противоположность. Таким образом точка зрения сущности (в единстве с формами проявления ее, ибо сущность метафизически, без отношения к непосредственности и без полагания многообразия форм ее проявления, браться не может), точка зрения изменения и движения сущности— вот точка зрения диалектики.

Изменение и движение всегда понимаются и должны пониматься в связи и в свете категории развития. Этой точки зрения—точки зрения «сущности»—у Сулковского нет. У него точка зрения движения форм проявления, бесконечно рождающих свои другие формы проявления, которая неизбежно должна вести к ничего не объясняющей «дурной бесконечности». Человек, который перелистывает Гегеля между делом, часто впадает в такую «дурную бесконечность». Это же случилось и с Сулковским.

Если к изучению того или другого предмета нужно подходить с точки зрения развития, то необходимо все же себе ясно представлять, что такое развитие, так как без этого невозможно строить марксистскую классификацию наук.

Развитие марксистской методологией понимается как смена одной формы движения другой более высшей формой, причем между последовательными формами движения устанавливается имманентная необходимая закономерная связь; каждая форма движения в этой смене, в этом развитии необходимо возникает из развития предшествующих форм движения и подготовляет последующую в силу своего внутреннего развития. «Историческое развитие,—говорит Маркс,—вообще покоится на том, что последующая форма рассматривает предыдущую как ступень к себе».

Таким образом каждая форма движения существует лишь в той связи, которая ведет к ее противоположности, и не может существовать вне этой связи. Каждая из них в самой себе содержит отношение к другой и в своем содержании отражает свою другую и в то же время сама отражается в другой.

В объективной действительности существуют, с одной стороны, внешнее изменение—переходы в отношениях и закономерных связях, переходы одних отношений в свои другие отношения,—и, с другой стороны—отношения, закономерные внутренние связи в самих переходах. Если в переходах отображаются внешние связи явлений, если на этой ступени еще не познаны внутренние существенные связи, объясняющие внешние связи, то отношения в переходах раскрывают внутренние связи явлений и тем самым характеризуют сущность этих явлений. И вот, вскрывая внутренние связи действительности и объясняя переходы из внутреннего самодвижения, саморазвития, из внутренних закономерностей, мы тем самым познаем истинное развитие действительности. Здесь перед нами развитие выступает как единство переходов в отношения и отношений в переходах или как единство внешних и внутренних связей. У Сулковского же в лучшем случае есть один момент этого единства—это внешние связи, переходы в отношениях, есть смена отношений—«форма проявления порождает свои другие формы проявления»—но у него нет понимания внутренних связей, нет сущности, нет анализов внутренних закономерностей, нет представления об отношениях в самих переходах, а без этого получается однобокое развитие, вернее никакого развития не получается. Сулковский не может, он не в силах объяснить процесса развития, а без этого, без представления процесса развития, нет абсолютно никакой возможности строить марксистскую методологию наук.

Теперь я остановлюсь на существе тех принципов, которые должны быть положены в основу марксистской классификации наук, и на тех принципах, которые Сулковский положил в основу своей классификации. Сулковский во втором своем тезисе уместно пытается привести положение Маркса, что «если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишней», и положение Энгельса, что каждая форма движения может быть объ-

ектом науки, но он, Сулковский, этими положениями не пользуется. Я уже показал, что Сулковский не представляет себе правильного соотношения между сущностью и формой проявления. Теперь я покажу, что он и положение Энгельса не кладет в основу своей классификации. У Сулковского своя установка, установка неверная, и так как она претендует на нечто господствующее среди аграрников-марксистов, то разрешите на ней несколько подробнее остановиться.

Так как в природе существуют различные формы движения материи, эти формы внутренне между собой связаны, так как все они образуются единой движущейся материей, каждая из этих форм составляет нечто особенное, нечто новое по отношению к предшествующим, поэтому каждая из них должна быть изучена как в своей общности с более низшими формами, так и в своей специфичности, в своей особенности, в своем отличии от них. Исходя из этих положений, Энгельс дал принципы классификации наук. «Классификация наук,—пишет он в «Диалектике природы»,—из которых каждая анализирует отдельную форму движения, или ряд связанных между собой и переходящих друг в друга форм движения, является также классификацией, иерархией, согласно присущему им порядку самих этих форм движения» [1].

Сулковский в своем докладе приводит эту цитату Энгельса, но не кладет ее в основу своих принципов. На следующей странице «Диалектики природы» Энгельс пишет: «Так как теперь в природе доказана всеобщая связь развития, то чисто внешнее расположение материала также недостаточно, как гегелевские искусственные переходы. Переходы должны совершаться сами собой, должны быть естественны. Подобно тому как одна форма движения развивается из другой, так и отражение этих форм—различные науки—должны с необходимостью вытекать одна из другой» (разрядка моя—*С. П.*).

Наука есть отражение форм движения, говорит Энгельс, а Сулковский все еще твердит с прошлого года, что марксистское определение науки еще отсутствует. Наука должна вытекать из предшествующей, как более сложная форма движения из менее сложной. Вот принцип классификации наук по Энгельсу. Есть ли что-либо подобное у Сулковского? Нет. У него нет понимания перехода от одной формы движения в другую, а потому и нет соответственно этому правильного понимания наук. По Сулковскому все еще «до сих пор нет принципов, существующих для классификации наук». Те же принципы, которые он берет в основу своей классификации, далеки от марксизма.

Это ярче всего сказывается, когда он переходит к определению задач с.-х. экономии. Он говорит в своем седьмом тезисе: «Таким образом предметом с.-х. экономии является анализ форм проявления законов

[1] Архив, т. 2, с. 31.

товарнокапиталистического общества в сельском хозяйстве под углом зрения воздействия на последнее остатков докапиталистических производственных отношений» (подчеркнуто мной —*С. П.*). Здесь налицо ничем уж неприкрытая, чисто механистическая точка зрения. Маркс и Ленин учили нас изучать капиталистические производственные отношения, исходя из самих капиталистических отношений, из их самодвижений, саморазвития, из их внутренних закономерностей, а Сулковский предлагает нам изучать их с точки зрения закономерностей докапиталистических производственных отношений.

Вообще нужно заметить, что в отношении любой формы движения в анализе ее не должно исходить из самодвижения этой формы движения, из закономерностей, специфически присущих именно этой форме движения.

Мы знаем, что каждая форма движения образуется из предшествующей формы движения и в то же время предшествующие формы движения включает в себя и подчиняет своим закономерностям. Если мы изучаем капиталистические производственные отношения в сельском хозяйстве, то мы должны их изучать не с точки зрения воздействия на них докапиталистических отношений, а с точки зрения закономерностей, внутренне присущих самим капиталистическим отношениям, с точки зрения закономерностей, присущих именно капиталистическим отношениям.

Формы проявления закономерностей капиталистических отношений наблюдаются различные, это обусловливается конкретно-историческими условиями их существования. Так например если в той или другой стране имеется налицо большее количество докапиталистических остатков, чем в какой-либо другой, то и форма проявления закономерностей капиталистических отношений будет иная,—но это совершенно не значит, что сущность этих отношений будет другая, и также не значит, что она, сущность, в своем развитии не будет обогащаться новыми определениями.

Я уже говорил, что сущность не может быть сведена ни к отдельным формам проявления, ни к простой сумме их, она есть их внутренняя всеобщая необходимая связь, устойчивость и единство разнообразия форм ее проявления. Таким образом я считаю, что подходить к определению с.-х. науки так, как подходит Сулковский, нельзя. Это механистический подход, а не диалектический, доказать это я мог бы еще многим, но у меня есть много других существенных моментов, на которых я хотел бы остановиться.

В заключение я должен ответить на вопрос: как же быть с теми проблемами, которые входят в с.-х. экономию, и каково соотношение последней с политической экономией.

Проф. Гордеев, которого я считаю еще дальше стоящим от диалектики и который менее причастен к диалектическому анализу эко-

номических явлений, чем т. Сулковский, по этому поводу пишет: «Отличие (с.-х. экономии—*С. П.*) от политической экономии заключается лишь в области со всеми отсюда вытекающими последствиями. Политическая экономия есть теория всего народного хозяйства, а с.-х. экономия есть теория лишь сельского хозяйства. Выделение с.-х. экономии произошло, с одной стороны, вследствие усложнения хозяйственной жизни. Это усложнение выдвинуло наряду с политической экономией и с.-х. экономией экономию промышленности, транспортного дела, горной промышленности» [1]. Я спрашиваю, что же остается для политической экономии за вычетом с.-х. экономии, экономии промышленности, экономии транспортного дела и горной промышленности. Пустая абстракция, лишенная всякого содержания. До сих пор мы считали, что политическая экономия является не только абстрактной, но в то же время и конкретной науки. Вообще отрывать абстрактное от конкретного, общее от частного не входит в задачу марксистской методологии. С точки зрения марксизма нетеоретических наук вообще нет, пора уже эту истину усвоить. Рассуждение т. Гордеева о соотношении политической экономии и других экономий ничего общего с марксистской методологией не имеет.

Тов. Сулковский в определение с.-х. экономии вкладывает слова Маркса. С.-х. экономия сводится «к изучению тех определенных отношений производства и обмена, которые возникают от приложения капитала к сельскому хозяйству».

Нужно ли нам изучать эти отношения, отношения, вытекающие в процессе приложения капитала к сельскому хозяйству? Конечно нужно, конечно необходимо. Почему это нужно и необходимо? Да уже просто по одному тому, отвечает здесь же Маркс, а Сулковский этого недочитывает, что «без этого (т. е. без изучения капиталистических производственных отношений в сельском хозяйстве—*С. П.*) анализ капитала был бы не полон» [2].

Те проблемы, которые Сулковский вкладывает в с.-х. экономию, входят в анализ капитала, а анализ капитала входит в политическую экономию.

Сулковский анализ капитала хочет разбить на две науки: на политическую экономию и с.-х. экономию, но те методологические предпосылки, и те причины, которые заставляют его это сделать, как мы видим, неверны, слабы и несостоятельны.

В. Келлер (Москва). Тов. Сулковский совершенно справедливо по философской линии клал во главу угла мысль Энгельса из «Диалектики природы». Конечно у Сулковского были некоторые неточности в части, касающейся формы проявления, неточности, отмеченные По-

[1] Основные проблемы с.-х. экономии, с. 32—33.
[2] Маркс, т. III, ч. 2, с. 155.

таповым. Однако, нам нужно подчеркнуть положительную сторону доклада, выразившуюся в том, что наконец в с.-х. экономии мы замечаем такое явление, как философское обоснование, которого раньше не наблюдали. Это конечно большой плюс. Если не говорить о специфичности форм движения, о специфичности качеств и если говорить только о практических потребностях, о научном разделении труда,—а очень многие так и делали раньше, ограничиваясь только этим,—это значит в сущности скатываться к чему-то вроде богдановской науки.

Решение проблемы очевидно должно быть заострено на два фронта как против механистов, которые смешивают политическую экономию с технологией, так и против чистого формального идеализма. Только при таком заострении и можно найти правильное разрешение вопроса. Я попытаюсь это доказать на схематической характеристике двух неверных процессов определения с.-х. экономии. Часто бывает так: люди останавливаются лишь на одной видимости специфичности сельского хозяйства, лишь на частной земельной собственности и больше ни на чем другом, против чего восставал Сулковский. Почему это плохо? Кажется, как будто действительно здесь проблема с.-х. экономии. Очень часто приводят одно место «Капитала», где Маркс говорит о законах сельского хозяйства, но забывают, что Маркс дальше пишет: «и рудники, потому что законы те же самые». В этой плоскости ни в коем случае нельзя обрести предмета с.-х. экономии. Земельная собственность не является специфической для сельского хозяйства. Нельзя говорить, что земельная собственность существует в сельском хозяйстве. Земельная собственность существует в обществе, а не в какой-нибудь его отдельной отрасли. Нельзя рассматривать дело так, что будто бы наличие или отсутствие земельной собственности или ренты есть интимное, безразличное для посторонних дело сельского хозяйства. Нельзя рассматривать производственные отношения как замыкающиеся в пределах одной отрасли производства. Далее, не нужно забывать о том, что наличие частной собственности и земельной ренты достаточно сильно сказывается на развитии и отставании не только сельского хозяйства, но и целого ряда других отраслей. Например огромна роль земельной ренты в английской каменноугольной промышленности. Если мы рассматриваем только одну голую форму общественности, отрывая ее от содержания, мы никогда не увидим самого сельского хозяйства, оно с такой точки зрения, как будто очень социальной, остается просто-напросто невидимым. Политическая экономия конечно не отвлекается от производительных сил, она превращает их в исходный пункт или предпосылку, так как без анализа противоречия между этими двумя сторонами нельзя найти законов движения капитализма. Законы ренты—это не какие-то чистые формальные производственные отношения, это не какая-то чистая социальная форма, это в то же время законы развития производительных сил, но не специально в сельском хозяй-

стве. Если мы будем рассматривать формы производственных отношений оторванно от производительных сил, то у нас никакой экономии сельского хозяйства не может получиться. Значит чистый социологизм, формальный, здесь терпит крах.

Еще нелепее было бы предполагать, что мы можем найти предмет с.-х. экономии в производительных силах, если отвлечемся опять-таки от их специфической общественной формы. Такая точка зрения встречается и здесь. Мы можем базироваться на различии конкретных видов труда и характеризовать сельское хозяйство как совокупность определенных конкретных видов труда. Но где у нас будет основание для размеров данной совокупности? Объективных обоснований найти нельзя, и их по существу быть не может. Мы просто можем расширять и суживать область сельского хозяйства. Наряду с экономией сельского хозяйства мы можем найти экономию пчеловодства, животноводства и любого другого конкретного вида труда. Мы можем наблюдать столько экономий, сколько существует различных трудовых операций. Конечно такая точка зрения неправильна. Значит нельзя искать предмета социальной экономии ни в производственных отношениях, оторванно от производительных сил, ни в чистых производственных отношениях, ни в голых производительных силах. Равным образом, нельзя его разыскивать путем механического сложения формы и содержания. Нужно каким-то образом исходить из единства того и другого. Это сделать трудно, я готового решения предложить не могу, но думаю, что достаточно плодотворной может оказаться расшифровка формулы Маркса о противоположности между городом и деревней. Здесь, во-первых, указывается определенный социальный антагонизм, с другой стороны, в ней можно найти указание о сельском хозяйстве, общественную форму которого нам надлежит отыскать. Вне этой формулы, я думаю, экономическое понятие сельского хозяйства вообще установить нельзя. Понятие сельского хозяйства может быть установлено только как антагонистическое по отношению к чему-то другому—сельское хозяйство как мать, породившая своего антагониста. Сельское хозяйство не существует до возникновения этой противоположности, и оно исчезает вместе с исчезновением данной противоположности. Когда т. Сулковский подчеркивал это, он был совершенно прав. Я не хочу сказать, что эта формула дает нечто готовое, но путем ее разработки можно получить многое.

Приводили одну цитату из Маркса, которая говорит будто против такого исторического понимания сельского хозяйства, а именно, что производства всегда представляет собой какую-нибудь определенную отрасль. Но дальше сказано: «или целостную совокупность отраслей». Именно такую «целостную совокупность отраслей» общественного производства представляет сельское хозяйство до и после капиталистического общества.

Е. Эфроимский (Украина). Основной вопрос, который необходимо разрешить, заключается в следующем: есть ли возможность построения теоретических систем отраслей общественного производства. В этом заключается суть всех экспериментов по созданию сельскохозяйственной экономии и т. д. Все эти эксперименты пытаются разрешить вопрос, как создать теоретическую систему отраслей общественного производства. Если вопрос стоит так, то позвольте остановиться сейчас на том, в какой степени возможно разрешение этого вопроса. Здесь уже многие товарищи указывали (и в литературных выступлениях неоднократно подчеркивали), что политическая экономия едина для всех отраслей и законы ее действительны для всех отраслей. Это почему-то во внимание не принимается,—мне кажется, главным образом потому, что не ясна в достаточной степени суть предмета и сам предмет политэкономии.

Я позволю себе сейчас остановиться на анализе самого предмета политэкономии, чтобы из этого сделать выводы для экономии сельского хозяйства; это можно будет сделать и таким образом решить вопрос о том, возможна ли теоретическая система какой-нибудь отрасли народного хозяйства. Мало утверждать, что предметом политической экономии, теоретической экономии являются производственные отношения. По-моему, недостаточно утверждать только это. Надо указать еще, какой тип производственных отношений является предметом политической экономии, ибо производственные отношения все же представляют собой совокупность типов. Ключом такой типизации производственных отношений является указание Маркса в предисловии к «Критике политической экономии». Если вы припоминаете, там имеется знаменитое место относительно значения производственных отношений, экономической структуры и т. д., где он оговаривается: производственные или, выражаясь юридическим термином, «имущественные» отношения. Маркс здесь говорит об имущественных отношениях, но, товарищи, понятно, что имущественными производственными отношениями не исчерпываются все типы производственных отношений. Обратимся к какому-нибудь типу производственных отношений, например—отношения капиталиста и рабочего. Это—отношения, покоящиеся на том или ином отношении к средствам производства. Мы можем их, употребляя условную терминологию Маркса, называть имущественными отношениями. Отношения двух товаровладельцев—тоже имущественные отношения и т. д. Однако эти два товаровладельца могут быть рассматриваемы с другой стороны, именно как конкретные носители определенного конкретного труда,—это тоже производственные отношения, но совсем другого типа. Наконец мы можем взять производственные отношения внутри предприятия, отношения рабочего к рабочему, с одной стороны, как к члену одного и того же с ним класса, и с другой—как к определенному функционеру в производстве, выполняющему определенную функцию,

связанную с функцией первого. Первый тип будет типом «имущественных» отношений, вторым типом будет тип технических производственных отношений. Таким образом вы видите, что здесь есть несколько типов этих производственных отношений. Доминирующим является тип «имущественных» отношений, потому что он определяет собой всю общественную экономическую структуру.

Предметом политической экономии из этих типов отношений является тип имущественных отношений. Стоимость, выражающая отношение самостоятельных товаропроизводителей, представляет собой тип «имущественного отношения». Капитал—отношение классовое,—тот же тип «имущественного» отношения. Все остальные категории — рента и т. д.—все это виды «имущественных» отношений. Обращаясь к отдельным отраслям с точки зрения этих «имущественных» отношений, я хотел бы спросить Сулковского, найдет ли он какое-нибудь различие в этом отношении по различным отраслям. Если так подойти к предмету политической экономии, то станет ясным, что предмет политической экономии по отраслям не различается,—он во всех отраслях одинаков. Следовательно не может быть речи о теоретической системе отдельных отраслей. Если мы уже хотим создать какую-нибудь экономию отрасли, то прежде всего мы должны задать вопрос, какой тип производственных отношений мы должны выбрать, на котором лежала бы так сказать печать отрасли. Очевидно, что это—тип производственных отношений, тип «имущественных» производственных отношений мы выбрать не можем, потому что это значит создать политическую экономию промышленности, сельского хозяйства, транспорта и т. д., т. е. дублировать построение политической экономии. Значит этот тип мы выбрать не можем, значит нужно выбрать какой-то другой тип производственных отношений. Этот другой тип производственных отношений будет тот, на котором отражаются специфические черты отрасли и именно те отношения, на которых лежит печать конкретного труда данной отрасли. Но будет ли это теоретической экономией? Когда мы вглядимся в суть дела, то обнаружим, что теоретической экономии в «чистом смысле» слова не будет, потому что здесь определяющим выступает конкретный вид труда, конкретный вид материальной базы этой отрасли; здесь привлекается к анализу нечто, не имеющее отношения к теоретической экономии. Будет ли это организацией, будет ли это прикладная экономия отрасли—это неважно, но мне важно отсюда вывести, что теоретической экономии отрасли нет. Если мы все-таки хотим доказать наличие какой-то экономии отрасли, то последовательное проведение этого желания до конца даст нам нечто вроде «экономической организации» или, что точнее, «прикладную, конкретную экономию», скажем, — сельского хозяйства, промышленности и т. д. Тут дело будет заключаться, в том, что мы на основании законов политической экономии будем рассматривать различные комбинации тех технических

отношений, которые отражают конкретный вид труда данной отрасли. Это значит—мы будем рассматривать отношения фермера, плантатора, молочника с молочным фабрикантом, с владельцем молочной фермы, не забывая, что они являются в то же время и капиталистами. Значит, мы будем рассматривать их со стороны конкретного их проявления, в то же время не забывая того, что они являются капиталистами[1]. Это и будет прикладная экономия, или учение об «экономической организации» отрасли. Только так и можно строить то, что мы до сих пор пытались назвать экономией отрасли. Теоретическую систему отрасли создать невозможно, и поэтому эти попытки нужно отбросить.

Когда мы обращаемся с целью проверки этого положения к тому, что докладывал Сулковский, мы видим, что в значительной степени то, что он предлагал, подтверждает это положение. Сулковский в конце концов не дал теоретической системы отрасли: то, что он дал, в значительной степени входит в то, что я считаю относящимся к «экономической организации». И он часто оперирует техническими отношениями, т. е. отношениями второго типа, а не первого [2]. Когда Гордеев изучает проблему крупного и мелкого хозяйства—это значит, что он рассматривает крупное и мелкое хозяйство, окрашенное в специфические тона. Он рассматривает это крупное и мелкое хозяйство в зерновой области, в животноводстве, и уже тем фактом, что он берет крупное и мелкое хозяйство, окрашенное в специфические тона, он показывает, что и тут конкретный вид труда довлеет над ним. Но он не забывает все время рассматривать их и как известные социальные типы, т. е. он не забывает рассматривать их либо как крестьян, либо как капиталистов и т. д. Но это свидетельствует о том, что он со своей чисто теоретической позиции просто сбивается, что его «экономия»—та же прикладная экономия. То же происходит в отношении интенсивности у тт. Сулковского и Гордеева. Таким образом и здесь линия не выдерживается. Правда, можно еще стать на путь, который предлагают некоторые товарищи, т. е. выделить ренту из политической экономии и рассматривать ее в конкретном проявлении, что было бы совершенно нецелесообразно. Это ни в коем случае не оправдывало бы выделения ее в самостоятельную науку.

Т. Билаш (Украина). Участники прений подходили к разрешению вопроса с философской точки зрения, с чисто теоретическо-экономической, с точки зрения людей, работающих в прикладных институтах, подчиненных оперативным органам, как подходил Эфроимский. Я попробую подойти с точки зрения человека, бывшего несколько лет комиссаром.

---

[1] Иначе, разумеется, мы не будем иметь экономической науки.

[2] Именно междухозяйственными отношениями, взятыми в их конкретном проявлении.

«Бытие определяет сознание». Ленин говорил, что пролетариат имеет три основные фронта борьбы: экономический, политический и теоретический. Если подойти с этой точки зрения к вопросу о предмете и методе с.-х. экономии, вспомнив положение Ленина о том, что каждая наука, а особенно социально-экономическая, является партийной, тогда этот вопрос в значительной степени прояснится. Тогда нам будет совершенно ясно, что выступление т. Эфроимского, который отрицал необходимость построения с.-х. экономии как науки, неправильно, как неправильно и выступление т. Раевича. Что мы замечаем в области сельского хозяйства, в области аграрной теории в целом, так как с.-х. экономия является составной частью комплекса аграрных наук. Мы имеем за последние годы необычайное усиление интересов к проблемам с.-х. экономии, к проблемам крестьянского хозяйства, к проблемам с.-х. производства в целом. В основном это определяется тем, что мы находимся в периоде мировой пролетарской революции, когда идет подготовка к предстоящей решающей схватке, поэтому даже в Англии усиленно занимаются крестьянскими вопросами. Понятно, что для обоснования крестьянского вопроса необходимо разработать и экономическую сторону, т. е. экономию сельского хозяйства. В Англии Ллойд-Джордж сидит над этим вопросом. В Германии и Австрии пишутся целые книги, подобные книге Отто Бауэра «Борьба за землю»; там имеется специальный классовый переплет. Основные закономерности классовой борьбы и экономические в сельском хозяйстве те же, что и в промышленности, но при наличии такого количества усложняющих моментов в экономике, а отсюда и в политике, что необходимы специальные экономические исследования, которые волей-неволей приходится конструировать в специальную науку. Пока товарищи доказывают—нужна или не нужна эта наука,—фактически мы имеем за последние годы целый ряд попыток ее обосновать, причем—попытки, которые растут, как грибы после дождя. Возьмите статьи Лященко, Раевича, Сулковского, Ужанского, Ковалевского, Слипанского. И я, раб грешный, который выступает перед вами, тоже пытался писать кое-что в этой области, и Гордеев. Ясно, что это служит одним из решительных доказательств в пользу неправильности выступлений и Раевича и Эфроимского.

Я хотел бы остановиться только на одном выступлении, выступлении т. Лященко,—на той его части, где он говорит: «Капитализм не нашел в сельском хозяйстве технику, соответствующую своей экономике». Вот, товарищи, этот маленький, чуть-чуть видный кончик. Но если его взять в связи с теми мыслями Лященко, которые он высказывал прежде, с значением, которое он придает крестьянству в экономике сельского хозяйства и его устойчивости, то нам станет понятно, что т. Лященко недостаточно четко отмежевывается от той точки зрения, которая говорит, что имеются какие-то природные осо-

бенности в сельском хозяйстве, какие-то природные особенности в сельскохозяйственном производстве, по сравнению с промышленным производством. Кажанов просто и ясно ставит вопрос: в промышленности мы имеем дело с металлом и каменным углем, а в сельском хозяйстве—с процессами вегетативного порядка. В самом деле, здесь положение совершенно ясное. Тов. Лященко об этом забыл. Такой недостаток есть. И поскольку это вредно, на этом надо остановиться.

«Капитализм не нашел в сельском хозяйстве техники, соответствующей своей экономике». А где же он нашел ее готовой, где возникла техника, соответствующая экономике капитализма до его прихода? Капитализм отрывал от сельского хозяйства, как нам это известно, отрасль за отраслью. Тогда надо думать, что в оставшихся отраслях сельского хозяйства была особая техника, которая мешала капитализму развиваться сама по себе, а не благодаря особенности общественных отношений, благодаря которым техника не могла так быстро расти, как в промышленности. Интересы капитализма в целом часто требовали сохранения мелкого крестьянского хозяйства. Но Лященко видит, что в промышленности были особые внекапиталистические, т. е. внеобщественные причины успешного развития «техники, соответствующей экономике капитализма». Такая точка зрения конечно неправильная, ибо сам капитализм создает условия для особо успешного развития техники в промышленности и сам капитализм в целом, плюс его симбиоз с остатками феодальных отношений, создает условия развития техники в сельском хозяйстве.

Г. Гордеев (Москва). Из самого характера прений выяснилось, насколько вопрос о предмете с.-х. экономии является спорным и невыясненным. Я в своей книжке ни в какой мере не предполагал, что вопросы, разобранные у меня, исчерпали до бесспорности все поднятые проблемы. Напротив, с появлением книжки эти спорные места лишь сильнее выпятились. Но в выступлениях товарищей проявилась полная полярность, примирить которую не представляется возможным. Очевидно придется бороться двум фронтам: одному—признающему raison d'être существования самостоятельной научной системы—с.-х. экономии, и другому—не признающему.

Из не признающих наиболее последовательным является т. Раевич. Он доказывал, что сельскохозяйственная экономия представляет собой лишь окрошку, а не систему проблем. На основании лоскутности он отвергает возможность существования с.-х. экономии. Но к сожалению т. Раевич по существу не возражал против системы с.-х. экономии. Его возражение было построено на том, что у т. Сулковского имеется неудачное выражение, у другого товарища—еще более неудачное выражение, и на этом основании он делал вывод, что с.-х. экономия не должна существовать. Такие возражения вряд ли будут заслуживать внимания. Это возражения формальные, имеющие малое

касательство к затропутой т. Сулковским проблеме. Тов. Раевич прежде удачнее выступал против. Но он не плохо выступал и за. У меня до сих пор хранится его проект программы, набросанный им лично. Правда, это относится к тому времени, когда он благожелательнее был настроен к с.-х. экономии, чем теперь,—тогда он предполагал взять на себя даже писание двух-трех глав вместе с другими товарищами.

Не отсутствием ли внутренней убежденности в правоте его теперешней линии можно объяснить слабость его сегодняшнего выступления.

Раевичу уподобляется т. Мирошхин. Он тоже отрицал с.-х. экономию как науку. А когда ему предложили вести семинар в Плехановском институте, он согласился и работу выполнял.

Возражения Эфроимского еще менее удачны. Он возражает против с.-х. экономии, но с другого конца протаскивает экономию и организацию отдельных отраслей. Но, товарищи, если есть организация данных предприятий в данной отрасли, то зачем же еще нужны экономия и организация данной отрасли. Очевидно, что под флагом экономии и организации отрасли преподносится та же с.-х. экономия—лишь в искаженном виде. Очевидно, что вы не уяснили себе еще предмета с.-х. экономии.

Самым резонным возражением в отношении философской части были возражения Потапова. Думается, что т. Потапов, кокетничая с философией, не удосужился все же уразуметь, что при наличии принципиального единства наука может быть рассечена на две науки. В этом отношении вчера была некоторая недоговоренность у т. Сулковского относительно аграрного вопроса, а с этого и было бы полезно начать. Что представляет собой аграрный вопрос в марксистском понимании? Аграрный вопрос есть сумма аграрной политики и с.-х. экономии. Если вы посмотрите книжку Каутского, то найдете здесь теорию капиталистического с.-х. производства, во всей сложности и всем многообразии его развития, и затем практические и политические положения, исходящие из этой теории. Следовательно здесь симбиоз: две дисциплины были объединены в одну. Спрашивается: можем ли мы, имеем ли мы право это сожительство теории и политики расторгнуть. Мы не имели бы права этого сделать, если бы мы не дозрели до современной стадии. Я полагаю, что самое существование Комакадемии дает нам право сказать, что мы созрели до возможности разделения на теорию и на практику одного и того же аграрного вопроса. И я полагаю, что теория аграрного вопроса, как она практикуется у Ленина, Каутского и Энгельса, представляет собой теорию с.-х. экономии и политики. Что представляет собой самый предмет с.-х. экономии? Мне кажется бесспорным, что политическая экономия изучает законы развития и законы падения или краха капиталистического общества. И в эти законы безусловно включается рента. С этой точки зрения нечего нам пытаться

дублировать политэкономию. Кто думает это делать, тот ошибается и не может встретить нашей поддержки. Не в этом задача с.-х. экономии. Задача с.-х. экономии начинается тогда, когда мы говорим об исследовании процессов производства и воспроизводства в той области, где существует земельная рента. Потапов, возражая мне, приводил мое замечание: «я начну с области», считая его неудачным, но я полагаю, что эти слова достаточно точно и удачно выявляют смысл, который я ими хочу выразить. Смысл заключается в том, что влияние земельной ренты на процесс производства и воспроизводства в сельском хозяйстве не исследуется и не может исследоваться в политэкономии. Он должен обратить на себя внимание какой-то другой науки. Вчера здесь обсуждался доклад об аграрных кризисах. Ленин говорил, что их нельзя понимать без ренты. Следовательно здесь имеется положение, требующее особого рассмотрения. Если вы рассмотрите весь комплекс проблем реального процесса производства и воспроизводства, то вы не найдете ни одного звена, ни одного пункта, где бы влияние земельной ренты не сказалось, и где бы это осложнение не действовало на с.-х. производство и воспроизводство. С.-х. экономия и будет наукой, которая изучает законы роста движения и падения капитала, преломляемые через капиталистическую ренту. Я в этом отношении целиком не согласен с т. Сулковским, рассматривающим ренту как некоторый докапиталистический остаток. Я полагаю, что ренту нужно рассматривать как остаток, который модернизировался в капиталистических условиях настолько, что в нем ничего докапиталистического не осталось. Это в полном смысле слова капиталистическая категория, но она настолько своеобразна и, прилагаясь к сельскому хозяйству, настолько осложняет процесс производства и воспроизводства, что дает основание говорить о возможности выделения связанной с ней системы проблем в самостоятельную науку. Всякие указания на остаток докапиталистических отношений мне кажутся ошибочными еще и на том основании, что докапиталистические условия не могут оказывать определяющего влияния на капиталистические отношения. Поэтому, когда мы говорим о с.-х. экономии, то разумеем при этом законы развития капиталистического производства и воспроизводства в условиях наличия земельной ренты.

Переходя от общих замечаний к конкретным, я обращаю внимание на стык между политэкономией и организацией хозяйства. Достаточно ли между ними заполнено все пространство? Те, кто близко стоят к этим двум наукам, знают прекрасно, что между политэкономией и организацией хозяйства имеется колоссальный пробел, который каждый организатор и экономист чувствует самым жестоким образом. И нечего тут ругать буржуазную науку, в которой сложилась и с.-х. экономия как наука. Меня могут упрекнуть в том, что я исхожу от буржуазной экономии и от буржуазной мысли, обосновывая свой raison d'être

существования с.-х. экономии. Я этот упрек принимаю, но полагаю, что в нем ничего еще плохого не содержится.

Переходя к построению курса, который можно предложить вашему вниманию, надо остановиться на рассмотрении условий развития капиталистического хозяйства, следовательно исследовании тех закономерностей, которые имеют место при переходе от докапиталистического к капиталистическому хозяйству, а затем на непосредственном переходе к самому капиталистическому хозяйству. Здесь процессы производства и воспроизводства составляют стержень проблем с.-х. экономии. Куда включать экономику переходного периода? Можно ли ее включить в нашу систему, когда экономия переходного периода относится не к капиталистической, а к социалистической формации? Нет ли тут противоречия, исходящего из основного нашего понимания политической экономии как науки, изучающей капиталистические производственные отношения? Я полагаю, что здесь этого противоречия нет, потому что концом своим переходный период примыкает к капиталистическим формациям. Следовательно даже с этой точки зрения у нас нет никаких противоречий, когда мы включаем с.-х. экономию в переходный период. Кроме того, Ленин указал, что не только переходный период и развернутый социализм будут представлять достаточную пищу для исследования экономиста. Очевидно только одно, что экономика переходного периода должна представлять самостоятельную и своеобразную часть во всей системе с.-х. экономии.

Заслуга Сулковского заключается в том, что он поднял этот спор на теоретическую высоту. Разрешил он вопрос или нет—это другой разговор, но самая постановка вопроса заставляет похвалить т. Сулковского. Надо уделить с.-х. экономии гораздо больше внимания, чем уделялось до сих пор.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО М. СУЛКОВСКОГО

Наша дискуссия была достаточно оживленной и дала очень много теоретического материала для дальнейшей проработки вопроса о системе с.-х. экономии как для меня, так и для других товарищей.

Достаточно четко и хорошо разрешить вопрос о предмете с.-х. экономии можно будет не столько в начале, когда мы подходим к работе по созданию системы с.-х. экономии, а в конце работы, когда будут в достаточной степени разработаны все проблемы, входящие в с.-х. экономию, когда будет в достаточной степени создана реальная система с.-х. экономии. Здесь у нас повторяется обычная беда нашей педагогической работы при проработке вопросов политической экономии: когда прорабатывать предмет и метод политической экономии—в начале ли курса или в конце? В начале было бы самое лучшее, но нельзя говорить о предмете, не изучив его. В конце же курса мало смысла заниматься предметом, если он уже пройден. Мне кажется, что эта беда повторяется и здесь. Мы говорим о предмете с.-х. экономии, не сконструировав систему предмета, не разработав целого ряда проблем, входящих в нее. Это проявляется и в выступлениях ряда товарищей. Если бы товарищи отчетливо представляли себе материальное содержание науки и представляли его не в виде схемы, а реально изложенным, хотя бы в голове, было бы гораздо меньше возражений моему докладу, и разработка вопроса шла бы более деловым образом.

Теперь перейду к моим оппонентам. Начнем с философской части.

В моем докладе, очень кратком, было подчеркнуто: в марксистской литературе разработки вопроса, что такое наука и какие принципы существуют для ее классификации, еще нет. В противовес утверждениям т. Потапова на этой точке зрения я стою и сейчас, так как у нас имеется целый ряд замечаний Маркса и Энгельса (я привел в докладе одно замечание Маркса и одно замечание Энгельса), но достаточно четкой классификации наук не существует. У нас есть отдельные попытки в этом отношении, на которые я ссылался, например книжка Рожицина «Введение в науку», но она носит популярный характер и не представляет собой того капитального труда, который нам

нужен. В настоящем докладе, по сравнению с предыдущим, мне пришлось заняться тяжелой, неблагодарной работой—дать кое-что хотя бы в элементарных грубых чертах, что касалось бы классификации наук, ибо критика необходимости существования с.-х. экономии в значительной мере базировалась на неясном представлении методологического вопроса о классификации наук. При дискуссии нам удалось избежать такой неверной постановки вопроса. Правда, были выступления тт. Эфроимского и Раевича, которые говорили, что с.-х. экономии как науки нет, но т. Раевич держался в этом вопросе скорее оборонительной позиции и больше оправдывал свою старую точку зрения, чем наступал. Тон выступления по этому вопросу был далеко не таким, каким он был раньше. Тов. Эфроимский, сделавший по-моему целый ряд грубых ошибок, пришел к выводу, что может существовать экономика отдельных конкретных отраслей народного хозяйства. Он отрицал специфичность сельского хозяйства по сравнению с другими отраслями, но одновременно он признавал возможным создание каких-то нетеоретических систем конкретной экономии.

Таким образом в плоскости постановки вопроса в той дискуссии, которая была в Комакадемии в октябре прошлого года, мы имеем некоторое изменение. Сейчас уже нет скомканности в постановке вопроса вследствие невыясненности теоретических основных положений в классификации наук.

Я очень невысокого мнения о своих попытках дать в трех тезисах принципы классификации наук. Это не моя задача. Я лишь дал грубую схему, на основе которой я мог бы работать. Я считаю, что в дальнейшем в эти положения при развитии со стороны товарищей-философов системы классификации наук будут вноситься серьезные поправки. Возможно даже, что в выставленных мною положениях можно найти некоторые неточности. Я сам вижу некоторые, например я обошел совершенно вопрос о различии между формой и формой проявления. Но я считаю, что был прав в своей постановке вопроса, поскольку мне нужно было лишь в грубых чертах показать, что классификация наук не является чем-то раз навсегда данным, что те науки, которые 100 лет тому назад не существовали, сейчас имеют право на существование. Я думаю, что это я в своей грубой системе классификации дал. Поэтому стоило изумляться смелости некоторых товарищей, которые употребляли здесь чрезвычайно резкие выражения. Мне кажется, что эти товарищи свои недостаточные познания в области философии и свой недостаточный авторитет в этой области хотели подкрепить громкими словами. Возражения т. Потапова сводились к общим разговорам. Я говорю—форма проявления вещей, а он говорит, что наука изучает не формы проявления вещей, а формы движения. Все его возражения только к этому и сводились. Но никакой пользы для дискуссии утверждение толь-

ко этого не дает. Тов. Ганин обвинял меня в изучении бессодержательных форм. Марксизм требует, чтобы форма не отрывалась от содержания, но нужно было доказать, т. Ганин, что я действительно отрывал форму от содержания. Это доказано не было. Тов. Ганин ограничился только общими словами, и его выступление в этом отношении носило характер голословного обвинения. Я же считаю, что у меня форма связана с содержанием, поскольку я связываю законы капиталистического общества как сущность с их проявлением в сельском хозяйстве.

Теперь встает вопрос: существуют ли в сельском хозяйстве специфические черты, свойственные историческому сельскому хозяйству? Здесь были возражения Раевича, Эфроимского, Казанчука и Потапова. Эти возражения являются чрезвычайно опасными. По-моему т. Билаш правильно отметил опасную политическую сторону этой тенденции. Тем, что у нас снимаются специфические черты сельского хозяйства, особая форма проявления законов капиталистического общества в сельском хозяйстве, этим самым снимаются и специфические противоречия сельского хозяйства, этим самым снимается и вопрос об особых формах борьбы пролетариата с буржуазией в применении к сельскому хозяйству. Этим самым дело логически сводится к вопросу о крестьянстве как союзнике пролетариата. Таково логическое развитие идей, которые связаны с отрицанием аграрного вопроса. Товарищи, отрицающие специфические черты сельского хозяйства, в конечном счете несомненно придут к меньшевизму в аграрном вопросе. Я не занимаюсь наклеиванием ярлычков, как занимались этим Ганин и Потапов, но я указываю на объективную тенденцию развития этих идей. Подлинный марксист должен всегда видеть особые условия борьбы пролетариата с капитализмом, когда дело касается деревни. Эту сторону не учитывали ни Эфроимский, ни Потапов, ни Раевич, которые по существу отрицали, что в сельском хозяйстве существуют особые формы движения. Вы зря ссылаетесь на «Капитал» Маркса, поскольку он относится не только к сельскому хозяйству. Ведь не можете же, на том основании, что марксисты-искусствоведы используют «Капитал» Маркса, сказать, что у нас, мол, есть «Капитал» и поэтому не должно быть марксистского искусствоведения. «Капитал» дает массу материала для дальнейшей разработки и расшифровки целого ряда наук.

Тов. Ганин пытался доказать, что другие конкретные экономии вытекают из особых форм проявления производственных отношений этих отраслей. Он отрицал мою постановку вопроса, по которой другие конкретные экономии имеют своей основой специфические черты материального производства. Но можно поставить т. Ганину вопрос: почему в текстильной промышленности существуют некоторые специфические черты производственных отношений? Именно эта специфичность обусловлена специфическим характером материального производства. Такие

различия в материальном характере производства в этих отраслях вносят специфические черты и в общественные отношения и служат базой возникновения других конкретных экономий. Так что Ганин, возражая мне, повторил по существу мою мысль. Поскольку дело касается сельского хозяйства, поскольку мы сталкиваемся с особыми законами капиталистического общества, проявляющимися в сельском хозяйстве вследствие общественной отсталости последнего, постольку мы имеем основание для того, чтобы эту науку поставить на несколько другую ступень, чем другие конкретные экономии. При этом всякий, стоящий на позиции марксизма, должен признать наличие специфических общественных черт сельского хозяйства, ибо иначе он рискует уйти далеко от нас.

Потапов также доказывал, что я, говоря о форме проявления законов в сельском хозяйстве, рассматриваю их не с точки зрения капиталистического общества, а с точки зрения докапиталистического общества, в то время как я должен был бы рассматривать самодвижение категорий капиталистического общества. По отношению к сельскому хозяйству, по-моему, я так и делал. Капиталистические законы под влиянием различного рода докапиталистических пережитков принимают специфическую форму. Нельзя же идеалистически представлять выхолощенное саморазвитие экономических категорий. При этом я говорил, что ударение здесь нужно делать на капиталистические отношения, а не на докапиталистические отношения. Нужно говорить, что капиталистические законы в сельском хозяйстве носят специфическую окраску, специфический характер. Так что здесь Потапов мне по существу возражения не сделал.

По поводу определения «аграрного вопроса» я в докладе еще указал, что только буржуазные экономисты отождествляли «аграрный вопрос» с «аграрной политикой». На самом же деле аграрный вопрос» заключает в себе много элементов аграрной теории, основанной на изучении особых законов сельского хозяйства. Я только считаю, что с.-х. экономия, в отличие от «аграрного вопроса», должна охватить ряд проблем, которые практически старый «аграрный вопрос» не в состоянии был охватить. Но основная принципиальная база старого «аграрного вопроса» в духе марксизма и с.-х. экономии должна быть та же.

Теперь—вопрос о докапиталистических моментах в сельском хозяйстве. Тов. Ганин меня обвинял в богдановщине и т. д. Я думаю, что он обвинял меня так же удачно, как это он проделывал, обвиняя меня в принятии богдановской схемы (как мы увидим ниже). Когда я в своей статье говорил об аграрном перенаселении и частной земельной собственности как о докапиталистических остатках, я не говорил неверных вещей, а давал общую установку, общую характеристику этих

категорий по отношению к капиталистическому обществу. Во вчерашнем же докладе я дополнил это место и подчеркнул, что здесь мы имеем не просто докапиталистические остатки, а остатки, срастающиеся с капиталистическим хозяйством, отнюдь не являющиеся чужеродным телом, а органически сливающиеся с ним. По определению Маркса частная капиталистическая земельная собственность является феодальной собственностью, которую капитализм нашел и приспособил для своих целей. При этом частная земельная собственность не является необходимым условием существования капиталистического способа производства; последний вполне мыслим и без частной земельной собственности. Развитие капиталистического сельского хозяйства шло бы более быстрым путем, если бы не было частной земельной собственности. Как раз одно из основных противоречий капиталистического способа производства заключается в том, что он не в состоянии справиться со стоящей перед ним задачей уничтожения частной земельной собственности. Частная земельная собственность является категорией капиталистической, но она своим основанием имеет докапиталистические остатки, пережитки докапиталистических производственных отношений. Это говорит нам, что капитализм использует обломки докапиталистических отношений, переделывает их на свой лад, но оказывается практически не в состоянии их уничтожить, когда это ему нужно. Это— беда капитализма, что он сохранил этот остаток у себя, в то время как логически он должен был бы его ликвидировать. (С места: И в то же время счастье). Надо, т. Раевич, различать частную земельную собственность и просто земельную собственность,—различие, которое проводит Маркс. Для капитализма нужна земельная собственность, но государственная, а не частная земельная собственность чуждого ему класса.

Аграрное перенаселение есть форма резервной рабочей армии. Как таковая, она есть капиталистическая категория, но своим основанием она имеет существование массы не разорившихся и окончательно не пролетаризировавшихся крестьян вследствие сохранения крепостнических пережитков. Аграрное перенаселение как форма резервной рабочей армии не только может быть уничтожено в условиях капитализма, но даже вообще не может быть мыслимо в условиях чистого капитализма. В условиях чистого капитализма резервная рабочая армия должна существовать в своей непосредственной форме, в форме армии безработных, а не в скрытой форме аграрного перенаселения.

Если так понимать докапиталистические остатки, как понимаю их я, о богдановщине говорить не придется.

Один товарищ возражал, но не прочел в моей статье такой сноски: «Уничтожение частной земельной собственности в условиях буржу-

азного способа производства ликвидировало бы все противоречие развития производительных сил, связанных с нею; и хотя дифференциальная земельная рента сохранилась бы, но, поступая в распоряжение самого класса капиталистов и не являясь препятствием к свободе приложения капитала к земле, она не была бы тем, что отличает сельское хозяйство от промышленности с его общественной стороны». Вот моя точка зрения о дифференциальной ренте. Земельная рента сохранилась бы, но приняла бы ту форму, которая не противоречила бы развитию капиталистических производственных отношений в сельском хозяйстве, а вся совокупность сложных проблем о диф. ренте II была бы просто снята.

Монополия хозяйства на земле вследствие ограниченности ее, существующая вне зависимости от частной земельной собственности, не служила бы препятствием свободе конкуренции капиталистов в сельском хозяйстве. Ибо как пишет Ленин: «Единственное последствие ограниченности земли при капитализме—образование дифференциальной ренты вследствие различной производительности различных затрат капитала» [1] и «Из факта ограниченности земли (независимо от частной собственности на землю) вытекает логически только то, что вся земля будет занята капиталистами, фермерами, но отнюдь не вытекает необходимость каких бы то ни было ограничений свободы конкуренции между этими фермерами» [2]. При таких условиях ни монополия хозяйства на земле, ни дифференциальная рента не являлись бы специфической причиной, задерживающей рост производительных сил капиталистического хозяйства, т. к. дифференциальная земельная рента такого типа свойственна не только сельскому хозяйству, но и многим отраслям промышленности (горное дело, строительные участки и пр.).

В то же время я считаю, что проблема аграрных кризисов, если к ним подходить не так, как подходит Спектатор, а с марксистской точки зрения, видя в них проявление специфических противоречий сельского хозяйства, эта проблема при условии национализации земли была бы снята. Это не значит, что тогда не было бы кризисов в сельском хозяйстве, а значит, что они не были бы аграрными, а общими.

Теперь относительно систематизации с.-х. экономии. Тт. Сивогривов и Раевич говорили, что программа, которую я предложил для семинарских занятий, включающая в себя те вопросы, которые достаточно разработаны в марксистской литературе и которые могут быть предложены для самостоятельной разработки студентам, является мешаниной из кусочков разных наук истории аграрных отношений, организации сельского хозяйства, аграрной политики и т. д.

Они к сожалению не остановились на том, что они считают в этой программе внесенным из других наук. Дело в том, что отдельные

---

[1] **Ленин**, Соч., т. IV, Гиз, с. 191.
[2] Там же.

науки, например история аграрных отношений, не являются какой-либо сложившейся наукой больше, чем с.-х. экономия. При этом я не вижу ни одной исторической темы в программе. Из организации сельского хозяйства тоже не видно ни одной проблемы, равно как и из аграрной политики. Если товарищи имели право говорить так в свое время, когда нами давалась абстрактная схема, а не разработанная система, то сейчас у них нет оснований так говорить.

Теперь коснусь отдельных проблем в моей трактовке, которые встречали здесь возражения. Тов. Раевич прочел выписку из моей статьи, написанной в 1926 г., с критикой многих положений Брикмана. Я писал тогда о том, что задача критики положений Брикмана совпадает в данный момент с задачей положительной разработки проблем марксистской с.-х. экономии. Да, товарищи, в этот период это было так, в этот период нужно было разобраться в буржуазном наследстве и поставить перед собой задачу, исходя из него, попытаться построить что-то свое положительное. Этот этап прошел. Если бы вы, т. Раевич, прочли мою статью с программой по с.-х. экономии через три года после этого, то вы увидели бы другое.

Второй вопрос. Когда я говорил о том, что формула Брикмана совпадает близко с марксистским пониманием, то здесь дело касалось только формального сравнения. Конечно, такая моя формулировка была неудачной: обстоятельство извинительное для меня, потому что я написал эту статью еще на первом году своей аспирантуры. Характернее всего то, что одним из редакторов, читавшим это в моей статье, до ее напечатания в журнале «На аграрном фронте», был сам Раевич. И когда я обратился к Раевичу за замечаниями по поводу статьи, то он меня спросил, говорил ли я с Ужанским, и заявил, что он в этом вопросе солидарен с Ужанским. Так что, если Раевич находил какие-либо дефекты в моей статье в 1926 г., то он должен был бы тогда же их исправить. Если он тогда не видел ошибок, то зачем он о них кричит сейчас.

Существует ли проблема «закона падающей производительности»? Я считаю, что проблема закона падающей производительности существует в максистской науке, но она существует в другой плоскости, чем в буржуазной экономии. У Маркса вы увидите, что существование частной земельной собственности ставит предел дополнительному вложению капитала и в конце концов приводит к невозможности этого вложения при существующих ценах. Вот это социально-экономическое явление, характеризующее противоречие между буржуазией и частными земельными собственниками, это противоречие буржуазные экономисты объявили законом падающей производительности. Задача марксиста не просто отбросить этот «закон», а пойти дальше и посмотреть, какое противоречие скрывается под внешним покрывалом этого несуществую-

щего закона. С этой точки зрения проблема «закона падающей производительности» существует и в марксистской науке.

Нельзя понять проблему земельной ренты, особенно в ее развитой форме, не попытавшись попутно разрешить проблему штандорта. Этот вопрос совершенно не разработан в марксистской литературе. Я не даю какого-либо готового ответа сейчас, но было бы смело со стороны Раевича говорить, что эта проблема чисто техническая и ничего социального в ней нет.

Останавливаясь на вопросе о влиянии остатков докапиталистических производственных отношений на капиталистическое сельское хозяйство, нужно поставить вопрос о противоречии между городом и деревней и т. д. Вполне очевидно, что причины неравномерности развития города и деревни состоят в том, что сельское хозяйство является и общественно и технически более отсталым, чем промышленность. Так что такая постановка вопроса по существу не служит мне возражением.

Таким образом механизмом, благодаря которому проявляется неравномерность развития производительных сил города и деревни, является в условиях капитализма наличие в нем так называемых «докапиталистических остатков». Противоположность между городом и деревней в значительной мере проявляется через эти «остатки».

Теперь я буду касаться частностей. Раевич попытался, исходя из того, что я делал совместный с Ужанским доклад, навязать мне все ошибки, которые когда-либо делал Ужанский. Позвольте напомнить т. Раевичу, что вообще первая честь указания ошибок Ужанского принадлежит мне. Это была моя рецензия, которую, я думаю, т. Раевич читал. Ссылка Раевича на предисловие «Международного аграрного института» к книге Студенского тоже ни к чему, потому что, я думаю, т. Гордеев может подтвердить, что у меня в 1926 г. была написана рецензия на эту книгу, где я отмечаю недопустимость предисловия МАИ.

По словам Ганина схема в моей статье построена по Богданову: у Богданова есть три этажа, и у меня тоже три этажа. Нельзя же на основании такого положения вести теоретический спор. Выходит, что если бы я в своей схеме сделал не три этажа, а четыре,—все было бы благополучно. Всякий, кто прочтет содержание моих «3 этажей» в схеме, увидит, что оно не соответствует богдановскому. Противоречия производственных отношений—это не есть экономика, это только часть экономики. Противоречия в форме классовой борьбы не есть идеология. Такие возражения дешевы.

В заключение я должен кое-что сказать по поводу историзма схемы. Я вижу, что так называемый исторический порядок систематизации с.-х. экономии начинает завоевывать себе место, несмотря на то, что товарищи, которые по существу становятся на мою точку зрения, на сло-

вах против нее возражают. Первым примером является т. Ужанский. У меня имеется программа лекций Ужанского, которая построена по-существу аналогично с моей программой лекций в I МГУ. Вторым примером является т. Гордеев, в программе которого по существу имеются те же отделы, что и у меня. Сначала методологические вопросы, затем развитие капитализма и наконец капитализм. С этой стороны я ожидал больше возражений, но возражений по существу было мало.

ДОКЛАД К. ХОМЕНКО

АГРАРНОЕ ПЕРЕНАСЕЛЕНИЕ

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ

УЧАСТНИКИ:

М. Герасименко

А. Либкинд

Г. Филиппов

П. Лященко

Т Билаш

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Я ограничусь в своем выступлении только общей постановкой вопроса.

Необходимо выяснить само понятие так называемого «аграрного» перенаселения, его социально-экономическую сущность, применение его к нашим условиям и в очень кратких чертах указать пути изживания «аграрного» перенаселения.

Чтобы долго не останавливаться ввиду краткости времени, разрешите изложить часть доклада в форме тезисов.

Капиталистический способ производства обусловливает собой и соответствующий закон народонаселения. Закон населения, говорит Маркс, при этом способе производства постоянно воспроизводит относительно избыточное, по сравнению со средней потребностью капитала в самовозрастании, рабочее население. Таков перманентный закон капитализма. Резервная армия—необходимое условие его существования. Резервная армия складывается из разнообразных слоев населения, источником для которых служит текучее, скрытое и застойное перенаселение. «Относительное перенаселение существует во всевозможных оттенках. К нему принадлежит всякий рабочий, пока он занят наполовину или вовсе не имеет работы» [1].

Для деревни свойственно скрытое перенаселение. Оно течет непрерывно, по мере проникновения капитализма в сельское хозяйство, и возрастает прямо пропорционально степени развития последнего. Создается оно тем, что землевладельческий капитал, овладевая производством, уменьшает число необходимых в нем рабочих рук.

Таким образом, нет никакого принципиального отличия между перенаселением, создаваемым в индустрии и в земледелии, в смысле причин его образования, в смысле генезиса этого явления. Но для перенаселения деревни характерным и отличным является то, что «отталкивание рабочего населения не дополняется здесь большим притяжением, как это наблюдается в неземледельческой промышленности» (Маркс). Это находит себе экономическое обоснование в том, что постоянный капитал

[1] Маркс, Капитал, т. I.

в земледелии воспроизводится только частично, значительную же часть он заимствует из индустрии.

Формы проявления перенаселения в деревне разнообразны. Они определяются степенью развития капитализма в земледелии, обусловливаются также наличием докапиталистических формаций. Этим осложняются социально-экономические отношения, складывающиеся в процессе с.-х. производства, этим усложняется классовая борьба в деревне.

Очевидно перенаселение в деревне необходимо рассматривать в связи со всем капиталистическим производством, в зависимости от степени развития последнего вообще и в частности от стадий развития капитализма в земледелии.

Скрытое перенаселение деревни—типичное явление развитого капитализма в земледелии. Это «избыточное», по сравнению со средней потребностью капитала в самовозрастании, рабочее население деревни. Скрытое перенаселение деревни—это та категория, которая характеризуется отношением с.-х. рабочего полупролетария с наделом к предпринимателю, фермеру или собственнику земли.

Если мы обратимся к конкретной действительности бывшей России и Украины, мы заметим целый ряд таких явлений, которые являются чрезвычайно характерными для экономики б. России. Прежде всего—уровень зарплаты (явление, особенно характерное для тех районов, которые являются перенаселенными), примитивность техники, низкая доходность крестьянских хозяйств,—все это приводило к невероятным противоречиям в строе крестьянского хозяйства, как и во всем сельском хозяйстве вообще.

Я попытаюсь проиллюстрировать некоторые моменты в подтверждение этих положений. Возьмем хотя бы уровень чистой доходности надельной земли. В конце XIX в. она характеризовалась такими цифрами. Правда, это средние величины, которые не дают возможности проследить рост доходности крестьянских хозяйств по социальным группам. Несмотря на это, они чрезвычайно показательны. На одну десятину в рублях, по «Материалам высочайше утвержденной комиссии 1903 года», по уездам бывшей Полтавской губернии нарастание чистой доходности крестьянских надельных земель проходило так: чистая доходность всех надельных земель в рублях на одну десятину по Зеньковскому уезду равна 3,29 руб., по Миргородскому уезду—9,1 руб., по по Гадячскому—9,03 руб., по Пирятинскому—1,6 руб. и т. д. Эти данные относятся к периоду между 80-ми и 90-ми гг. по разным уездам в разные годы. Если мы возьмем процентное отношение арендной платы к чистому или валовому доходу, то тут выступят еще более разительные показатели. За эти же годы отношение арендной платы к чистому доходу выразилось по Зеньковскому уезду в 210 %, по Миргородскому—89,7 %, по Гадячскому—76%, по Пирятинскому—226% и т. д. Как видим, только Гадячский и Мир-

городский уезды показывают некоторое превышение чистого дохода над арендной платой. Данные по остальным уездам говорят о том, что тут имеется значительное превышение арендной платы по сравнению с незначительным доходом, который получали в среднем крестьяне довоенной России.

Это показывает, в каком бедственном состоянии находились крестьянские хозяйства в дореволюционный период. Очевидно это меньше всего или вовсе не относится к зажиточной части деревни.

Если бы мы сравнили рост заработной платы примерно на Правобережье, со степной частью Украины, то тут можно было бы показать чрезвычайно много интересных данных. Рассмотрим динамику заработной платы с.-х. рабочих по Херсонской и Киевской губерниям. Если взять рост заработной платы пешего рабочего за 30 лет (с 1885 по 1915 г.), то мы увидим, что заработная плата чрезвычайно низко стоит именно по Киевской губернии по сравнению с Херсонской губернией.

Средняя поденная плата с.-х. рабочему (пешему, на своих харчах) в период уборки урожая (в копейках).

Губернии	1886—1890	1891—1895	1896—1900	1901—1905	1906—1910	1911—1915
Херсонская губ.	133	108	75	115	125	148
Киевская губ.	53	61	58	54	59	104

Таким образом уровень заработной платы является одним из тех показателей, которые представляются чрезвычайно характерными именно для перенаселенных районов. Вычисления, которые произвел хотя бы Короленко в своей работе конца 90-х гг. (по хозяйственной статистике, вып. V), показывают, что если взять примерно ту же Киевскую губернию, то «свободный остаток» местных рабочих там исчислялся в 281 тыс. чел., по Полтавской губернии — 258 тыс. чел. и т. д., в то время, как недостаток рабочих ощущался, как известно, в Херсонской, Таврической и др. губерниях.

В известной степени показательными являются и данные относительно отхода деревенского населения на заработки. Если взять количество проданных паспортов и паспортных бланков, то с 1861 по

1900 г. количество их в губерниях Правобережной Украины значительно возрастало.

В период с 1861 по 1870 г. по Киевской губернии было выдано 101 тыс. паспортов, а к концу 900-х гг. это число возросло до 2 401 тыс.,

Кроме того можно было бы дать целый ряд материалов относительно упадка, деградации крестьянского хозяйства, невозможности свести концы с концами и т. д. По существу говоря, в мелком крестьянском хозяйстве, в условиях товарнокапиталистического хозяйства, отсутствует даже возможность повышения производительности труда. Увеличение производительности труда возможно путем изменения техники, а для этого нужны свободные денежные средства, которых у большей массы крестьян не было.

Перенаселение таким образом приобретало чрезвычайно острый характер в особенности в лесостепной части Украины и в черноземной полосе РСФСР.

Какова же социально-экономическая сущность перенаселения деепротиворечие, которое приводило к таким ужасным бедствиям в среде ревни? В. И. Ленин, анализируя это явление, указывал, что коренное крестьянства, это противоречие между высокоразвитой капиталистической промышленностью и развивающимся капиталистическим земледелием и, с другой стороны, помещичьим и крестьянским землевладением, еще крепостническим, придавленным строем средневековья.

Вот основные причины того, что объединение крестьянства имело место в целом ряде районов б. России. Это перенаселение безусловно было выгодно для капиталистических слоев в б. России. Оно было выгодно потому, что обеспечивало возможность получения удешевленной рабочей силы для развивающегося капитализма. Обратной стороной медали было то, что наряду с наделением землей отдельных крестьян, что практиковалось, правда, и в степной части Украины, но особенно сильно наблюдалось у нас в перенаселенных районах,—появляется чрезвычайно большая масса крестьянских хозяйств, недостаточно обеспеченных средствами производства. При политике земельного утеснения оно безусловно создавало чрезвычайно обостренную классовую борьбу, носителями которой были паупер-бедняк, полупролетарий с наделом и, с другой стороны, класс угнетателей, помещики, дворяне и зажиточная часть крестьянства.

Имея в виду ту формулировку и обоснование, которые дал Маркс в отношении «скрытого» перенаселения, мы должны притти к выводу, что полупролетарий с наделом является типичной фигурой носителя «скрытого» перенаселения.

В условиях развивающегося капитализма при наличии остатков крепостничества процесс перенаселения деревни осложняется и расширяется. При этих условиях, кроме бедняцких полупролетарских слоев

деревни, прибавляется и середняцкая часть села, которые и составляют очаги перенаселения. С проникновением капитализма в деревню значительная часть середняцкой массы размывается, расслаивается, пополняя крайние полосы деревни. Середняцкая часть является наименее устойчивой и в значительной степени переходит в ряды бедняков, пополняя затем резервную рабочую армию. Этот процесс протекает в деревне, несмотря на остатки феодального строя, выступающие в качестве задерживающего начала.

Таким образом «аграрное» перенаселение—это избыточная по сравнению со средней потребностью земледельческого капитала рабочая часть деревни, значительная часть которой, в силу низкой производительности труда и вообще отсутствия условий для его повышения, не находит себе применения в собственном хозяйстве и недостаточно поглощается промышленностью.

Если «скрытое» перенаселение есть функция развитого капитализма, то «аграрное» перенаселение в том понимании, в котором я его изложил, как это доказано и показано Лениным, является функцией развивающегося капитализма, с одной стороны, а с другой—недостаточной его развитости в области промышленности и сельского хозяйства. Соотношение же между постоянным и переменным капиталом остается той экономической основой, на которой оно базируется.

Особенности социально-экономической структуры с.-х. производства придают своеобразный характер перенаселению деревни, которое выступает в форме «аграрного» перенаселения.

Обнищание деревни, деградация крестьянского хозяйства, а вместе с этим и рост бедняцкой массы деревни чрезвычайно показательны и характерны для «аграрно» перенаселенных районов. На этой почве развиваются разнообразные формы кабалы бедняцко-середняцких групп крестьянства. В качестве показателей «аграрного» перенаселения выступают также следующие явления: низкий уровень заработной платы с.-х. рабочих и крестьян, отходящих на заработки, степень господства капитализма в земледелии, уровень техники, производительности труда в сельском хозяйстве вообще и в крестьянском хозяйстве в частности и т. д.

Частичным показателем могут быть малоземелье и переселение. Я подчеркиваю именно частичность этих показателей, так как землевладение в капиталистических условиях не является показателем достатков крестьянства. Крестьянин делится продуктом своего производства с помещиком-землевладельцем и с государством. Говорить при этих условиях, что землевладение является основным показателем, как это делают и теперь некоторые экономисты, неверно. Точно так же неверно выставлять в качестве основного показателя категорию дохода, которая всецело определяется производственным принципом.

Теперь я кратко хотел остановиться на некоторых течениях по во-

просу об «аграрном» перенаселении. В дореволюционной литературе можно отметить два основных направления в смысле оценки «аграрного» перенаселения, в смысле подхода к методологическому разрешению: теория народников и мальтузианская, которые подверглись основательной критике со стороны Ленина. Я не остановился бы на них, если бы не было повторения и возрождения их за последнее время—только в другой форме и в несколько замаскированном виде.

Родоначальником народнического направления был кн. Васильчиков, который считал, что принцип обеспеченности крестьянского землевладения и должен считаться как основной аргумент к разрешению вопроса об «аграрном» перенаселении. Янсон тоже стоял на этой точке зрения, но он считал необходимым определить норму учета потребностей населения и вычислить производительность земли. Что касается Южакова, он соединил воедино эти две точки зрения относительно нормативных приемов исследования. Рабочая сила принимается у него за критерий максимума нормальной площади, а критерий потребностей должен служить для определения минимума народных наделов.

Позднейшие исследователи народнического направления особенно не углублялись в анализ нормативных исследований и теоретических основ «аграрного» перенаселения. Сюда могут быть отнесены Короленко, Постников, Воронцов и целый ряд др. В 1917 г. появилась работа Баскина о методе определения потребительно-трудовых норм. Земельный надел автор мыслит исключительно как потребительно-трудовую норму, отвечающую всей совокупности условий района. Придерживаясь строго статистического метода, он указал на необходимость массового обследования. Тут замечается некоторый «шаг вперед» по направлению к неонародничеству, но основ методологии он безусловно не изложил и не указал.

Зомбарта тоже можно причислить к тем, которые считают, что перенаселение в России базировалось главным образом на недостаточности надельных земель.

К мальтузианцам можно отнести Струве, Ланге, Нефедова, Лубны-Герцыка и др. Лубны-Герцык дал несколько работ, чрезвычайно на мой взгляд вздорных и противоречивых, не только относительно выводов, но и в своих трактовках. Я на них останавливаться не буду. Наиболее ярким представителем мальтузианского направления является Нефедов, который в известной своей работе говорил следующее:

«Процесс перехода избыточного земледельческого населения к неземледельческим промыслам требует, чтобы увеличение количества пищевых средств в достаточной мере обгоняло рост населения, а потому в условиях русской жизни такой процесс возможен не иначе, как в результате сознательного и принудительного ограничения размножения (регулирование размножения законодательным порядком) или как результат прекращения прироста или даже абсолютного уменьшения чи-

сленности населения вследствие обезземеления, пролетаризации и вымирания части земледельческого населения параллельно концентрации земельной собственности в руках меньшего по численности и тем или другим способом разбогатевшего элемента населения с повышенным спросом на продукты неземледельческого труда» [1].

Тут налицо настоящее мальтузианство.

Народники совершенно не вскрыли и не вскрывают социально-экономической сущности «аграрного» перенаселения. Они, как это подчеркнул Ленин, совершенно не доказали (хотя некоторые и делали попытки) его капиталистический характер. Они больше всего грешили тем, что своей абстрактной простотой игнорировали общественно-экономические отношения.

В известной степени это можно сказать по адресу и мальтузианцев, в частности Нефедова, который отыскивал перенаселение, свойственное капиталистическому периоду, и в средних веках и включил даже в эпоху великого перенаселения народов. Если сверить доводы мальтузианцев и их последователей с данными действительности, то в итоге будут вопиющие противоречия. Они оказались совершенно побитыми и жизнью и теми фактами, которые можно против них привести.

Можно было бы отметить удачное замечание, которое по этому поводу дал Гольдштейн в своей работе «Проблема населения во Франции». Последний отмечает, что в конце XIX столетия национальное богатство Англии и Франции увеличивалось гораздо быстрее, чем население. Богатство Франции в 1821 г. исчислялось в 55 млрд., а к концу XIX столетия приблизилось к 225—250 млрд. Национальное богатство увеличилось таким образом вчетверо, а население за этот период только на одну четверть.

Ни мальтузианцы, ни народники и их последователи совершенно не объясняли социально-экономической сущности «аграрного» перенаселения. Они только делали попытки нормативного его исчисления, и как раз в этих своих количественных вычислениях они совершенно сходились. Если взять их нормативное исчисление, сколько на душу приходится земли, какая должна быть землеобеспеченность на двор и т. д., то тут фигурируют те средние цифры, которые выражаются величинами от 15 до 20 десятин земли. Сюда можно отнести и Южакова, и Постникова, и Короленко, и целый ряд других.

Теперь несколько слов относительно тех работ, которые появились за последнее время. Прежде всего сюда надо отнести работы Бруцкуса, Рыбникова и др. Бруцкус таким образом оценивал «аграрное» перенаселение [2]:

---

[1] Нефедов, Закон народонаселения и Россия, 1910, с. 108.
[2] Журнал „Сельское хозяйство" 1922.

«Если русское крестьянство призвано строить русское сельское хозяйство, то ему следует предоставить и право распоряжаться землей, право распоряжаться осаждающейся на земле, в результате развития народного хозяйства, ренты». Эта ценность нужна ему, она ему необходима для предупреждения развития гнилостной болезни народного хозяйства—аграрного перенаселения.

С совершенной очевидностью выступает чисто буржуазный характер его теории. Пути разрешения проблемы у Бруцкуса связаны с ростом ренты в крестьянском хозяйстве.

Рыбников (в «Трудах Земплана» в 1928 г.) считает, что одной из важнейших причин низкого уровня благосостояния сельского населения некоторых частей Союза является земельное утеснение. Перенаселением деревни он называет «определенную форму с.-х. кризиса, свойственную некоторым странам с преобладанием сельского населения».

Вначале Рыбников протестует против натуралистического подхода, который имеется в оценке «аграрного» перенаселения. Он говорит, что надо больше внимания обращать на уровень производительности труда, на доходность крестьянского хозяйства и т. д. А потом заявляет следующее: «Малоземелье в значительной части черноземной полосы было одной из причин, снижавших доходность крестьянского хозяйства». Таким образом Рыбников по существу тоже все сводит к малоземелью. Проф. Огановский прямо отождествляет, без всяких оговорок, перенаселение с малоземельем. Тут он сходится с Петром Струве, который утверждал, что малоземелье есть общежитейский термин того, что наука называет перенаселением. Литошенко предостерегал нас, говоря таким образом: «Если мы пойдем по пути стихийного уплотнения, нас ждет судьба Китая» [1].

Если вы возьмете ряд последних работ, то найдете более правильный подход в смысле разрешения вопросов, связанных с «аграрным» перенаселением, и в смысле методологического подхода к ним. Сюда можно причислить работы тт. Шатана, Верменичева и ряда других. Работу Павла Маслова я частично просмотрел и остановлюсь на ней в конце.

Когда мы переходим к «аграрному» перенаселению в наших условиях, то мы не находим ни в одной работе более или менее четкого разграничения этого понятия в том смысле, насколько можно его применить к условиям переходной экономики. Обычно трактуется так, что «аграрное» перенаселение имеет место и сейчас, и рекомендуется ряд мероприятий к его изживанию и т. д. Зачастую малоземелье фигурирует как основной признак, как основная причина, куда и рекомендуется направить стопы, чтобы способствовать рассеянию его и всех тех последствий, которые связаны с «аграрной» перенаселенностью.

[1] Л Литошенко, Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства, 1923, с. 46.

Отличительной чертой нашей экономики является растущая связь бедняцко-середняцкой массы крестьянства на основе новых форм производства, смычки с социалистическим сектором города и деревни при руководящей роли социалистической промышленности. Принципиально отличным и важным является укрепление и рост середняцкой массы крестьянства при наличии еще некоторой дифференциации. Классовая борьба в деревне обостряется, принимая иные формы в связи с бурным процессом коллективизации. Все это еще не дает основания и права переносить понятие «аграрного» перенаселения в условия советской действительности. «Аграрное» перенаселение, как избыток рабочей силы деревни, в основе которого лежит соотношение между средствами производства и рабочей силой, имеет место и теперь. Но оно имеет совершенно иной социальный характер. Потому, строго говоря, понятие «аграрное перенаселение» нельзя применять к нашим условиям, механически переносить его к условиям совершенно отличной экономики. У нас больше приходится трактовать проблему «избыточной» рабочей силы в деревне.

Так называемое «аграрное» перенаселение является в значительной мере естественным наследием исторических и социальных условий прошлого. В переходный период, точнее, в период реконструкции нашего хозяйства, мы еще имеем «избыточный» труд в деревне. Это—«избыточное» по сравнению с потребностью социалистического сектора народного хозяйства рабочее население деревни, которое, в силу отсутствия, недостаточной обеспеченности средствами производства, не находит себе применения в собственном хозяйстве.

Так называемое «аграрное» перенаселение, являясь условием и рычагом капиталистического развития, в наших условиях выступает в качестве тормоза социалистического строительства. Оно является одним из факторов дробления крестьянских хозяйств, задерживает рост производительности с.-х. труда и т. д.

Очагами перенаселения деревни очевидно остаются безынвентарные и слабовооруженные средствами производства слои деревни, т. е. бедняки и низшие слои середняков (особенно Правобережье Украины, ЦЧО и т. д.).

«Избыточный» труд мелких, раздробленных крестьянских хозяйств может быть рационально использован при условии достаточного обеспечения средствами производства, при повышении производительности труда. Вопрос сводится не к тому, насколько использован труд крестьянина, а к тому, как он использован, какова его производительность.

Крупное хозяйство, с его преимуществами, указывает путь к этому. Но в руках индивидуального крестьянина это—рост капиталистических элементов и не разрешение, а усугубление перенаселения деревни. Другой и единственный путь—это путь производственного кооперирования, коллективизации. Коллективный труд на новой энергетической базе (трак-

торизация, электрификация), вооруженный новейшими достижениями техники и науки, обеспечивает наивысшую производительность с.-х. труда.

Таким образом техническая и социальная реконструкция крестьянского хозяйства, его бедняцко-середняцкой массы, на основе коллективизации есть основной путь разрешения так называемого «аграрного» перенаселения.

Высокие темпы развертывания народного хозяйства на базе индустриализации при усиленном темпе реконструкции крестьянского хозяйства обеспечивают уничтожение пережитков его отсталой техники, раздробленности мелких крестьянских хозяйств, ликвидации так называемого «аграрного» перенаселения. Индустриализация сельского хозяйства таким образом является базой, на которой дальнейшая коллективизация крестьянского хозяйства приводит к поглощению «избыточного» труда в деревне. Этому способствует также развитие трудоемких культур и продуктивного животноводства.

Теперь несколько слов относительно работы Павла Маслова [1]. Она только на днях вышла, и я не успел полностью ознакомиться с ней. Когда я просматривал некоторые страницы работы т. Маслова, мне бросился в глаза целый ряд противоречивых замечаний. Прежде всего он отрицает один и тот же генезис «аграрного» перенаселения. Он берет его совершенно изолированно, и очаги перенаселения ему представляются как отдельные островки, которые совершенно не подвержены влиянию капитализма. Так он пишет: «Само собой очевидно, что если отождествлять аграрное перенаселение с процессом образования резервной рабочей армии или, что то же, относить их за счет одного социального генезиса, то будет прежде всего совершенно непонятно образование аграрного перенаселения в сельском хозяйстве, стоящем вне капиталистической конкуренции в собственном смысле слова».

Тут ясно, что он отрицает генезис, хотя в другом месте себе противоречит. Так, на с. 41 он говорит: «Конечно нечего и говорить, что потребительская версия в данном случае менее всего пригодна для выяснения размеров аграрного перенаселения. Ведь речь идет об изучении образования своего рода скрытой резервной армии, т. е. об образовании избыточной рабочей силы».

Тут он отождествляет «аграрное» перенаселение с образованием избыточной рабочей силы.

Тов. Маслов отрицает по существу капиталистический характер аграрного перенаселения. У него «аграрное» перенаселение объясняется докапиталистической средой, и опять-таки, как я с самого начала сказал, это не увязывается с воздействием капиталистической среды, выступает обособленным, изолированным. Он заявляет: «Явление аграрного перенаселения лежит далеко за пределами капитализма в деревне,

[1] Павел Маслов, Перенаселение русской деревни, Госиздат, 1930

корни его лежат в глубинах крепостнических отношений и общинном строе».

На это он указывает неоднократно. Симптомы и показатели у него остаются те же, какие он отмечал для перенаселения еще крепостнической России: низкий уровень заработной платы, массовое выселение и т. д. Относительно выселения нужно сказать, что это совсем не является показательным. Если взять Екатеринославскую губернию и сравнить темп выселения с выселением из некоторых губерний Правобережья, то к концу XIX в. получится больший процент выселившихся из Екатеринославской губ. по сравнению с некоторыми губерниями Правобережья. Можно ли при таких условиях говорить, что перенаселение является характерным и показательным? Совершенно неправильно. Тем более нельзя это считать основным аргументом. Когда т. Маслов указывает на симптомы и затем останавливается на очагах перенаселения в наших условиях, он приходит к таким выводам: «Уже априори можно сказать, что кадры избыточных рабочих формируются именно в низших социальных группах и проблема перенаселенности поэтому может ставиться как проблема избыточного б е д н я ц к о г о населения—во-первых, и как проблема обнищания («оскудения») и деградации средних слоев крестьянства—во-вторых».

«Деградация» у него выступает как одна из основных сил перенаселения. Я это отношу за счет того, что он смешивает разные явления. К тому же это фактически неверно, не соответствует нашей действительности. Мы не имеем «деградации» средних слоев крестьянства. Я вскользь указал, что у нас процесс диференциации имеет место, но в значительно уменьшенном виде, чем это было в первые годы после нэпа. Говорить же о «деградации», когда у нас наблюдается рост средних слоев деревни, неверно,—это значит повторять перепевы буржуазных и мелкобуржуазных экономистов, критикующих экономический строй нашего Союза. Относить среднее крестьянство в таком виде, как он его выставляет, к основным очагам «аграрного» перенаселения по-моему совершенно неправильно. Он связывает возможность интенсификации сельского хозяйства с высокими ценами, и, с другой стороны, ведущим началом в организации крестьянского хозяйства у него является рынок с.-х. продуктов. Здесь также игнорируется руководящая роль социалистической промышленности и плановости.

Работа Павла Маслова богата эмпирическим материалом, интересно и живо написана, но теоретической путаницы в ней не мало, в результате чего неверно освещена социально-экономическая сущность «аграрного» перенаселения.

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ

М. Герасименко (Украина). Проблема перенаселения и в практических и теоретических целях часто формулируется расплывчато, неточно, а иногда совершенно неправильно. Распространенное объяснение явления аграрного перенаселения — обобщение вульгарно-натуралистического представления. Облечение в марксистскую словесную форму облагораживает вульгарную теорию, но от этого она не делается правильной. Обыкновенно аграрное перенаселение представляют как отношение с.-х. населения к площади освоенной земли или более общее — как отношение неиспользованной рабочей силы к общим ее запасам. Увеличение процента пользования наличной рабочей силы в сельском хозяйстве является согласно этой теории средством уничтожения аграрного перенаселения. Вот в качестве иллюстрации несколько цитат:

«Несомненно одной из причин, порождающих у нас явление аграрной перенаселенности и бьющей больше всего в глаза деревенского жителя, является несоответствие в темпе роста сельского населения и освоения девственных, подчас мало удобных, никогда не обрабатывающихся земель, имеющихся у нас в изобилии» [1]. «Аграрная перенаселенность... является результатом современного соотношения земельных угодий, наличия и роста населения, условия с.-х. техники и организации хозяйства» [2]. По Лацису недостатки современной организации хозяйства заключаются в том, что она не позволяет полностью использовать наличную в сельском хозяйстве рабочую силу. Общим показателем перенаселенности выставляется количество неиспользованного рабочего времени [3]. Интенсификация сельского хозяйства при значительном расширении эксплоатируемой площади должна в значительной мере рассосать избытки труда в деревне [4]. По Струмилину машинизация земледельческого труда ведет к экономии труда (значит, обостряет аграрное перенаселение — (*М. Г.*), однако рост производства и интенсификация земледелия поглотит

[1] Лацис, Аграрное перенаселение.
[2] Там же.
[3] Минц, Аграрное перенасселение.
[4] Струмилин, Социальные проблемы пятилетки.

с избытком освобожденный машиной труд (в сумме уменьшение перенаселения—*М. Г.*). Я считаю, что такое определение аграрного перенаселения может ютиться на страницах буржуазных учебников, но претендовать на марксистское определение ни в коем случае не может.

Определяя сущность аграрного перенаселения и возможные пути его изживания, нужно резко разграничить условия образования аграрного перенаселения в капиталистических условиях и у нас. В капиталистическом хозяйстве аграрное перенаселение представляет собою продукт капиталистических отношений. Тов. Хоменко уже говорил об этом. Я ограничусь указанием на самые характерные места сочинений классиков марксизма, формулирующих сущность аграрного перенаселения. «Рабочее население, производя накопление капитала, тем самым в возрастающих размерах само производит средства, которые делают его относительно избыточным населением». (Маркс, Капитал, т. I). «Излишек населения создается конкуренцией рабочих между собою, заставляющей каждого отдельного рабочего работать ежедневно столько, сколько позволяют его силы». (Энгельс, соч. том III, стр. 374). «Если бы завтра труд повсюду был ограничен до рациональных размеров, и для различных слоев рабочего класса были введены градации сообразно возрасту и полу, то наличного рабочего населения оказалось бы абсолютно недостаточно для того, чтобы продолжать национальное производство в его теперешнем масштабе». (Маркс, Капитал, т. I). «Если современные социальные условия не изменятся,—то большинство пролетариата раз навсегда сделается «излишним», и ему остается одна альтернатива: умереть с голода или—устроить революцию». (Энгельс, соч. т. III, стр. 571). В этих нескольких цитатах дано марксистское понимание сущности перенаселения. Последняя цитата формулирует общие пути уничтожения перенаселения. Действительно «излишним» населением является класс эксплоататоров и его прихлебатели. Уничтожение класса эксплоататоров приводит к освобождению непосредственных производителей от чрезмерного труда путем величайшего поднятия производительности труда. В общем виде это относится и к промышленности и к сельскому хозяйству.

Социальный переворот, писал когда-то Каутский, «не только увеличит производство сельских продуктов; он увеличит для сельского населения количество свободного времени, сделает из вьючных животных, какими теперь является деревенское население, свободных людей» [1]. Отсюда я делаю вывод: если мы считаем уничтожение социальных основ, порождающих аграрное перенаселение, за условие, которое уничтожает самую возможность продолжения дальнейшего обострения аграрного перенаселения, то очевидно,

[1] К. Каутский, Соч., т. XII, с. 186.

рассматривая вопрос об аграрном перенаселении у нас, мы должны исходить из того, что этой основы у нас уже нет.

Между тем в ходячих представлениях эта методологическая предпосылка совершенно отсутствует. Внешние показатели перенаселенности в капиталистическом хозяйстве переносятся на наши советские условия. Когда-то Каутский говорил, что «буржуазному мозгу представляется вполне естественным, что рабочий есть вьючное животное, существующее только для своего труда». Современное толкование проблемы уничтожения аграрного перенаселения как проблемы использования «избыточного» труда есть отражение этого буржуазного представления. Само собой разумеется, никто не возьмет на себя смелость утверждать, что в кулацких и зажиточных середняцких хозяйствах есть явление аграрного перенаселения. Высшая землеобеспеченность «дает возможность более интенсивно использовать наличную рабочую силу». Молчаливо допускается, что низшие группы крестьянства имеют наименьшее использование наличной у них рабочей силы. Между тем бюджетные данные об использовании рабочей силы (по главным районам СССР) по посевным группам показывают следующее: осталось неиспользованного времени в группе до 2 *га*—16,6%, 2—4 *га*—19,6%, 4—6 *га*—20,3%, 6—8 *га*—21,4%, 8—10 *га*—21,4%, 10—16 *га*—18,4%, свыше 16 *га*—16,6%, в среднем 19,2%. Вывод ясный. Наиболее «остро» аграрное перенаселение чувствуют хозяйства с посевом от 6 до 10 *га*. В наиболее же выгодном положении с точки зрения «перенаселения» являются явно кулацкие и бедняцкие хозяйства. Такое противоречие бьет в глаза. Другим показателем аграрного перенаселения считается отход на заработки. Казалось бы, что количество отходов как показатель перенаселенности должно коррелировать количество неиспользованной рабочей силы. На самом же деле расчеты показывают совершенно несходные порайонные характеристики перенаселенности. Отдельные районы по перенаселенности в первом случае располагаются в таком порядке: 1) Центрально-земледельческий район, 2) Волжский, 3) Уральский, 4) Севернокавказский, 5) Украина, 6) Московско-промышленный, 7) Западный, 8) Сибирь, 9) Северный, 10) Северо-западный; во втором случае: 1) Северный район, 2) Московско-промышленный, 3) Северо-западный, 4) Центрально-земледельческий, 5) Уральский, 6) Волжский, 7) Западный, 8) Сев. Кавказ, 9) Украина. При такой разноречивости показателей перенаселенности трудно конкретизировать порайонно мероприятия к смягчению перенаселенности.

Мероприятия экономической политики как будто бы должны быть направлены к максимальному использованию избыточной рабочей силы путем: 1) переселений, 2) втягивания с.-х. населения в промышленность, 3) введения трудоемких культур.

Расчеты возможного использования этими путями «избыточной» с.-х. рабочей силы показывают чрезвычайно слабую эффективность указан-

ных мероприятий. Возникает вопрос: или перспективы к уничтожению аграрного перенаселения в самом деле так мало реальны, или неправильное понимание сущности перенаселения мешает увидеть эту реальность. Я считаю правильным второе. Как часто бывает, здесь мы имеем бесперспективность не в реальности, а в мысли. Это противоречие мысли покоится на вульгарно-натуралистическом, а не социальном понимании экономических явлений.

Как же следует трактовать проблему аграрного перенаселения? Аграрное перенаселение является одним из самых тяжелых социальных недугов, оставленных нам в наследство старой полукрепостнической Россией. Редко где с такой выразительностью проявляется «идиотизм деревенской жизни», как в России. Своеобразное развитие русского капитализма в условиях феодально-крепостнического гнета крестьянства—вот основа, на которой возникло и дальше обострялось аграрное перенаселение, будучи в существе своем одним из главных проявлений противоречия между городом и деревней, с одной стороны, и между классами в деревне—с другой. Оно есть таким образом социальное отношение, внешне проявляющееся как отношение человека к природе.

Поступательное движение русского капитализма сопровождалось слабым развитием производительных сил в сельском хозяйстве, а отсюда—пролетаризация и пауперизация крестьянства. Конкретным выражением этого процесса была усиленная эмиграция с.-х. населения, чрезвычайно низкий уровень потребления (внешние показатели перенаселенности).

В переходную эпоху аграрное перенаселение, которое мы рассматриваем как остаток от разрушенных капиталистических отношений, как и при капитализме, есть социально-классовое отношение с отличным классовым содержанием. С одной стороны, это есть отношение пролетариата и крестьянства, с другой—классовое отношение в самом крестьянстве. Реальная основа этого отношения заключается в неодинаковом уровне состояния производительных сил города и деревни, экономически реализующемся различной доходностью живых носителей промышленного производства—рабочих—и носителей с.-х. производства—крестьян, с одной стороны, и различном уровне производительности труда в крестьянских хозяйствах неодинаковой хозяйственной мощности—с другой.

Определяя перспективы уничтожения аграрного перенаселения, рассматриваемого с точки зрения отношения пролетариата и крестьянства, должно сказать: усиленная индустриализация сельского хозяйства, завершающаяся уничтожением разрыва между городом и деревней не только по линии производства, но и по линии материально-культурного уровня, есть в сущности процесс уничтожения аграрного перенаселения. Некоторая медленность уравнивания города и деревни в течение ближайших нескольких лет оправдывается задачами укрепления пролетариата и форсированного социалистического накопления для тяжелой

индустрии, являющейся основой общего индустриального развития страны, которое будет действительной базой решительного и быстрого уничтожения разрыва между городом и деревней.

Несколько сложнее выглядит аграрное перенаселение, рассматриваемое с точки зрения внутрикрестьянских классовых отношений. Отбрасывая ненаучное, вульгарно-натуралистическое, антимарксистское определение аграрного перенаселения как отношения неиспользованного рабочего времени к общим запасам его, мы утверждаем, что это есть отношение различной производительности труда разных по мощности крестьянских хозяйств. Чем выше интервал между высшей и низшей производительностью труда, а отсюда—чем ниже общесредний арифметический уровень производительности труда в каком-нибудь районе, тем острее аграрное перенаселение, выражающееся в чрезвычайно низких нормах доходности хозяйств низших слоев крестьянства.

По данным Л. Минца нормы затрат труда по посевным группам в среднем по СССР на I *га* посева в рабочих днях таковы: II гр.—50,4, III гр.—41,5, IV гр.—31,4, V гр.—26,2, VI гр.—22,7, VII гр.—18,6, VIII гр.—14,3. Корень аграрного перенаселения следует искать не в невозможности производительно в течение восьми часов ежедневно (почему восьми, почему не шести, не четырех?) приложить труд к производству, а в низкой производительности прилагаемого наименее обеспеченной частью с.-х. населения труда.

Машинизация сельского хозяйства и коллективизация его означают более рациональную и экономную организацию используемого в сельском хозяйстве труда, подъем на неизмеримую высоту производительности труда, перенесение тяжелой работы на машину. Все это приведет к еще большей «недогрузке» до «нормы» с.-х. труда, но в условиях общественного производства и распределения (коллективы) этот процесс будет результироваться невиданным подъемом общей доходности с.-х. населения. В этом следует усматривать действительное решение проблемы аграрного перенаселения. Кстати: если мы поднимаем производительность труда низших и средних слоев крестьянства до уровня производительности высших, то «избыточное» население возрастает примерно с 12 млн. душ до 35. Считать, что такое освобождение труда приводит к обострению аграрного «перенаселения»—значит не признавать принципиального отличия советской экономики от экономики капиталистической. Изживание аграрного перенаселения таким образом будет итти следующими путями: 1) уничтожением разрыва между городом и деревней как по линии производства, так и по линии распределения (последнее конкретизируется в плане снижения себестоимости и рыночных цен на промышленные товары при почти стабильном уровне с.-х. цен); 2) продолжением «своеобразного» процесса диференциации крестьянства, заключающегося в передвижении низших слоев крестьянства к высшим, что является выражением поднятия про-

изводительности труда в низших по мощности хозяйствах. Громадного значения и силы средством поднятия производительности крестьянского труда является коллективизация. Поднятие доходности коллективизированного населения к концу пятилетки на 83% против 67% в среднем по сельскому хозяйству—вот реальный результат этого процесса.

Введение трудоемких культур следует рассматривать не с точки зрения возможного использования «излишней» в сельском хозяйстве рабочей силы, а с точки зрения лучшей организации сельского хозяйства. Само по себе введение трудоемких культур, загружая полностью наличную в сельском хозяйстве рабочую силу, в условиях капиталистических отношений может сопровождаться даже обострением аграрного перенаселения. Действительное же решение аграрного перенаселения следует усматривать в мероприятиях высшего порядка, которые действуют с момента насильственного разрушения дооктябрьских социально-экономических отношений. Это можно понять, выбросив за борт старые полумальтузианские, полународнические, вульгарно-натуралистические представления, обильно еще ютящиеся в складках системы с.-х. экономии. Вот та схема доклада, который следовало бы сделать, имея больше времени.

А. Либкинд (Москва). Нет ни одной проблемы с.-х. экономии, в которой господствовали бы в такой степени буржуазные и просто обывательские представления, как в вопросе аграрного перенаселения. Эта проблема настолько запутана буржуазными и мелкобуржуазными экономистами,—Герцыком, Минцем и др.—что некоторые марксисты пришли в отчаяние от всей этой путаницы и решили вообще отрицать само наличие аграрного перенаселения. Так например Маркевич в своей книге о машинно-тракторных станциях, критикуя всех буржуазных экономистов, говорит, что проблема аграрного перенаселения является выдумкой буржуазных экономистов, что с марксистской точки зрения этой проблемы не существует.

Такой подход по линии наименьшего сопротивления является неверным, ибо это означает полное предоставление изучения этой проблемы буржуазным экономистам, предоставление им дальнейшей возможности продолжать извращения в данной области. Мы должны толкованиям, которые даются буржуазными экономистами, противопоставить марксистское понимание проблемы аграрного перенаселения.

Марксистское понимание экономического явления прежде всего состоит в установлении его классовой сущности, сущности тех производственных отношений, отражением которых является данное явление. Лубны-Герцик и др. экономисты отмахиваются от этого основного вопроса. Они подходят к аграрному перенаселению с точки зрения биологической, технической, но совершенно не останавливаются на его классовой сущности. Благодаря игнорированию производственных отно-

шений, лежащих в основе аграрного перенаселения, у них получается, что аграрное перенаселение есть проблема внеисторического характера.

Основная заслуга Маркса заключается в том, что он поставил перенаселение в определенные исторические рамки. Он говорил, что всякому способу производства свойственны свои законы перенаселения. С этой точки зрения он подошел к перенаселению в капиталистическом обществе. Вот основной метод, который дает нам Маркс для правильного подхода к проблеме аграрного перенаселения.

Следовательно, подходя к проблеме аграрного перенаселения, мы должны установить, какой общественной формации свойственно аграрное перенаселение и какие производственные отношения оно отражает. Что касается перенаселения, установленного Марксом для капиталистического общества, то оно находит свое выражение в наличии резервной армии рабочих и является отражением основных производственных отношений капиталистического общества—отношений между классом рабочих и классом капиталистов.

Надо отметить, что Маркс ставит вопрос о перенаселении не только для промышленности, но и для сельского хозяйства. В т. I «Капитала» он говорит: «Постоянная эмиграция в города, постоянное создание «избыточного» населения в деревне происходит благодаря централизации ферм, превращению полей в выгоны, применению машин и т. д.».

Таким образом Маркс указывает, что в образовании перенаселения в сельском хозяйстве основную роль играет централизация с.-х. предприятий, рост техники, рост органического строения капитала, т. е. мы имеем те же факторы, которые обусловливают наличие перенаселения и в промышленности. Вообще говоря, как правильно отмечалось в дискуссии о предмете и методе с.-х. экономии, Маркс устанавливает законы не для отдельной отрасли хозяйства, а для всего общества в целом. Следовательно закон относительно перенаселения установлен Марксом для всего общества в целом, как для сельского хозяйства, так и для промышленности.

Но можем ли мы закон относительного перенаселения, установленный Марксом, целиком перенести на аграрное перенаселение? Тов. Хоменко полностью перенес этот закон на аграрное перенаселение. Благодаря этому не получилось ясного представления о специфической сущности аграрного перенаселения. Казалось бы, зачем мы исследуем аграрное перенаселение, может быть нужно просто говорить об относительном перенаселении, аналогичном тому, которое имеется и в промышленности. На самом же деле аграрное перенаселение имеет специфические черты, которые вытекают из особенностей социальных отношений в сельском хозяйстве. Дело в том, что Маркс формулировал свой закон в отношении абстрактного капитализма. Он разбирает отношения рабочего класса с капиталистами, т. е. основные производственные отно-

шения чистого капиталистического общества. Если же мы возьмем конкретно современное сельское хозяйство, то увидим, что там наряду с основными капиталистическими классами, во-первых, есть слой простых товаропроизводителей, и, во-вторых, есть остатки докапиталистических, феодально-крепостнических пережитков, которые накладывают специфический отпечаток на аграрное перенаселение.

Аграрное перенаселение обязательно нужно связать с вопросом о классовом расслоении деревни, причем эволюцию капитализма в сельском хозяйстве нужно рассматривать в разрезе двух основных путей— прусского и американского. Если мы возьмем американский путь развития капитализма в сельском хозяйстве, т. е. свободный, не ограничиваемый никакими феодально-крепостническими остатками, то там классовое расслоение крестьянского хозяйства происходит в чистом виде. Крестьянское хозяйство разлагается, выделяет из себя два основных антагонистических класса: класс с.-х. буржуазии, с одной стороны, и с.-х. пролетариат—с другой.

Если же взять сельское хозяйство в условиях прусского пути развития капитализма, т. е. в тех условиях, когда развитие капитализма тормозится остатками феодально-крепостнических отношений, когда мы имеем медленное проникновение капитализма в сельское хозяйство, то процесс классового расслоения деревни приобретает некоторые особенности. Здесь уже известную устойчивость получает слой полупролетарских хозяйств, представляющих промежуточный продукт классового расслоения деревни. Этот слой бедноты и является типичным представителем аграрного перенаселения.

Ленин характеризует слой полупролетариата таким образом: «Беднота соединяет продажу своей рабочей силы (отхожие заработки) с ничтожными размерами посевов, т. е. превращается в батраков и поденщиков с наделом» [1].

Отхожие «промыслы» в дореволюционной России отражали незавершенный процесс классового расслоения деревни, когда пролетаризация середняка не находит благоприятных условий для полного завершения и благодаря этому мы имеем сохранение этого промежуточного, переходного полупролетарского слоя хозяйств. Следовательно аграрное перенаселение является особой формой относительного перенаселения в сельском хозяйстве и характеризуется скрытой резервной армией пауперизованных бедняцких хозяйств. Наличие этого слоя хозяйств свидетельствует о недостаточном развитии капиталистического производства, о недостаточном спросе на рабочую силу как в сельском хозяйстве, так и в промышленности.

Что общего между чисто капиталистическим перенаселением и аг-

[1] Ленин, Соч., т. III, 1925, с. 85.

рарным перенаселением? Общее то, что они одинаково являются результатом развития капитализма. Аграрное перенаселение является результатом развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве—классового расслоения деревни. Отсюда вытекает, что аграрное перенаселение носит исторический характер; оно свойственно капиталистическому обществу. Аграрного перенаселения в том смысле, в котором я говорю, не было при феодализме, поскольку там отношения крестьянства были основаны на докапиталистической основе, так же как аграрного перенаселения не будет при социализме, когда не будет тех классов, которые являются носителями аграрного перенаселения. Когда мы говорим, что аграрное перенаселение является результатом развития капитализма в сельском хозяйстве, мы должны однако подчеркнуть, что это развитие капитализма в сельском хозяйстве происходит при наличии в нем докапиталистических остатков, которые задерживают классовое расслоение деревни и приводят к созданию полупролетарского слоя, являющегося типичным носителем аграрного перенаселения.

У нас есть два неверных уклона в понимании аграрного перенаселения. С одной стороны, есть мнение, что аграрное перенаселение есть чисто капиталистическое явление, аналогичное перенаселению в промышленности; с другой стороны, есть мнение, что аграрное перенаселение является остатком только докапиталистических отношений. Если прав т. Ганин, выступавший по докладу о предмете с.-х. экономии, что аграрное перенасленение не есть лишь докапиталистическое явление, то он не прав в том, что аграрное перенаселение есть продукт чисто капиталистических отношений. Он не учел, что аграрное перенаселение является результатом недостаточного развития капитализма, обусловливаемого наличием остатков крепостнических отношений. Он говорил, что Ленин указывал будто бы в III томе, что аграрное перенаселение является исключительно капиталистическим явлением. На самом деле это неверно. Ленин говорил, что аграрное перенаселение является результатом н е д о с т а т о ч н о г о развития капитализма в условиях феодально-крепостнических остатков, которые были в дореволюционной России. «Зимняя безработица нашего крестьянства,—писал Ленин,—зависит не столько от капитализма, сколько от недостаточного развития капитализма» [1].

Следовательно н е д о с т а т о ч н о е развитие капитализма и является причиной аграрного перенаселения; в условиях полного развития капитализма аграрное перенаселение рассасывалось бы. Каким образом? Путем разрушения промежуточного слоя крестьянства вследствие его полной пролетаризации, путем перехода бедноты в ряды пролетариата. Аграрного перенаселения при «чистом» капитализме не может быть, так

[1] Л е н и н, Соч., т. III, 1925, с. 257.

же, как не может быть при нем остатков докапиталистических отношений.

Аграрное перенаселение является отражением, с одной стороны, докапиталистических отношений бедняцких и середняцких слоев крестьянства на основе помещичьего полукрепостнического землевладения, с другой стороны—выражением производственных отношений капиталистического характера по линии продажи беднотой рабочей силы в промышленность и капиталистическое сельское хозяйство. Таким образом этот переплет производственных отношений — докапиталистических, с одной стороны, и капиталистических—с другой, характеризовал те слои крестьянства, которые являлись в дореволюционной деревне типичными носителями аграрного перенаселения. Поэтому наиболее высокий удельный вес бедноты замечается в районах, где наиболее сильны были пережитки крепостничества (ЦЧО).

Теперь несколько слов о сущности аграрного перенаселения в современной деревне. Я уже сказал, что аграрное перенаселение в дореволюционной деревне являлось отражением недостаточного развития капитализма. У нас же аграрное перенаселение определяется недостаточным развитием социалистических отношений—социалистической промышленности и коллективизации крестьянского хозяйства. Капиталистический путь уничтожения аграрного перенаселения—это путь размывания бедноты, перехода ее в ряды пролетариата, путь завершения процесса расслоения деревни. У нас этот путь невозможен. У нас уничтожение аграрного перенаселения возможно только путем развития социалистических отношений, путем развития индустриализации, которая вовлекает бедноту в ряды пролетариата, и путем коллективизации. И на этом вопросе докладчик не сделал ударения. Он указывал, что коллективизация есть фактор поднятия производительности труда и с этой стороны она является фактором уменьшения аграрного перенаселения. Но коллективизация означает не только повышение производительности труда, она ведет к уничтожению тех классовых отношений, которые лежат в основе аграрного перенаселения. Мы имеем с развитием социалистического переустройства крестьянского хозяйства исчезновение мелкого крестьянского хозяйства, исчезновение тех производственных отношений, которые являются характерными для аграрного перенаселения, уничтожение того слоя бедноты, который является персонификацией аграрного перенаселения. Таким образом сплошная коллективизация деревни не только разрушает аграрное перенаселение, но и устраняет корни, питающие это перенаселение—мелкое крестьянское хозяйство.

Г. Филиппов (Урал). Мне хотелось отметить здесь большую практическую и теоретическую важность разработки вопроса аграрного перенаселения. Работая в районе сплошной коллективизации, особенно остро чувствуешь влияние этой проблемы при составлении организа-

ционного плана крупного коллективного хозяйства: когда подсчитываешь потребность в рабочих руках, нужных для ведения крупного хозяйства, неизбежно сталкиваешься с вопросом аграрного перенаселения. Можно только пожалеть, что в докладе этот вопрос не нашел должного освещения. Если бы не было еще выступления содокладчика и нам пришлось бы вести обсуждение вопроса только на основании этого доклада, то положение с аграрным перенаселением нужно было бы считать прямо безнадежным. Докладчик так поставил вопрос, что затруднил правильное его понимание, а тем более не дал выхода, решающего эту проблему. Его определение аграрного перенаселения в наших условиях как тождественного с избыточным населением, т. е. с наличием избытка труда населения свыше той средней нормы, которая необходима при средних условиях для ведения сельского хозяйства, по существу ничего не говорит. Чем измерять избыточность населения—коренной вопрос при таком определении, а между тем об этом не было сказано ни слова. Буржуазные и мелкобуржуазные экономисты до сих пор измеряли и измеряют избыточность населения количеством дней или часов, проведенных сельским хозяином без работы, как будто лозунгом прогресса народного хозяйства является лозунг: «Труд ради труда»; если бы это было так, то мы бы стояли перед фактом, когда по мере развития человечества материальный процесс производства все ухудшался и ухудшался бы и тяжесть производства продуктов потребления становилась бы все большей и большей, и в результате пришли бы к признанию закона убывающей производительности затрат в той трактовке, которую придает ему англо-американская школа. Очевидно не этим должна измеряться избыточность труда в сельском хозяйстве и не с этой стороны должны мы подходить к проблеме аграрного перенаселения; не с точки зрения необходимости использования наибольшего количества труда в сельском хозяйстве нужно решать эту проблему, а с точки зрения получения наибольшего результата использования этого труда. Нужно же наконец понять, что за труд и за пот, которым обильно увлажняло землю человечество в предшествующие периоды своего бытия, современный мир денег не платит. А мы здесь продолжаем говорить, что выходом из существующего аграрного перенаселения является использование избыточного труда населения, причем это использование труда не ставится в зависимость от темпа развития производительности этого труда, в зависимости от целого ряда производственных условий.

В тесной связи с проблемой аграрного перенаселения встает проблема, на которой докладчик совершенно не остановился—это проблема индустриализации сельского хозяйства. Проблема индустриализации сельского хозяйства, выдвигаемая сейчас всем ходом экономической жизни нашей страны в качестве центральной и генеральной идеи народного хозяйства, автоматически разрешает и проблему аграрного пе-

ренаселения, потому что повышение производительности труда, которое она создает, в то же время увеличивает материальную обеспеченность человека, т. е. уменьшает аграрное перенаселение.

Я сомневаюсь в правильности выдвинутого здесь положения, что производительность труда является следствием производственных отношений. Ленин писал, что «в условиях менового хозяйства развитие производительных сил есть не что иное, как рост постоянного капитала», т. е. производительность труда есть следствие роста обеспеченности средствами производства, машинами и орудиями и усовершенствований этих средств производства. Только количественное увеличение и качественное улучшение машин и орудий производства создает условия, обеспечивающие развитие производительности труда. Поэтому, когда мы говорим об индустриализации сельского хозяйства, мы должны понимать под этим введение методов индустриального производства.

Маркс в первом томе «Капитала», анализируя вопрос чем отличается индустриальный способ производства от предшествовавшего ему мануфактурного, говорит, что это отличие заключается в введении в производство системы машин. До сих пор сельское хозяйство имело низкую производительность труда и страдало от аграрного перенаселения, потому что оно не имело в процессе своего производства с и с т е м ы машин, т. е. продукт труда не проходил последовательного ряда машин. Внедрение системы машин целиком и полностью изменяет социальную экономическую и техническую природу сельского хозяйства. Один из выступавших здесь товарищей говорил о том, что основой марксистского подхода к вещам и явлениям, в том числе и к аграрному перенаселению, является рассмотрение его с точки зрения классовых отношений, хотя до сих пор считается, что основой марксистского подхода является применение диалектического метода, который характеризуется тем, что нужно брать не вещи и явления, а нужно брать тенденции и процессы этих явлений и брать их не разрозненно, а в совокупности. Мне кажется, что этот товарищ ставит вопрос об аграрном перенаселении не диалектически. В самом деле он говорит, что при абстрактном капитализме нет аграрного перенаселения, хотя только что перед этим утверждал единство законов капиталистического развития как для земледелия, так и для промышленности. Но ведь Маркс доказал, что одним из законов развития капитализма является образование избытка населения.

Перехожу к основным выводам. Проблема аграрного перенаселения не может быть разрешена увеличением затрат труда, увеличением трудоинтенсификации сельского хозяйства без одновременного и большего увеличения производительности труда. Эта проблема может быть разрешена только введением в сельское хозяйство системы машин, которые повысят производительность труда в большей степени, чем уве-

личение его количественных затрат, и в конечном итоге обеспечат увеличение средств потребления в расчете на одного человека.

Для того чтобы проиллюстрировать это, я приведу только две цифры, которые говорят, что большие затраты труда еще не представляют собой какого-либо выхода. Чисто физиологическое существование русского крестьянства должно каждого из нас убедить в том, что затрата труда еще не означает получения какого-нибудь результата. В материалах уральского бюджетного описания крестьянских хозяйств имеются такие цифры на основе учета 457 хозяйств. Если возьмем хозяйства с посевом до двух десятин на одно хозяйство, то для того, чтобы получить 100 рублей условно чистого дохода, необходимо затратить 201 рабочий день. Если возьмем хозяйства с посевом свыше 16 десятин на одно хозяйство, то для получения этих же 100 рублей условно чистого дохода нужно затратить только 78 рабочих дней. Значит 201 рабочий день на одном полюсе деревни и 78 рабочих дней на другом полюсе дают один и тот же экономический результат. Дело в том, что, с одной стороны, мы имеем работу, хотя и отдаленно, но все же приближающуюся к использованию лучших средств производства, лучших машин и лучших орудий, с другой стороны, мы имеем совершенно ненужную в современных условиях затрату труда, за которую современный мир не платит ни одной копейки.

П. Лященко (Москва). Может быть сам докладчик придал докладу по внешней форме несколько «академическое» изложение (академическое я беру конечно в кавычки). Но тем не менее, если подходить с точки зрения той основной задачи, которую он себе поставил,—выяснение теоретической сущности проблемы аграрного перенаселения—по-моему с этой задачей он справился успешно. Я лично против его тезисов не имею существенных возражений. Наоборот, у меня создалось впечатление, что у его оппонентов по этому вопросу было много неточностей и путаницы. Например, первый товарищ начал с постановки вопроса об аграрном перенаселении в плоскости марксистских установок, ссылаясь на то, что Энгельс и Маркс будто бы говорили об аграрном перенаселении. Но Энгельс и Маркс об «аграрном перенаселении» не говорят ни слова. Наоборот, часто приходится слышать, что проблемы аграрного перенаселения в марксистской постановке вообще нет именно потому, что Маркс говорил об «избыточном населении», о скрытых формах перенаселения при капитализме и т. п., но нигде об особом «аграрном перенаселении».

Затем указывалось, что аграрное перенаселение есть лишь результат перенапряженности труда. Говорилось, что уничтожить аграрное перенаселение можно, работая не 8—10, а 6—7 часов, потому что ни богом, ни кем другим не декретированы эти 8—10 часов и если не

будет перенапряженного труда, то не будет и перенаселения. Такое построение конечно слишком ненаучно, чтобы о нем говорить.

Что касается доклада т. Хоменко, то я не буду подробно рассматривать отдельные его тезисы. В целом он совершенно правильно указал все основные моменты, сводящиеся к социальной характеристике понятия аграрного перенаселения и избыточного населения вообще при капитализме. Он правильно указывал, что оно есть не только результат капитализма, но в то же время и результат недостаточности капитализма. И все остальные его положения, также и критическое изложение буржуазных теоретиков в вопросе аграрного перенаселения, не могут вызывать возражения. Я бы сказал только одно: меня не вполне удовлетворило то, что проблема аграрного перенаселения в СССР у него развита недостаточно. Желательно, чтобы в будущей большой работе т. Хоменко и этот вопрос разработал более подробно.

Я полагаю также, что и в анализе формирования аграрного перенаселения при капитализме как результата недостаточности развития капитализма можно было бы кое-что прибавить. Недостаточность развития капитализма в наших дореволюционных условиях сводилась к тому, что процесс расширенного производства не давал достаточной оборудованности средствами производства сельского населения. Отсюда недостаточная производительность труда создавала явления аграрного перенаселения. Докладчик правильно указывает, что очаги аграрного перенаселения нужно искать в тех слоях, которые связаны с землей (и часто искусственно), но недостаточно вооружены средствами производства, и не вполне превращены в земледельческий пролетариат. Это объяснялось необходимостью для крупных землевладельцев иметь избыточные кадры связанной с землей дешевой рабочей силы.

Если мы подойдем к нашим условиям в СССР, то все элементы эксплоатации, которые создавала прежняя частная земельная собственность, у нас отпадают. Но тем не менее ряд других элементов перенаселенности остается. Первый вопрос—из каких источников черпаются в наших условиях явления аграрной перенаселенности. Сейчас (помимо кулацкой верхушки) в нашей социальной структуре для проблемы перенаселения мы должны обратить внимание на два основных слоя—бедняцкий и середняцкий. В прежних условиях основным источником для аграрного перенаселения была не бедняцкая часть, пролетаризирующийся слой, который переходил в резервную или действующую рабочую армию, а середняцкие слои, наименее обеспеченные средствами производства и искусственно привязанные к земле. В наших условиях часть этих бедняцких слоев также пролетаризируется, также переходит в кадры промышленного пролетариата, но с другой стороны, часть этих же бедняцких слоев переходит в слои середняцкие, т. е. слои, более обеспеченные средствами производства. По отношению к ним вопрос сводится к тому, насколько, с

одной стороны, у нас идет процесс развития промышленности, расширенного производства и индустриализации страны, создающий возможности для известной части бедняков превратиться в промышленный пролетариат, превратиться в действующую рабочую армию, по своему социальному содержанию отличную от резервной армии при капитализме. Что касается середняцких слоев, то здесь вопрос сводится к другому. Здесь имеет значение другой момент—момент перевооружения этих слоев средствами производства. Таким образом, в изживании этого явления нашей переходной экономики, изживания аграрного перенаселения приоритет принадлежит развитию крупной индустрии и возможности превращения распыленного мелкого хозяйства в крупное концентрированное и коллективизированное производство с высокой производительностью труда и с высоким поглощением рабочей силы. Обыкновенно считается, что машинизация хозяйства, его высокая индустриализация предполагает увеличение избыточной рабочей силы, для поглощения которой нужны трудоемкие культуры. Это положение я считаю неправильным, неправильным не только теоретически, но и фактически. Я могу привести такой пример. Когда при устройстве колхозов приходится производить конкретные расчеты наличной и требующейся рабочей силы и поглощения так называемого избыточного населения, то в условиях индустриализации и машинизации оказывается, что иногда, не только не остается какой-либо избыточной рабочей силы, а наоборот, оказывается такой недостаток рабочей силы, который заставляет прибегать к дальнейшим процессам механизации и индустриализации. В коммуне «Заветы Ильича» например, в которой нет индустриализации и механизации всего сельского хозяйства, именно нет процессов расширенного производства на новой технической базе, оказывается, что избыточность рабочей силы очень велика. В среднем в ней поглощается только 8—10% рабочей силы, имеющейся в колхозе, остальная оказывается избыточной (по данным обследования Колхозцентра 1928 г.). Другой пример—Тигинский колхозкомбинат. При проектировании его организации, конечно в условиях крупных капитальных вложений, оказалось, что когда этот колхоз превращается в сложный агроиндустриальный комбинат со значительным развитием животноводства, со значительным количеством коров, наличного числа рабочих рук будет недостаточно (вместо имеющихся например, 850 доильщиц нужно 1 500 доильщиц, почему приходится проектировать электрическую дойку).

Если вы возьмете другие процессы, то увидите то же самое. Если все сказанное мы возьмем в общем народнохозяйственном масштабе, в общих рамках нашей политики индустриализации и коллективизации, то проблема аграрного перенаселения оказывается вовсе не такой неразрешимой, как показалось некоторым, выступавшим по докладу.

Докладчик в этом вопросе действительно несколько сбивается с

основной установки. Он правильно говорит о значении индустриализации, электрификации, контрактации. Но, с другой стороны, он в одном из тезисов говорит, что «развитие трудоемких культур может явиться источником изживания перенаселения». Ссылка на трудоемкие культуры переносит нас в те этапы экономической политики и действительности, которые далеки от основных моментов проблемы реконструкции и коллективизации. Проблема реконструкции может служить единственным источником изживания аграрного перенаселения. Ведь например такая «трудоемкая культура», как свекла, неразрывно связана с индустриализацией. Осуществление ее разрешит и проблему аграрного перенаселения. Правда, это будет осуществлено полностью может быть не в течение пяти лет, но во всяком случае настолько быстро, что проблема аграрного перенаселения у нас не получает особого принципиального и теоретического значения, а всецело связана с общей проблемой обобществления и реконструкции нашего сельского хозяйства.

Т. Билаш (Украина). При разрешении проблемы, о которой говорил т. Хоменко, нужно исходить из основного положения Маркса о том, что основой богатства является не продолжительность труда, а его производительность. (Маркс выражается даже резче, говоря, что как бы ни велик был добавочный труд, как бы ни велика была продолжительность труда, все равно богатства мы не получим). Следовательно только производительность труда даст нам нужный эффект. Это значит, что, разрешая проблему так называемого аграрного перенаселения, нужно итти не по линии специальной загрузки труда, не по линии постановки вопроса, что надо дать работу, а итти по линии наибольшей производительности труда. Разрешая вопрос, т. Хоменко в конце концов скатывается на старую изъезженную позицию, состоящую в том, что надо развивать трудоемкие культуры. Он говорит, что животноводство является трудоемкой культурой. Но эта отрасль по сути дела имеет низкую производительность труда, потому что там, где мы имеем индустриализированное скотоводство, там очень высокая производительность труда. Например совхоз им. Фрунзе требует сравнительно мало труда, так как огромные капиталовложения вообще требуют очень мало труда. Таким образом, когда ставится вопрос о трудоемких культурах, этим по сути дела ставится вопрос о культурах с низкой производительностью труда. Отсюда очевидно, что это не есть путь к разрешению аграрного перенаселения.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО К. ХОМЕНКО

Товарищи, разрешите мне сделать несколько кратких замечаний по поводу тех возражений, которые были вчера по моему докладу.

В своем докладе я попытался выяснить понятие скрытого перенаселения, затем перешел к выяснению экономического и социального содержания «аграрного» перенаселения. Я показал, что «аграрное» перенаселение по отношению к скрытому перенаселению может быть ха-характеризовано как форма последнего. Сущность «аграрного» перенаселения сводится к тому, что в основе его лежит, с одной стороны, развитие капитализма в промышленности и сельском хозяйстве, с другой стороны—недостаточная развитость этого капитализма. Я давал такую формулировку: «аграрное» перенаселение—это избыточное, по сравнению со средней потребностью капитала, рабочее население, значительная часть которого в силу низкой производительности труда или вообще отсутствия условий для его повышения не находит себе применения в собственном хозяйстве и недостаточно поглощается промышленностью, таким образом возникают широкие слои пауперов, бедняков, образующие очаги «аграрного» перенаселения.

Из этой формулировки выясняется по-моему не только само социальное содержание, но указывается и путь к разрешению этого «аграрного» перенаселения. Совершенно правильно тут указывалось, что если мы имеем достаточно развитой капитализм, то в таких условиях «аграрное» перенаселение не должно иметь места. И наоборот,— если мы возьмем например бывшую дореволюционную Россию, то там имело место «аграрное» перенаселение в тех ее районах, где особенно остро чувствовалось недостаточное развитие капитализма.

Когда я перешел к условиям переходной эпохи, я говорил, что социальное содержание, которое вкладывается в «аграрное» перенаселение, не может быть полностью перенесено в наши условия. Поэтому тут приходится больше говорить об «избыточной» рабочей силе, чем об «аграрном» перенаселении как об определенной социально-экономической категории. Я указывал на те пути, которые приводят к изживанию «аграрного» перенаселения.

Если присмотреться внимательно к тем положениям, которые я высказал, то, по существу говоря, я не встретил со стороны оппонентов особых возражений.

Тов. Либкинд указал, что в моем докладе не было социальных показателей, а что все они якобы являются показателями технического порядка. Но, товарищи, я ведь в рубрике показателей отметил и подчеркнул следующие моменты, характеризующие «аграрное» перенаселение: я указывал на обнищание деревни, на пауперизацию, на необеспеченность инвентарем большей массы дореволюционного крестьянства, на господство кабалы в середняцких хозяйствах, к тому же я указывал на низкий уровень заработной платы и т. д. Неужели все это показатели могут быть названы показателями технического порядка? Я считаю, что большинство показателей являются показателями социального, а не технического порядка.

Далее т. Либкинд указывал, что надо брать проблему «аграрного» перенаселения в связи с процессом диференциации. Совершенно верно. У меня такая установка была и есть. Я брал «аграрное» перенаселение в связи с процессом диференциации и совершенно неправильно было бы его брать изолированно от этого процесса.

Тов. Либкинд отмечал, что создается тип полупролетария-бедняка. И это верно. Я указывал, что эти группы являются той основой, которая составляет очаги «аграрного» перенаселения.

Тов. Либкинд ходил вокруг да около вопроса о недостаточном выявлении социальной сущности «аграрного» перенаселения и повторял те формулировки, которые даны совершенно рельефно Лениным, когда он полемизировал со Струве, указывая на капиталистический характер «аграрного» перенаселения. Я об этом говорил, причем я приводил цитаты Ленина, отмечая, что коренное противоречие, которое ведет к этим ужасным бедствиям, неизвестным крестьянам Западной Европы со времени средних веков, есть противоречие между высокоразвитым капитализмом в промышленности и незначительно развитым в нашем земледелии, которое продолжает оставаться средневеково-крепостническим. Это является той основой, на которой развивается и может существовать «аграрное» перенаселение.

Теперь несколько слов по поводу замечаний, сделанных т. Филипповым. Я считаю, что тут просто недоразумение. Тов. Филиппов спрашивает: где же путь к разрешению этого «аграрного» перенаселения в наших условиях? По его мнению, докладчик недостаточно остановился на проблеме индустриализации, в недостаточной степени указал на то, что индустриализация есть основной путь развития, который дает возможность разрядить, рассосать то «аграрное» перенаселение, которое имеет место и у нас и по сегодняшний день.

Должен сказать, что я в своем докладе отчетливо указывал на пути изживания «аграрного» перенаселения и подчеркнул, что путь

производственного кооперирования—коллективизация, коллективный труд на новой энергетической базе (электрификация), вооружение новейшими достижениями техники как раз обеспечивают наивысшую производительность труда и должны стать основой изживания так называемого «аграрного» перенаселения. Большие преимущества коллективного труда в земледелии подтверждаются необычайно быстрым ростом сплошной коллективизации. за последнее время. Я указывал, что только на этой основе можно подойти к правильному разрешению вопроса. Дальше мною отмечалось, что высокие темпы развертывания народного хозяйства на базе индустриализации, при более высоких темпах социально-технической реконструкции сельского хозяйства, приведут к уничтожению пережитков старой техники и дадут возможность ликвидировать так называемое «аграрное» перенаселение. Безусловно основным здесь является индустриализация сельского хозяйства.

Я не ставил себе задачей показать на соответствующем конкретном материале, каким образом будет происходить ликвидация, поглощение «аграрного» перенаселения. Моя задача сводилась только к теоретической постановке этого вопроса в условиях капитализма и в наше переходное время. Очевидно т. Филиппов основное просто прослушал или не понял.

Я принимаю те замечания, которые были сделаны здесь П. И. Лященко. Он совершенно верно отметил, что притягивать сюда роль технических культур и продуктивного животноводства, ставить их наравне с индустриализацией, брать как равнозначущие факторы поглощения «аграрного» перенаселения, было бы неверно.

Основным путем изживания «аграрного» перенаселения в наших условиях остается индустриализация народного хозяйства в целом и сельского хозяйства в частности.

ДОКЛАД Д. ЛУРЬЕ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЫ

ДОКЛАД Л. ЛЮБИМОВА

О ДИФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ РЕНТЕ

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДАМ

УЧАСТНИКИ:

Я. Берзстыс
Б. Раскин
Г. Гордеев
И. Воронаев
А. Гуревич
Н. Смолин
П. Ульянов
Н. Анисимов
М. Громов
М. Спектатор
И. Финкель
И. Лаптев

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

ДОКЛАД Д. ЛУРЬЕ.

Товарищи, едва ли есть другая проблема теоретической экономии, которая столь недостаточно привлекала бы до сих пор внимание марксистской теоретической мысли, как проблема земельной ренты. Марксистская литература, посвященная проблеме земельной ренты, исключительно бедна. Самое изложение земельной ренты у Маркса мы имеем в двух методологически единых, но различных по характеру и объему изложения вариантах в III томе «Капитала» и в «Теориях прибавочной стоимости». Проблема ренты изложена в них в различном плане, с различными задачами, причем каждое из этих изложений марксовой теории земельной ренты не доведено до конца. При этих условиях создается возможность и вероятность теоретических промахов в трактовке марксовой теории земельной ренты нашими экономистами, что мы и наблюдаем чрезвычайно часто. Это обстоятельство служит оправданием тому, что мой доклад посвящен теоретическим, в значительной мере методологическим вопросам и совершенно не выходит из рамок абстрактной теории капиталистической земельной ренты. Я оставляю совершенно в стороне не только вопрос о земельной ренте в условиях хозяйства СССР, но и вопрос о докапиталистических формах земельной ренты, о ее исторической эволюции, о земельной ренте в условиях мелкого крестьянского хозяйства.

Докладчику может быть брошен упрек: зачем в настоящее время на конференции аграрников-марксистов, которую интересуют вопросы более конкретные, более близкие нашей действительности, наряду с проблемами социалистической реконструкции ставить абстрактный, чисто теоретический доклад, посвященный капиталистической земельной ренте. Я думаю однако, что упрек был бы неправилен именно потому, что в области земельной ренты мы еще не имели до сих пор достаточно интенсивной теоретической работы марксистской мысли. Эту работу необходимо проделать, марксистскую теорию земельной ренты необходимо как следует понять, неправильные толкования этой марксистской теории необходимо отвергнуть. И только такая работа может послужить базой, предпосылкой для дальнейшего развертывания проблемы земельной ренты и для постановки более конкретных, более связанных с характером наших боевых задач вопросов земельной ренты.

Основная идея моего доклада, основная задача, которую я себе ставлю, заключается в том, чтобы связать понимание земельной ренты с правильным пониманием стоимости, с правильным применением теории стоимости к условиям с.-х. производства, и обратно: связать неправильное, неверное, немарксистское толкование этих вопросов теории земельной ренты с ошибками методологическими, с ошибками, которые коренятся в неверном понимании теории стоимости.

При этом конечно—и это будет последняя моя оговорка—я далек от претензии охватить все, даже самые важные теоретические проблемы капиталистической земельной ренты. Я охватываю только некоторые из них, как раз те, в которые необходимо, по моему мнению, в первую очередь внести теоретическую ясность.

Применим ли закон стоимости к с.-х. продуктам? Нужно ли изобретать для продуктов сельского хозяйства, для хлеба какой-то особый новый закон стоимости? Я думаю, что достаточно только поставить такой вопрос для того, чтобы любой марксист ответил на него отрицательно. Всякая попытка пересматривать закон стоимости и применять к сельскому хозяйству какой-то иной закон, принципиально отличный от закона стоимости как такового, была бы попыткой с негодными средствами, эта попытка должна была бы быть с самого начала, с порога отвергнута.

Но целесообразно поставить и другой вопрос: существуют ли какие-нибудь специфические особенности, которые конкретизируют и видоизменяют действие закона стоимости в тех условиях, в которых протекает производство и воспроизводство продуктов сельского хозяйства? Можно ли механически переносить те или другие определения, с которыми мы привыкли оперировать в чисто абстрактной сфере, на той ступени абстракции, которая предполагается при изложении стоимости в I томе «Капитала» Маркса, можно ли механически переносить эти определения на условия производства и воспроизводства с.-х. продуктов? На этот вопрос я отвечу отрицательно: такое механическое перенесение, как и всякий недоучет конкретных различий, должно было бы привести к ряду ошибок.

Поэтому мне думается, что внимание теоретика должно быть направлено на вопрос о том, каким образом конкретизируется, каким образом развивается закон стоимости и само определение категории стоимости при переходе от абстрактных условий, в которых мы изучаем закон стоимости вообще, к конкретным условиям сферы капиталистического сельского хозяйства. На этом вопросе я позволю себе остановиться в качестве введения к тем выводам, которые я буду делать применительно к самой теории земельной ренты.

Процесс образования стоимости есть единый процесс, в котором однако нужно различать два несовпадающих, не тождественных друг другу акта: во-первых—акт производства стоимости и, во-вторых—

акт обмена, акт реализации стоимости. Процесс образования стоимости представляет неразрывное единство этих актов. Но в этом неразрывном единстве необходимо видеть наличие этих противоположностей, представляющих неразвитое противоречие. Рассматривая процесс образования стоимости в абстрактных условиях (под абстрактными условиями я понимаю те условия, где регулирующая роль стоимости проявляется совершенно идеально, что в свою очередь предполагает полную свободу конкуренции и движения капиталов и идеальную гибкость и эластичность самого процесса производства, способного быстро реагировать на потребности рынка), отвлекаясь от тех трений, которые могут задержать, искривить и таким образом нарушить действие регулирующего механизма, мы находим лишь неразвитое противоречие, простое различие двух противоположных актов. Это различие начинает развиваться, начинает проявляться в качестве противоречия только тогда, когда сами условия, в которых протекает процесс воспроизводства, будут несколько конкретизироваться.

Труд, производящий товар, первоначально является индивидуальным трудом, который однако динамически несет в себе черты общественного труда в его специфической форме. Этот труд с самого начала производит не только вещь, но и стоимость, которая первоначально является стоимостью индивидуальной. Во втором акте,—в акте реализации—когда товары, выступая на рынке, превращаются в экземпляры одного и того же рода, индивидуальный труд реализуется как общественно-необходимый и индивидуальная стоимость превращается в общественную стоимость. Только здесь, во втором акте, стоимость проявляет все свои свойства как общественная категория. Различие между индивидуальной стоимостью и стоимостью существует с самого начала, даже в наиболее абстрактных условиях. Но здесь противоречие между индивидуальной стоимостью и стоимостью не развито, ибо оно не получает сколько-нибудь прочного количественного выражения. Индивидуальный труд здесь может отличаться от общественно-необходимого труда только мимолетно, только временно, и самый ход воспроизводства содержит тенденцию к постоянному уничтожению этих различий между индивидуальным и общественно-необходимым трудом.

Внутренний смысл категории общественно-необходимого рабочего времени, внутренняя характеристика этой категории заключается в том, что это есть время, реально, на практике необходимое для воспроизводства товаров. Если существуют индивидуальные производители, которые производят с затратой большего количества рабочего времени, нежели общественно-необходимое, то это отклонение в следующем туре воспроизводства стремится к своему уничтожению, точно так же как и само общественно-необходимое время в воспроизводстве того или иного товара стремится к сокращению и таким образом в каждом новом туре воспроизводства стремится приблизиться к верхней границе, т. е.

к рабочему времени, затраченному лучшими производителями. Таким образом хотя отклонение постоянно вновь воспроизводится, существует постоянная, неотменимая основная тенденция, которая реально, действительно, постоянно сводит индивидуальное рабочее время к общественно-необходимому. Общественно-необходимое рабочее время в условиях совершенного функционирования этого регулирующего механизма приобретает идеально-средний характер. Идеально-средний характер общественно-необходимого труда и выражает собой то обстоятельство, что здесь противоречие между индивидуальной стоимостью и стоимостью еще скрыто, еще не развито, еще не получило никакого количественного выражения.

Но если от этих условий идеального функционирования регулирующего механизма, идеальной подвижности самого производства, идеальной эластичности производственных факторов, которые подчиняются закону стоимости, не оказывая никакого сопротивления, перейти к более конкретным условиям, при которых в самих условиях производства существует основа для того, чтобы этот регулирующий механизм тормозился, то тогда противоречие между индивидуальной и общественной стоимостью начинает развиваться, причем и сама категория стоимости начинает расщепляться. В этом отчасти заключается смысл анализа рыночной и индивидуальной стоимости в X главе III тома «Капитала». Здесь берутся условия более конкретные, не предполагающие идеального действия регулирующего механизма. Здесь берутся такие условия, когда Маркс, говоря например о преобладании спроса над предложением, не предполагает, что преобладание спроса над предложением тут же, немедленно, вызывает соответствующие приспособления производства к этому спросу. Очевидно в производстве существуют какие-то специфические условия, которые тормозят идеальное функционирование регулирующего механизма. И вот на этой основе Маркс и ставит вопрос о рыночной стоимости и о ее соотношении с индивидуальной стоимостью. Категория стоимости в ее абстрактной форме в этих условиях уже не применима, что не означает конечно неприменимости закона стоимости. Категория стоимости расщепилась на рыночную стоимость и индивидуальную стоимость. Стоимость проявляет свою общественную природу и здесь лишь постольку, поскольку она превращается в рыночную стоимость. Однако эта последняя перестает быть адекватным выражением суммы индивидуальных стоимостей для всей отрасли производства. Противоречие получает развитое количественное выражение. Рыночная стоимость и индивидуальная стоимость в своем противоречивом единстве—не одна из этих категорий, а только обе, взятые вместе, в их взаимодействии и единстве—являются развитием и конкретизацией абстрактной категории стоимости. Если здесь существуют какие-то производственные условия, которые затрудняют деятельность регулирующего меха-

низма, то отсюда вытекает возможность и необходимость несовпадения рыночной стоимости с суммой индивидуальных стоимостей продуктов. Если бы в этих условиях нас заинтересовал вопрос о стоимости, произведенной в данной отрасли производства, то тогда мы должны были бы обратиться к индивидуальной стоимости. Рыночная же стоимость, которая является общественной стоимостью, в этом случае уже не явится адэкватным выражением стоимости, произведенной в данной отрасли. Она может быть и больше и меньше, нежели то количество стоимостей, которое произведено в данной отрасли. Поэтому рыночная стоимость есть категория более конкретная и сложная, во-первых, и менее всеобщая, во-вторых, нежели категория стоимости в ее абстрактном и чистом виде. Она более сложна и более конкретна потому, что она предполагает наличность некоторых конкретных условий, которых не существует для нас при анализе категории стоимости вообще. Она менее всеобща, потому что она не адекватна стоимости, потому что внутренние противоречия стоимости проявились во-вне и стоимость расщепилась на стоимость рыночную и стоимость индивидуальную, и, только говоря о рыночной и индивидуальной стоимости в их единстве, в их противоречии, мы можем говорить о стоимости в применении к таким более конкретным условиям. Этот более конкретный характер категории рыночной стоимости и ее менее всеобщий характер проявляются и в том, что эта категория предполагает несколько более сложную совокупность производственных отношений, нежели те, экономической формой которых является категория стоимости вообще. Рыночная стоимость предполагает не только отношения между товаропроизводителями в том их простом и элементарном, абстрактном виде, как это предполагается категорией стоимости, она предполагает некоторую конкретизацию этих отношений, в частности предполагает возможность неэквивалентного обмена между отраслями производства.

Это вытекает прямо из возможности отклонения рыночной стоимости от суммы индивидуальных стоимостей.

Поэтому и категория общественно-необходимого времени также усложняется, конкретизируется и обнаруживает внутренние противоречия, которые были незаметны в самом абстрактном выражении этой категории. Общественно-необходимое время вместе с рыночной стоимостью в этих условиях теряет свой идеальный средний характер, вместе с рыночной стоимостью может передвигаться к высшим по производительности и к низшим по производительности группам. Общественно-необходимое время становится уже не адекватным понятием с общественно-обусловленной суммой труда, который необходим для воспроизводства продуктов в данной отрасли производства,—например если рыночная стоимость в данной отрасли определяется индивидуальной стоимостью продуктов, произведенных при худших условиях, то в этом

случае общественно-необходимое рабочее время будет не средним, а определится худшей производительностью. Но если вы возьмете сумму общественно-необходимого времени в этом его смысле, то эта сумма общественно-необходимого времени будет больше той действительной, реальной суммы труда, которая необходима для воспроизводства того же количества продуктов в новом цикле. Так же, как рыночная стоимость будет больше суммы индивидуальных стоимостей, так и сумма общественно-необходимого времени здесь будет больше реальной суммы общественного труда, который необходим для воспроизводства продуктов данной отрасли производства.

Противоречие общественно-необходимого рабочего времени является таким образом лишь дальнейшим или другим выражением противоречия между суммой рыночной стоимости и суммой индивидуальной стоимости.

Почему Маркс употребляет во многих местах «Капитала» и «Теорий» выражение «индивидуальная стоимость»? Очевидно потому, что он не считает это выражение просто тождественным с индивидуальной трудовой затратой. Следовательно это есть стоимость. Но, разумеется, это не есть стоимость в той общественной форме, как мы понимаем категорию стоимости. Очевидно индивидуальная стоимость—это есть один из полюсов категории стоимости в тех конкретных условиях, в которых ведется анализ III тома «Капитала». Стоимость нужно понимать как единство рыночной и индивидуальной стоимости. Единство не есть тождество. Единство конечно предполагает противоречие. И вот это противоречие и получает то количественное выражение, о котором я сейчас вам говорил.

Прежде чем перейти к конкретным условиям сельского хозяйства, я должен сказать, что мое понимание рыночной стоимости и общественно-необходимого труда, только что кратко развитое, не имеет ничего общего с так называемой экономической версией. Ибо отклонение рыночной стоимости от идеально-средней, точно так же как отклонение общественно-необходимого времени от идеально-среднего, я приписываю отнюдь не влиянию общественной потребности. Причины этого нужно искать в самых условиях производства. Я считаю, что неправильно было бы толковать X главу III тома «Капитала» таким образом, будто, говоря о влиянии спроса, Маркс здесь говорит о влиянии общественной потребности на рыночную стоимость. Если бы производство было достаточно эластичным для того, чтобы сейчас реагировать на расширение или сужение спроса, развивая наиболее производительные группы предприятий, то тогда никакого отклонения рыночной стоимости от идеально-средней нормы не было бы. Если это отклонение происходит, то именно в силу того, что в той или иной отрасли—а прежде всего это относится к сельскому хозяйству, связанному с известной монополией, с ограниченностью земли—скрываются такие условия воспроизводства, которые вызывают искривление регули-

рующего механизма. Следовательно корень здесь в условиях производства, а вовсе не во влиянии общественной потребности как какого-то добавочного фактора, определяющего величину стоимости.

Поэтому ничего общего развитое мною понимание с так называемой экономической или потребительской версией не имеет.

В сельском хозяйстве описанные процессы из возможности превращаются в неизбежность. Если вообще в различных отраслях производства трения, серьезные и длительные задержки в действии регулирующего механизма стоимости возможны, то в сельском хозяйстве они неизбежны в силу прежде всего ограниченности земли. Поэтому расщепление стоимости и ее проявление в противоречиях рыночной и индивидуальной—в сельском хозяйстве становится неизбежностью. Здесь рыночная стоимость имеет прочную тенденцию отклониться от суммы индивидуальных стоимостей и стать выше ее и отклониться к идеально-средней норме. Очевидно здесь при анализе мы должны постоянно иметь в виду это противоречие. Поэтому, когда нас интересует вопрос о сумме стоимости, произведенной в данной отрасли сельского хозяйства, мы совершили бы глубокую методологическую ошибку, если бы мы обратились к рыночной стоимости. Когда нас интересует вопрос о сумме стоимости, произведенной в сельском хозяйстве, мы должны обратиться к индивидуальной стоимости, а не к рыночной стоимости, ибо сумма рыночной стоимости не отразит адекватно процесса производства стоимости в данной отрасли сельского хозяйства.

Должен отметить, что мое понимание этого вопроса и понимание самой категории рыночной стоимости как категории отличной, не совпадающей с абстрактной категорией стоимости, несмотря на видимое сходство, тем не менее сильно отличается от того понимания, которое развивал в своем докладе и в своих статьях т. Позняков.

Я остановлюсь в двух словах на этом различии.

Приведу ряд цитат. В докладе т. Познякова говорится следующее: «С известным основанием можно сказать, что обе эти версии были по-своему правы; обе они говорили о различных вещах: в то время как техническая версия говорила о ценности, экономическая версия говорила о рыночной ценности» [1].

Следовательно т. Позняков склонен рыночную ценность выводить на основании экономической версии общественно-необходимого труда. Как это явствует из сделанных мною замечаний, я никак не могу разделить этой экономической точки зрения Познякова.

Далее у Познякова в двух местах его доклада говорится следующее: «Ценность это и есть труд» [2]. «Ценность должна быть отождест-

---

[1] «Проблемы экономики» № 6, 1929, с. 157.
[2] Там же, с. 158.

влена с трудом, но с трудом (это подчеркивалось—*Д. Л.*) специфически общественным» [1].

«Меновая ценность—это видимость, а ценность—это сущность. Меновая ценность есть форма проявления имманентного содержания—сущности» [2], и даже: «Обмен товаров в условиях развитого товарного обращения дает нам не только меновую ценность, но общественную меновую ценность, выражающую усложнение формы (подчеркнуто мною—*Д. Л.*). Эта категория общественной меновой ценности и представляет собой рыночную ценность» [3].

«Вопрос, который был поставлен в докладе, это вопрос о совпадении меновых отношений с тем, что они выражают, и тем самым становится понятно и несовпадение, которое вытекает из самой формы менового отношения (подчеркнуто мною—*Д. Л.*). Здесь мы и сталкиваемся с рыночной ценностью как самостоятельной категорией» [4].

По концепции т. Познякова ценность—это труд, причем меновая ценность—это уже не труд, а некая видимость труда. Видимость здесь смешана с формой. Так как форма выражения способна не совпадать с сущностью, то из этого несовпадения формы с сущностью, из противоречия между формой стоимости как выражением стоимости и самой стоимости, которая понимается как труд, вытекает возможность отклонения рыночной стоимости от стоимости. Рыночная стоимость трактуется как «усложнение формы».

Я этой концепции не разделяю и разделять не могу, потому что она основана на отождествлении стоимости с трудом, на неправильном понимании соотношения между формой и содержанием и смешивает форму с видимостью и затем на сведении всего вопроса о рыночной стоимости и об отклонении ее величины от стоимости к противоречию между формой и содержанием, к вопросу об относительной самостоятельности формы. При этом неизбежно стирается грань между рыночной стоимостью и рыночной ценой. Рыночная стоимость превращается в форму, которая отрывается от содержания. Все это характерно для «экономической» версии общественно-необходимого рабочего времени. Мне же думается, что отклонение величины рыночной стоимости от величины стоимости, произведенной в данной отрасли производства, можно понять, лишь исходя не из противоречия между формой и содержанием, а из противоречия, заключенного в самом содержании. Само содержание стоимости [5], т. е. общественный труд данной отрасли, содержание, которое неразрывно связано с формой, заключает здесь

[1] „Проблемы Экономики" № 6, 1929, с. 164.
[2] Там же, с. 158—159.
[3] Там же, с. 160.
[4] Там же, с. 165.
[5] Содержание стоимости мы не отождествляем со стоимостью.

известного рода противоречия, а противоречие содержания порождает известное противоречие между формой и содержанием.

Тем и отличается рыночная стоимость от рыночной цены, что первая образуется на основе специфических условий производства данной отрасли, вторая же, отклоняясь от первой, от этих условий не зависит, а возникает на основе законов рынка. У т. Познякова различие пропадает. Вот почему здесь я не могу разделять концепцию т. Познякова.

Теперь разрешите сослаться на некоторые цитаты из Маркса для того, чтобы показать, что Маркс постоянно там, где идет речь о стоимости, произведенной в земледелии, говорит об индивидуальной стоимости. Нет почти ни одного места, где бы, говоря о стоимости, произведенной в земледелии, он говорил не об индивидуальной стоимости. Но перед этим разрешите привести ряд цитат для того, чтобы была понятна моя точка зрения. Вообще говоря, если не проанализировать этот вопрос о рыночной и индивидуальной стоимости,—у Маркса можно найти много противоречий. Я приведу например такую, хорошо известную вам цитату из главы X первого тома «Капитала». Говоря о происхождении избыточной и прибавочной стоимости, Маркс делает предположение, что «какому-нибудь капиталисту удалось удвоить производительную силу труда, тогда как у его конкурента производительная сила труда осталась прежней». И Маркс пишет:

«Несмотря на удвоенную производительную силу труда, рабочий день создает и теперь, как и раньше, новую стоимость в 6 шиллингов» [1].

Несмотря на то, что удвоилась производительная сила труда, рабочий день создает ту же новую стоимость. Если вы перевернете две страницы,— с 304 до 306 — то увидите, что Маркс, подытоживая этот процесс создания избыточной и прибавочной стоимости, пишет, что «тот же самый результат можно получить и другим способом», и замечает:

«Труд исключительно высокой производительной силы функционирует как умноженный труд, т. е. создает в равные промежутки времени стоимость большей величины, чем средний общественный труд того же рода» [2].

Вот две прямо противоречащие друг другу цитаты—через две страницы. В одном случае труд создает ту же самую стоимость, несмотря на изменения производительной силы, в другом случае труд исключительной производительности функционирует как умноженный труд и создает большую стоимость. Это можно объяснить только таким образом. Первая формулировка дана Марксом на стадии анализа про-

[1] „Капитал", т. I, русск. изд. 1922 г., с. 304.
[2] Там же, с 306.

цесса создания стоимости, в данном случае создания избыточной и прибавочной стоимости, и он начинает с того, что труд увеличенной производительности создает ту же самую стоимость, что и труд средней производительности. Но когда он приходит к результату, т. е. говорит не только о самом производстве, а об итоге всего процесса образования стоимости, то делает вывод, что труд большей производительности создает большую стоимость. Если первая формулировка относится к первому акту, к процессу производства стоимости как таковому, то вторая относится к процессу образования стоимости в целом.

Но всегда ли можно говорить о процессе образования стоимости в целом, не расчленяя первый акт производства стоимости от всего процесса образования стоимости? По-моему—не всегда. По-моему это можно делать в условиях абстракции I тома «Капитала», но это совершенно невозможно там, где речь идет о таких условиях воспроизводства, которые предопределяют расщепление этих моментов, предопределяют противоречия этих моментов.

Я приведу из многочисленных цитат только несколько, чрезвычайно интересных в этом отношении.

В I томе «Капитала» на с. 305 Маркс пишет следующее:

«Но действительной стоимостью товара является не его индивидуальная, а его общественная стоимость, т. е. стоимость эта измеряется не тем количеством рабочего времени, в которое фактически обошелся товар производителю его в данном отдельном случае, а рабочим временем, общественно-необходимым для производства товара».

Следовательно действительная стоимость товара—это есть его стоимость общественная. Но в «Теориях прибавочной стоимости» Маркс пишет:

«Если (худшая из земель) сама определяет рыночную цену, то рыночная ценность равна его (продукта—*Д. Л.*) *настоящей* ценности. Следовательно излишек рыночной ценности над ценой производства равен излишку *его собственной индивидуальной, действительной ценности* (подчеркнуто мною—*Д. Л.*) над ценой производства» [1].

Выходит так, что в III томе «Капитала» действительной стоимостью Маркс называет общественную стоимость, а в «Теориях прибавочной стоимости», да еще с таким подчеркиванием, Маркс действительной, настоящей стоимостью называет стоимость индивидуальную.

Товарищи, я приведу еще одну цитату из «Теорий прибавочной стоимости», очень яркую в этом отношении. На с. 189, ч. 2 I тома Маркс пишет:

«Если один и тот же труд на неплодородной почве дает один квартер, а на плодородной 3 квартера, если это происходит от хоро-

[1] „Теории", т. II, ч. 2, с. 76, русск. изд. „Прибой".

шего или плохого года, если один и тот же труд на очень богатой золотом почве дает 1 унцию золота, а на менее золотоносной или истощенной только $^1/_3$ унции; если в течение того же рабочего времени, в какое производится 1 фунт шерсти, прядется три фунта пряжи, то прежде всего ценности 1 квартера и 3 квартеров, 1 унции и 3 унций, 1 фунта шерсти и 3 фунтов шерстяной пряжи (минус ценность содержащейся в ней шерсти)—равны по величине».

Это очень любопытная и совершенно недвусмысленная цитата, где в одной и той же фразе прямо приравниваются случаи, когда имеется земля разного плодородия и имеются 2 года урожая—один год урожайный, а другой неурожайный, как одно и то же количество труда создает одинаковую стоимость и в урожайный и в неурожайный год, только эта стоимость выражается в большем количестве единиц продукта, точно так же, как на различных землях и в различных рудниках одно и то же количество труда создает одну и ту же стоимость. Это прямо противоречит второй из приведенных мной цитат из Маркса. Очень много таких мест можно найти в «Теориях», где говорится о том, что труд исключительно высокой производительности вовсе не фиксируется как умноженный труд, а это—противоречие. Это противоречие объясняется тем, что именно в идеальных условиях регулирующего механизма, когда мы имеем дело с проявлением абстрактного закона стоимости во всей его величине, мы можем говорить о процессе образования стоимости в целом, ибо процесс образования стоимости адекватно отражает самый процесс производства стоимости. Но там, где мы имеем дело с условиями известной монополии, особенно с условиями сельского хозяйства, там, говоря о произведенной стоимости, мы должны иметь в виду стоимость индивидуальную, рыночная же стоимость будет не адекватна стоимости, произведенной в данной отрасли сельского хозяйства.

Как определяется стоимость и цена производства с.-х. продуктов? В этом вопросе обычно царит путаница. Ошибка заключается в двух моментах: 1) дают *сплошную* постановку вопроса, выводя одновременно один и тот же закон и для стоимости и для цены производства (этой ошибки избежал т. Позняков); 2) говоря о стоимости, не различают стоимость от рыночной стоимости. Вторая ошибка сложнее первой, и я начну с нее.

Если в конкретных условиях воспроизводства продуктов сельского хозяйства стоимость расщепляется и проявляется в противоположности рыночной и индивидуальной стоимости, то отсюда следует, что нельзя ставить вопрос об определении стоимости вообще, нерасщепленной абстрактной стоимости продуктов сельского хозяйства. Это означало бы механически применять абстрактную категорию в таких условиях, где она проявляется в более сложном и конкретном виде. Поэтому не прав т. Позняков, когда он утверждает, что *стоимость* с.-х. продуктов

определяется средним общественно-необходимым временем на среднем участке, и пытается противопоставить это иному закону образования рыночной стоимости. Я высказываюсь против бесплодных и неверных абстракций определения стоимости «вообще» в сельском хозяйстве. Нас должна интересовать именно рыночная стоимость как одно из конкретных противоречивых определений стоимости.

Если речь идет о рыночной стоимости, то тогда самый характер условий производства и воспроизводства в сельском хозяйстве (ограниченность земли) определяет тенденцию к тому, что эта рыночная стоимость определяется индивидуальной стоимостью на худших участках. Однако, если мы говорим о такой тенденции, то это не значит, что мы имеем право так просто, как сделал проф. Любимов в своей книге, заявить, что рыночная стоимость определяется затратой труда обязательно на худших участках. Позняков правильно упрекал в этом проф. Любимова, ибо такая постановка вопроса действительно будет рикардианством, это будет возвращением к тезису Рикардо, который Маркс усиленно и специально критиковал в «Теориях прибавочной стоимости». Ведь надо же отличать постановку вопроса у Маркса от постановки вопроса у Рикардо. Она отличается тем, что Маркс совершенно конкретно указывает те условия, при которых рыночная стоимость продуктов сельского хозяйства может не определяться затратой труда на худшем из участков. Какие же это условия? Маркс определенно говорит об этих условиях. Он берет в ч. 2 «Теорий» случай «д», нормальный случай Рикардо, который представляет собой такое положение, когда худшая земля не приносит вовсе абсолютной ренты, т. е. когда рыночная стоимость определяется не худшим, а одним из лучших участков земли. Вот что пишет Маркс:

«Но в Д предполагается, что I не дает никакой ренты.

... При таких условиях возделывание его (т. е. участка I—*Д. Л.*) будет продолжаться лишь тогда, когда сам собственник одновременно является и сельским хозяином, следовательно земельная собственность в этом индивидуальном случае для капитала исчезает; или когда сельский хозяин является мелким капиталистом, который довольствуется меньше чем $10^0/_0$, или рабочим, который хочет выручить лишь несколько больше своей заработной платы или только эту последнюю и отдает свой прибавочный труд землевладельцу вместо капитала» [1].

Таким образом, товарищи, из этой цитаты—у Маркса есть еще несколько мест, которые говорят то же самое, я не буду их приводить—совершенно ясно видно, что Маркс вполне представляет себе случай, когда рыночная стоимость определяется не худшим участком земли. В этом случае худший участок земли не выпадает из обработки только в том случае, если там будут иметься в наличности какие-то условия,

[1] „Теории", т. II, ч. 2, с. 50.

отличающиеся от типичных условий капиталистического воспроизводства. Там сам капиталист должен быть землевладельцем, тогда он может довольствоваться прибылью, не получая ренты. Там может наконец существовать мелкое капиталистическое или докапиталистическое производство, при котором на этих худших участках земли рента будет существовать, хотя рыночная стоимость будет определяться не худшим участком. Наконец здесь можно представить себе и еще один случай, о котором Маркс в этой цитате не говорит, а говорит в других местах,— когда рыночная стоимость будет определяться средним участком, во всяком случае не самым худшим, а владельцы худших участков земли в качестве этой абсолютной ренты реализуют не всю разность между стоимостью и ценой производства [1]. В этом случае возможно определение рыночной стоимости не худшим участком земли даже при полном и абсолютном господстве капиталистического способа производства. Разумеется, не от условий спроса, не от условий конъюнктуры зависит здесь определение рыночной стоимости. Оно зависит от условий самого с.-х. производства, от его структуры, от удельного веса различных сортов земли в общей сумме производства.

Следовательно нельзя категорически утверждать, подобно проф. Любимову, что рыночная стоимость определяется обязательно худшим участком. Такое утверждение означало бы признание абсолютного характера за ограниченностью земли, признание невозможности преодолеть абсолютный и постоянный недостаток с.-х. продуктов путем расширения производства на лучших и средних землях. Глубокие корни такого взгляда восходят к пресловутому «закону убывающего плодородия», из которого вполне последовательно исходил Рикардо и который повидимому не вполне преодолен и проф. Любимовым.

Если же говорить не о рыночной стоимости, а о цене производства, тогда ответ будет несколько иной. Но только самый вопрос о регулирующей или рыночной цене производства можно ставить для иных условий. Если не существует частной собственности на землю, если следовательно рыночная стоимость вообще перестает быть регулятором рыночных цен, если цены начинают регулироваться ценой производства, то тогда рыночная цена производства заступает место рыночной стоимости. Тут вопрос уже ставится иначе. Тут уже не существует того резерва в виде разницы между стоимостью и ценой производства, который давал возможность отклонения рыночной стоимости от худших участков, оставляя абсолютную ренту и на худшем участке. Здесь уже нужно определенно сказать, что если господствует капиталистический способ производства, если на худших участках нет капиталистических производителей, то цена производства обязательно будет определяться худшими землями. Отклонение может быть только временным,

---

[1] См. „Теории" т. II, ч. 2, с. 33.

ибо если цена производства понизится, то худшие земли выпадут из обработки.

Теперь несколько слов по вопросу об источнике диференциальной ренты. Я потому так кратко собираюсь об этом говорить, что решение этого вопроса уже в значительной мере предопределено тем пониманием стоимости и рыночной стоимости, которые я уже изложил. Но тем не менее этот вопрос имеет самостоятельный и очень большой интерес, ибо здесь мы как раз сталкиваемся с опасностью грубо-фетишистского, натуралистического толкования ренты. Дело здесь обстоит таким образом: если рыночная стоимость определяется худшими или во всяком случае ниже средних участками земли, сумма индивидуальных стоимостей продуктов данной отрасли сельского хозяйства м е н ь ш е, нежели сумма рыночных стоимостей, так как диференцирующая рента есть разность между рыночной и индивидуальной стоимостью, или между соответственными ценами производства. Разность между суммой индивидуальных стоимостей и суммой рыночных стоимостей и составит субстанцию диференциальной земельной ренты, и она, попадая в руки земельного собственника, превращается в диференциальную земельную ренту.

Если не различать рыночной стоимости и стоимости, если, говоря о производстве стоимости на лучших землях, прямо под стоимостью разуметь рыночную стоимость, то тогда конечно получится, что сумма стоимостей, произведенная в с е льском хозяйстве, равна сумме рыночных стоимостей, тогда диференциальная рента будет произведена в данной отрасли сельского хозяйства и тогда надо придумывать те или иные способы, чрезвычайно искусственные, для того, чтобы объяснить, каким же образом она здесь произошла, потому что в действительности ей здесь места нет. Если же вы встанете на точку зрения, что произведенную в сельском хозяйстве стоимость вы должны измерять индивидуальной стоимостью, тогда получится, что диференциальная земельная рента, которая вытекает из превышения рыночной стоимостью индивидуальных стоимостей, имеет своим источником нечто, находящееся вне данной отрасли сельского хозяйства, имеет своим источником, по выражению Маркса, «общество как потребителя». Маркс совершенно ясно говорит об этом в «Капитале», в ч. 3, с. 162, в том месте, которое мне даже как-то не хочется цитировать, потому что оно вероятно всем хорошо известно, в месте, в котором говорится об «обманчивой социальной стоимости». Я все-таки остановлю ваше внимание на некоторых замечаниях, которые там делает Маркс. Маркс там говорит о цене производства и тут же переходит к определению рыночной стоимости и отмечает, что сумма рыночных стоимостей всегда выше суммы труда, который действительно затрачен на производство с.-х. продукта. И дальше пишет:

«Мы имеем перед собой определение при посредстве рыночной стои-

мости в том ее виде, как она на базисе капиталистического способа производства проявляется при посредстве конкуренции; эта последняя порождает обманчивую социальную стоимость... То, что общество, рассматриваемое как потребитель, переплачивает за земельные продукты (общество переплачивает, а не производится на лучших участках—*Д. Л.*), то, что составляет минус реализации ее рабочего времени в земледельческом продукте, это составляет теперь плюс для одной части общества—для земельных собственников» [1].

Значит здесь прямо говорится, что для земельных собственников в виде земельной ренты получается плюс из того минуса, который стоит на стороне «общества как потребителя». Здесь совершенно ясно говорится об источнике диференциальной ренты, причем это связывается с законом рыночной стоимости.

Товарищи, это место всецело подтверждает толкование о том, что рыночная стоимость как более сложная, более односторонняя и конкретная категория, нежели стоимость, является экономической формой более сложных производственных отношений, включающих отношения неэквивалентного отношения между отраслями. Таким образом диференциальная рента представляется нам как сложное производственное отношение, связывающее землевладельца, капиталиста-арендатора и «общество как потребителя». Это определенный способ перекачки прибавочной стоимости из «общества как потребителя», из общественного фонда прибавочной стоимости в карман землевладельца. Но объяснить это можно только на основании того понимания стоимости, о котором я здесь говорил.

Интересно, что именно там, где Маркс исследует диференциальную ренту, именно там он подчеркивает с особенной силой этот момент индивидуальной стоимости, момент о том, что труд разной производительности производит одну и ту же стоимость.

Я перехожу к тому, что по этому поводу говорится у проф. Любимова на с. 117 его книги:

«Иначе говоря, на лучшей земле производится при той же затрате труда и капитала большее количество килограммов пшеницы. А так как стоимость килограмма хлеба определяется тем количеством труда, которое идет на выращивание килограмма его на худшей общественно-необходимой земле, то следовательно на лучшей земле производится большая стоимость, чем на худшей».

Здесь прямо говорится, что на лучшей земле производится больше стоимости, чем на худшей.

Если вы, товарищи, станете на эту точку зрения, то, как бы здесь ни стал протестовать проф. Любимов, все же получится, что диференциальная рента вырастает из земли. Если на каждом из трех

[1] „Капитал", т. III, ч. 2, с. 162 (русское издание 1928 г.).

различных участков затрачено по 100 единиц труда, а всего следовательно 300 единиц труда, если при этом второй вдвое, а третий втрое плодороднее первого, стоимость по профессору Любимову определяется первым участком, и тогда получается, что на первом участке произведено стоимости 100 трудовых часов, на втором двести, на третьем триста, а всего—600.

Я попросил бы проф. Любимова объяснить, почему количество труда, притом не случайное, а общественно потребное для данного производства, создает не 300, а 600 единиц стоимости. Общественно обусловленное количество труда, равное 300, производит в земледелии стоимость, равную 600, а в промышленности это же количество труда произвело бы стоимость, равную 300. Я не знаю, как сумеет ответить на этот вопрос проф. Любимов? Мне кажется, что именно подобного же рода постановка вопроса предусмотрена Марксом, когда он писал: «Признать, что своим появлением рента на капитал, вложенный в земледелие, обязана особому действию самой сферы приложения, свойством, принадлежащим земной коре как таковой, это значило бы отказаться от всякой возможности научного познания в этой области» [1].

Если отказаться от этой безнадежной точки зрения, то отсюда следует, что источник диференциальной ренты должен лежать вне данной отрасли земледелия.

Ввиду того, что у меня нет времени останавливаться на других авторах, я перехожу к следующему вопросу, который также крайне интересен.

Из того тезиса, который я перед вами выдвинул, тезиса о том, что произведенная стоимость должна быть измерена как индивидуальная стоимость в земледелии, непосредственно и прямо вытекает и решение известного спорного вопроса о том, одинакова ли абсолютная рента на равновеликих участках разных сортов или же различна, будучи одинакова на единицу товара. Из сказанного ранее прямо вытекает, что абсолютная рента одинакова в том случае, если вложены одинаковые и равно построенные капиталы.

Если на лучшем участке земли производится при одинаковом и равнопостроенном капитале то же количество стоимости, что и на худшем, то отсюда естественно вытекает вывод, что здесь производится и одинаковое количество абсолютной земельной ренты, ибо если стоимости произведено одинаковое количество, а капиталы равно построены, то отношение стоимости к цене производства одно и то же, а если капиталы равны, то разность стоимости и цены производства равны. Если принять другой тезис, а именно проф. Любимова о том, что на различных по плодородию участках производится при равных и равнопостроенных капиталах р а з н о е количество стоимости, то тогда

[1] „Капитал", т. III, изд. 1928 г., с. 206.

получится, что равновеликий и равнопостроенный капитал на земле более плодородной должен дать большую абсолютную ренту. Проф. Любимов не утверждает, что здесь создается больше абсолютной ренты, делая правильный вывод при неправильных предпосылках. Здесь он проявляет явную непоследовательность и не увязывает концов с концами. Гораздо последовательнее т. Вольфсон, который, критикуя Любимова, берет его же ложную предпосылку и последовательно приходит к ложным выводам, вплоть до «открытия» противоречия между III томом «Капитала» Маркса и «Теориями прибавочной стоимости» [1].

Вы видите, что по этому сравнительно простому вопросу у нас существует чрезвычайно большое количество всякого рода недоразумений, и даже ради того, чтобы уточнить такой простой вопрос, для того, чтобы не было путаницы в наших учебниках и даже в наших квалифицированных теоретических статьях, следовало бы позаняться вопросом о применении вопроса стоимости к вопросам земельной ренты

Есть еще целый ряд добавочных аргументов, которых я не излагаю (они изложены в моей статье) за то, что абсолютная рента не может быть исчислена иначе, что абсолютная рента одинакова там, где одинаковы и одинаково построены приложенные к земле капиталы. Она не одинакова там, где на одинаковых участках земли приложены различные капиталы. Но дело в том, что в земледелии существует тенденция, правда, менее резко выраженная, чем тенденция к уравнению норм прибыли,—тенденция к известному уравнению величины капиталов, вкладываемых в землю одного и того же качества и даже в земли различного качества. У Маркса говорится о «нормальных» вложениях в землю [2].

При учете этой тенденции нельзя считать неправильной и простую формулировку о равенстве абсолютной ренты с равновеликих участков земли.

Если отвергнуть это положение, если принять противоположную точку зрения, развитую и у Каутского, защищаемую в статье Вольфсона, то тогда мы прежде всего приходим к выводу, что абсолютная земельная рента не представляет собой излишка произведенной в земледелии стоимости над ценой производства. Окажется, что абсолютная рента тоже частично берется из обманчивой социальной стоимости, т. е. из того источника, который по праву принадлежит ренте диференциальной. Я не могу сейчас развивать эту мысль, отсылаю товарищей, интересующихся этим, к своей статье. Но вывод я делаю

---

[1] См. статью Л. Вольфсона, Против путаницы в теории ренты, «На Аграрном фронте» № 9 за 1928 г. Подробная критика построений т. Вольфсона и подробный разбор проблемы даны в нашей статье „Расхождение абсолютной и диференциальной ренты» см. «На Аграрном фронте» № II/12 за 1929 г.

[2] «Капитал», т. III, ч. 2.

такой: исчисление земельной ренты по Каутскому есть прежде всего теоретическая путаница, смешение ренты диференциальной с рентой абсолютной, нечеткое ограничение тех производственных отношений, экономической формой которых является диференциальная рента, от тех отношений, формой которых является рента абсолютная. Если диференциальная рента является экономической формой отношений между землевладельцами, капиталистами и с.-х. пролетариями, из которых выжимается та часть прибавочной стоимости, которая ведет в абсолютную ренту. У Маркса в очень многих местах говорится об абсолютной земельной ренте как о части земледельческой прибавочной стоимости. Но попробуйте исчислить земельную ренту по Каутскому—и у вас получится, что земельная рента никак не уложится в чистую земледельческую прибавочную стоимость. Она выйдет за ее пределы и захватит часть «обманчивой социальной стоимости», произойдет социалистическая путаница, один круг производственных отношений сплетется и смешается с другим кругом производственных отношений.

Разрешите теперь остановиться на последнем вопросе, который является не последним по своему значению, а только последним в моем докладе — на вопросе об абсолютной и монопольной ренте. Я должен сделать сразу одно замечание. Я не ставлю себе задачей в этом докладе дать сколько-нибудь полный и исчерпывающий ответ на интересующие нас в этой области вопросы просто потому, что по этим вопросам в настоящее время нужно уже меньше теоретизировать, а подойти с точки зрения конкретных данных, с точки зрения конкретного исторического изучения этих движений земельной ренты. Я не делаю этого в своем докладе, ибо доклад мой имеет задачи методологические. Но именно потому, что я этого не делаю, я должен отказаться сделать в этом вопросе последние и окончательные выводы. Задача дальнейшего развития теории земельной ренты—вопрос об абсолютной и монопольной ренте; я должен быть подвергнут более конкретному исследованию, основанному на историческом материале.

Остановлюсь кратко на методологической стороне вопроса.

Мы имеем такие ошибки в этом вопросе: во-первых, концепцию полного смешения абсолютной и монопольной ренты, отрицание каких-либо принципиальных различий между той и другой. Эта концепция, характерная для Богданова, у которого она проявляется в чистом, законченном своем виде, проявляется в менее чистом, несколько замаскированном виде, когда формально отдается дань различию между монопольной и абсолютной рентой, но по существу обе ренты между собой отождествляются—эта концепция проявляется у Каутского. И наконец из наших авторов затушевывание принципиальной разницы между той и другой формами ренты мы видим в работах т. Берзстыса.

В чем заключается неправильность, я бы сказал, вредность такого рода затушевывания различий между монопольной и абсолютной земельными рентами? Отнюдь не одно и то же, когда землевладельцы

наживаются и присваивают себе прибавочную стоимость, выкачанную из с.-х. рабочих, или они присваивают себе стоимость, далеко превосходящую то, что можно выкачать из с.-х. рабочих. Это различные вещи. Тут различные виды производственных отношений, которые должны быть выражены различными экономическими категориями, и именно потому надо строжайшим образом различать оба вида ренты.

Кроме того, разбираемый вопрос имеет и другую сторону. Маркс считает стоимость реально существующей, материальной категорией, исторически предшествующей цене производства как своей превращенной форме. В сельском хозяйстве вследствие влияния частной земельной собственности стоимость (в форме рыночной стоимости) сохраняет свое реальное регулирующее значение и при капитализме, тогда как в других сферах производства стоимость проявляется в форме цены производства. С этой точки зрения высота стоимости является р е а л ь н о й границей в процессе нормального образования цен в сельском хозяйстве. Если цена устойчива и длительно превышает не только цену производства, но и стоимость, то это уже выходит из рамок нормального процесса ценообразования. Отсюда не следует конечно, что это вообще невозможно. Именно поэтому Маркс и называет абсолютную и диференциальную ренты (в противоположность монопольной) «единственными нормальными» формами ренты.

Зомбарт, в противоположность Марксу, в свое время в статье, посвященной III тому «Капитала», истолковывал стоимость идеалистически, как нечто не существующее реально, как форму, привнесенную мышлением исследователя. Авторы, отрицающие (или затушевывающие) принципиальное различие абсолютной и монопольной ренты, не желающие видеть в рыночной стоимости р е а л ь н о й границы, определяющей нормальную цену с.-х. продуктов, бессознательно становятся на эту идеалистическую зомбартовскую позицию.

Следующая ошибка заключается в том, что в работах Каутского, а затем в некоторой степени и в работах т. Берзтыса имеется прямое отрицание факта существования абсолютной ренты и признание того, что реально, практически существует в современном сельском хозяйстве лишь рента монопольная. Это связано с утверждением, будто органический состав капитала в сельском хозяйстве по своей высоте уже догнал органический состав капитала в промышленности. Следовательно внутри сельского хозяйства не осталось источника абсолютной ренты, и следовательно реальны те ренты, которые мы имеем, если они не есть ренты диференциальные и могут быть лишь рентами монопольными.

С другой стороны, у проф. Любимова мы имеем прямо обратное утверждение, будто монопольные ренты как следствие частной земельной собственности вообще невозможны. Он считает, что монопольная рента возможна только как рента например с виноградников, производящих вино совершенно исключительного качества, как рента, которая

возникает благодаря особым специфическим свойствам данного продукта, на который существует большой спрос при ограниченном производстве. Такая рента возникает совершенно независимо от землевладения. Проф. Любимов подчеркивает, что такая монопольная рента остается и после национализации земли. Что касается до ренты монопольной, которая возникает под влиянием, под давлением частной собственности на землю, то проф. Любимов в своей работе, в главе, посвященной национализации земли, прямо говорит, что эта рента и до национализации земли не существовала, что она не возможна и поэтому нечего о ней и говорить.

Мы имеем таким образом прямо противоположные концепции. С одной стороны, мы имеем указание на то, что фактически не существует в настоящее время абсолютной ренты, что существует только монопольная, с другой стороны—указание на то, что монопольная рента вообще не может существовать как рента, вызванная землевладением, а может существовать только как рента, которая произошла независимо от землевладения, в силу характера спроса на те или иные отдельные продукты сельского хозяйства.

Вот что пишет Маркс по этому поводу:

«Необходимо различать, вытекает ли рента из монопольной цены, потому что независимо от нее установилась монопольная цена продуктов или самой земли, или же продукты продаются по монопольной цене, потому что установилась рента... Наоборот, рента создала бы монопольную цену, если бы вследствие границы, которая полагается земельной собственностью затрате капитала на невозделанной земле, не приносящей ренты, если бы хлеб продавался не только выше его цены производства, но и выше его стоимости» [1].

Как видите, здесь Маркс считает возможным возникновение монопольной цены и монопольной ренты, когда цена повышается выше стоимости независимо как от частной земельной собственности, так и непосредственно под давлением этой последней.

Я считаю, что одинаково неправильно как отрицание существования абсолютной земельной ренты при ссылке на высоту органического состава капитала в современном интенсивном сельском хозяйстве, так и отрицание существования монопольных рент, когда цена с.-х. продуктов, именно под давлением частной земельной собственности, скажем, в странах аграрного протекционизма, поднимается не только выше цен производства, но и выше стоимости.

В то время как отрицание абсолютной земельной ренты является просто недооценкой размаха и масштабов исторической отсталости сельского хозяйства, отрицание возможности существования монопольной

[1] «Капитал» т. III, ч. 2, с. 255, русск. изд. 1928 г.

земельной ренты и массовых с.-х. продуктов, является известной недооценкой сил самой земельной собственности как определенного фактора рентообразования, как фактора перераспределения прибавочной стоимости. Ни то, ни другое не надо недооценивать. Недооценка одного столь же вредна, как недооценка другого. Ведь частная земельная собственность сама является одной из основных причин исторической отсталости земледелия, и поэтому нужно оценивать эти факторы по их достаточному весу, так как частная земельная собственность вызывает и закрепляет отсталость земледелия. Поэтому абсолютная рента и является столь характерной категорией для капиталистического землевладения, в том числе и для современного. Но наряду с ней может существовать и вероятно существует также и монопольная рента, порожденная нажимом со стороны частной земельной собственности.

Я должен еще раз в заключение оговориться, что эту часть своего доклада, часть своих последних тезисов, я рассматриваю только как несколько методологических замечаний к постановке вопроса о монопольной и абсолютной ренте, но ни в коем случае—как окончательное решение вопроса. В то время как сферу первых вопросов, которым был посвящен мой доклад, можно решать чисто теоретически, этот вопрос вообще нельзя решать абстрактно теоретически, его нужно решать с конкретным материалом в руках, его нужно решать в результате конкретного экономического исследования движения земельной ренты в капиталистическом хозяйстве. Это в задачу моего доклада не входит, поэтому я ограничиваюсь тут только методологическими замечаниями.

СОДОКЛАД Л. ЛЮБИМОВА

В виду ограниченности времени я понятно должен буду оставить без освещения многие чрезвычайно важные спорные вопросы. Пропущу поэтому все, что относится к абсолютной ренте, и сосредоточу внимание, урезав значительно оба эти вопроса, только на вопросе стоимости с.-х. продуктов и в связи с ним—на вопросе о местопребывании источников дифференциальной ренты.

Как известно, первым, который настаивал на том, что цена хлеба—цена монопольная, был Мальтус. Он обосновывал монопольную цену хлеба тем, что хлеб сам создает своих потребителей: больше хлеба—больше браков, больше браков—больше населения, больше населения—больше потребность в хлебе. Эта позиция Мальтуса находилась в полном соответствии с его учением о народонаселении. Раз средства питания растут в арифметической прогрессии, а население растет в геометрической, то ясно, что средств питания, главным образом хлеба, будет постоянно нехватать, будет постоянная борьба среди потребителей за этот хлеб и цены хлеба должны подняться гораздо выше трудовой стоимости его. Против этой точки зрения, как вы знаете, выступил Рикардо. Это и понятно. Рикардо как сторонник трудовой стоимости не мог допустить мысли, чтобы в отношении такого важного, основного товара, как хлеб, был совершенно недействителен закон трудовой стоимости. Рикардо борется с взглядом Мальтуса и в своих письмах и в «Основах политической экономии». В письмах он доказывает, что безусловно неправилен взгляд Мальтуса, будто хлеб создает своих потребителей. В такой же степени можно сказать, что и вино создает своих потребителей, в такой же степени и одежда создает своих потребителей и вообще, чем больше благосостояние, чем больше число товаров, тем больше число браков, тем больше увеличивается население. Так что хлеб в этом отношении ничем не отличается от других товаров, тем более, что если даже встать и на точку зрения Мальтуса, то все же надо иметь в виду, что число браков увеличит население не так быстро; производство же хлеба определяется не теми ценами, которые будут через 20 лет, а теми, которые имеются сейчас. Ввиду всего этого Рикардо полагает, что стоимость хлеба, как и всех других товаров, определяется количеством труда, которое

тратится на его производство, при худших общественно-необходимых условиях. Если цена хлеба не будет регулироваться худшей землею, которая необходима, чтобы покрыть спрос общества на хлеб, то худшие земли не будут обрабатываться. Обществу нехватит хлеба; это заставит поднять цену хлеба до того предела, при котором выгодно обрабатывать эти худшие земли, необходимые, чтобы покрыть спрос общества на хлеб.

Конечно Рикардо во многом не прав. И в первую голову в том, что стоимость регулируется наихудшими общественно-необходимыми условиями производства всех товаров. Но если Рикардо во многом и не прав, это не исключает того, что он также во многом и прав. В частности он совершенно прав, отрицая монопольный характер цен хлеба. То же самое говорил и Маркс. Последний указывает, что для того, чтобы цена хлеба носила монопольный характер, необходимо, чтобы было невозможно увеличение предложения хлеба. Между тем добавочное количество хлеба можно произвести, с одной стороны, путем обработки новых земель, а с другой стороны, путем лучшей разработки тех земель, которые уже взяты под плуг. Это положение Маркса само по себе не представляет принципиально нового в вопросе о том, какая земля регулирует стоимость хлеба.

Но вообще этот вопрос у Маркса понятно поставлен значительно сложнее, чем у Рикардо. И для Рикардо и для Мальтуса всякий товар, который продается выше стоимости, уже тем самым продается по монопольным ценам. Маркс вводит новое понятие—«цена производства». А поскольку имеется понятие цены производства, поскольку мы знаем, что цена производства при высоком строении капитала превышает стоимость, постольку понятно, что цена, более высокая, чем стоимость, вовсе не всегда монопольная цена. Индустриальный товар продается по ценам производства, причем цена эта постоянно превышает стоимость, и все-таки тут не будет никаких монопольных цен. Маркс говорит, что монопольные цены начинаются тогда, когда цены определяются не ценой производства и не стоимостью, а только спросом и предложением. Следовательно для того, чтобы цена была монопольной, для этого необходимо, чтобы цена превышала и цену производства и стоимость. Как мы знаем, там, где—как например в земледелии—низкое строение капитала, стоимость постоянно превышает цены производства. Следовательно там, где низкое строение капитала, и цена превышает стоимость,—в этом случае она непременно будет монопольной. Следовательно в индустрии не всякая цена выше стоимости будет монопольной, а в земледелии всякая цена выше стоимости будет монопольной.

Цена производства хлеба определяется худшей землей—в этом никто не сомневается, потому что в капиталистическом обществе никто не станет разрабатывать землю, которая не даст ему хотя бы средней

прибыли. Если же цена производства регулируется худшей землею, то понятно и стоимость должна регулироваться ею же, потому что иначе могло бы оказаться, что цена производства выше стоимости. В самом деле, если бы стоимость регулировалась например средней землей, как утверждают некоторые, то непременным следствием этого оказалось бы, что цена производства была бы выше стоимости. А в таком случае не могло бы быть никакой абсолютной ренты, потому что последняя равняется разнице между стоимостью и ценой производства (или части этой разницы).

Маркс говорит, что все товары вообще, как правило, продаются по ценам производства. Только некоторые товары, в том числе и хлеб и продукты горного дела, продаются не по цене производства, а выше цены производства, причем пределом этого является именно стоимость. В виду краткости времени я не могу привести все соответствующие цитаты из Маркса, я изложу его мысль своими словами. Доказав, что земельная монополия приводит к тому, что хлеб продается выше цены его производства, Маркс спрашивает, почему эта же монополия не может привести к тому, чтобы цена хлеба была выше стоимости, чтобы цены были монопольные. И отвечает, что на каком-нибудь небольшом острове это пожалуй возможно. Но это невозможно в мировом масштабе. На земном шаре всегда имеется достаточное количество еще необрабатываемой земли, которое можно взять под плуг. Кроме того, всегда можно улучшить обработку земли, которая уже находится под плугом. Следовательно в мировом масштабе предложение хлеба всегда может быть повышено, а стало быть не может быть монопольных цен на него.

Маркс доказывает, что нужны экстраординарные обстоятельства для того, чтобы хлеб продавался по его стоимости; обычно же он продается хотя и выше цены производства, но ниже стоимости. В самом деле, совершенно понятно, что иначе быть не может. Предположим, что цена хлеба 150 рублей тонна (я конечно беру цифры, которые не вполне согласованы с биржевыми показателями). Предположим, что население увеличилось и увеличилось очень сильно. Хлеба начинает нехватать. В результате цена хлеба поднимается до 200 рублей тонна. Это приведет к тому, что часть земель, которые раньше было невыгодно обрабатывать, пойдет под плуг. Допустим, что под плуг пойдут такие земли, которые дают хлеб по цене 180 рублей тонна. Если этой земли хватит для удовлетворения возросшего спроса общества, то цена выше подняться не может. Следовательно цена будет не монопольной, а станет определяться тем количеством общественно-необходимого труда, которое идет на добывание тонны хлеба на худшей земле (у Маркса, правда, не тонна, а квартера, но это дела не меняет). Всякое повышение цены обязательно приводит к тому, чтобы пускать в оборот новые, до сего времени не бывшие еще под плугом земли, и стало

быть цена хлеба не может оторваться от стоимости его, не может стать монопольной.

Здесь я сделаю маленькое отступление. Тов. Лурье говорил, что могут быть такие случаи, когда стоимость определяется не по худшей земле. Но он сам прибавил, что последнее не типично для капиталистического хозяйства. Но когда я говорю, что цена хлеба определяется его стоимостью на худших землях, понятно, что я имею в виду только капиталистическое общество, а что бывает там, где нет строя капиталистического хозяйства, это к делу не относится. Я никогда не думаю выводить таких законов, которые одинаково соответствовали бы и обществу капиталистическому и обществу некапиталистическому, потому что такие «законы» смазали бы типичные черты капиталистического общества. Раз мы берем что-нибудь типичное, значит это его отличительные черты. Поэтому, когда я говорю о капиталистическом строе, я беру то, что характеризует его, а не то, что свойственно ему и всякому другому экономическому укладу. Всякие иные законы будут чересчур широки и напоминают мне знаменитое определение одного софиста, который сказал, что человек—«двуногое животное без перьев». Тогда Сократ принес ощипанного петуха и сказал: вот тоже двуногое животное и без перьев, не это не человек. Итак я говорю, что в капиталистическом обществе цена хлеба не может длительно превышать стоимость его и следовательно не может быть никакой монопольной ренты. В доказательство противного т. Лурье привел цитату из Маркса. Вторая половина ее говорит, что если бы хлеб продавался выше производственной стоимости, была бы монопольная цена. Понятно, что если бы продавался, была бы монопольная цена, но так как он так продаваться не может, то фактически монопольной цены нет. Монопольная цена на главные продукты—это только тот способ мышления, которым мы можем пользоваться для оттенения того, что такое абсолютная рента.

Дальше т. Лурье ссылался на протекционизм. Эта ссылка совершенно неубедительна. Протекционизм приводит к тому, что повышаются цены на хлеб, а повышение цен на хлеб приводит к тому, что в стране начинают обрабатываться земли, которые в противном случае не обрабатывались бы,—более плохие земли. Это повышает стоимость хлеба в этой стране. Таким образом и здесь средние цены хлеба не могут надолго оторваться от его стоимости.

Первым автором из марксистов, который заговорил о монопольной цене хлеба, был не Маркс, а Каутский. Каутский в своем «Аграрном вопросе» говорит о том, что цена на хлеб монопольна. Он, правда, указывает на те обстоятельства, которые ограничивают эту монополию, он указывает, что если цена хлеба поднимается очень высоко, это ведет к вымиранию, но во всяком случае он согласен с тем, что цена хлеба может быть ценой монопольной. Это должен заметить, точка

зрения не Маркса, а скорее Мальтуса, того самого Мальтуса, последователем которого Каутский был до того, как стал марксистом. Это у него пережитки мальтусовского наследия.

В русской литературе эту тезу Каутского повторил из современников т. Берзтыс, а до него эту же точку зрения, придав ей несколько иной вид, проводит не кто иной, как Булгаков. Основное построение Булгакова заключается в том, что цена хлеба—это цена, которая постепенно, непременно и неизменно превышает стоимость. Точка зрения Булгакова наиболее подробно воспроизведена в работах Познякова. Позняков полагает,—так же, как и Булгаков—что определение стоимости хлеба худшею землей вносит «принципиальный дуализм» в теорию трудовой стоимости», и утверждает, что стоимость хлеба определяется по средней земле, а цена производства его—по худшей земле. Что же получается в таком случае? Получается, что цена производства хлеба должна превышать его стоимость. Но если цена хлеба превышает стоимость его, это приведет к тому, что прибавочная стоимость из индустрии станет переливаться в земледелие. Таким образом основа диференциальной ренты лежит не в земледелии, а в индустрии. Эта точка зрения, если ее развивать последовательно, обязательно, непременно приводит к отрицанию абсолютной земельной ренты. Не думаю, чтобы на собрании марксистов приходилось доказывать, что все, что в конечном счете приводит к отрицанию абсолютной ренты, должно быть нами отмечено как безусловно ошибочное. И действительно ошибочно уже первое положение Булгакова-Познякова, что цена производства выше стоимости хлеба. Если цена производства выше стоимости хлеба, не может быть никакой абсолютной ренты, потому что абсолютная рента—это именно и есть разница между стоимостью хлеба и ценой его производства или часть этой разницы. Позиция Познякова приводит к отрицанию абсолютной ренты не только по вышеуказанной причине, но и потому, что он утверждает, что для того, чтобы не было дуализма, мы должны предположить, что цены в с е х товаров—в том числе и хлеба—регулируются ценой производства. Эта точка зрения тоже не нова. На ней стоит Петр Павлович Маслов. Но важно не то, что эта точка зрения не нова, а то, что она совершенно неверна.

Вспомним, какое употребление из этой точки зрения делает Маслов. Маслов говорит: так как цена всех товаров определяется ценой производства, то потому не может быть никакой абсолютной ренты. Если предположим, что то же количество труда будет воплощено в продукте индустрии и в продукте земледелия, выращенном на худшей общественно-необходимой земле, то они будут продаваться по одной и той же цене (производства). Цена указанного продукта индустрии распадается только на среднюю заработную плату и среднюю же прибыль. Мы предполагаем теоретически, что в земледелии заработная плата

и прибыль точно так же средние. Стоимость указанного продукта земледелия разлагается таким образом на ту же самую заработную плату и прибыль, и для абсолютной ренты ничего не остается. Следовательно та точка зрения, что все продукты продаются одинаково по цене производства, обязательно, непременно приводит к отрицанию абсолютной ренты.

Во второй части второго тома «Теорий прибавочных стоимостей» Маркс объясняет, почему Рикардо был таким страстным противником абсолютной ренты. Причину этого Маркс видит в том, что Рикардо исходит из того, что цена всех товаров определяется одинаково (именно их стоимостью). Для того же, чтобы понять возможность возникновения абсолютной ренты, говорит Маркс, надо уяснить себе, что цены одних товаров, главным образом индустриальные, регулируются ценами производства, а цены других товаров, главным образом продуктов земледелия и горного дела, регулируются стоимостями их. Но это—дуализм, уверяет Позняков. На самом деле здесь никакого дуализма нет и не может быть. Если бы этот дуализм даже и был, то он нисколько не был устранен точкою зрения Познякова. В самом деле, пусть все товары продаются по цене производства. Но для индустриальных товаров цена производства определяется по средним условиям, а для земледельческих она определяется при условии худшей земли. Дуализм остается. Он только переносится со стоимости на цены производства, которые зависят от той же стоимости. Следовательно дуализм не устраняется, а лишь временно исчезает для того, чтобы потом выступить с прежней силой.

Почему в положении, что цены индустриальных товаров регулируются ценами производства, а цены земледельческих товаров стоимостями их, нет и не может быть никакого «принципиального дуализма»? Очень просто. Что означает «принципиальный дуализм»? То, что мы исходим из двух разных принципов. Но цена производства и стоимость—это не два разных принципа. Цена производства—это не что иное, как та же самая стоимость, только преобразованная и усложненная. Итак в обоих случаях выступает одна и та же стоимость. Но в одном случае она выступает в более сложном виде (там, где дело касается индустрии), а в другом—в области земледелия—она выступает в виде непосредственного регулятора производства. Точно так же нет никакого «принципиального дуализма» в том, что стоимость индустриальных товаров определяется количеством общественно-необходимого труда, идущего на производство их единицы при средних условиях, а стоимость хлеба определяется также количеством общественно-необходимого труда, идущего на производство единицы хлеба при средних условиях производства, но на худшей (общественно-необходимой) земле. Дело в том, что продукты индустрии могут быть произведены в каком угодно количестве и все их средства производства также производятся трудом и

следовательно также могут быть произведены в любом количестве. В земледелии—другое дело. Сам хлеб—не предмет монополии: количество его может быть увеличено. То же самое и в отношении сельскохозяйственных машин. Но земля не воспроизводится трудом, количество ее не может быть сколько-нибудь значительно увеличено в капиталистических странах. Это и приводит к тому, что количество лучших и средних заводов, фабрик и т. д., как правило, может быть увеличено в случае необходимости, и общество обычно может обойтись без продукции худших из работающих заводов. В силу этого индивидуальная стоимость товаров, производимых на последних (на лучших предприятиях), отнюдь не должна равняться общественной стоимости этих товаров, поскольку может быть и ниже первой. Количество же худших и лучших земель, как правило, не может быть увеличено, а потому общество обычно не может обойтись без продукции худших (общественно-необходимых) земель, и потому индивидуальная стоимость производимого на них продукта (считая на единицу его) не может быть ниже общественно-необходимой стоимости единицы этого же продукта. В тех же случаях, когда общество почему-либо не может обойтись без продукции наихудших заводов, фабрик и т. д., как показал Маркс в X главе III тома «Капитала», стоимость соответствующего продукта определяется так же не средними, а худшими предприятиями этого рода.

Итак закон стоимости проявляется и должен проявляться в земледелии не так, как обычно в индустрии. Но ведь всякий закон выступает противоречиво, что не исключает конечно единства самого закона. Формы проявления всякого закона многоразличны, многообразны и часто очень противоречивы. Я напомню хотя бы знаменитый плехановский пример относительно закона притяжения. Согласно этому закону, говорит Плеханов, все тела, которые тяжелее воздуха, должны были бы падать на землю, а между тем—птица тяжелее воздуха, но не падает на землю. Это, говорит он, однако не отрицает закона притяжения, а является только лишь другим проявлением того же самого закона.

Итак, повторяю, та точка зрения, согласно которой 1) цены всех товаров регулируются ценой производства их и 2) цена хлеба превышает стоимость его, т. е. является монопольной, обязательно, непременно должна быть нами отклонена. Цена производства хлеба обязательно и непременно должна быть ниже стоимости его, иначе, повторяю, не могло бы быть абсолютной ренты.

Теперь перехожу к анализу того, где лежат источники дифференциальной ренты. Признаюсь, что меня несколько изумляет то, что этот вопрос дискуссируется и довольно оживленно, в то время как у Маркса и у Ленина есть совершенно ясные указания по этому вопросу. Вы помните, что когда Ленин смеялся над Булгаковым, над его теорией ренты, он говорил, что она приводит его к такому нелепому взгляду,

что «рента берется вовсе не из земледельческого продукта,—она берется из продуктов неземледельческого труда, это просто—дань, налог, вычет из всего общественного производства». Дальше Ленин эту теорию называет «последней, наименее производительной, затратой профессорского труда».

Разрешите привести теперь цитату из Маркса. В ней Маркс говорит следующее: «Диференциальная рента образует часть избытка цены, сверх цены издержек производства того самого товара составную часть которого она образует». Следовательно диференциальная рента образует часть избытка цены именно земледельческого товара, а никак не индустриального.

И действительно, если мы присмотримся, то увидим, что взгляд, противоположный тому, который высказан Марксом и Лениным, взгляд, что будто бы источник диференциальной ренты лежит в индустрии, противоречит многим и многим самым основным истинам политэкономии.

Возьмем какую-нибудь страну, в которой нет еще абсолютной ренты, например, Америку времен Маркса, когда там по указанию Маркса абсолютной ренты не было. Как вы знаете, Маркс ясно указывает, что абсолютная рента образуется в пределах самого же земледелия. Здесь абсолютной ренты нет, стало быть соответствующая доля прибавочной стоимости из земледелия переливается в индустрию. Этим между прочим объясняется почему там в то время была прибыль значительно выше, чем в Европе. Теперь возьмем лучшую землю, которая дает диференциальную ренту. Если стать на точку зрения, что источник диференциальной ренты лежит в земледелии, получается, что поскольку там нет абсолютной ренты, часть прибавочной стоимости переливается из земледелия в индустрию. А поскольку есть диференциальная рента, получается, что часть прибавочной стоимости переливается из индустрии в земледелие. Следовательно поток прибавочной стоимости в одно и то же время течет в двух противоположных, исключающих друг друга направлениях.

Дальше, отвлечемся на время от абсолютной ренты. Предположим, что существует лишь одна диференциальная рента. По мнению сторонников теории источника диференциальной ренты в индустрии, мы имеем в таком случае переливание прибавочной стоимости из индустрии в земледелие. Теперь произошло повышение цены. Повышение цены обязательно должно означать, что прибавочная стоимость переливается в большем, чем раньше, количестве в область, где произошло это повышение, из областей, где его нет: ведь прибавочная стоимость может переливаться только посредством механизма цен. Но очевидно, что если возрастание цены произошло от того, что нет больше свободных участков земли, в результате чего появилась абсолютная рента, то выйдет, что никакого увеличения переливания прибавочной стоимости из индустрии в земледелие не произойдет, если источник абсолютной

ренты лежит в самом земледелии. Итак выйдет, что цены земледельческих продуктов поднялись (благодаря абсолютной ренте) и переливание стоимости в земледелие не увеличилось. Это доказывает, что его и раньше не было, а значит и то, что источник абсолютной ренты лежит в самом земледелии. Мы должны допустить, что источник не только абсолютной, но и диференциальной ренты лежит в самом земледелии.

Я остановлюсь еще на одном моменте. Денежная диференциальная рента есть не что иное, как денежное выражение натуральной диференциальной ренты. Если натуральная диференциальная рента составляет 10 квартеров,—припомните пример Рикардо,—100 квартеров на первого сорта земле, 90 квартеров на земле второго сорта, то денежная диференциальная рента представит денежное выражение 10 квартеров. Там, где нет натуральной ренты, не может быть и ее денежного выражения. А ясно, что натуральная рента, рента в зерне, не могла сперва появиться в индустрии и потом перелиться в земледелие. Значит один факт связи между натуральной и денежной рентой ясно указывает, где образуется диференциальная рента, хотя бы и денежная.

Теперь дальше. Откуда может переливаться прибавочная стоимость. Согласно марксову учению о цене производства прибавочная стоимость может переливаться из тех отраслей производства, где низкое строение капитала, туда, где оно высоко, а не наоборот. Ведь высокое строение капитала указывает, что рабочих относительно (капитала) мало и что там производится прибавочной стоимости недостаточно даже для покрытия средней прибыли и для образования последней прибавочная стоимость должна перелиться из других отраслей,—из отраслей с низким строением капитала. Где ниже строение капитала и где выше? Ясно, что выше в индустрии, ниже в земледелии. Следовательно прибавочная стоимость может переливаться из земледелия в индустрию, но никак не может быть обратного, не может быть того, чтобы она переливалась из индустрии в земледелие. Мне скажут, что в земледелии зато медленнее оборот капитала. Верно, медленнее. Но если бы влияние медленного оборота капитала могло парализовать значение низкого строения его, тогда бы уничтожилась абсолютная рента. Ведь абсолютная рента и проистекает от того, что в земледелии образуется большая прибавочная стоимость, чем в индустрии. Ясно, что если в земледелии образуется относительно (капитала) больше прибавочной стоимости, чем в индустрии, то прибавочная стоимость из нее может переливаться в индустрию, но никак не может быть обратного случая, чтобы прибавочная стоимость переливалась оттуда, где ее относительно меньше, туда, где ее относительно больше.

Существуют два основных варианта взгляда, что источник диференциальной ренты лежит в индустрии. Первый из них утверждает, что диференциальная рента переливается в земледелие из индустрии,

потому что в земледелии цена выше стоимости. Главным представителем этого течения в русской литературе был Булгаков. Теперь эту же точку зрения защищает Позняков. Другой вариант разбираемого взгляда признает марксовый закон стоимости хлеба.

Первый вариант, как я уже указывал, неверен просто потому, что если цена производства выше стоимости, то в таком случае никак не может образоваться абсолютная рента. Ввиду всего сказанного выше и ввиду недостатка времени дальше я на этом варианте задерживаться не буду.

Остановлюсь на втором варианте. Главным представителем его является акад. Солнцев. По его мнению, когда переходят к худшим землям, тогда вследствие необходимости обработки худших земель прибавочная стоимость прилипает к стоимости продукта, произведенного на лучшей земле, и отсюда образуется диференциальная рента или, как он говорит, диференциальная рента приводит к повышению цен и отсюда к переливанию прибавочной стоимости. Что диференциальная рента приводит к повышению цен, этот взгляд Адама Смита был уже давным-давно опровергнут Рикардо (и еще раньше Андерсоном).

Почему Солнцев приходит к такому взгляду, который давным-давно оставлен наукой? К этому логически неизбежно приводит то, что для него стоимость определяется не общественно-необходимым, а индивидуальным трудом; соответственно этому он прибавочную стоимость, норму прибавочной стоимости и т. д. также считает индивидуальными категориями.

Я начну разбор этой части позиции Солнцева хотя бы с вопроса о норме прибавочной стоимости. Если, как говорит Солнцев, норма прибавочной стоимости есть отношение индивидуальной, или, как он предпочитает говорить, имманентной прибавочной стоимости, к переменному капиталу, то в таком случае мы никак не в состоянии будем определить понятие относительной прибавочной стоимости. В самом деле, предположим, что все предприятия какой-либо отрасли производства работают неусовершенствованными машинами. Предположим, что произведенная стоимость будет равняться 50 единицам. Предположим, что зарплата составляет 25 единиц, в таком случае прибавочная стоимость также будет (50—25). Норма же прибавочной стоимости составит 100% (25—25). Допустим теперь, что одно предприятие работает усовершенствованными машинами. Оно будет продавать свои товары по этой же цене, что и остальные; но так как это предприятие работает усовершенствованными машинами, то здесь на единицу продукта приходится меньше затрачиваемого труда. Предположим, что здесь на штуку товара приходится не 25 единиц, а только 10 единиц труда. В таком случае прибавочная стоимость составит 40 единиц, заработная плата будет=10 единицам, следовательно норма прибавочной стоимости уже будет не 100%, а 400%. Стало быть благодаря

тому, что мы рассматривали вопрос с точки зрения не индивидуальной, а общественной стоимости, мы можем объяснить, откуда происходит то, что Маркс называет «медовым месяцем машин», откуда происходит то, что в таких предприятиях, где работают лучшими машинами (до тех пор, пока эти машины не получили более или менее сильного распространения), производится больше прибавочной стоимости, получается относительная прибавочная стоимость. Став же на точку зрения Солнцева, мы никак не сможем объяснить этого. В самом деле, все предприятия работают старыми машинами. Стоимость единицы товара будет 50 единиц, 25 единиц—зарплата, прибавочная стоимость—25, а норма стоимости будет 100%. Перешли к лучшим машинам, при помощи которых данный продукт производится не 50, а 20 единицами труда, тогда 10 единиц соответствуют заработной плате, 10—прибавочной стоимости, норма прибавочной стоимости—тоже 100%. Следовательно, если мы стоим на точке зрения Солнцева, т. е. если мы захотим норму прибавочной стоимости определять, исходя из индивидуальной стоимости, мы не будем в состоянии понять, откуда получается относительная прибавочная стоимость, чем объясняется «медовый месяц машин».

Солнцев говорит, что проблему диференциальной ренты мы должны выяснить, исходя из одинаковой нормы прибавочной стоимости. На первый взгляд он как будто бы прав, потому что всякий вопрос мы должны решать, исходя из предпосылки «прочих равных условий», но «прочие равные условия» вовсе не значит все равные условия. Рента—это часть прибавочной стоимости, следовательно, если увеличивается рента, то это означает, что растет и сумма прибавочной стоимости и норма ее. Ни в коем случае не может быть, чтобы норма прибавочной стоимости оставалась неизменной, а рента росла. Для доказательства сошлюсь на таблицу Маркса. Возьмем хотя бы таблицу 1 гл. XL: на участке В норма добавочной прибавочной стоимости будет 120%, на участке С (более плодородном)—240%, на участке Д (еще более плодородном)—360%, норма же всей прибавочной стоимости будет для них соответственно—140, 260 и 380%. Если бы по мере повышения диференциальной ренты не увеличивалась масса и норма прибавочной стоимости, это обозначало бы, что диференциальная рента не связана с прибавочной стоимостью, а стало быть, что диференциальная рента не является частью нетрудового дохода: ведь всякий нетрудовой доход вытекает из прибавочной стоимости. Здесь Солнцев спутал две вещи. Равной мы должны предположить на землях различного плодородия не массу и норму прибавочной стоимости, т. е. в обозначениях Маркса не «m» и не «m'», а массу и норму прибыли, т. е. в обозначениях Маркса «p» и «p'» («p»—это первая буква слова profit—прибыль). Итак, став на точку зрения Солнцева, мы не можем уяснить ни происхождения относительной прибавочной стоимости, ни проис-

хождения диференциальной ренты, потому что, если количество прибавочной стоимости не увеличивается, тогда неоткуда появиться и ренте, которая является частью прибавочной стоимости.

Таким образом, если мы сравним оба варианта взгляда, что источники диференциальной ренты лежат в индустрии, то мы увидим, что первый вариант, т. е. вариант, доказывающий, что источники диференциальной ренты лежат в индустрии, так как цена хлеба якобы выше стоимости его,—является неправильным, потому что приводит к отрицанию абсолютной ренты. Но сторонники этого варианта понимают все же, что для того, чтобы произошло переливание прибавочной стоимости, необходимо, чтобы товары продавались выше их стоимости, ибо если товары продаются не выше их стоимости, никакого переливания, никакой перекачки прибавочной стоимости из другой отрасли народного хозяйства быть не может. Сторонники второго варианта не уяснили себе и этого. Синтез этих обоих вариантов представляет то, что нам сегодня говорил т. Лурье. У него выходило таким образом, что стоимость—это категория индивидуальная, а цена производства обязательно определяется по худшей земле. Следовательно получается, что на лучших землях цена производства может оказаться выше стоимости, потому что там на лучших землях индивидуальная стоимость хлеба невелика, а цена производства по Лурье определяется худшею землею. Выйдет, что на лучших землях не может быть никакой абсолютной ренты, т. е. другими словами, мы приходим к отрицанию одного из основных положений Маркса, который доказывает нам, что абсолютная рента получается и на лучшей земле.

Лурье упрекает меня в том, что я не обращаю внимания на категории индивидуальной стоимости. Он жестоко ошибается, потому что, поскольку я говорю, что диференциальная рента—это разница между рыночной и индивидуальной стоимостью, значит я обращаю внимание на индивидуальную стоимость, но я только ей не придаю такого значения, чтобы индивидуальную стоимость считать основною категорией в системе Маркса, т. е. чтобы за индивидуальной стоимостью не видеть общественной стоимости. Мы знаем, что теория Маркса насквозь общественна, стало быть в основе ее лежит общественная трудовая стоимость, а не стоимость индивидуальная. Положить индивидуальную стоимость в основу своих построений—это значит сделать шаг назад по сравнению не только с Марксом, но даже с классиками, потому что, хотя последние и говорили, что стоимость определяется индивидуальным трудом, но они только говорили, на самом же деле в своих исследованиях нередко исходили именно из общественной стоимости, т. е. из стоимости, определяемой общественно-необходимым трудом, впрочем довольно смутно представляемом ими.

Как известно, основная экономическая категория—стоимость—является не только регулятором производства, это не исключает того, что

в конечном счете она является и регулятором общественного хозяйства. Посмотрим, к чему это приводит? Мы знаем, что для покрытия платежеспособного спроса общества на хлеб необходимо, чтобы в обработке были худшие из общественно-необходимых земель. Стало быть стоимость хлеба на этой земле и является тем, что определяет предложение хлеба, т. е. является регулятором производства его. Индивидуальная же стоимость не может быть таким регулятором, потому что индивидуальная стоимость на различных землях совершенно различна, регулятор же (стихийный) должен быть и может быть только один. Это является еще одним доказательством того, что стоимость, лежащая в основе всей экономической системы Маркса, общественная, а ни в коем случае не индивидуальная.

Тов. Лурье в заключение упрекнул меня в том, что у меня вопреки моему желанию стоимость вырастает из земли, так как я говорю, что на лучшей земле образуется бо́льшая стоимость. Лурье совершенно не прав: одно дело говорить, что на лучшей земле создается бо́льшая стоимость, а другое дело говорить, что сама лучшая земля создает бо́льшую стоимость. Не все, что создается на земле, создает сама земля. Поэтому совершенно ясно, что когда я говорю, что на лучшей земле (при необходимости пользоваться также и худшей) производится бо́льшая стоимость, это значит только, что на лучшей земле то же самое количество труда создает большее количество продукта, а так как рыночная стоимость продукта одинакова, то это приводит к тому, что на лучшей земле при этих условиях создается бо́льшая стоимость, чем на худшей. Иначе говоря, если бы наличие лучших земель давало возможность обойтись без худших земель, в э т о м случае переход к лучшей земле означал бы обязательно и непременно удешевление хлеба. В этом случае на лучших землях производилось бы большее количество хлеба, но та же самая стоимость, что раньше на худшей. Совсем другое произойдет, если переход к лучшей земле не избавляет от необходимости пользоваться услугами худшей земли. В этом случае рыночная стоимость будет определяться по худшей земле. Стало быть в этом случае на лучшей земле будет создано не только большее количество единиц продуктов, но и бо́льшая стоимость.

Перейду теперь к вопросу об «обманчивой социальной стоимости», так как многие (Солнцев, Позняков, Лурье и др.) полагают, что то обстоятельство, что диференциальная рента вытекает из этой стоимости, доказывает, что источники ее лежат в индустрии. Это совершенно ошибочно. Понятие обманчивой социальной стоимости ведет свое начало от времени спора Мальтуса и Рикардо. Мальтус утверждал, что всякое удорожание продуктов увеличивает общественное благосостояние. Рикардо доказывал обратное, а именно, что рост цен земледельческих продуктов, если продуктов не стало больше, чем раньше, отнюдь не увеличивает общественного богатства. Здесь по словам Рикардо мы имеем

только рост стоимости, но отнюдь не рост богатства, и в соответствии с этим дифференциальная рента или, как он говорит, просто рента «есть новая стоимость, но не новое богатство» с общественной точки зрения. Эту стоимость, не составляющую общественно (социального) богатства, Маркс позднее очень метко назвал «обманчивой социальной стоимостью». Рост этой «обманчивой социальной стоимости» не только не увеличивает богатства общества, но заставляет «общество, рассматриваемое как потребитель», переплачивать за земельные продукты. Понятно, что эта «обманчивая социальная стоимость» как одно из отрицательных порождений капитализма должна отмереть с этим последним.

Из этого однако не следует, что в пределах капиталистического общества «обманчивая социальная стоимость»—результат не производства, а обращения, и поскольку она результат производства, постольку от нее отвязаться несравненно более трудно. Понятно, что она сильно поражает потребителя. Это бесспорно. Но ведь рента, в том числе и дифференциальная, это прибавочная стоимость, и неправильно ссылаться на потребителя при объяснении происхождения прибавочной стоимости (и части ее). Потребитель—это тот, который р е а л и з у е т прибавочную стоимость, а вовсе не тот, который создает ее. Возьмем предметы роскоши. Стоимость их реализуется разными крупными капиталистами. Но это не значит, что тот фабрикант, который производит эти предметы роскоши, живет за счет других фабрикантов, которые эти предметы роскоши покупают. На самом деле прибыль этого фабриканта создается не фабрикантами, которые эти вещи покупают, а рабочими, которые работают на этой фабрике предметов роскоши и которые создают прибавочную стоимость для фабриканта, занятого изготовлением этих предметов роскоши. Фабриканты других отраслей производства только помогают реализации этой, не ими созданной прибавочной стоимости. Так и здесь. «Обманчивая социальная стоимость» безусловно доказывает, что дифференциальная рента поражает общество как потребителя, но это нисколько не относится к вопросу о том, где она образуется: в индустрии или в земледелии.

Из всего же сказанного раньше ясно, что прибавочная стоимость, являющаяся источником дифференциальной ренты, так же как и прибавочная стоимость, являющаяся источником абсолютной ренты, и так же как прибавочная стоимость, являющаяся источником прибыли арендатора образуются в земледелии, а реализуются покупателями хлеба, частью стоимости которого является вся сумма прибавочной стоимости, разлагающаяся на эти свои разновидности.

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ

Я. Берзстыс (Ленинград). Я постараюсь формулировать те основные положения, которыей, по моему мнению, являются спорными. Я буду останавливаться по преимуществу на докладе т. Лурье.

Тов. Лурье в начале своего сообщения заявил, что он будет исходить из правильного понимания теории стоимости с тем, чтобы перейти к правильному изложению теории земельной ренты, чтобы ошибочные толкования земельной ренты свести к ошибочному пониманию закона стоимости.

Но мне кажется, что сам докладчик как раз попал в лагерь тех, которые, исходя из неправильного понимания теории стоимости, приходят к неправильному толкованию теории земельной ренты.

Прежде всего я буду возражать против заявления т. Лурье о том, что мы у Маркса имеем два особых варианта в теории земельной ренты. один из которых излагается во втором томе «Теории прибавочной стоимости», а второй изложен в третьем томе «Капитала». Я считаю, что такое заявление ни на чем не основано. В «Теориях прибавочной стоимости», Маркс, критикуя меркантилистов, физиократов, классиков политэкономии и пр., выработал уже основные положения своей теоретической системы. Эти основные положения теоретической системы Маркса находят окончательное изложение в «Капитале». И поэтому говорить о том, что мы имеем дело с двумя вариантами теории земельной ренты у Маркса—равносильно утверждению, что у Маркса существует противоречие в изложении земельной ренты между изложением ее в «Теориях прибавочной стоимости» и третьем томе «Капитала». Я считаю, что это утверждение приводит к лагерю тех, кто находит противоречия между «Теориями прибавочной стоимости» и третьим томом «Капитала» Маркса.

Тов. Лурье заявил, что он имеет в виду исходить из абстрактного анализа теории земельной ренты. Но в последующем своем изложении он отошел с этого правильного пути, утверждая, что регулирующая рыночная цена продуктов сельского хозяйства может определяться не только худшими, но и лучшими условиями производства. Если исходить из абстрактного анализа теории земельной ренты, то нужно предположить, что капиталистический способ производства господствует в

сельском хозяйстве. Маркс писал: «Мы исходим из того предположения, что земледелие точно так же, как и мануфактура, подчинено капиталистическим способам производства, т. е., что сельское хозяйство ведется капиталистами». А если сельское хозяйство целиком подчинено капиталу, то мы должны при абстрактном анализе исходить из предположения, что капиталист получает среднюю норму прибыли, что заработная плата рабочих совпадает со стоимостью рабочей силы и что земельная рента следовательно должна будет составлять добавочную прибыль. Исходя из этих предположений, ни в коем случае нельзя утверждать, что в капиталистическом сельском хозяйстве регулирующая рыночная цена продуктов сельского хозяйства может определяться не только худшими, но и лучшими условиями производства. Это не совместимо с теорией дифференциальной ренты Маркса, изложенной в разделе 6 III тома «Капитала» и несовместимо с тем, что писал Ленин о дифференциальной ренте в т. IX его Собраний сочинений.

Но пойдем дальше. Тов. Лурье противопоставляет рыночную или общественную стоимость индивидуальной стоимости продукта. Это по-моему является ошибочным положением. Маркс не различал т а к индивидуальную стоимость и рыночную стоимость, как различает т. Лурье.

Маркс определяет стоимость индивидуального товара как устанавливаемую не индивидуальными условиями производства, а слиянием общественного и индивидуального рабочего времени, средним общественно-необходимым рабочим временем. Так что в этом вопросе т. Лурье неправильно толкует Маркса. Из этого неправильного толкования вытекает и последующая ошибка т. Лурье, когда он заявляет, что сумма индивидуальных стоимостей меньше рыночной стоимости земледельческого продукта, определяемой худшей землей, и что дифференциальная рента является разницей между индивидуальной стоимостью продуктов сельского хозяйства и рыночной или общественной стоимостью. Между тем по этому вопросу Маркс пишет:

«Относительно дифференциальной ренты следует вообще заметить, что рыночная стоимость всегда повышает общую цену производства данной массы продуктов». [1]. Как видите, Маркс здесь говорит не о сумме индивидуальных стоимостей, а о сумме цен производства. И дифференциальная рента, по Марксу, является разницей между регулирующей рынок ценой производства продуктов сельского хозяйства и индивидуальной ценой производства на лучших землях.

Исходя из этого неправильного положения, дальше т. Лурье приходит к выводу, что дифференциальная рента не может образоваться в земледелии, а должна перекачиваться в земледелие из промышленности. Это неправильное положение непосредственно вытекает из его толкования разницы между индивидуальной и общественной стоимостью

[1] «Капитал», т. III, ч. 2, с. 200.

продукта. Можно задать т. Лурье вопрос: если диференциальная рента есть разница между рыночной стоимостью и суммой индивидуальных стоимостей, то откуда же возникает абсолютная рента? Тогда вы абсолютную ренту никак не можете объяснить, ибо она по Марксу является разницей между стоимостью и регулирующей ценой производства с.-х. продукта. Определять отсюда абсолютную ренту как «избыток индивидуальной стоимости над индивидуальной ценой производства»—ошибочно.

Наконец докладчик утверждает, что в земледелии «рыночная стоимость перестает быть адекватным выражением произведенной в данной отрасли (действительной) стоимости» (с. 96). Я считаю, что в этом отношении никакого различия не существует между сельским хозяйством и промышленностью. И в последней рыночная стоимость в определенный момент в определенных условиях может определяться также худшими условиями производства. Так что здесь принципиальной разницы между сельским хозяйством и другими отраслями производства не имеется. Разница только в том, что в земледелии в силу ограниченности земли эта определяющая роль закрепляется за худшими землями. Теперь перейду к вопросу об абсолютной ренте. Тов. Лурье и т. Любимов в своих тезисах и докладах утверждают, что я якобы отрицаю существование абсолютной ренты как в современном капиталистическом сельском хозяйстве, так и в теории. Такого рода утверждение абсолютно ни на чем не основано. К таким нелепым выводам не пришли бы докладчики, если бы они потрудились в своей критике исходить из моей установки, из того, как я ставлю проблему абсолютной ренты. Надо было исходить из того, что я абсолютную ренту рассматриваю не в одной, а в двух формах. В этой моей постановке абсолютная рента II и есть та рента, которую докладчики называют монопольной рентой. Надо было критиковать по линии неправильности этой установки, этого разграничения.

Тов. Лурье заявляет, что моя установка не укладывается в рамки закона стоимости, что она «связана с идеалистическим отрицанием стоимости». По правде сказать, я не мог понять, что этим хотел сказать тов. Лурье. Ведь достаточно напомнить, что Маркс в ч. 2 III тома, в гл. L специально трактует вопрос в плоскости того, возможно ли возникновение абсолютной ренты II или монопольной, монопольной прибыли и т. д. на основе закона стоимости. И Маркс приходит к тому выводу, что возможно. Следовательно с этой стороны моя трактовка второй формы абсолютной ренты является правильной. Говорить о том, что эта трактовка не укладывается в закон стоимости, это равносильно утверждению, что у Маркса монопольная рента противоречит его закону стоимости.

Я рассматриваю абсолютную ренту в двух формах: собственно абсолютную ренту и абсолютную ренту вторую. Но как в той, так

и в другой форме она является порождением, выражением монополии земельной собственности. Различия между ними начинаются там, где кончается анализ причин и начинается анализ условий их возникновения, различных условий, в которых проявляется действие монополии земельной собственности. Когда органическое строение капитала в земледелии ниже среднего общественного строения капитала, тогда мы имеем дело с собственной абсолютной рентой, возникающей в земледелии, своим источником имеющей прибавочную стоимость, созданную земледельческим трудом. Когда же строение земледельческого капитала выравнивается или поднимается выше среднего органического строения общественного капитала, в этом случае мы имеем уже абсолютную ренту II, представляющую излишек рыночной цены над стоимостью с.-х. продукта, который создается в промышленности.

Превращение собственно абсолютной ренты во вторую ее форму обусловливается изменениями в структуре капитализма, благодаря которым становится возможным повышение рыночной цены над стоимостью с.-х. продуктов. Такое превращение независимо от масштаба последнего совместимо с общеизвестным положением, что капитализм не может изживать диспропорцию между промышленностью и сельским хозяйством и вот почему. Маркс в III томе «Капитала», трактуя проблему абсолютной ренты говорит следующее относительно органического состава капитала:

«Рассматривая образование нормы прибыли, мы прежде всего видели, что капиталы, которые в технологическом отношении составлены одинаково, т. е. в сравнении с количеством машин и сырого материала приводят в движение одинаковое количество труда, могут тем не менее оказаться составленными различно вследствие того, что постоянные части этих капиталов имеют различную стоимость». И наоборот. «Следовательно капиталы одинакового органического состава могут иметь различный состав по стоимости, и капиталы одинакового в процентах состава по стоимости могут занимать различные ступени органического состава, а потому служить выражением различных ступеней развития общественной производительной силы труда. Итак одно то обстоятельство, что по составу стоимости земледельческий капитал находился бы на общем уровне, еще не доказывало бы того, что общественная производительная сила труда достигла у него того же общего уровня» [1].

Из этого места достаточно ясно видно, что Маркс допускает возможность повышения органического состава капитала до уровня выше среднего строения общественного капитала при наличии все же диспропорции между производительными силами промышленности и сельского хозяйства. Маркс допускает возможность повышения органического состава капитала по стоимости при отставании органического

[1] «Капитал», т. III 301—302.

состава капитала технологически. Следовательно один факт повышения органического строения капитала еще не всегда свидетельствует о том, что производительные силы труда в данной отрасли поднялись на средний общественный уровень.

Практически в том или ином масштабе это возможно только на стадии монополистического капитализма. Поэтому абсолютная рента II, поскольку она вообще имеет место на практике, является характерной для монополистической стадии капитализма,—только здесь, при подчинении сельского хозяйства финансовому капиталу, создаются необходимые для ее образования условия.

Следовательно вторая форма абсолютной ренты может возникать без того, чтобы производительные силы сельского хозяйства поднялись до уровня производительных сил промышленности. Скажу больше: она возникает как раз на основе роста этой диспропорции. Именно рост этой диспропорции на стадии монополистического капитализма свидетельствует о том, что абсолютная рента II есть специфическая форма эксплоатации деревни городом под руководством финансового капитала. Что же касается моего утверждения, что абсолютная рента может существовать в условиях советских, то признаю свою ошибку, в свое время допущенную мною в этом вопросе.

Б. Раскин (Москва). Я не являюсь специалистом-аграрником. Теория земельной ренты меня главным образом интересует с точки зрения увязки ее с общей теорией системы капитализма. Когда я начал читать третий том «Капитала», я здесь встретился с такими положениями, которые тогда у меня не увязывались с представлением об основных положениях Маркса. И должен сказать, что сколько раз я после этого ни перечитывал все эти места, сколько раз я пи читал те статьи, которые по этому вопросу у нас изданы, все-таки у меня к сожалению не создалась такая концепция теории ренты, которая не противоречила бы отдельным местам, отдельным положениям, иногда таким, на которые Маркс очень существенно напирает. Поэтому я считаю необходимым здесь, где собрались наиболее авторитетные товарищи, разбирающие эти вопросы, разрешить недоумения, которые у меня имеются. Должен сказать, что у меня таких недоумений имеется довольно много и по различным видам рент, которые мы находим у Маркса.

Основное недоумение—вопрос об абсолютной ренте, кое-что имеется по вопросу о диференциальной ренте вообще (причем я считаю, что здесь положения, которые противоречат имеющейся у меня концепции, очень редко встречаются у Маркса) и довольно много у меня недоумений по диференциальной ренте № 2. За недостатком времени я остановлюсь только на вопросе об абсолютной ренте и сразу возьму быка за рога.

Представление, которое у меня сейчас имеется, не опровергается теми статьями, которые имеются по этому вопросу,—так, по-моему, вопрос об органическом составе капитала для концепции абсолютной ренты не имеет значения. Я начну прежде всего с возражения, которое здесь имеется. Прежде всего начинают ставить вопрос об историчности. Если вы считаете, что органический состав капитала не имеет значения, значит вопрос об абсолютной ренте этим сводится только к монополии земельной собственности, а следовательно, так как земельная собственность существовала и раньше, то абсолютную ренту превращают в категорию не историческую и указывают сразу на Богданова. Должен сказать, что я действительно считаю абсолютную ренту рентой, связанной с монополией. Я здесь не совсем понял Любимова, который доказывал все время, что монополии никакой нет. Я думаю, что даже те, кто не встречает никаких недоумений, читая Маркса, с этим не согласятся. Я думаю, что все согласятся с делением всех видов ренты на такие, которые связаны с монопольной ценой, и на такие, которые с монопольной ценой не связаны. К первому виду относятся вид простой монопольной ренты и рента абсолютная, она конечно относится к ренте, связанной с монопольной ценой. Но отсюда конечно не следует, что она обращается в неисторическую категорию. На прошлых докладах достаточно высказывались о том, что капиталистическая земельная собственность вовсе не земельная собственность, которую мы имели до капитализма. С другой стороны, земельная собственность, которая превращается в ренту и порождает ее, встречаясь с категорией средней прибыли, категорией цены производства и т. д. конечно не может порождать категорию абсолютной ренты, которая не является исторической.

Некоторые товарищи полагают, что высказанное мною является богдановщиной. Они просто хватаются за то, что Богданов отрицал значение органического состава капитала, но не разбираются в сущности этой самой богдановщины. Я думаю, что скорее всего именно те, которые напирают на значение органического состава капитала, именно они в значительной степени могут исходить из положений, которые вытекают из этой самой богдановщины, из механической, а не диалектической концепции.

Г. Гордеев (Москва). Я полагаю, что т. Лурье начал с очень плохой манеры. Он начал с указания на то, что у Маркса имеются разные варианты в толковании земельной ренты, а отсюда следует, что Лурье превзошел Маркса и дал свой набросок схемы, объясняющей источник диференциальной ренты.

Я полагаю, что всякое построение, которое основывается на предположении, что у Маркса разные варианты и т. д., ставится на неверный, на скользкий путь. Поэтому надо отрицательно отнестись к методу опорочивания теории ренты Маркса. Я полагаю, что если

у Маркса есть неясности, они объясняются не схемой Маркса, а неясностью нашей головы, недостаточной проработкой этого вопроса.

Начну с абсолютного, решительного отрицания того, что источник диференциальной ренты коренится не в земледелии, а в промышленности, что следовательно диференциальная земельная рента берется из промышленности. Если бы товарищи хоть немножечко припомнили рикардовскую схему, то представили бы ясно, что Рикардо целиком и полностью стоял на этой позиции.

Следовательно, если вы хотите по-рикардиански объяснять, что источник земельной ренты кроется в промышленности, а не в земледелии, то вы будете правы. Но если вы хотите стать на почву, на систему взглядов, установленных Марксом, то такое объяснение будет абсолютно неправильным и немарксистским.

Лурье рассуждал таким образом: в земледелии худший участок регулирует цену товара. После этого следовало бы сказать, что средне общественно-необходимое время определяется худшим участком, а следовательно диференциальная рента является результатом притягивания некоторой доли из фонда прибавочной стоимости промышленности. Но даже, если принять такую установку, какую дал т. Лурье, то все же она будет нелогична, потому что тогда придется объяснить как взятую из фонда промышленности не всю диференциальную ренту, а только часть ее. Этой частью будет та доля, которая является частью ниже средних общественных условий вследствие регулирования худшим участком. Следовательно у т. Лурье, если мы примем его схему, с его точки зрения имеется противоречие, имеется несогласованность. Я уже не говорю о том, что он не увязал свой доклад. Он обещал нам анализировать абстрактную схему, а потом часто сбивался на конкретное объяснение, на конкретные примеры и иллюстрации, которые с абстрактной схемой были не увязаны, ей противоречили. Получилось странное впечатление.

Обратим внимание на рыночную стоимость, Маркс ее называет общественной стоимостью данной отрасли. Между рыночной и индивидуальной стоимостью возможна разница. «Разницу между рыночной и индивидуальной стоимостью я называю,—писал Маркс,—диференциальной стоимостью» [1]. «Этот излишек рыночной стоимости для всего продукта (особого) класса над индивидуальной стоимостью его продукта, излишек, обусловленный относительно большим плодородием земли или относительно большим богатством рудника, образует диференциальную ренту, так как цена производства для капитала не изменилась. Эта диференциальная рента может быть больше или меньше,

[1] «Теории прибавочной ценности», т. II, ч 2, с. 31.

соответственно величине излишка рыночной стоимости над индивидуальной стоимостью...» [1].

Относя рыночную и индивидуальную стоимость к сельскому хозяйству, как к одной отрасли, мы получим диференциальную ренту как разницу между этими стоимостями безотносительно к другим сферам производства. Повышение и понижение диференциальной ренты зависит от повышения и понижения разницы, расхождения индивидуальной и рыночной стоимости.

Лурье же относит рыночную стоимость только ко всему народному хозяйству, а индивидуальную—лишь к сельскому хозяйству и получает возможности вывести то, что ему хочется для подтверждения своей схемы.

В самом деле, если стать на точку зрения т. Лурье, то действительно у нас получается всегда превышение рыночной стоимости над индивидуальной стоимостью, и таким образом теория стоимости Маркса не увязывается.

Получается неэквивалентный обмен между отраслями хозяйства, а если обмен неэквивалентен, то следовательно кто-то кого-то обманывает, обсчитывает. Поскольку это лежит в природе капиталистического общества, этот обман возводится в норму, узаконяется экономической теорией.

Приписывание Марксу подобных рассуждений необычайно смело. Сам Маркс не только не дал повода для этого, но решительно протестовал против допущения неэквивалентного обмена. Возражая Рикардо, Маркс писал: «Ничего не оставалось бы, кроме предположения, что они всегда продаются выше своей ценности, что однако предполагает также, что все другие продукты продаются ниже своей ценности или что ценность вообще представляет нечто совершенно отличное от того, что мы необходимо понимаем (под этим названием) в теории»... Ценность товара следовательно не определялась бы количеством заключенного в нем труда. Вся основа экономической науки была бы таким образом разрушена» [2].

Лурье взял на себя неблагодарную задачу исправить Маркса. Трудновато, вернее невозможно это проделать без отказа от марксизма.

Товарищи, если бы у меня времени было не 10, а 40 минут, то конечно перелистав «Прибавочные стоимости» и III том «Капитала», я нашел бы множество цитат, подтверждающих осуждение неэквивалентности обмена. Лурье ссылается на следующую цитату из III тома «Капитала»: «Чем больше капитала затрачивается на землю, чем высшего развития достигли в стране земледелие и цивилизация вообще, тем выше поднимаются ренты с акра, равно как и общая сумма рент, тем колоссальнее становится налог, который выплачивается

[1] „Теории прибавочной ценности", т. II, ч. 2, с. 31.
[2] „Теории", т. II, с. 10.

обществом крупным землевладельцам в виде добавочной прибыли» [1] (подчеркнуто мной—*Г. Г.*).

Эта цитата никакого отношения к спору, который был здесь поднят, не имеет. Ведь нужно быть наивным, чтобы привлекать эту цитату в подтверждение своих позиций. Вопрос заключается в том, что землевладельцы в капиталистическом обществе выкачивают из общественного организма прибавочную стоимость, ничего не давая этому обществу взамен. Рента повышает цены; поэтому рента есть действительно налог. Но значит ли это, что она получается не из земледельческой прибавочной стоимости, из фонда промышленной прибавочной стоимости? Ни одна цитата на это не дает никакого намека. Наоборот, Маркс всегда указывает, что разница между рентой и сверхприбылью заключается только в том, что земельная рента застывает, затвердевает у крупных землевладельцев, в то время как прибыль текуча. Эту цитату все помнят.

Вот как Маркс разъясняет суть проблемы об источнике диференциальной ренты: «Если товары отдельной сферы производства дают, кроме этой средней нормы прибыли, еще второе количество прибавочной стоимости, носящей особое название, положим, земельную ренту, то прибыль плюс земельная рента, т. е. сумма прибыли и земельной ренты, не должна быть больше содержащейся в самом товаре прибавочной стоимости. Так как прибыль может быть меньше имманентной товару прибавочной стоимости или количества неоплаченного труда, содержащегося в товаре, то прибыль плюс земельная рента не должны быть больше имманентной прибавочной ценности товара» [2] (подчеркнуто мной—*Г. Г.*).

Земельная рента получается из прибавочной стоимости товара, из неоплаченного труда, затраченного на производство товара, а отнюдь не привлекается этим товаром или иным способом из других сфер.

Но дальше Маркс еще очевиднее ставит вопрос следующим образом: «Капитал, вложенный в худшую землю, отличается от капитала, вложенного в индустрию, лишь способом приложения; это лишь способ приложения капитала. Здесь следовательно проявляется общезначимость закона стоимости. Диференциальная рента на лучшей земле—и это тогда является единственной рентой—есть не что иное, как сверхприбыль, получаемая вследствие того, что в каждой сфере производства существует одна рыночная стоимость; капиталы, работающие при условиях, которые лучше средних, дают эту сверхприбыль; только в земледелии последняя финансируется; благодаря естественной основе ее и благодаря тому, что представителем этой естественной основы является землевладелец, она попа-

[1] „Капитал" т. III, ч. 2, с. 255, изд. 1908 г.
[2] „Теории" т. II, ч. 1, с. 140; см. также с. 138

дает в карман не капиталиста, а землевладельца» [1] (подчеркнуто мной—*Г. Г.*).

Дальше говорится, что «индустрия и земледелие различаются между собой лишь тем, что в индустрии сверхприбыли попадают в карманы самого капиталиста, а в земледелии—в карман землевладельца» [2].

Тов. Лурье все свои сомнения строит в связи с источником дифференциальной ренты. Другие товарищи, спорят уже только об источнике лишь части дифференциальной ренты. Никто не спорит об источнике абсолютной земельной ренты. Она действительно «есть просто часть земледельческой прибавочной стоимости, превращение этой прибавочной стоимости в ренту, уловление ее земельным собственником совершенно так же как (подчеркнуто мной—*Г. Г.*), дифференциальная рента, возникает из превращения добавичной прибыли в ренту...» [3]. Когда Маркс ставил «совершенно так же», то он как бы предвидел возможные вывихи в мозгах у отдельных товарищей.

Все ошибки, как мне кажется, происходят из-за преувеличения роли регулирующего участка. Разбирая регулирование цены в случаях, не осложненных рентой, Маркс допускает, вопреки Шторху и Рикардо, регулирование худшими, средними и лучшими условиями. Регулирование худшими условиями нисколько не изменяет природы существа стоимости, вернее, ее только подтверждает. Особенность земледелия заключается в том, что худший участок, как правило регулирует производством. Но всегда ли он регулирует? Конечно не всегда. Простая констатация наличия кризиса показывает, что худший участок надолго уступает свою роль лучшему, иногда среднему. В ряде периодов с худшим участком считались вообще слабо, им пренебрегали, так как развитие хозяйства заставило регулировать воспроизводство не худшим участком.

Раз регулирование худшего участка никакого изменения в стоимости не вносит, то отсюда и вся проблема источника дифференциальной ренты у т. Лурье получила неправильное направление. Надо было бы уяснить проблему «регулирующего худшего участка» в первую голову.

Когда же Маркс берет за основу регулирование худшим участком, он получает такой излишек стоимости, который никак не укладывается в схему стоимости т. Лурье. А схема стоимости у т. Лурье требует прояснения, так как он стоимость товара определяет то частным, то общественным трудом. Определяя стоимость конкретным трудом, Лурье действительно впадает в непроходимые противоречия. Фермер № 1 работал 100 дней и получил 500 единиц товара. Фермер № 2 за те же 100 дней получил при таких же издержках производства 750. Продав по рублю за единицу, первый получил 500 рублей, второй—750. За

[1] „Теории" II, ч. 2, с. 10.
[2] Там же, с. 9.
[3] „Капитал", т. III, ч. 2, с. 293.

что второму платится 250 руб. лишних? Но такое рассуждение есть «ползание на брюхе по поверхности явлений». «Ибо стоимость товара определенной сферы производства определяется не количеством труда, затраченного на единичный товар, а количеством труда, вложенного в тот товар, который произведен при средних условиях этой сферы» [1]:

Очевидно т. Лурье и это обстоятельство нужно помнить. Всякие отклонения от среднего, а в земледелии от худшего (в отдельные периоды) в сторону лучших условий гарантируют сверхприбыль. Ниже средних и худшего дает сверхприбыль отрицательную—иначе вычет из прибыли.

Следовательно нельзя так неосторожно игнорировать основные установки системы понимания Марксом ренты. Если вы хотите обосновать свои спорные положения как положения Маркса, т. Лурье, надо было бы покрепче их фундировать.

Я мог бы этим закончить свое выступление, если бы тут не было одного недоразумения с монопольной рентой, имевшего место в выступлениях тт. Любимова и Берзтыса.

Я полагаю, что эти товарищи совершенно напрасно отрицают возможность проявления монопольной ренты. Об этом Маркс ясно говорит в III томе «Капитала», в главе об абсолютной ренте.

Кроме того, Маркс специально останавливается на объяснении цен на с.-х. продукты в Англии в отдельные периоды высоких монопольных цен как на следствии монопольного положения землевладельцев. Маркс писал об этих периодах как об ограблении—конечно легализованном—общества.

Следовательно возможно, что в известный момент создается монопольное положение землевладельцев, это монопольное положение предоставляет возможность сверх абсолютной ренты присваивать еще известную часть общественного дохода. Эта надбавка к ренте—монопольная рента—получается из фондов общественного дохода. Тов. Любимов полагает, что о монополии можно говорить, но возможность монопольной ренты исключена. Что же вы думаете, что Маркс писал о монопольной ренте для красного словца, для того, чтобы включить лишнюю категорию в свое объяснение? Такое объяснение марксовской схемы явно неправильно.

Я хочу еще остановиться на одном моменте, который проистекает из ошибочной позиции т. Лурье. Как мы сможем понять и объяснить при его понимании источника земельной ренты ряд своеобразий динамики сельского хозяйства? В самом деле, из-за чего все это своеобразие происходит? У нас ясный ответ—из-за наличия земельной ренты. Земельная собственность, отвлекая капитал из сельского хозяйства, затрудняя приток капитала в сельское хозяйство, тормозит развитие сель-

[1] „Теории", т II, ч. 2, с. 9.

ского хозяйства. Но если земельная рента получается из отраслей промышленности, тогда придется говорить не о своеобразии развития сельского хозяйства, а о своеобразном развитии всего народного хозяйства. И таким образом мы должны будем повидимому стать на ревизионистский путь для того, чтобы объяснить своеобразие развития сельского хозяйства, именно признать значимость его биологических процессов, его технической особенности и прочей ереси.

И. Воропаев (Москва). Спор, который здесь разбирается по вопросу о ренте,—спор не новый. Он является в известном смысле рецидивом в истории экономической мысли, и вот этот рецидив не нашел по-моему отображения, не нашел увязки в докладах ни т. Лурье, ни проф. Любимова.

Доклады, которые мы здесь заслушали, не исчерпывают всего вопроса о ренте; они не затрагивают вопросов, к которым неизбежно эти разногласия должны привести, не затрагивают вопросов рентных отношений в нашей советской действительности, а в этом вопросе столько путаницы, что он несомненно требует своего разрешения здесь.

Необходимо остановиться также на вопросе об общих расхождениях, которые имеются у нас по общетеоретическим вопросам политэкономии и по общим философским вопросам, на расхождениях между механистами и представителями диалектического мышления, между богдановщиной и марксизмом. Разрешать эти вопросы, понятно, нельзя изолированно— это целый, единый фронт, и на этом общем фронте вопрос о ренте должен получить разрешение.

Я довольно подробно формулировал эти вопросы в своих тезисах, которые представил в Аграрный институт. К сожалению я не имею возможности подробно разобрать в прениях эти вопросы, поэтому ограничусь только постановкой их в тезисной форме.

Обсуждаемый вопрос прежде всего находит выражение в следующих внешних расхождениях по вопросу ренты: какие отношения отображает собой рента? Одни утверждают, что рента докапиталистическая бражает собой рента? Одни утверждают, что рента докапиталистическая категория [1], другие утверждают, что рента является одновременно выражением и феодального и капиталистического способа производства [2]. С другой стороны, Маркс и Энгельс видят только капиталистические отношения в выражении ренты. Конечно только при наличии трех классов, — рабочий, помещик и капиталист—только переплет их взаимоотношений дает это отображение [3].

По вопросу об источнике ренты сейчас собственно и идет спор. Тов. Лурье этот спор углубил. Если до него шел главным образом вопрос об абсолютной ренте, то теперь т. Лурье перенес его и на диференциаль-

[1] И. М. Финкель, Из доклада в Институте крупного хозяйства.
[2] Розенталь, „Под знаменем марксизма", 1927.
[3] См. „Нищета философии", с. 125, „Анти-Дюринг", с. 225, и др. работы основоположников марксизма.

ную ренту. В трактовке источника я с т. Лурье не согласен и должен привести его же собственный тезис как результат, к чему должен был притти т. Лурье. Ренту он себе представляет как отношение капиталиста-землевладельца и общества как потребителя. Это—в 8-м тезисе. Рабочего тут совершенно нет. Это по-моему совершенно неверное и неуместное толкование цитаты Маркса. Несомненно эту ренту как потребительское понятие, как вытекающее из потребления, нельзя оправдать, она не находит объяснения. Эту ренту можно себе представлять именно так, что в этих отношениях должен принять участие и рабочий. И у Маркса это вполне находит подтверждение. Маркс выводит эти рентные отношения и определяет их, дает объяснение дифференциальной ренты тем, что норма эксплоатации $\frac{m}{c}$ различна на различных участках, которые обрабатываются в сельском хозяйстве. В этом различии находит полное объяснение образование дифференциальной ренты. Я вполне согласен с т. Лурье и считаю, что он совершенно правильно приводил формулировку, утверждающую, что прибавочная стоимость в виде абсолютной ренты создается в производстве. Я только хотел бы это доказательство целиком и полностью перенести и на дифференциальную ренту. Если т. Лурье это сделает, это будет правильно. Если не сделает, он останется вне марксистского понимания образования дифференциальной ренты.

Подхожу к следующему вопросу—о понятии абсолютной и монопольной ренты. Здесь утверждали, что в трактовке т. Берзтыса и у некоторых других авторов развивается точка зрения, отрицающая разницу между абсолютной и монопольной рентой. На самом деле у т. Берзтыса абсолютная рента целиком и полностью подменена монопольной. Поэтому он не видит разницы между абсолютной и монопольной рентой. В опровержение этого взгляда я только напомню формулировку Маркса, где он говорит, что «дифференциальную и абсолютную ренту признает единственно нормальными, входящими в состав стоимости сельскохозяйственных продуктов». Он отличает ее от ненормальной монопольной ренты, «реализуемой как избыток над стоимостью». Товарищи не желают этого понять, поэтому, происходит определенная путаница.

Во втором тезисе я говорю, что эти разногласия по существу не кардинальные. Это выражение всего целого, всех разногласий, которые имеют место. На самом деле разногласия уходят гораздо дальше: они сталкиваются и приводят к разногласиям по общей методологии политэкономии и вообще по философским концепциям. И вопрос ставится так: или марксизм, или богдановщина. Тот спор, который сейчас возник, несомненно имеет корни в прошлом и там находит свое выражение. Если проследить и изучить постановки Богданова, Каутского, то никакого сомнения не остается, что все эти постановки, которые здесь делаются, делались и раньше. На позиции Каутского я не буду

останавливаться, потому что по этому вопросу у меня есть статья в журнале «На аграрном фронте», № 8, 1928; с сожалением должен отметить, что эта статья, которая ставила вопрос о том, что в абсолютной ренте и вообще в теории ренты Каутский стоит на ревизионистской позиции, не нашла ни поддержки, ни возражений. Редакция «На аграрном фронте» по этому вопросу не дала своего мнения. Она мою статью поставила в порядке обсуждения и вслед за моей статьей пустила статью Вольфсона, противоположную, каутскианскую статью, но тоже в порядке обсуждения. Я лично утверждаю, что т. Вольфсон стоит на позиции Богданова, что в его статье полный ревизионизм, полное смешение абсолютной и монопольной ренты. Оригинальность в этом вопросе раньше еще принадлежит Булгакову, который утверждал, что «теория Маркса ничего не прибавляет к теории ренты Рикардо», что «он не может указать во всей системе Маркса более яркого примера немарксизма, как эта теория абсолютной ренты». Эта оригинальность Булгаковым куплена ценой противопоставления I и III томов «Капитала», вернее—отказом от III тома как «представляющего черновые наброски».

Товарищи, противопоставляющие сейчас III том «Капитала» «Теориям прибавочной стоимости», где Маркс с исчерпывающей полнотой разобрал абсолютную и диференциальную ренты в совместном их существовании, объективно становятся на позицию Булгакова. Это противопоставление основано на недоразумении. Маркс в III томе «Капитала» разбирает раздельно—первоначально диференциальную, а потом абсолютную ренту. Если бы он так их не разбирал, они не были бы с такой ясностью поставлены в «Теориях прибавочной стоимости», где он разбирает эти ренты и формулирует их в совместном их сосуществовании. Противоречия между «Теориями прибавочной стоимости» и III томом «Капитала» абсолютно нет, и утверждающие что противоречие становятся на путь ревизионизма.

Тезис 4. Я утверждаю, что «в теоретическом обосновании «новое» течение по сравнению со «старым» мало что добавляет нового в аргументации. Объективно оно является не чем иным, как проявлением «старого» ревизионизма, что наиболее характерно выражено в формулировках Л. Вольфсона, который целиком и полностью стоит на позиции Каутского, примером чего может служить хотя бы определение: «Величина диференциальной ренты на центнер является разницей между общей ценой производства и индивидуальной». «Величина же абсолютной ренты является разницей между рыночной ценой и общей ценой производства» [1]. Совершеннейшая путаница. Марксом дается в «Теориях прибавочной стоимости» следующее определение: «Диференциальная рента равна излишку рыночной ценности над его индивидуальной ценой, абсолютная рента равна излишку индивидуальной цен-

[1] „На аграрном фронте", № 9, 1929.

ности над его собственной ценой производства». Таким образом, товарищи, мы видим, где имеется коренное расхождение, но этого коренного расхождения к сожалению не видят многие, в том числе и т. Берзтыс. Расхождение с Марксом у Вольфсона настолько очевидно, что не вызывает сомнений, да представители нового направления и не скрывают особенно его. Они выискивают «недоговоренности» и «противоречия», как это делал и Булгаков, и у самого Маркса. Так, Л. Вольфсон утверждает, что в «Теориях», в отделе о ренте, Маркс становится на позицию Рикардо (а может быть еще и стоит на ней).

Обратите внимание, товарищи, это тот же прием, который применял Булгаков: что «он становится на позицию Рикардо (а может быть еще и стоит на ней)».

Это утверждает Вольфсон в своей статье, утверждая, что этот вопрос должен быть разрешен специальным исследованием, очищением теории от всех противоречий.

В III же томе «Капитала» Маркс развивает свою теорию ренты, отличающуюся от «очищенной» рикардовской теории. Для оправдания своей позиции Вольфсон вносит совершенно новое утверждение, приписывая авторство абсолютной ренты Рикардо. Это конечно неправильно, у Рикардо абсолютной ренты нет.

Тезис 5. Вопрос о ренте в советских условиях не представляет самостоятельной проблемы, а разногласия по нему являются продолжением общетеоретического спора о ренте. Все многообразие точек зрения по этому вопросу можно свести к двум направлениям: первое признает в советских условиях все виды ренты, открывает даже новый вид—абсолютную 2-ю ренту. Представителем этого течения является т. Берзтыс.

Второе признает только диференциальную ренту. Представитель этого течения—проф. Любимов, который в последнее время как будто отмежевывается от этого течения и тем самым переходит на позицию Преображенского.

Преображенский признает только диференциальную ренту в кулацких хозяйствах и капиталистических предприятиях. Не признают никакой ренты Мирошхин и Слуцкина.

Представленное многообразие только кажущееся. На самом деле мы имеем два основных направления, лишь с различной степенью их выражения.

Теоретическая позиция т. Берзстыса представляет собой развитие идей А. Богданова в советских условиях. Позиция проф. Любимова очень неустойчивая; с одной стороны, он не согласен с богдановщиной, с другой—не отмежевывается от Каутского. Преувеличивая значение естественных условий и монопольного их владения, проф. Любимов хотя и не подменяет монопольной рентой абсолютную, но послед-

ная обоснована только на монополии. Низкий органический состав капитала в земледелии по Любимову выглядит положительным фактом, и на этом основании он доказывает: «Логически и экономически вполне вероятно, что в пределах капиталистического строя будет иметь место обратный случай: более быстрое развитие земледелия, чем индустрии» [1].

По Марксу же земельная собственность—непреодолимое условие, препятствующее развитию земледелия, «рациональное земледелие несовместимо с капитализмом». Формально-шаблонным разрешением вопроса о ренте при национализации является утверждение проф. Любимова, что «с национализацией земли—во всяком случае, если государство ведет разумную земельную политику, не напоминающую пословицы о собаке на сене—абсолютная рента отпадает, а диференциальная остается» [2]. Совершенно не дано объяснения, почему отпадает абсолютная рента и достаточно ли для этого одного акта о национализации. Почему пропадает абсолютная рента. Я утверждаю, что это неправильно и потому, что абсолютная рента уничтожается не от акта о национализации, а от последующего за актом явления, явления перехода капиталов из промышленности в сельское хозяйство и выравнивания нормы прибыли. Только в силу этого может уничтожаться абсолютная рента при буржуазной национализации земли.

Наконец Преображенский претендует на диалектическое разрешение вопроса; он диференциально подходит к хозяйствам, реализующим ренту. Но отождествление ренты с прибавочной стоимостью и недоучет исторических условий возникновения и отмирания ренты лишает возможности диалектически разрешить вопрос, почему и объединяет его с общим течением, «изыскивающим» рентные отношения в пролетарском государстве.

Тт. Мирошхин и Слуцкина противостоят этому течению: они не признают ренты в крестьянском хозяйстве, причем т. Мирошхин делает допущение о ее существовании на концессионных предприятиях.

Тезис 5. Теоретические споры по философии и методологии политэкономии неизбежно приводят к реализации их политическими направлениями.

Разногласия по вопросу о ренте, а в особенности о существовании ее в советских условиях, нашли свою реализацию в платформе троцкистской оппозиции к XV съезду партии. Тезисы оппозиции требуют рентного обложения всех крестьянских хозяйств, за исключением бедняцких и маломощных. Это требование проводится под видом борьбы с подрывом основы национализации земли. Но кто же не знает, что замена прогрессивного подоходного налога налогом на землю есть требование кулацкое, что требования оппозиции не выходят за пре-

[1] „Учение о ренте", с. 352.
[2] Там же, с. 367.

делы буржуазной программы, обоснованной еще Генри Джорджем,— они же включены в программу с.-р., обоснованную Н. Сухановым в его теоретической работе «Земельная рента», аппробированной предисловием В. Чернова.

Тезис 7. Течение, защищающее наличие ренты в советских условиях, допускает две основные теоретические ошибки: 1) оно отождествляет социалистическую национализацию земли с национализацией буржуазной; 2) оно отождествляет прибавочную стоимость с рентой.

И то и другое утверждение противоречит теории Маркса. В условиях господства социалистических форм над капиталистическими, когда рыночные отношения заменяются плановым началом, когда закон стоимости в отношениях не господствует, в отсутствии собственности на землю, рентные отношения не находят места в земледелии.

Различные естественные условия остаются как основание с.-х. производства, определяя различную производительность труда; они способствуют получению прибавочного продукта, но не превращают его в ренту. В капиталистическом секторе сельского хозяйства несомненно создается прибавочная стоимость, но в Советском союзе нет условий превращения прибавочной стоимости в ренту.

Необходимо прекратить беспредметный теоретический спор о ренте в советских условиях. Объектом исследования, заменяющим ренту, должна стать различная производительность труда, прибавочный продукт и факторы, их обусловливающие. В капиталистическом секторе это исследование переносится на прибыль и сверхприбыль, но не на ренту.

Тезис 8. Новая вспышка дискуссии «о спорных вопросах ренты» может послужить оформлению «нового» политического течения. Необходимо эволюционистов и механистов в методологии (политической и с.-х. экономии) осудить и конференцией аграрников-марксистов так же, как они были осуждены по вопросам философии Всесоюзной конференцией марксистско-ленинских научных учреждений в апреле 1929 г.

А. Гуревич (Москва). Я начну с т. Берзстыса. Я считаю, что путаница в вопросе о ренте начинается, собственно говоря, если взять наш период времени, с момента появления книги т. Берзстыса. Теперь Берзстыс говорит, что он отказался от своей старой неправильной точки зрения, но я считаю, что его выступление не носило характера самокритики в таком смысле, чтобы покритиковать самого себя и отказаться от тех положений, которые он приводил.

Я уже не говорю о том, что он настаивает на своей абсолютной ренте второй. Я говорю о другой ошибке, о признании им наличия абсолютной ренты в СССР, от которой он отказался. Мне кажется, что надо отказаться теоретически, т. е. теоретически развернуто доказать неправильность тех положений, которые им раньше защищались, а не просто сказать: каюсь, отказываюсь.

Несмотря на то, что т. Берзтыс отказался от этой точки зрения, нам придется для того, чтобы найти корень тех ошибок, которые имеются сейчас, коснуться его ошибок в земельной ренте. Если взять книжку т. Берзстыса «Теория земельной ренты», которая вышла в 1925 г., то мы найдем там следующее: «Общественное разделение труда между отдельными областями и национальными государствами зашло так далеко, что самостоятельное от остального мира существование отдельного национального хозяйства стало просто немыслимым». Дальше он говорит: «Этот факт как нельзя лучше подтверждается послевоенным кризисом мирового хозяйства. СССР в этом отношении не представляет исключения. Он (т. е. СССР—*А. Г.*) входит лишь как звено, как отдельный член в мировой хозяйственный организм, который попрежнему остается капиталистическим».

И дальше: «Как в пределах национального хозяйства отдельный индивидуальный капитал не в силах оказать решающее воздействие на образование цены производства в своей отрасли, так равно бессилен отдельный национальный капитал изменить порядок образования средних цен на мировом рынке». Дальше он рассуждает так: «СССР является собственником советской земли, рядом с другими собственниками за нашими границами, конкурирующими между собой на мировом рынке...» СССР имеет, мол, слабое влияние на цены, следовательно «мировые хлебные цены уже заключают в себе абсолютную земельную ренту» (с. 142).

Таким образом и СССР преспокойно кладет себе в карман абсолютную ренту. Тов. Берзтысу следовало бы отказаться от этого положения, что СССР является частью единого организма капиталистического хозяйства. Он настаивает на том, что у нас имеется вообще абсолютная рента, и эту ренту он находит не в связи с частной собственностью на землю, а выводит ее из обращения. Он находит, что имеется единая мировая рыночная цена, что СССР имеет всего 8—12% влияния на мировое производство и небольшое влияние на рыночные цены, но ввиду того, что в мировой рыночной цене мы имеем абсолютную ренту, поэтому и наша рыночная цена также имеет абсолютную ренту.

Тов. Берзстысу следовало бы знать, что в данном случае, если говорить о единой мировой рыночной цене, о том, что мы входим как часть «единого мирового капиталистического организма», если там цены регулируются стоимостью и при этом при худших условиях, то надо иметь в виду, что воспроизводство с.-х. продуктов в России происходило при низком органическом составе капитала и рутинном способе земледелия, следовательно при худших условиях с.-х. производства, что Россия является такой страной, какая повидимому должна была бы иметь большое влияние на мировые цены на с.-х. продукты.

Если же мы оказываем слабое влияние на мировые цены, то мы вообще не должны получать стоимости наших с.-х. продуктов. Тов. Берзтыс в данном случае совершенно не различает общественных отношений СССР от общественных отношений в капиталистическом хозяйстве. Механическое сопоставление СССР с другими капиталистическими странами, отождествление СССР с частным собственником на землю в других странах и механическое понимание теории ренты привели т. Берзстыса к утверждению о наличии абсолютной ренты в СССР. Это положение антимарксистское, оно уничтожает всякое значение национализации земли.

Тов. Берзстыс не остается одиноким. Вслед за ним идет т. Шанин. Вот что говорит Шанин в своей статье, напечатанной в журнале «На аграрном фронте» № 9 за 1926 г.: «В докапиталистический период, когда весь прибавочный продукт земледелия представлял ренту, прибыли либо совершенно не было, либо она занимала подчиненное место, ровно такое, какое предоставлялось ей господствующей рентой. Но постепенно прибыль сумела окрепнуть и в узких пределах, отводившихся ей рентой. А при капитализме уже не рента, а она (т. е. прибыль—*А. Г.*) стала господствующей и все определяющей формой прибавочного продукта. На этой стадии прибыль резко отодвинула ренту на задний план, опередив ее как превращенную форму добавочной прибыли» (с. 39).

Одним словом, дело идет о том, что по существу рента двигалась вот каким образом: рента шла своим путем, но вот появилась прибыль, которая занимала сперва подчиненное место, но потом вытеснила ренту и свела ее до такой подчиненной роли. Так механически представляет себе т. Шанин роль ренты. Мы знаем, что рента не есть остаток докапиталистической ренты. Последнюю Маркс отличает от капиталистической земельной ренты. Маркс исключает докапиталистическую земельную ренту из области изучения теоретической экономии, отводя ей место лишь при изучении генезиса ренты. Мы знаем, что капиталистическая рента является совершенно другой категорией и имеет совершенно другое содержание, чем докапиталистическая рента. Мы имеем капиталистическую частную земельную собственность, но она не есть остаток докапиталистических отношений, не «феодальный остаток»; мы имеем новую, преобразованную частную земельную собственность, капиталистическую частную земельную собственность. Поэтому изучаемая нами земельная рента, капиталистическая земельная рента не есть низведенная до остатков от прибыли докапиталистическая рента. Не диалектическое, а чисто механическое понимание Шаниным капиталистической земельной ренты видно еще из того, что он совершенно отождествляет добавочную прибыль с рентой. Он пишет: «Она (т. е. абсолютная рента—*А. Г.*) является добавочной прибылью, которую приносят даже худшие из возделываемых земель» (с. 45)...

«и диференциальная рента и абсолютная являются при капитализме добавочной прибылью» [1].

В то время как Маркс ставит перед собой целую проблему для исследования—«когда, как и при каких обстоятельствах происходит это превращение» [2] (т. е. превращение добавочной прибыли в форму земельной ренты), Шанин сразу решил этот вопрос, механически отождествив одно с другим. Полное отсутствие диалектики в рассуждениях Шанина приводит его к признанию абсолютной ренты в СССР, к игнорированию решающего значения национализации земли в вопросе об абсолютной ренте. Он говорит: «Поскольку в советской экономике имеются налицо предпосылки образования абсолютной ренты, очевидно, возможность существования ее бесспорна» [3].

Вопрос об этом он сводит к ценам. «Достаточно высокие» цены создают условия для осуществления абсолютной ренты.

У Шанина есть целый ряд ошибок. Он признает, что у нас в СССР имеется и диференциальная рента, кроме абсолютной ренты, причем и ту и другую он выводит из рыночных отношений. Он не выводит их из различий в общественных отношениях. Он не понимает ренту как определенное общественное отношение, а понимает ее как чисто количественную разницу. От Шанина идет развитие механического подхода в вопросе о ренте и дальше. Так ставится вопрос о так называемых противоречиях, о противоречиях у Маркса между III томом «Капитала» и «Теориями». В III томе Маркс определяет диференциальную ренту как разницу между общей ценой производства и индивидуальной. А в «Теориях» он определяет диференциальную ренту как разницу между рыночной и индивидуальной стоимостью. Абсолютную ренту он определяет как разницу между индивидуальной стоимостью и индивидуальной ценой производства. Здесь говорят о том, что Маркс, писавший «Теории», был еще молод, что тогда он еще стоял на точке зрения Рикардо, был рикардианцем. А вот когда он стал настоящим марксистом и написал «Капитал», тогда вы имеете другое количественное определение диференциальной ренты и абсолютной ренты, чем раньше.

Не есть ли это воспроизведение в другом виде пресловутого противоречия между I и III томами «Капитала».

Вот механическое понимание подхода Маркса к вопросу о ренте. Вместо того чтобы говорить здесь о двух ступенях абстракции у Маркса, люди механически решают вопрос нахождением противоречия. И прав т. Гордеев, когда говорит, что мы имеем противоречие в наших головах, когда мы путаем Маркса, а не противоречия самого Маркса. Эта механическая концепция служит основой для дальнейшего вы-

[1] „На аграрном фронте“ № 11—12 за 1926 г., с. 19.
[2] „Капитал“, т. III, ч. 2, с. 189.
[3] „На аграрном фронте“ № 1, за 1927 г., с. 35.

ведения, что на равных участках земли мы можем иметь различную абсолютную ренту при одинаковых вложениях капитала; отсюда абсолютная рента зависит от различия производительности труда на разных землях. Если мы имеем большее плодородие земли и в связи с этим большую производительность труда, то мы имеем и большую абсолютную ренту.

Эта неправильная постановка вопроса выходит теперь из сферы научного спора и начинает вбиваться в головы студентов с кафедр учебных заведений как непреложная истина, как стопроцентный марксизм.

Эта механическая концепция приводит к тому, что всякую ренту трактуют как превращенную форму добавочной прибыли. Каким образом они абсолютную ренту связывают с добавочной прибылью? Говорится о трех формах добавочной прибыли и трех формах ренты.

Трактовка такова: имеется три источника добавочной прибыли:

1. Разница между индивидуальной ценой производства и общественной ценой производства.

2. Разница между общественной ценой производства и стоимостью.

3. Разница между ценой и стоимостью.

Этим трем формам добавочной прибыли соответствуют три формы ренты:

1. Диференциальная.
2. Абсолютная
3. Монопольная.

Имеются на трех полочках три формы добавочной прибыли; они механически переносятся на соответствующие три полочки земельной ренты. Этим обосновывают утверждение о различном количестве абсолютной ренты на разных землях.

Утверждающие это не хотят понять, что абсолютная рента есть ценообразующий фактор, она сама собой увеличивает цену товаров, но не есть результат цены и добавочной прибыли. И эту вульгаризацию марксизма мы должны резко осудить.

Н. Смолин (Сев.-Кав. край). С критикой, которую дал т. Лурье построениями Любимова, я в общем согласен. Но критика концепции проф. Любимова не может быть полной без критики концепции Преображенского, Солнцева, Познякова. Несмотря на острый характер дискуссии между Позняковым и Любимовым, несмотря на то, что они дают противоположные определения источника диференциальной ренты, несмотря на все эти разногласия, они по-моему совершенно справедливо упрекали друг друга в рикардианстве. К сожалению они при этом действовали по старой пословице: «В чужом глазу сучок видит, в своем бревна не замечает», т. е. они упрекали друг друга в рикардианстве, не замечая того, что каждый из них является сам рикар-

дианцем. Позиция Познякова и позиция Любимова основаны на одной и той же методологической ошибке: из их концепций следует вывод, что норма ренты может расти и растет без изменений органического состава капитала.

Проф. Любимов утверждает, что абсолютная рента с различных по плодородию участков при равенстве капитала одинакова. Это конечно правильно. Но и это положение надо понимать не совсем по-любимовски. Мы покажем в дальнейшем, что абсолютная рента—категория действенная. Сейчас нам важно указать лишь на то, что, по мнению проф. Любимова, происходит рост нормы диференциальной ренты при той же норме абсолютной ренты, при том же отношении органического состава капитала в земледелии к среднему органическому составу капитала. Следовательно и рост общей нормы ренты (как сумма всей абсолютной и диференциальной ренты, отнесенной ко всему с.-х. капиталу) может происходить, по мнению Любимова, без изменения в отношении органического состава капитала. Общая сумма ренты диференциальной и абсолютной в ее отношении ко всему с.-х. капиталу, т. е. норма ренты, растет при одном лишь усилении диференциации земельных участков. Если удельный вес лучших участков земли увеличивается при том же органическом составе капитала, то возрастает диференциальная рента, а значит растет и вся сумма ренты, и поскольку абсолютная рента не изменяется, растет общая норма ренты.

Тот же вывод делает и проф. Солнцев и Позняков. По концепции Познякова сумма всей диференциальной и абсолютной ренты, отнесенная ко всему с.-х. капиталу, т.-е. норма ренты, может расти независимо от отношений органического состава капитала.

Этот пункт мы считаем центральным. Этот общий вывод, свойственный Любимову и Познякову, характеризует их обоих как рикардианцев и фетишистов в теории ренты.

Движение нормы ренты и есть действие общего закона ренты. Как могло получиться, что и Позняков и Любимов делают одинаковый вывод, одинаково определяют движение ренты. Это могло и должно случиться потому, что оба они по-рикардиански не заметили специфического и потому конечно исторического отношения капиталистического сельского хозяйства к капиталистической промышленности. Диспропорция между сельским хозяйством и промышленностью, свойственная капиталистическому способу производства, выражается в отставании сельского хозяйства от промышленности. Последнее же движение выражается в относительном падении органического состава капитала в земледелии по сравнению с средним органическим составом капитала, хотя абсолютно растет органический состав капитала и в земледелии. Ограниченность земли, будучи основой естественной монополии, при капиталистическом способе производства создает возможность частной

собственности на землю. Действие же последней проявляется как тормоз развития производительных сил в сельском хозяйстве. Движение производительных сил в капиталистическом обществе выражается в движении органического состава капитала. Таким образом специфичность сельского хозяйства неправильно искать в вечных естественных факторах. Эту специфичность надо искать в самом капиталистическом способе производства. Маркс ведь именно с этого указания и начинает теорию ренты: «С нашей точки зрения,—говорит Маркс,—фермер производит пшеницу и т. д., точно так же, как фабрикант пряжу или машины» [1].

Специфичностью капиталистического способа производства в сельском хозяйстве и является сам закон ренты. Закон ренты есть не что иное, как выражение движения органического состава капитала в земледелии. Следовательно закон ренты есть выражение противоречия стоимости и цены производства. Любимов же и Позняков не видят этого противоречия. Они оба согласны принять во внимание органический состав капитала лишь при определении абсолютной ренты. Определение же диференциальной ренты, по их мнению, не зависит ни в какой степени от отношений органического состава капитала. Поэтому им обоим при определении диференциальной ренты приходится итти по пути искажения самого закона стоимости. Им приходится говорить, что стоимость с.-х. продуктов определяется иначе, чем стоимость промышленных товаров. Эта теория своеобразия стоимости у Любимова выражена прямо. У Познякова же, Солнцева, Преображенского и др. она завуалирована. По мнению последних, хотя стоимость и в сельском хозяйстве является выражением только труда, а не производительных сил земли, как у Любимова, тем не менее рыночная стоимость в сельском хозяйстве определяется иначе. Рыночная стоимость по концепции Познякова есть не стоимость, а категория, путешествующая к цене. И вот эта последняя категория у них та же, что и у Любимова. Стоимость определяется в отличие от промышленности затратой труда на худших участках земли. Следовательно рыночная стоимость всех с.-х. продуктов выражает больше, чем на самом деле затрачено труда. Заметим аналогию их с Любимовым. Для последнего стоимость тоже выражает больше, чем весь затраченный труд, а именно она выражает затраченный труд плюс производительность, плодородие земли. Последователи Познякова и Преображенского спасаются от этих физиократических художеств проф. Любимова тем, что вводят дуализм. Стоимость определяется средними условиями, а цена худшими и отрывает рыночную стоимость от стоимости, заставляя ее путешествовать к цене. При этом они ссылаются на известное всем указание Маркса о социально-обманчивой стоимости. Однако—мы смеем

[1] Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, с. 124.

уверить—они не поняли этой ссылки Маркса на социально-обманчивую стоимость. Рыночная стоимость по Марксу есть действительная стоимость, а не социально-обманчивая стоимость. Социально-обманчивая стоимость не определяет рыночной стоимости. Сама социально-обманчивая стоимость вытекает из движения рыночной стоимости и ее противоречия с ценой производства. Социально-обманчивая стоимость есть объективная основа фетишизма ренты и стоимости с.-х. продуктов. Те же, кто считает, что стоимость или рыночная стоимость с.-х. продуктов определяется иначе, чем в промышленности, являются фетишистами. Маркс ведь не говорит, что социально-обманчивая стоимость есть избыток над стоимостью в результате того, что в земледелии стоимость или рыночная стоимость выражает не только труд, но и производительность земли. Наоборот, Маркс в этом месте подчеркивает, что рыночная стоимость с.-х. продуктов определяется так же, как и рыночная стоимость промышленных товаров, затратой труда, а не плодородием почвы, что она может следовательно и здесь выражать только действительно затраченный труд. «Определение рыночной стоимости продуктов, следовательно и земледельческих продуктов (подчеркнуто мной—*Н. К.*), есть общественный акт, хотя акт общественно бессознательный и непреднамеренный, акт, необходимо основанный на меновой стоимости продукта, но не на качестве земли и ее плодородии» [1].

Приходится удивляться, как последователи Познякова, превращая ссылку Маркса на социально-обманчивую стоимость в свое сильнейшее орудие, отстаивая этим иное определение рыночной стоимости с.-х. товаров по сравнению с промышленными товарами, не замечают, что Маркс именно в этом пункте подчеркивает, что рыночная стоимость с.-х. продуктов, так же, как и рыночная стоимость промышленных продуктов, определяется затратой труда, а не качествами земли. Ведь по их концепции следует, что рыночная стоимость при той же сумме всего с.-х. труда и при том же органическом составе капитала будет тем больше, чем больше разница в плодородии всех применяемых участков земли. А Маркс им говорит, что рыночная стоимость с.-х. продуктов основана не на качестве земли и ее плодородии и что так же, как и рыночная стоимость промышленных товаров, она основана на меновой стоимости, являющейся выражением труда, а не земли. Маркс здесь говорит, что социально-обманчивая стоимость есть избыток не над действительной стоимостью с.-х. продуктов, а над их ценой производства. «Относительно диференциальной ренты следует вообще заметить, что рыночная стоимость всегда превышает общую цену производства данной массы продуктов» [2].

---

[1] Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, с. 162.
[2] Там же, с. 161.

Таким образом Маркс говорит о социально-обманчивой стоимости как об избытке рыночной стоимости над ценой производства. Маркс называет это социально-обманчивой стоимостью, потому что капиталистический способ производства характеризуется действием закона цен производства как модифицированным законом стоимости. Это значит, что и цены производства определяются так же, как и рыночная стоимость, условиями средней производительности труда данной сферы производства. Но если при этом данная сфера производства обладает капиталом ниже среднего органического состава капитала, то эта сфера производства имеет излишек стоимости над общей ценой производства товара. Этот излишек стоимости дает возможность реализовать и худшим капиталистическим предприятиям этой сферы среднюю норму прибыли плюс свои индивидуальные издержки производства. Отсюда создается видимость, что цена производства продуктов данной сферы в отличие от прочих отраслей производства определяется издержками производства наименьшей производительности. Естественная ограниченность или естественная монополия земли при этом проявляется в том, что эти худшие предприятия не могут быть заменены одним лучшим предприятием. Дело же превратно представляется так, что эта естественная монополия является основой того, что здесь сама стоимость, или цена производства, определяется затратами труда на худших участках земли. Поэтому-то Маркс этот избыток рыночной стоимости над общей ценой производства назвал социально-обманчивой стоимостью. Он назвал его так потому, что он является реальной объективной основой видимости определения рыночной стоимости продуктов затратой наименьшей производительности труда. Последователи же Познякова и Преображенского потому и являются фетишистами, что видимость приняли за сущность и превратили в социально-обманчивую стоимость из избытка над общей ценой производства в избыток над действительной стоимостью.

Итак ссылку Маркса на социально-обманчивую стоимость они не поняли и вульгаризировали. Так падает сильнейшее оружие Познякова и Преображенского, с которым они отстаивают свою теорию ренты и стоимости с.-х. продуктов.

Конечно Любимов и его последователи не могут разбить это фетишистское оружие Познякова уже потому, что они сами являются еще более грубыми фетишистами, прямо говоря, что вместе с урожаем хлеба растет больший или меньший урожай стоимости.

Я не буду останавливаться на определении абсолютной ренты, данной Позняковым в его первой критической статье, направленной против Любимова. Там он совершает каутскианскую ошибку, от которой отходит во второй своей статье, правда, не прямо, а замаскированно. Во всяком случае надо видеть и второе искажение теории абсолютной ренты, а именно опасность богдановской ошибки. По Богданову, как

вы знаете, абсолютная рента есть просто самая маленькая рента, которую платит худший сорт земли и которая затем присоединяется к дифференциальной ренте на средних и высших землях. Это ошибка Богданова, свойственная и Любимову и Познякову, благополучно ликвидировавшему свою каутскианскую ошибку в теории абсолютной земельной ренты. Я думаю, что ошибки Каутского и Богданова, хотя и противоположны, все же однородны методологически. Богданов совершенно разрывает связь дифференциальной и абсолютной ренты и затем механически их складывает. Каутский же фактически отождествляет абсолютную ренту с дифференциальной.

Я считаю, что действительное отношение дифференциальной и абсолютной ренты есть их диалектическое противоречие. Это диалектическое противоречие есть выражение перехода индивидуальной стоимости в рыночную стоимость и второго перехода в цену производства.

Противоречие индивидуальной и рыночной стоимости есть диалектика самой стоимости, ее расщепление как выражение диалектики труда, выражение противоречия двойственного характера труда.

Почему Маркс говорил, что индивидуальная стоимость есть действительная стоимость? Потому что действительной стоимостью должна быть рыночная стоимость. Эклектик здесь неизбежно запутается и будет кричать о вопиющих противоречиях Маркса, не понимая, как возможно, что индивидуальная стоимость потому и является действительной стоимостью, что таковой является рыночная стоимость. Я бы сформулировал это так: индивидуальная стоимость есть действительная стоимость (выражаясь по-гегелевски) не для себя, но для продуктов, имеющих данную индивидуальную стоимость. Для них действительной стоимостью является общественная или рыночная стоимость. Но потому, что рыночная стоимость есть действительная стоимость, поэтому индивидуальная стоимость должна быть действительной стоимостью, так как то, что для худших предприятий составляет отрицательную дифференциальную стоимость в отношении их индивидуальной стоимости к рыночной стоимости, то для лучших предприятий составляет положительную дифференциальную ценность. Таким образом действительной, т. е. рыночной стоимости, не может быть больше, чем в сумме всех индивидуальных стоимостей, и потому индивидуальная стоимость есть действительная стоимость. Это противоречие, т. е. что является действительной стоимостью—индивидуальная стоимость или рыночная стоимость; это противоречие есть выражение того противоречия, что труд, образующий стоимость, не имеет отношения к индивидуальности труда и в то же время, говорит Маркс, труд более высокой производительной силы действует как труд умноженный и создает в равные промежутки времени стоимость большей величины. Но он создает стоимость большей величины только потому, что труд ниже средней производительности в этой сфере создает стоимость меньшей величины, чем средний

труд в этой сфере производства. Но средний труд есть переход индивидуального труда. Поэтому рыночная стоимость, являющаяся выражением среднего труда, хотя и не совпадает с индивидуальной стоимостью каждого отдельного предприятия, тем не менее, не может быть больше суммы всех индивидуальных стоимостей.

Дело же превратно представляется так, что социально-обманчивая стоимость есть избыток рыночной стоимости над суммой индивидуальных стоимостей. Фетишистское представление делает отсюда заключение, что рыночная стоимость с.-х. продуктов определяется индивидуальной стоимостью на худшем участке земли. Отсюда для фетишистов остаются только два пути. Или сказать, что на лучшем участке земли растет и большая стоимость потому, что здесь плодородный участок, или сказать, что лучшие участки земли по их концепции и участки со средней производительностью труда имеют своим источником промышленную прибавочную стоимость. Фетишисты: Преображенский, Солнцев, Позняков с победным видом издеваются над фетишистом проф. Любимовым и не замечают, что их ссылки на социально-обманчивую стоимость, которую они считают своим сильнейшим оружием, разоблачают их самих именно как фетишистов. И для Любимова и для Познякова, как мы уже указывали, норма ренты, т. е. отношение всей суммы диференциальной и абсолютной ренты, может расти без изменения в отношении органического состава капитала. По их мнению, норма ренты растет от одного лишь изменения удельного веса различных земель. Это и есть точка зрения Рикардо, который знал только одну зависимость и потому говорил, что с углублением диференциации земель растет норма диференциации ренты, а, следовательно и всей ренты, поскольку он знал только одну диференциальную ренту. Для Познякова и Любимова при этом также растет норма всей ренты, поскольку абсолютная рента, говорят они, остается та же самая, а диференциальная рента растет. Но это и есть самая суть рикардианства, которую критиковал Маркс. «Рикардо смешивает правильное положение, что в этом случае сумма ренты при определенной высоте спроса может падать, т. е., что сумма ренты зависит от того, уменьшается ли сумма переменного капитала, или же последняя остается неизменной, или же она увеличивается,—с совершенно ошибочным положением, что норма ренты должна падать, что при наших предпосылках невозможно, так как предполагается, что не произошло никакого изменения, которое влияет на отношение между ценностью и ценой производства, единственное отношение, определяющее норму ренты» [1].

Скажут, что это относится к норме абсолютной ренты. Ничего подобного, здесь говорится о норме ренты как об отношении всей

[1] Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. 2, с. 18.

суммы дифференциальной и абсолютной ренты ко всему с.-х. капиталу. Что именно об этом говорит Маркс, видно из того, что Маркс здесь исследует влияние изменения дифференциации земель или изменения нормы дифференциальной ренты на норму всей ренты. Именно при дифференциации земель. «Во всех этих случаях не происходит изменения нормы ренты», так как не происходит изменения в органическом строении примененного капитала, как бы ни изменилась его величина [1].

Это значит, что хотя норма дифференциальной ренты и может расти при дифференциации земель, но общая норма ренты может расти лишь при изменении в органическом составе капитала. А это значит, что при одном и том же органическом составе капитала рост нормы дифференциальной ренты есть падение нормы абсолютной ренты. Это значит, что дифференциальная и абсолютная ренты есть категории двойственные. Это значит, что абсолютная рента, получаемая данным участком, будет больше или меньше в зависимости от отношения индивидуальной стоимости продуктов данного предприятия к средней общественной стоимости. Это значит, что хотя абсолютная рента как разница между индивидуальной стоимостью и индивидуальной ценой производства и равна для всех участков, но действительная абсолютная рента не равна для участков различного плодородия. Я считаю, что, по Марксу, участки со средней производительностью труда дают полную абсолютную ренту, участки с низшей производительностью труда не дают всей своей индивидуальной абсолютной ренты. Но вместе с тем их индивидуальная абсолютная рента—весьма реальная и действительная категория, так как известная ее часть и является источником дифференциальной ренты, которую в собственном смысле слова получают лишь лучшие участки.

Фетишисты же представляют дело так, что рента, получаемая худшими участками, и есть вся абсолютная рента, которую в той же мере получают и средние и лучшие участки, и в то же время дифференциальную ренту получают не только лучшие участки, но и участки, на которых индивидуальная стоимость совпадает со средней рыночной стоимостью. Это фетишизм.

Абсолютная рента для Маркса есть не что иное, как избыток индивидуальной стоимости над индивидуальной ценой производства. Но действительной стоимостью, говорит Маркс, является рыночная стоимость и может оказаться, что избыток индивидуальной стоимости над индивидуальной ценой производства частично парализуется вычитыванием избытков индивидуальной стоимости над рыночной стоимостью. Так, индивидуальная стоимость на худших участках земли может оказаться выше рыночной стоимости, и тогда этот избыток индивидуальной стоимости над рыночной стоимостью вычитывается из индивидуальной и абсолютной ренты. При этом получается действительно абсолютная

[1] Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. 2, с. 18.

рента этого участка земли. Индивидуальная абсолютная рента совпадает с действительной рентой только для предприятий средней производительности труда и выше средней. При таком условии диференциальную ренту получают только предприятия с производительностью труда выше средней. Производительность труда на худших участках земель может приближаться к средней производительности труда, когда последние составляют значительное большинство из всех обрабатываемых земель. Но они никогда не могут достигнуть полного совпадения своей производительности труда, так как, кроме них, еще есть лучшие предприятия. Поэтому они никогда не дадут всей своей индивидуальной абсолютной ренты. Индивидуальная абсолютная рента совпадает с действительной абсолютной рентой только для предприятий средней производительности труда. Предприятия же высшей производительности труда получат, кроме полной абсолютной ренты, еще и диференциальную ренту, которая является отрицательной диференциальной ценностью для худших предприятий, т. е. они получат диференциальную ренту, которая является вычетом из индивидуальной абсолютной ренты, которая является разницей между индивидуальной и абсолютной рентой для предприятий с ниже средней производительностью труда.

Таким образом источником диференциальной ренты не является перекачка из промышленности и не является непосредственное плодородие земли, как утверждает проф. Любимов. Источником диференциальной ренты является прибавочная стоимость, заключенная в с.-х. продуктах. Источником диференциальной ренты является перераспределение с.-х. прибавочной стоимости, вернее, перераспределение избытка с.-х. прибавочной стоимости над средней нормой прибыли. Это перераспределение является действием закона рыночной стоимости в его противоречии с ценой производства.

Следовательно диференциальная рента непосредственно зависит от диференциации плодородия. Но в конечном счете диференциальная рента находится во взаимодействии с абсолютной рентой и как сумма диференциальной и абсолютной ренты зависит от количества примененного капитала и его органического состояния. И, с другой стороны, абсолютная рента непосредственно зависит лишь от отношений органического состава капитала, но действительная абсолютная рента каждого данного участка может быть больше или меньше в зависимости от его относительного плодородия.

У Маркса дан такой пример. Если сокращается диференциация земли и происходит нивелировка различных земель, но остается тот же органический состав капитала и частная собственность на землю, то от этого общая сумма ренты, взятая в ее отношении ко всему с.-х. капиталу, т. е. общая норма ренты, не падает. Но то, что прежде образовывало диференциальную ренту для лучших участков, теперь увеличивает абсолютную ренту для бывших худших участков,

так как их индивидуальная стоимость ближе совпадает с рыночной стоимостью и поэтому меньше вычитывается из их избытка индивидуальной стоимости над индивидуальной ценой производства, т. е. меньше отрицательная дифференциальная ценность, которая вычитается из их индивидуальной абсолютной ренты. Прежде избыток индивидуальной стоимости над индивидуальной ценой производства худших участков в большей степени поглощался отрицательной дифференциальной ценностью. Теперь при нивелированных участках этот избыток не поглощается, потому что индивидуальная стоимость каждого участка приближается к рыночной стоимости. Совершенно ясно, что эта причина тем самым сократит дифференциальную ренту, так как уменьшается ее источник—отрицательная дифференциальная ценность на бывших худших участках земель,—это значит, что действительная абсолютная рента зависит не только от органического состава капитала, но и от дифференциации плодородия. Худший участок земли не будет давать вовсе никакой абсолютной ренты, если разница между его индивидуальной стоимостью и индивидуальной ценой производства не превышает его отрицательной дифференциальной ценности, как разница индивидуальной стоимости и рыночной стоимости его продуктов. Если же разница его индивидуальной и рыночной стоимости, а последняя определяется не абсолютным его плодородием, а относительным плодородием в отношении к средним и лучшим участкам, меньше разницы между индивидуальной и рыночной стоимостью, то этот участок дает часть своей индивидуальной абсолютной ренты как действительную абсолютную ренту. Если же нет никакой разницы между индивидуальной и рыночной стоимостью, то этот участок, являющийся участком средней производительности труда, дает полную абсолютную ренту. Но это же положение означает, что если бы происходило сокращение разницы между стоимостью и ценой производства с.-х. продуктов, то это сокращало бы источник не только абсолютной, но и дифференциальной ренты, а это значит, что дифференциальную и абсолютную ренту как форму двух видов сверхприбыли неправильно ни отождествлять, ни разрывать. Они могли бы быть разорваны лишь в случае равенства органического состава капитала в земледелии с промышленностью, но тогда уничтожилась бы абсолютная рента, и вместе с тем изменилась бы и дифференциальная рента. Последняя имела бы источником не избыточную с.-х. прибавочную стоимость, а так же, как и соответственная промышленная сверхприбыль, была бы вычетом из средней прибыли худших предприятий. Естественно, что это отразилось бы на движении производительных сил в сельском хозяйстве так, чтобы эта дифференциальная рента не могла прочно фиксироваться. Уничтожение частной собственности на землю, при неизменном органическом составе капитала, уничтожает абсолютную ренту, но еще не уничтожает источника дифференциальной ренты как избытка стоимости над ценой производства с.-х. продуктов.

Уничтожение частной собственности на землю, уничтожая абсолютную ренту, не уничтожает диалектики двух видов сверхприбыли, потому что последняя есть выражение противоречия стоимости цены производства. Противоречие и переходы этих двух видов сверхприбыли могут уничтожиться лишь при совпадении стоимости с ценой производства. Но капитализму свойственно именно увеличение этой разницы для с.-х. продуктов.

Итак, повторяем, что по Марксу закон ренты как движение общей нормы ренты есть выражение диспропорции между капиталистическим сельским хозяйством и капиталистической промышленностью. Для фетишистов Любимова и Познякова закон ренты есть выражение естественного плодородия почвы. Для Маркса же изменение в удельном весе различных участков земель при неизменном способе производства изменит норму ренты лишь в том случае, если это изменение удельного веса различных участков земель изменит органический состав капитала. Это может произойти следующим образом: например изменение удельного веса различных участков земли путем увеличения удельного веса лучших участков земли приводит к тому, что при той же общей затрате труда производится большее количество данного вида с.-х. продуктов. Итак, затрачивая тот же капитал, имея тот же органический состав капитала, но при повышении производительности труда, производится большее количество продуктов. Совершенно ясно, что это приведет к уменьшению стоимости единицы продукта, хотя общая сумма стоимости и не изменится. Последняя бы изменилась лишь в том случае, если бы уменьшилось вообще все количество затраченного труда на производство данного продукта. Понятно, это падение стоимости единицы продуктов воздействует на падение стоимости рабочей силы. Следовательно при том же строении капитала, при том же способе производства происходит изменение отношения переменного капитала к стоимости постоянного капитала на основе сокращения стоимости рабочей силы.

Следовательно при том же способе производства происходит изменение в органическом составе капитала. Падение стоимости рабочей силы увеличит разницу между стоимостью и ценой производства с.-х. товаров. А это и будет означать увеличение общей нормы ренты. Следовательно норма ренты может возрасти при том же техническом строении капитала, но при изменении его стоимостного строения. Но и это изменение нормы ренты является не непосредственным выражением диференциации плодородия, а выражением изменения органического состава капитала. Итак норма ренты по Марксу связана с нормой прибыли, но у Познякова, Преображенского, Солнцева эта связь поставлена на голову. Для них рост нормы ренты приводит к падению нормы прибыли, так как они считают источником диференциальной ренты промышленную прибыль. Это определение надо поставить с

головы на ноги. А именно—норма ренты растет потому, что с.-х. норма прибыли, т. е. отношение всей с.-х. прибавочной стоимости ко всему с.-х. капиталу падает медленнее, чем средняя норма прибыли. Рост нормы ренты есть эмпирический факт. Падение нормы прибыли есть закон, открытый Марксом. Фетишисты могут объяснить рост нормы ренты лишь углублением диференциации плодородия. Но очевидно, что это натянутое объяснение. Нельзя установить этот рост, так как наряду с ростом диференциации происходит и нивелировка земель. Рост нормы ренты является ростом социально обманчивой стоимости, являющейся выражением падения средней нормы прибыли и ростом диспропорции между капиталистическим городом и капиталистической деревней.

П. Ульянов (Москва). Товарищ Лурье очень правильно сделал, когда поставил вопрос относительно рыночной стоимости и индивидуальной, их сходства и различия и их взаимоотношения, потому что неясность в этом вопросе приводит к очень и очень большим ошибкам, и именно этим обстоятельством объясняются те ошибки тт. Берзтыса, Любимова, Гордеева и целого ряда других, которые общи всем в силу общности основных решающих пунктов и которые наиболее последовательно развил т. Вольфсон в статье, помещенной в № 9 журнала «На аграрном фронте» за 1928 г.

Позиции докладчика во всех основных вопросах были правильные, хотя у него и были отдельные неверные формулировки и некоторые неверные положения; поэтому я буду выступать не против позиции докладчика, а против целого ряда его оппонентов, которые в противоположность докладчику стоят на неправильной позиции.

В самом деле, возьмите утверждение т. Берзтыса о том, что нельзя различать с точки зрения марксовой теории индивидуальную стоимость и рыночную стоимость. Он несколько раз повторял эту фразу в течение своей речи. Но достаточно открыть «Теории прибавочной стоимости» и внимательно прочесть отдел о ренте, как каждому станет ясно, что Маркс различал индивидуальную и рыночную стоимость. Но различал по отношению к чему? По отношению к единичному продукту или массе продуктов данного предприятия? Если мы возьмем рыночную стоимость, как она образуется на базе конкуренции, в области промышленности, то увидим, что в отношении к данной отрасли производства, производящей один и тот же вид и род товаров, сумма индивидуальных стоимостей товаров будет равна сумме их рыночной стоимости. Здесь разницы между рыночной стоимостью и индивидуальной стоимостью в отношении к массе товара данной отрасли нет, но имеется разница между индивидуальной и рыночной стоимостью по отношению к отдельным единицам товара. Так как эти единицы произведены при разных условиях производительности труда, то стоимость этих индивидуальных

единиц будет различна, хотя они и будут иметь одну общую рыночную стоимость, или просто стоимость (соответствующая часть рыночной стоимости, которая падает на единицу товара, и будет стоимостью).

Когда Маркс в первом томе «Капитала» говорит о стоимости, которая определяется общественно-необходимым трудом при средних условиях, то он говорит об идеальной средней. Когда мы обращаемся к более конкретному анализу, то видим, что она (идеальная средняя) выступает как рыночная стоимость и соответствующая часть этой рыночной стоимости, падающая на единицу товара—как стоимость. Таким образом рыночная стоимость совпадает с индивидуальной стоимостью по отношению ко всей массе продукции данной отрасли, но не совпадает по отношению к единице продукта, поскольку он произведен в различных индивидуальных условиях.

Названные мной товарищи этого не различают, они говорят, что у Маркса нет никакой разницы между рыночной и индивидуальной стоимостью. А я утверждаю, что эта разница есть, и каждый, кто читал внимательно Маркса, скажет, что по отношению к продукту, произведенному при различных условиях производительности труда, эта разница имеется. То же и в земледелии. Мы имеем различную производительность труда на различных участках земли, обусловленную различным плодородием, и мы должны по отношению к этим продуктам различать рыночную и индивидуальную стоимость.

Я хочу коснуться одного положения, сугубо ошибочного, которое вытекает из этого смешения. Л. Любимов, Берзтыс и другие считают, что на лучших участках земли должна быть произведена большая стоимость по сравнению с худшими, несмотря на то, что они равны по площади и что в них вложены равные капиталы. Мы считаем, что если на производство продукции затрачено равное количество труда, то должна быть произведена и равная стоимость. Нет, говорят нам, при прочих равных условиях, на лучшей земле будет произведена не равная, а бо́льшая стоимость. Но ведь мы знаем, что стоимость определяется трудом—спрашивается, как же могут равные количества труда произвести неравную стоимость. В ответ на это нам говорят: это происходит потому, что стоимость определяется общественно-необходимым трудом, а общественно-необходимый труд в земледелии—это тот труд, который затрачивается на единицу продукции на участке земли. Но от этого не легче: все равно, по отношению к лучшему участку земли оказывается, что равное количество труда произвело больше стоимости. Тов. Любимов объясняет это обстоятельство тем, что произведено большее количество продуктов. Но спрашивается, почему произведено большее количество продуктов. Потому что данная земля плодороднее, и труд в силу этого плодородия здесь производительнее. Итак мы естественное плодородие и обусловленную этим есте-

ственным плодородием большую производительность труда вынуждены выдвинуть в качестве творца, созидателя дополнительной стоимости на этих участках земли.

Маркс четко и ясно указывает на то, что природа, обусловливающая большую производительность труда на более плодородном участке земли, не выступает в качестве момента, создающего новую дополнительную стоимость, но лишь приводит к тому, что индивидуальная стоимость продукта, произведенного на худшей земле, будет в силу ее меньшей производительности больше индивидуальной стоимости единицы продукта лучшей земли. Мы здесь имеем разницу, определяемую различной производительностью этих земель. Маркс говорит, что закон стоимости, проявляющийся по отношению ко всей массе продуктов, на основе конкуренции, приводит к тому, что эта конкуренция создает обманчивую социальную стоимость. Нужно отдать себе отчет в том, что это за обманчивая социальная стоимость. Законы проявления стоимости одинаковы как в промышленных отраслях производства, так и в сельскохозяйственных. Но дело в том, что эти законы, проявляясь на основе конкуренции и посредством конкуренции, приводят к тому, что эта последняя создает в области земледелия обманчивую социальную стоимость в том смысле, что эта стоимость фактически не создана здесь в земледелии и следовательно не является результатом труда, примененного к земледелию. Оппоненты т. Лурье утверждают обратное, т. е. что эта стоимость создана в земледелии. Но если бы она была создана земледельческим трудом, то было бы бессмысленным говорить об обманчивой социальной стоимости и стало бы невозможным какое-бы то ни было объяснение этой обманчивой социальной стоимости, которую создает конкуренция, поскольку при посредстве последней проявляется закон рыночной стоимости также и в области сельского хозяйства. Стоя на той позиции, что на лучших участках земли, при прочих равных условиях, производится большая по величине стоимость,—вы не объясните этой социальной обманчивой стоимости. А мы ее объясняем тем, что она не производится трудом, затраченным в земледелии. Здесь имеет место производство меньшей стоимости по сравнению с рыночной стоимостью. Это и есть та разница, которую Маркс называет обманчивой социальной стоимостью. Она составляет диференциальную ренту.

Затем оппоненты обрушились на докладчика за то, что он будто бы находит противоречие между «Теориями» и «Капиталом». Оппоненты же—Берзтыс, Любимов, Гордеев и др.—категорически это отрицают. Но у меня создалось такое впечатление, что товарищи-оппоненты, на словах категорически отрицая наличие противоречия между «Теориями» и «Капиталом», фактически молчаливо исходят или только из концепции «Капитала», или только из «Теорий», не будучи в состоянии связать их между собой. Докладчик сделал оговорку такого порядка,

что Маркс дает два различных варианта изложения теории ренты. Один вариант мы имеем в «Теориях», другой—в «Капитале». В «Теориях» Маркс исследует главным образом абсолютную ренту, касаясь вскользь дифференциальной ренты, это—во-первых, а во-вторых, он исследует обе формы ренты в их сосуществовании, не отдельно друг от друга, а в том виде, как они совместно существуют. Но центр тяжести там лежит в абсолютной ренте. Почему? Вы великолепно знаете, что в «Теориях» у Маркса центром тяжести является критика Рикардо. Рикардо отрицает абсолютную ренту. Маркс признает ее. Поэтому в «Теориях» центр тяжести у Маркса лежит в исследовании абсолютной ренты. Он исследует последнюю, исходя из задачи критики теории Рикардо, и поэтому-то он исследует обе ренты в их сосуществовании, хотя дифференциальной ренте и уделяет сравнительно незначительное место. Иначе обстоит дело с теорией дифференциальной ренты в «Капитале». Здесь Маркс исследует ее, совершенно оставляя в стороне абсолютную ренту. Напрасно думают, что,оставляя в стороне абсолютную ренту при исследовании дифференциальной, не придется дать иного определения дифференциальной ренты. Но это определение дифференциальной ренты изменится, если включить в анализ дифференциальной ренты и абсолютную ренту. Значит ли это, что исследование дифференциальной ренты отдельно от абсолютной ренты и абсолютной ренты отдельно от дифференциальной нарушает закон дифференциальной ренты? Нет, не значит. А вот наши оппоненты не могут этого понять. И Любимов и т. Берзтыс говорят: дифференциальная рента есть только разница между индивидуальной и общей ценой производства. Хорошо, дорогие товарищи, а вот в «Теориях» Маркс говорит, что дифференциальная рента есть разница между индивидуальной стоимостью и рыночной стоимостью. Вы говорите: боже сохрани, никакого различия между «Капиталом» и «Теориями» в изложении теории ренты нет. Признать это различие—значит признать противоречие. Но вы-то как раз не в состоянии объяснить эту разницу и поэтому вынуждены просто отрицать противоречие, молчаливо его предполагая, в то время как у нас в действительности никакого противоречия не получается, ибо различные определения, которые даны дифференциальной ренте в «Теориях» и в «Капитале», объясняются различным способом изложения этой теории ренты. Во-первых, исследование ведется совместное, во-вторых—разделенное, и это безусловно нужно учесть.

Вольфсон более последователен, чем те товарищи, которые выступали здесь. Вольфсон определенно заявляет, что абсолютная рента зависит от плодородия, что от плодородия не зависит только величина абсолютной ренты на единицу продукта, но абсолютная рента на участках земли различного плодородия не равна и следовательно зависит от плодородия. Вольфсон утверждает это, да иначе и нельзя, если стоять на тех позициях, что на лучших землях производится большая

стоимость и следовательно если не принимать во внимание различия между индивидуальной стоимостью и рыночной стоимостью по отношению к продукции, произведенной на различных по плодородию участках. А оппоненты наши так и делают.

Тов. Воропаев, в частности, договорился до того (это конечно вытекало логически из той позиции, что на лучшей земле производится большая стоимость), что на лучшей земле производится большая прибавочная стоимость. Это утверждение есть только усугубление первой ошибки, или, вернее, не усугубление, а подчеркивание ошибки. Ошибка становится еще более выпуклой. Несмотря на то, что органический состав капитала одинаков как на худших, так и на лучших участках земли, несмотря на то, что количество труда затрачено одинаковое, на лучших участках производится однако большая прибавочная стоимость. Это утверждение только делает еще заметнее ту ошибку, которую сделали товарищи.

Я не имею возможности дальше останавливаться на целом ряде вопросов и просто их оставляю. Тов. Гордеев сделал целый ряд тех же ошибок, что и товарищи Берзтыс и Воропаев. Мне думается, что критика оппонентов т. Лурье должна итти по линии методологического порядка. То различие в методологических позициях, которое сейчас можно характеризовать как различие между механистами и диалектиками, несомненно проявляется и в области теории ренты.

К сожалению мы до сих пор в этой области не имели широко развернувшейся дискуссии. Я полагаю, что после конференции аграрников-марксистов мы этим делом безусловно займемся. И здесь придется дать бой этой неправильной, с моей точки зрения, позиции именно по линии методологии.

Я склонен думать, что в этом отношении и т. Берзтыс, и Воропаев, и Гордеев, и Любимов, и Вольфсон (который более последователен, чем остальные),—все сползают в методологическом отношении на механистические рельсы, в то время как докладчик Лурье пытается держаться на другой, на диалектической позиции.

Громов (Москва). В своем выступлении я хотел бы остановиться исключительно на вопросе об источниках дифференциальной ренты. Нужно сказать, что в понимании этой проблемы существует довольно большая разноголосица, которая с каждым днем становится все больше и больше. Правда, кое-какие основные линии уже намечаются: одни например считают, что источник дифференциальной ренты находится в сфере земледельческого производства, другие находят его в общественном фонде прибавочной стоимости. Однако в пределах каждой из указанных версий существует по нескольку вариантов обоснования и разрешения этого вопроса. Достаточно указать на то, что первая версия представляется двумя основными и почти прямо противополож-

ными взглядами, вокруг которых вращаются, как спутники вокруг своей планеты, различные дополнительные варианты.

К числу основных концепций указанной первой версии можно причислить «теорию» проф. Любимова, представляющую яркий образчик вульгаризации марксизма, яркий образчик в том смысле, что она, исходя из натуралистического понимания такой категории, как дифференциальная рента, делает огромный скачок назад не только от Маркса к Рикардо, но и от Рикардо к физиократам («цена есть денежное выражение натуральной ренты»—из речи Любимова).

Другая точка зрения, значительно более серьезная по своей теоретической аргументации, чем точка зрения проф. Любимова, считая также, что источник дифференциальной ренты нужно искать в сфере земледелия, аргументирует этот вывод следующим образом: «Так как в земледелии органический состав капитала более низкого строения, чем в индустрии, то следовательно разницу между индивидуальной ценой производства и индивидуальной стоимостью товаров можно «разделить» между абсолютной и дифференциальной рентой. Таким образом и абсолютная и дифференциальная ренты имеют своим непосредственным источником прибавочную стоимость, производимую исключительно в капиталистическом сельском хозяйстве».

Несостоятельность этой концепции с точки зрения основных теоретических положений Маркса станет ясной и очевидной, если принять во внимание, что Маркс исследовал возникновение дифференциальной ренты при том предположении, что разница между индивидуальной ценой производства и индивидуальной стоимостью продуктов капиталистического сельского хозяйства целиком поглощается абсолютной рентой. Тот факт, что абсолютная рента может быть ниже всей величины этой разницы, ничего не меняет в существе вопроса и отнюдь не говорит в пользу этой концепции, ибо в таком случае этот избыток пошел бы в общий процесс уравнения прибылей. Товарищи, стоящие на точке зрения «дележа», забывают исключительно важную роль частной земельной собственности, которая отвлекает прибавочную стоимость, произведенную в земледелии, от общего процесса уравнения, от пропорционального распределения ее между всеми капиталами. Но забывать-то этого никак нельзя, так как исчезновение земельной собственности равносильно уничтожению препятствий, стоящих на пути ко включению в общий процесс уравнения прибылей всей массы прибавочной стоимости, производимой в земледелии.

Но если вся прибавочная стоимость земледельческой сферы включается в общественный фонд, то нелепо говорить о каких-то особых специальных источниках в земледелии. Всякая обратная попытка приводит к положению об известной зависимости процесса образования дифференциальной ренты от частной земельной собственности. Конечно

дифференциальная рента зависит от земельной собственности, но зависимость эта идет не по линии способа ее образования, а по линии общественной формы ее, поскольку всякая рента, дифференциальная и абсолютная, есть овеществленная форма общественных отношений между двумя классами—капиталистами и землевладельцами. Если исчезнет класс земельных собственников, то исчезнет и рента как социальная форма.

Итак, если неправильно искать источник дифференциальной ренты внутри самого земледелия, то где же тогда находится тот резервуар, откуда посредством самих капиталистических законов, без какого-либо активного содействия со своей стороны, класс землевладельцев перекачивает в свои карманы часть прибавочной стоимости. Этот резервуар—общественный фонд прибавочной стоимости. У Маркса мы имеем на этот счет косвенные и прямые указания: «Итак, когда мы говорим здесь о прибыли как достающейся капиталу доли прибавочной стоимости, то мы имеем в виду среднюю прибыль (равна предпринимательскому доходу плюс процент), которая уже сокращена вычетом ренты из всей прибыли (последняя по своей массе тождественна со всей прибавочной стоимостью), т. е. предполагается вычет ренты» [1].

Эта цитата очень ясно показывает, что дифференциальная рента есть вычет из всей прибавочной стоимости и что в процессе пропорционального распределения прибылей поступает не вся масса прибыли (которая тождественна с массой прибавочной стоимости), а сокращенная на сумму ренты масса прибыли. Этот вычет совершается через посредство образования ложной, обманчивой социальной стоимости. В связи с этим я прочитаю одну выдержку из Маркса. Маркс пишет: «Относительно дифференциальной ренты следует вообще заметить, что рыночная стоимость всегда превышает общую цену производства данной массы продуктов... Мы имеем перед собой определение при посредстве рыночной стоимости в том ее виде, как она на базисе капиталистического способа производства проявляется при посредстве конкуренции; эта последняя порождает обманчивую социальную стоимость. Это возникает из закона рыночной стоимости, которому подчинены продукты земледелия. Определение рыночной стоимости продуктов, следовательно и земледельческих продуктов, есть общественный акт, хотя акт общественно бессознательный и непреднамеренный, акт, необходимо основанный на меновой стоимости продуктов, не на качестве земли и различии ее плодородия» [2].

Я в основном разделяю выводы тт. Познякова и Лурье, которые посредством выведения обманчивой социальной стоимости из характера образования рыночной стоимости земледельческих товаров устанавли-

[1] Маркс, т. III, ч. 2, с. 358.
[2] Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, с. 200—201.

вают источники диференциальной ренты. Мне кажется, что именно такое выведение дает возможность с наибольшей ясностью представить себе источники диференциальной ренты, не расходясь с теорией стоимости Маркса.

Кратко говоря, процесс образования «вздутой, разбухшей» (Солнцев) рыночной стоимости совокупной массы продуктов земледелия происходит благодаря тому, что естественные условия ограничивают размах и масштаб проявления законов капиталистической конкуренции, которые, наоборот, с особенной силой развертываются на рынке промышленных товаров. Именно поэтому в сфере промышленного капитализма законы конкуренции имеют возможность уравнивать индивидуальную стоимость в среднюю стоимость, и потому там эта самая средняя стоимость и выступает в форме рыночной стоимости. Отклонение от этого «вверх или вниз» если и бывают, то как мимолетные, временные явления.

В земледелии, как я уже говорил, ограничение этого закона конкуренции совершается естественными условиями, которые вносят в закон образования рыночной стоимости некоторые отклонения в том смысле, что индивидуальная цена производства товара, произведенного капиталом на худшей земле, начинает регулировать цену производства товара, который производится на лучшей и средней земле. Таким образом совокупная масса стоимости всегда превышает «имманентную» стоимость всех товаров земледелия.

Здесь мы имеем возросшую рыночную стоимость, представляющую собой тот специфический способ проявления закона стоимости, как это имеет место в сфере земледелия. Но спрашивается—является ли она действительной стоимостью. Нет. Это несомненно «разбухшая, вздутая» и потому обманчивая, нереальная стоимость. Почему она неизбежно возникает на базисе капиталистической конкуренции? На этот счет есть специальные указания Маркса. Вот одно из них: «Что осуществляет конкуренция и притом первоначально в отдельных сферах производства, как не это установление одинаковой рыночной стоимости и рыночной цены из различных индивидуальных стоимостей товаров» [1].

Всякий товар, если он обычного качества, выступает на рынке как средний экземпляр своего рода, средний не только в смысле своих физических качеств, но и общественных. Он (товар) теряет свой специфический индивидуальный облик, выступая на рынке как носитель одинакового количества труда по отношению к однородным единицам товара. Тот факт, что в нем может быть заключено больше или меньше труда, ничего не меняет, ибо на рынке он представляет средний общественный труд.

---

[1] „Капитал", т. III, с. 155.

Таким образом в земледелии, где общие естественные условия не позволяют выравнивать индивидуальные стоимости в среднюю и где издержки и условия производства на худшей земле являются регулирующими, там естественно образуется обманчивая социальная стоимость. Однако обманчивая социальная стоимость все же не самый источник диференциальной ренты. Между прочим у т. Лурье в его тезисах сказано следующее: «Источником добавочной прибыли, обращающейся к субстанции диференциальной ренты... является обманчивая социальная стоимость». Это—явная чепуха. Я думаю никто не скажет, что рента, получаемая классом землевладельцев, есть какая-то социальная фикция, какое-то гегелевское «ничто», а не действительная реальная ценность.

Обманчивая социальная стоимость есть та форма, посредством которой происходит вычитание части прибавочной стоимости, идущей в форме ренты в руки землевладельцев, из общественного фонда ее. Здесь кстати проф. Любимов сказал, что нельзя говорить о «перекачке» части прибавочной стоимости из сферы индустрии в земледелие, ибо раз в земледелии капитал более низкого органического состава, то всегда будет иметь место обратное, т. е. прибавочная стоимость, которая производится в сфере земледелия, будет «перекочевывать» в сферу промышленного капитализма. Во-первых, проф. Любимов сам выдумывает эту «перекачку» прибавочной стоимости из индустрии в сферу земледелия, ибо имеется в виду общественный фонд, а не прибавочная стоимость только одной отрасли; во-вторых, проф. Любимов забывает, что Маркс изучает диференциальную ренту в ее чистом виде, считая что разницу между индивидуальной ценой производства и индивидуальной стоимостью целиком поглощает абсолютная рента. Это поглощение происходит благодаря наличию частной земельной собственности, которая отвлекает капитал, отвлекает получаемую в земледелии прибавочную стоимость от общего процесса уравнения прибылей. Проф. Любимов, который отвергает какую-бы то ни было «перекачку», не только не понимает того, что диференциальная рента есть вычет из общественного фонда прибавочной стоимости, но также и того, что и абсолютная рента, т. е. часть прибавочной стоимости, выступающей в форме абсолютной ренты, представляет собой тоже, хотя и косвенно, вычет из общественного фонда прибавочной стоимости. Это может показаться парадоксальным. Но это так. Абсолютная рента есть в той мере вычет из общественного фонда прибавочной стоимости, в коей частная собственность на землю отвлекает часть прибавочной стоимости, произведенной в земледелии, от общего процесса уравнения. Ведь ясно—не будь частной собственности на землю, прибавочная стоимость, произведенная в сфере земледелия, поступила бы в общественный фонд и была бы пропорционально распределена.

В отличие от абсолютной дифференциальная рента представляет собой непосредственный вычет из общественного фонда прибавочной стоимости, но этот вычет совершается в форме фиктивного возрастания стоимости через так называемую «обманчивую социальную стоимость», о которой писал Маркс.

Н. Анисимов. Чтобы дальнейшее было совершенно ясным, я сразу заявляю, что придерживаюсь той точки зрения, что в условиях, когда цена с.-х. продуктов стоит на уровне индивидуальной стоимости наихудшего участка, источником дифференциальной ренты является прибавочная стоимость, получаемая и создаваемая в промышленности, источником же абсолютной ренты в основной ее части является земледельческая прибавочная стоимость, а в некоторой части точно также является прибавочная стоимость, создаваемая в промышленности. Я не собираюсь здесь в своей речи положительно развивать и обосновывать свою точку зрения, а хочу предоставленное мне время посвятить только т. Лурье, позиция которого, как видно, сходится в основном с моей позицией, но различается во второй части, относящейся к абсолютной ренте. Я считаю, что положение, которое защищает т. Лурье, что абсолютная рента по своей величине равна на равные капиталы, выхолащивает социальное содержание абсолютной ренты, выхолащивает ее монопольный характер. Это я и собираюсь доказать.

Условиями образования абсолютной ренты являются: 1) монополия земельной собственности, 2) низкий органический состав капитала в сельском хозяйстве. Чрезвычайно важно уяснить, какова роль этих двух условий. Не будет ошибкой определить роль монопольной земельной собственности как активную роль, создающую самое абсолютную ренту, а роль низкого органического состава капитала—как пассивную роль. Владимир Ильич не зря, когда полемизировал с Масловым, заострил по этой линии свой удар. В. И. пишет [1]: «Абсолютную ренту порождает не низкое строение земледельческого капитала, а монополия частной земельной собственности, мешающей конкуренции выравнивать прибыль с «низкопостроенного» капитала. Отрицать абсолютную ренту—значит отрицать экономическое значение частной собственности на землю».

Тут настолько ярко сказано, что получается впечатление о противопоставлении низкого строения капитала и монополии частной земельной собственности. Но дело конечно не в противопоставлении. Ленинская точка зрения отнюдь не заключается в том, что частная земельная собственность создает эту самую абсолютную ренту, а низкое строение капитала—это такой момент, который не играет никакой

[1] Ленин, т. IX, с. 512.

роли в создании абсолютной ренты. В образовании абсолютной ренты участвует и монополия земельной собственности и низкое строение земледельческого капитала. Однако дело в том, что роль, а не значение этих двух моментов различна. Монополия частной земельной собственности играет в образовании абсолютной ренты активную роль. Именно она (монополия) не позволяет выравниваться той прибыли, которая получается благодаря низкому строению капитала в земледелии. Низкое же строение капитала играет пассивную роль, как бы «давая материал» для земельной собственности. Таким образом именно сила земельной собственности определяет ту сумму или иначе размер той части, создаваемой в земледелии прибавочной стоимости, которая может быть задержана землевладельцами благодаря монополии земельной собственности.

Это обстоятельство, как показывает следующая диаграмма, является чрезвычайно важным для определения абсолютной ренты.

Эта же диаграмма помогает уяснить, что позиция, которую занял т. Лурье, приводит, как я выразился, к выхолащиванию социального содержания абсолютной ренты (см. диагр. на сл. стр.).

На диаграмме изображены три столбика, они означают три земельных участка—А, Б, В с различной производительностью труда. На участке А получается 2 центн. хлеба, на участке Б—3 центн. а на участке В—4 центн.

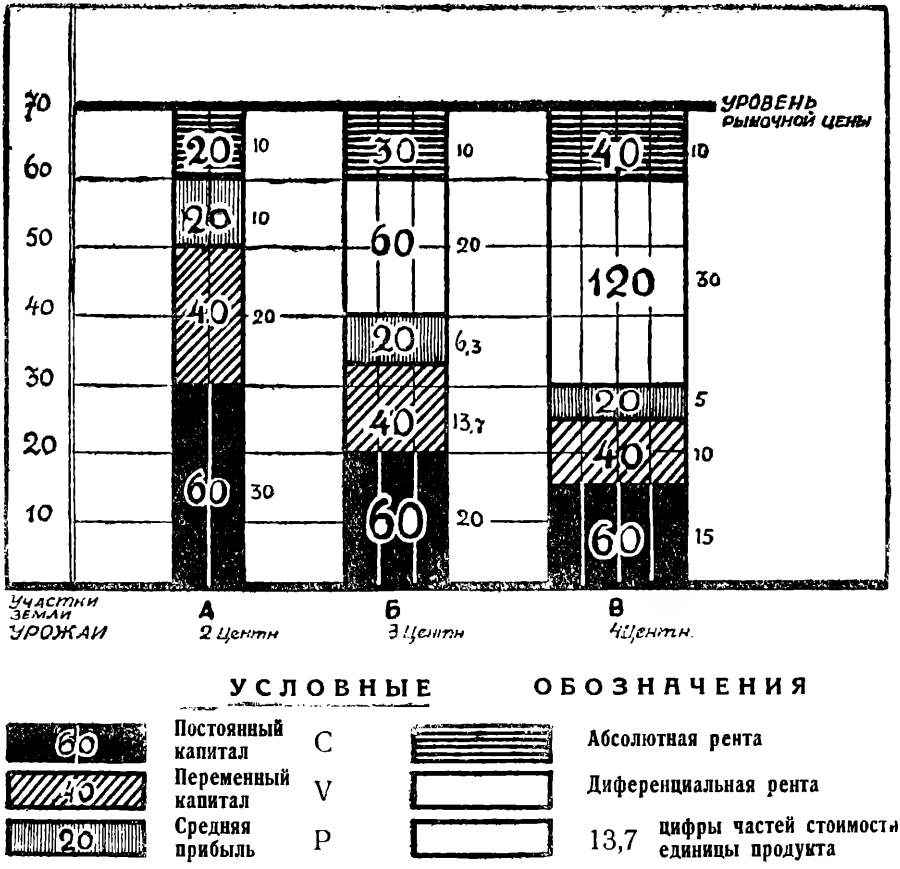
На всех трех участках издержки производства равняются 100 руб., следовательно на все участки вложены равные капиталы. Органическое строение капитала везде равно 60 : 40. Так как производительность труда на участках разная, то издержки производства на один центн. хлеба на разных участках ложатся разно. Если на участке А произведено 2 центн. то на каждый центн. идет на этом участке 20 коп. переменного и 30 коп. постоянного капитала. Там, где произведено три центн., на каждый центн. ложится 13 и 20, там, где четыре—на каждый центн. ложится издержек 10 и 15.

Посмотрим теперь, каким образом образуется диференциальная рента. Допустим такой случай, что цена стоит на уровне цены производства наихудшего участка, а наихудшим участком является участок А. Следовательно, она должна равняться 30 коп. материальных издержек, 20 коп. заработной платы; это равняется 50 коп. плюс десять копеек, если мы допустим 20% средней прибыли. Таким образом, цена должна стоять на уровне 60 коп.

Что же получается? На участке Б и В возникает диференциальная рента. Диференциальная рента на участке Б на центн. равна 20 коп., и 30 коп. на центн. на участке В. На участке Б она равна сумме в 60, а на участке В—120 коп.

Подчеркиваю, что когда мы имеем уровень цены на уровне цены

Правильная концепция абсолютной ренты.



производства наихудшего участка, у нас не существует абсолютной ренты.

Если монополия земельной собственности приводит к тому положению, что наихудший участок не пускается в оборот, а задерживается до тех пор, пока цена не поднимается выше, то на этом участке и соответственно на участке Б и В возникает абсолютная рента. Эта абсолютная рента будет следовательно зависеть от высоты цены, которой может добиться в определенных условиях монополия земельной собственности.

Если мы таким образом посмотрим в целом, что у нас получается, то увидим, что капитал, вложенный на участок А, равняется 100 в том числе переменный капитал равняется 40. Если норма при-

бавочной стоимости равна 100%, то этот капитал должен нам давать прибавочную стоимость, равную 40. Значит 40—переменный капитал и 40—прибавочная стоимость. Точно так же очевидно должно получаться и на всех участках земли. Следовательно я утверждаю, что нельзя объяснить существование диференциальной ренты на участках различной производительности (в этом отношении я вполне согласен с т. Лурье)—различными нормами эксплоатации, различной степенью эксплоатации рабочих, работающих на этих участках. Таким образом мы должны предположить, что тот уровень цены, который получается благодаря повышению цены над ценой производства на худших участках, создает абсолютную ренту на этом участке и на всех других участках. При этом создается настолько большая масса абсолютной ренты, насколько более высок этот уровень цены. Т. е. я выставляю то положение, которое критиковал т. Лурье, а именно, что абсолютная рента равна на единицу продукта. (Ульянов: Следовательно зависит от плодородия?). Я как раз хотел сказать, что т. Ульянов сейчас скажет—«следовательно зависит от плодородия». (Голос с места: И противоречит Марксу). Посмотрим, насколько это противоречит или не противоречит Марксу.

Здесь выступал т. Воропаев и говорил—почему в одном месте Маркса сказано так, а в другом—так. И объяснил,—потому что в «Капитале» говорится оторванно об абсолютной и диференциальной ренте, а в «Теориях прибавочной стоимости» говорится вместе. По-моему, здесь к т. Воропаеву приложима поговорка: «Голь на выдумки хитра». Если вы посмотрите, с чего начинается глава 45 III тома «Капитала»,—«Абсолютная земельная рента», то вы увидите, что Маркс выясняет на протяжении двух страниц, как выводимая им дальше абсолютная рента повлияет на диференциальную ренту, на ее величину. Маркс доказывает, что возникновение абсолютной ренты не меняет законов диференциальной ренты ни в каком смысле.

Как образуется диференциальная рента? Определяя величину диференциальной ренты, Маркс устанавливает, что возникновение абсолютной ренты не изменяет ни в какой мере величину диференциальной. (Голос с места: А изменение цен влияет?). Я говорю, что Маркс устанавливает в этой главе об абсолютной ренте изменение цен в зависимости от монополии земельной собственности и доказывает, что абсолютная рента образует (влияет) на цену, а диференциальная при тех же участках и том же объеме производства от повышения цены не изменяется. Конечно вы меня здесь не должны ловить на слове. Если в оборот пускаются новые участки, тогда она (диференциальная рента) будет меняться.

Я не буду дальше останавливаться на том алгебрическом примере, который здесь (в начале главы об абсолютной ренте в III томе) у Маркса имеется. Все товарищи его знают. Это Р+г. Я не оста-

навливаюсь на том, какой результат получается благодаря повышению цены в силу поступления под обработку худших земельных участков, приводящих к увеличению цены и повышению диференциальной ренты. Я беру случай повышения цены при условии производства на тех же участках. Именно по отношению к этим условиям Маркс говорит:

«Диференциальная рента осталась бы прежняя и регулировалась бы все тем же законом, хотя рента заключала бы теперь в себе элемент, независимый от этого закона, и одновременно с ценой продукта земли вообще повысилась бы. Отсюда следует, что как бы ни обстояло дело с рентой наименее плодородных сортов земли, от этого не только не зависит закон диференциальной ренты, но и более того: единственный способ понять самое диференциальную ренту в соответствии с ее характером заключается в том, что рента класса земли А предполагается равной нулю. Действительно ли она — 0, или < 0 — безразлично, поскольку дело идет о диференциальной ренте, и в самом деле не принимается во внимание»[1] (курсив мой—*А. Н.*).

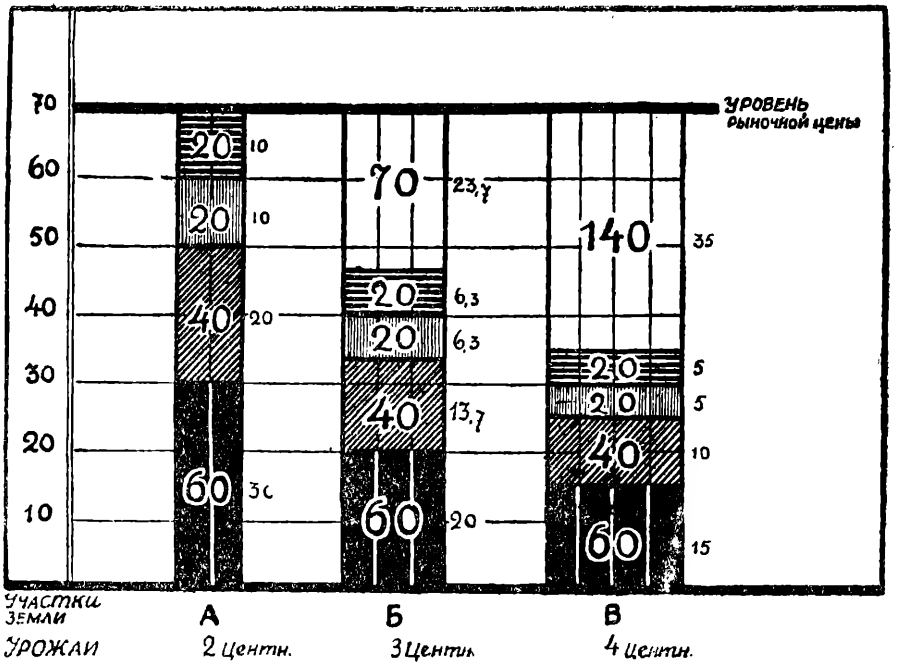
Если мы исходим из той концепции, которую я защищаю, тогда у нас понижение цены (см. диаграмму) с 70, положим до 60 низводит везде абсолютную ренту до нуля, потому что она на единицу продукта везде равна 10. Таким образом в сумме на участках А, Б, В пропадает 20—30—40. Как только цена упала до уровня 60 коп., т. е. совпала с индивидуальной ценой производства наихудшего участка, абсолютная рента исчезает. Именно этот случай Ленин имеет в виду, когда говорит, что «национализация земли дала бы возможность уничтожить эту ренту и понизить на сумму этой ренты цены земледельческих продуктов». Как раз это Владимир Ильич выставляет в пику Маслову [2]. Да и у самого Маркса вы найдете в письмах, что национализация земли дала бы возможность уничтожить ренту и понизить на эту сумму ренты цену земледельческих продуктов.

Теперь перейдем к другой точке зрения (см. д. на сл. с.). На этой диаграмме изображена та концепция, которую, стараясь сочетать две точки зрения, по-моему, противоположные, защищает Лурье. Из его концепции получается, что поскольку на равные капиталы везде должна быть равная прибавочная стоимость, постольку следовательно на равные капиталы везде должна быть равной и абсолютной рента (везде 40). Прибавочная стоимость разделяется на 20—средней прибыли и 20—абсолютной ренты. Поскольку на всех участках капиталы равны (100), то и абсолютная рента на всех участках равна 20. На каждый центн. следовательно получается абсолютной ренты на участке А—10 коп., на участке Б—6,3 коп., на участке В—5 коп. Теперь посмотрим, на какую незначительную, пустяковую роль низводится земельная собственность в обра-

[1] „Капитал", Гиз, 1923, т. III, ч. 2, с. 285.

[2] **Ленин, т. IX, с. 510 (изд. 1-е, „Аграрная программа соц.-демократов русской революции 1905—07 гг.".**

Неправильная концепция абсолютной ренты.



УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

60	Постоянный капитал	C	20	Абсолютная рента
40	Переменный капитал	V		Диференциальная рента
20	Средняя прибыль	P	5	цифры частей стоимости единицы продукта

зовании абсолютной земельной ренты той системой взглядов, которая защищается т. Лурье, в то время как по Марксу и Ленину именно монополия земельной собственности и составляет основное содержание абсолютной ренты.

Предположим, что цена на земледельческие продукты понижается благодаря тому, что земельная собственность не может ее удержать. Как будет изменяться сумма абсолютной ренты? Очевидно будет изменяться настолько, насколько это будет влиять на наихудшие земли, потому что на лучших участках абсолютная рента не затрагивается этим понижением цены. Значит пониженная цена срезывает только ту абсолютную ренту, которая получается на худших участках.

С точки зрения т. Лурье общая сумма абсолютной ренты во всем обществе очевидно будет изменяться только настолько, насколько это срежет абсолютную ренту на наихудшем участке. На всех же остальных возделываемых земельных участках, во всем обществе, т. е. в громадном большинстве случаев, понижение цены, происходящее благодаря уменьшению силы земельной монополии, с его точки зрения абсолютную ренту не снижает. Берем крайний случай. Допустим, что цена упала до уровня цены производства на худшем участке земли. Цена стала 60 коп. Она срезала абсолютную ренту на наихудшем участке земли. Означает ли из концепции, которую защищает т. Лурье, что абсолютная рента совершенно уничтожается? Нет, не означает. Потому что на лучшем участке В затраченный капитал дает прибавочную стоимость 40, которая разделяется на среднюю прибыль и на сверхприбыль, которая здесь получает характер абсолютной ренты. Следовательно, когда у нас идет понижение или повышение цены, у нас по концепции т. Лурье в основном (исключая худший участок) изменяется величина диференциальной ренты, а не величина абсолютной ренты.

Может быть т. Лурье скажет, что в том-то и дело, что когда монополия части земельной собственности уничтожается, сверхприбыль, получаемая на данном земельном участке от эксплоатации рабочих данного участка, не получает уже характера абсолютной ренты, а образует диференциальную ренту в то время, как раньше она образовывала абсолютную ренту. Но это будет лишь условно с его стороны, так как для абсолютной ренты в силу именно ее монопольного характера не только на худших участках, но на всех участках, во всем обществе имеет значение сила монополии земельной собственности, которая может парализоваться различными обстоятельствами.

Монополия частной земельной собственности только как исключение позволяет держать цены на уровне индивидуальной стоимости наихудшего возделываемого участка. Обыкновенно же она может держать цены лишь на уровне между индивидуальной стоимостью наихудшего участка и индивидуальной ценой производства этого участка. При этом величина абсолютной ренты колеблется именно в зависимости от силы монополии земельной собственности, так как только от нее при определенных прочих условиях зависит, какой части сверхприбыли с низко построенного капитала земельная собственность в состоянии не позволить уйти в общий котел капиталистического распределения.

Но это предполагает, что мы должны принять ту точку зрения, которая говорит, что величина абсолютной ренты на всех участках зависит от уровня цены, на котором может держать цену монополия земельной собственности, и наоборот—отвергнуть ту точку зрения, которая приводит к положению, что сила монопольной земельной соб-

ственности в основном (за исключением худших участков) не играет роли при определении величины абсолютной ренты.

Эта вторая точка зрения, защищаемая т. Лурье, неприемлема, потому что она выхолащивает в основном монопольный характер абсолютной ренты.

Я считаю таким образом, что положение, защищаемое т. Лурье, противоречит Марксу. Монопольный характер абсолютной ренты—а его то и подчеркивал т. Ленин в полемике против Маслова—у т. Лурье исчезает. Т. е. тогда, когда монопольная земельная собственность уже не действует как таковая [1], абсолютная рента должна, по т. Лурье, оставаться. Исходя из концепции т. Лурье, абсолютная рента следовательно обусловлена в основном только низким органическим составом капитала. Таким образом, т. Лурье доказывает как раз то, что, исходя конечно совсем из других позиций и соображений, доказывал Маслов и против чего со всей решительностью так резко выступал Ленин.

М. Спектатор (Москва). Тов. Лурье сделал некоторую ошибку в построении своего доклада, начав его с вопроса определения стоимости и т. д. Конечно следует исходить из этих вопросов, но когда мы говорим о капиталистической ренте, то правильнее начать с исходного пункта—с законов рыночной стоимости и цен производства. Если проанализировать проблему рыночной стоимости так, как она представлена в III томе «Капитала», то целый ряд вопросов стал бы немного более ясным.

Когда Маркс определяет рыночную стоимость, он говорит о трех случаях. В основном рыночная стоимость определяется средними производственными расходами плюс средняя норма прибыли. Но бывают случаи, когда рыночная стоимость определяется производственными расходами на худших предприятиях. Этот закон рыночной стоимости по существу у Маркса одинаков как для промышленности, так и для сельского хозяйства.

Теперь представим себе случай, когда рыночная стоимость определяется на худших предприятиях. Получается, что лучшие предприятия получают добавочную прибыль, иначе говоря—сверхприбыль. Откуда же берется эта сверхприбыль? Если мы возьмем всю промышленность в целом, то пришлось бы сказать, что она берется из сельского хозяйства. Это вполне возможно, если преобладающая часть предприятия состоит из худших предприятий [2].

---

1 Это не обязательно предполагает национализацию земли. Подобные случаи могут быть и при монополии земельной собственности, целый ряд из которых указан Марксом.

2 „Если,—говорит Маркс,—стоимость товаров, произведенных при худших условиях, не уравновешивается стоимостью товаров, произведенных при лучших условиях, причем часть общего количества, произведенная при худших условиях, составляет относительно крупную величину как по сравнению с общей массой товаров, так и по сравнению с другой крайностью, тогда ры-

Итак Маркс говорит, что если огромная масса предприятий худшего качества, то она определяет рыночную стоимость. Представьте себе такое положение, что какое-нибудь новое предприятие, технически усовершенствованное, появилось в аграрной стране со слабо развитой промышленностью. Тогда рыночная стоимость определяется худшими предприятиями. Откуда берется добавочная прибыль, которую получает лучшее предприятие. Тов. Ульянов и другие говорили о том, что одинаковый труд создает одинаковую стоимость. Я полагаю, что это прудонизм а не марксизм. Дело в том, что Маркс говорит о качестве труда, о труде более высокого или более низкого удельного веса. Я здесь как раз хотел упомянуть, что когда Маркс сопоставляет труд в развитых странах с трудом в неразвитых, он говорит о том, что этот труд по удельному весу, по своей квалификации гораздо выше не только по интенсивности, но и по производительности. Тот, кто производит в промышленности 10 таких же продуктов, в то время создает большую стоимость, чем тот, кто производит один такой продукт. Откуда берется эта большая стоимость? Неужели же здесь эту большую стоимость создали машины. Когда т. Ульянов говорит, что в земледелии это создано почвой земли, то я спрашиваю: а в промышленности разве машины создают большую стоимость. Мне кажется, что и в лучших предприятиях не машины создают эту большую стоимость.

Следовательно приходится сказать, что нельзя просто сравнивать один труд с другим, а приходится принимать во внимание и производительность его, и в известной мере лучшие участки в сельском хозяйстве играют такую же роль, как и лучшие машины, потому что труд становится более производительным. Тем более, что «лучшие участки»— вовсе не исключительно результат лучшего плодородия, так как и само плодородие результат труда [1].

Труд, применяемый при разных условиях производства, создает неодинаковую стоимость.

Теперь представим себе другой случай, представим, что мы имеем совершенно натуральное хозяйство с отсутствием всякой стоимости, и прибавочный продукт будет различен на разных участках земли. Следовательно при перенесении этих отношений в меновые, в капиталистические отношения, вы получаете или большее количество товара, или большую прибавочную стоимость. Как же она создалась? По мнению некоторых товарищей, она является отражением уже рыночных отношений. На рынке все товары расцениваются одинаково, хотя они созданы различной затратой труда; выходит, что на рынке они получили свою стоимость. Мы не привыкли к такому представлению.

ночная стоимость разрушается товарной массой, произведенной при худших условиях". (т. III, ч. 1, с. 16).

1 „Капитал", т. III, ч. 2, с. 192.

(Голос: Стоимость—рыночная). Рыночная стоимость совершенно в другом смысле понимается Марксом—не в смысле того, что она создается на рынке, в обращении.

Это надо понимать таким образом: «Закон стоимости,—говорит Маркс,—проявляется не по отношению к отдельным товарам или предметам, но каждый раз по отношению ко всей совокупности продуктов отдельных обособившихся благодаря разделению труда сфер производства,—следовательно не только в том, что на каждый отдельный товар употреблено лишь необходимое рабочее время, но и в том, что из всего общественного рабочего времени на различные группы употреблено лишь необходимое пропорциональное количество» [1]. Это значит, что стоимость продукции земледелия определяется не затратами того или другого индивидуального производителя, а всей совокупностью затрат, необходимых для производства определенного (соразмерного с развитием других отраслей народного хозяйства) количества с.-х. продуктов. Если бы существовала «ассоциация», то стоимость с.-х. продуктов определялась средними затратами. В капиталистическом же обществе рыночная стоимость продуктов земледелия определяется затратами на худших участках, что придает всей массе продукции более высокую рыночную стоимость. Она называется Марксом «обманчивой социальной стоимостью» в том смысле, что она создается исключительно социальными условиями производства, специфическим общественным характером, но при данном капиталистическом способе производства все же затратами труда, а не в процессе обмена. Именно в этом смысле мы и говорим, что эта стоимость создается в капиталистическом сельском хозяйстве.

Тут можно провести аналогию с ценой земли, которая, не имея стоимости, все же имеет цену, представляющую капитализированную ренту, отражая специфические условия производства в капиталистическом обществе. Но цена земли является только отражением социально-экономических отношений в обществе; рыночная же стоимость с.-х. продуктов определяется при данных условиях затратами труда, причем эти затраты общественно расцениваются сравнительно выше их настоящей стоимости (которую они имели бы в коллективном хозяйстве).

Затем я бы хотел обратить внимание еще на следующее обстоятельство. Говорить о том, что прибавочная стоимость в сельском хозяйстве получается от промышленности, можно в одном смысле и вот в каком: рост цен на с.-х. продукты приводит к понижению нормы прибыли в промышленности. Вместе с тем он повышает уровень ренты. Падение нормы прибыли означает, что создается такое положение, что вместе с ростом цен на с.-х. продукты падает норма прибыли и

[1] Там же, с. 176.

рента растет не только благодаря росту цен, если переходят к худшим участкам и т. д., но и потому, что падает норма прибыли.

Я хотел бы еще обратить внимание на последний пункт, на вопрос об определении рыночной цены с.-х. продуктов. Тут Шафир выступал с заявлением, что когда определяют производственную цену в сельском хозяйстве высшими производственными расходами, то это—ревизия марксизма, это—грехопадение Гильфердинга и т. д. Между тем все здесь установили, что из этого нужно исходить при анализе ренты. Но я бы не останавливался на том, что говорил Шафир, если бы это положение не защищалось другими товарищами в печати.

«Неправильно утверждение,—пишет т. Гордеев,—что цену хлеба определяют только худшие участки. Маркс указывал, что цены могут определяться то худшим, то лучшим участком в зависимости от состояния спроса и предложения на рынке. В периоды депрессии вообще худший участок перестает быть регулирующим. В периоды быстрого развития с.-х. цены могут иметь регулирующим участком лучший. Поэтому совершенно неправильно утверждение т. Зеринга, что цены тяготеют к наиболее дорогим районам производства» [1]. Тут явное смешение между рыночными колебаниями и законом определения цены производства при определенном равновесии между спросом и предложением. Я думаю, что это—совершенно неверное толкование цены с.-х. продуктов. Если бы я пользовался такими методами полемики, как т. Гордеев, я бы сказал, что это есть ревизия марксизма. Я писал в своей работе «Теория с.-х. кризисов», что развитие сельского хозяйства задерживается рядом моментов — земельной рентой и другими социальными моментами [2]. На с. 122 моей книги я пишу: «Вместе с развитием капиталонакопления в промышленности, сельское хозяйство должно отставать в своем развитии. Отставание сельского хозяйства вследствие естественных и других моментов...». Гордеев увидел в этом упоминании об «естественных моментах» «ревизию марксизма», хотя Маркс, анализируя условия развития сельского хозяйства, много раз говорит об естественных моментах. Ясно кажется, что я под этим подразумевал ограниченность земли, продолжительность времени обращения капитала и т. д. Я думаю, что не напрасно т. Гордеев неопределенно высказался о Шафире. У т. Гордеева есть недооценка «естественных моментов» в сельском хозяйстве, он определяет цену

---

[1] „Плановое хозяйство", № 1 1928, с. 299—300.

[2] **Так, на с. 23 я пишу: дальнейшее приложение капитала в сельском хозяйстве наталкивается в капиталистическом обществе на препятствие в виде земельной ренты. На с. 73 я перечисляю причины медленного развития техники в сельском хозяйстве: частная собственность на землю, раздробленность земли, культурная отсталость землевладельцев, бедность их капиталами, трудность перевозки с.-х. продуктов и т. д.**

с.-х. продуктов производственными расходами на средних или лучших участках именно потому, что он не принимает во внимание, несмотря на то, что так много об этом говорит, ни основы образования ренты в сельском хозяйстве, ограниченности земли, ни моментов, задерживающих развитие сельского хозяйства.

Все-таки я думаю, что товарищи не назовут его ревизионистом. Я думаю, что он просто ошибается. Пусть и он не бросается такими словечками по отношению к тем товарищам, которые не ошибались, не отступали от Маркса даже в отдельных своих выражениях.

И. Финкель. Я считаю, что оба докладчика не вполне точно излагают содержание теории стоимости, данной Марксом. Стоимость по Марксу всегда и везде, при всяких условиях, как в промышленности, так и в земледелии, как на плохих, так и на хороших участках, определяется средней арифметической всех трудовых затрат, которые совершены на то, чтобы добыть все экземпляры товара данного рода.

Я считаю, что это утверждение содержится у Маркса в томе III, ч. 2, с. 133—134. Там Маркс разбирает три случая, когда стоимость может приблизиться или определиться лучшими, средними или худшими предприятиями.

Надо эту цитату читать полностью, т. е. дочитывать то, что напечатано на с. 134. Тогда мы увидим, что во всех трех случаях, которые Маркс разбирает, стоимость одинаково определяется средней арифметической всех трудовых затрат. Я утверждаю, что точно так же определяется по Марксу стоимость и продуктов земледелия.

Я мог бы привести вам очень много цитат и очень много рассуждений, из которых можно это вывести, но так как у меня мало времени, то я сошлюсь на с. 9 тома II, ч. 2 «Теорий». Там говорится так: «Ценность товара определенной сферы производства определяется не количеством труда, затраченного на единичный товар, но количеством труда, вложенного в тот товар, который произведен при средних условиях этой сферы. Здесь индустрия и земледелие различаются между собой лишь тем, что в индустрии сверхприбыль попадает в карман самого капиталиста, а в земледелии—в карман землевладельца».

Итак стоимость определяется одинаково как в промышленности, так и в земледелии, разница заключается только в том, в чей карман идут излишки.

Затем я утверждаю, что на всех участках земли, при затрате равного капитала, при одинаковом составе этого капитала, в одно и тоже время то же самое количество рабочих создает одну и ту же стоимость и одну и ту же прибавочную стоимость. Это совершенно точно и буквально сказано в той же второй книге, на с. 25 и 26.

На с. 25 сказано: «Капитал в 100 фунтов стерлингов превра-

щается при данной норме прибавочной ценности в ценность, равную 120 фунтам, независимо от того, происходит ли эксплоатация на богатых или бедных рудниках».

Одним словом, Маркс твердо стоит на том, что независимо от естественных условий, при которых применяется труд, одно и то же количество затраченного труда создает одну и ту же стоимость и одно и то же количество эксплоатируемых рабочих, при одной и той же норме эксплоатации, создает одну и ту же прибавочную стоимость.

Что такое по Марксу рыночная стоимость? Я утверждаю, что термин «рыночная стоимость» Маркс употреблял в двух смыслах. На с. 133, 134 тома III, ч. 1, Маркс под рыночной стоимостью разумеет вообще стоимость, общественную стоимость. Там для него понятие рыночной стоимости вполне совпадает с понятием общественной стоимости или просто стоимости. Там, где Маркс говорит о ренте, на с. 161 и 162, где рассматривается вопрос об обманчивости социальной стоимости, там Маркс везде употребляет вместо «регулирующей цены» «рыночную стоимость».

Таким образом я утверждаю, что иногда для Маркса рыночная стоимость есть есть просто стоимость, а иногда для Маркса рыночная стоимость есть регулирующая цена.

Я считаю, что докладчики напрасно не остановились на двух очень больших спорных вопросах теории земельной ренты. С одной стороны, они совершенно оставили вне круга своего рассмотрения вопрос о взаимоотношениях между ценами на хлеб и прочие товары и высотой ренты, абсолютной и диференциальной. Затем они рассмотрели весь вопрос о ренте при упрощающем предположении,—как это делает и Маркс, правда—что земельная рента получается только с земель, которые заняты под сельское хозяйство. На самом деле, факт совершенно бесспорный и признанный Марксом, что земельная рента в обоих ее формах, как диференциальной, так и абсолютной, взимается за всякую землю, как бы она ни использовалась.

За землю, занятую под фабрику, значит точно так же взимаются и абсолютная и диференциальная ренты.

Вот те общие замечания, которые я хотел сделать по докладу. Но я должен здесь остановиться несколько подробнее на одном частном вопросе, на вопросе об источниках диференциальной ренты.

На с. 155 тома III, ч. 2—первая таблица, с которой Маркс начинает изучать диференциальную ренту. Вы видите, что там общая масса прибавочной стоимости, добытой в земледелии, в этих участках составляет 400 единиц. Вы видите, что из этих 400 единиц 360 единиц являются диференциальной рентой, а 40 единиц являются прибылью. Эта таблица составлена в предположении, что цена хлеба известна, и при предположении, что средняя норма прибыли приходит

в земледелие готовой, что она образуется в промышленности, индустрии и в готовом виде приходит в земледелие в качестве закона. Так об этом Маркс говорит в «Теориях прибавочной стоимости». Вы помните, что C + v—капитал—здесь 200. Какова стоимость, созданная земледелием, какова прибавочная стоимость? Если C + v равняется 200, то для того, чтобы определить прибавочную стоимость, мы должны конечно знать состав капитала. Во всех этих таблицах Маркс состав капитала в земледелии принимает равным 6 C + 4 v. Норма эксплоатации принимается в 100%, состав капитала в индустрии принимается 8C + 2 v, при этом норма эксплоатации—100%. Значит, по этой формуле, если мы высчитаем прибавочную стоимость, то получим, что капитал в 200 единиц может извлечь из рабочих, им эксплоатируемых, прибавочную стоимость в 80 единиц. Из этих единиц 40—это есть прибыль, средняя прибыль. И стало быть 40 единиц только остаются для того, чтобы дать диференциальную ренту. А диференциальной ренте здесь надо очень много—надо 360, а у нас только 40. Откуда взялись эти 320 недостающих единиц прибавочной стоимости? Маркс на с. 162, где он объясняет эту таблицу, говорит: создается обманчивая социальная стоимость: за 340 единиц общественного труда в хлебе общество дает 600 единиц труда в товарах индустрии, значит, в $2^1/_2$ раза больше. Прежде всего, товарищи, как будто это утверждение стоит в вопиющем противоречии с тем, что Маркс говорит об абсолютной ренте. Ведь по сути Маркс, говоря об абсолютной ренте, утверждает, что товары земли, продукты земли продаются обычно ниже стоимости, и только в совершенно исключительных случаях они продаются выше стоимости. Значит—как будто бы здесь получается противоречие. Но на самом деле у него этого противоречия нет, есть только видимое противоречие.

Чем объясняется это противоречие? Я считаю, что при составлении этих таблиц, а также всех других таблиц, которые помещены в «Теориях» и в III томе, Маркс не интересовался выяснением вопроса об источниках земельной ренты. Все эти таблицы служили для того, чтобы показать неправильность положения Рикардо о том, что рента растет только с переходом к худшему участку. Только эту цель преследовал Маркс, когда он составлял свои таблицы. Поэтому те цифры, которые взяты Марксом в этих таблицах, взяты совершенно случайно. И без этих цифр мы должны обойтись, заменив их другими, более подходящими к действительным обстоятельствам жизни.

Значит, если бы понимать эту таблицу буквально, то пришлось бы признать, как Маркс сам говорит в объяснение, что хлеб будет продаваться в $2^1/_2$ раза дороже стоимости. Но, товарищи, это было бы неверно. Это было бы верно, если бы не было капиталистического производства, если бы обмен происходил между простыми товаропро-

изводителями. Тогда действительно, получивши в обмен за стоимость 280 или 240 стоимость 600, земледельческие капиталисты или простые товаропроизводители, которые производят хлеб, действительно некоторый излишек стоимости получили бы в продуктах индустрии. Но так как на самом деле обмен производится между земледельческими капиталистами, то эти 320 недостающих единиц прибавочной стоимости не могут содержаться в 600 единицах стоимости, воплощенной в продуктах индустрии, по простой причине, что прибавочная стоимость, созданная или, правильнее сказать, извлеченная индустриальным капиталом, выражается в той же самой формуле 8 C + 2 v + 2 m; определяя по этой формуле, вы получите, что для того, чтобы получить 320 единиц прибавочной стоимости, вся стоимость должна быть — 1920 единиц и тогда будут продаваться продукты земли в 7--8 раз дороже их стоимости. Но и это предположение нас не спасает, потому что, если мы примем, что средняя норма прибыли образуется в индустрии, тогда вся прибавочная стоимость, которая в индустрии образуется, пойдет целиком в распределение между индустриальными капиталистами на образование средней нормы прибыли. Тогда все те 320 единиц прибавочной стоимости пошли бы на среднюю норму прибыли, которую получили бы капиталисты, и никакого источника для диференциальной ренты у нас не было бы.

Я делаю из этого два вывода: во-первых, что цифры эти надо изменить,—они совершенно не подходящие для обоснования вопроса об источнике диференциальной ренты, и, во-вторых, надо отказаться от предположения, что средняя норма прибыли определяется только в индустрии, а земледелие никакого участия в определении средней нормы прибыли не принимает.

Возьмем схемы:

Стоимость хлеба 6 C + 4 v + 4 m

Стоимость товаров индустрии 8 C + 2 v + 2 m

Если норма прибыли образуется только в индустрии, тогда 2 m, извлеченные в земледелии, целиком уйдут на прибыль индустриальным капиталистам. Из 4 m, добытых в земледелии, 2 m пойдут на прибыль капиталистам земледелия, и 2 m есть тот запас, из коего, по Марксу, берется и абсолютная и диференциальная рента. Но сумма рент лишь случайно в подобранных цифрах может в точности совпасть с 2 m. Если ренты меньше 2m, часть прибавочной стоимости останется не распределенной, а если ренты больше 2 m, тогда ренты негде взять. Значит сначала сумма всех рент вычитается из всей массы прибавочной стоимости, а остаток распределяется в виде прибыли, образуя ее среднюю норму. По Марксу [1] из 2 m земледельческой прибавоч-

[1] „Капитал", т. III, ч. 2, с. 244 и 245.

ной стоимости часть идет на абсолютную ренту, а часть на образование средней прибыли.

Если бы Маркс специально исследовал вопрос об источнике дифференциальной ренты, он признал бы, что она покрывается из тех же 2 m земледельческой прибавочной стоимости.

И. Лаптев (Москва). Я предполагаю остановиться на некоторых методологических вопросах, связанных с пониманием земельной ренты.

Для того, чтобы понять, каким образом определяется цена земледельческих продуктов, необходимо провести четкое различие между условиями ценообразования в простом товарном хозяйстве и хозяйстве капиталистическом. А в соответствии с этим необходимо различать, с одной стороны, индивидуальные затраты труда и индивидуальную стоимость, с другой стороны, необходимо провести различие между стоимостью и рыночной стоимостью.

Всякий, кто не проводит этой разницы и полагает, как например проф. Любимов, что индивидуальная стоимость есть индивидуальная затрата труда, а рыночная стоимость есть просто стоимость, тот не видит разницы в анализе цены в простом товарном хозяйстве и в хозяйстве капиталистическом, тот не видит «посредствующих звеньев», на которые Маркс постоянно указывал при переходе от стоимости к ценам производства. Именно за непонимание этого Маркс неоднократно упрекал Рикардо. И индивидуальная стоимость, как и рыночная, есть те посредствующие звенья, которые стоят между стоимостью и ценой производства.

Что такое индивидуальная стоимость? Индивидуальная стоимость, как я уже говорил, не есть индивидуальная затрата труда. Индивидуальная стоимость у Маркса есть по сути дела стоимость отдельного продукта, которая определяется средними условиями производства, общественно-необходимым трудом в том смысле, как он обычно у нас трактуется. Спрашивается, почему Маркс считал стоимостью отдельного продукта, т. е. индивидуальную стоимость, данной. Объясняется это в значительной мере тем, что капиталистически произведенный товар является результатом труда не отдельного производителя, а массы производителей, массы наемных рабочих, занятых на данном предприятии. Поэтому товар выступает не как результат индивидуальной затраты труда, а как результат обобществленного труда, конечно в капиталистическом смысле слова. Эту особенность капиталистически произведенного товара надо иметь в виду. Кроме того, при анализе ренты Маркс не ставит вопроса об обосновании стоимости так, как этот вопрос стоял в первой главе первого тома «Капитала», а ставит вопрос об «уравнении стоимости», о распределении прибавочной стоимости. И когда Маркс ставит проблему рыночной стоимости, то она выражает уравнение стоимостей отдельных товаров в «среднюю» обще-

ственную стоимость, а вовсе не сведение индивидуальных затрат труда к общественно-необходимому труду. Надо эти две различные проблемы различать одну от другой. Вы видите, что индивидуальная стоимость и рыночная стоимость берутся в особых условиях.

Маркс стал говорить о рыночной стоимости еще и потому, что при капиталистическом способе производства произошло обособление отдельных отраслей производства, получилось такое положение, что различные отрасли производства приобрели относительную самостоятельность и поэтому проблема стоимости ставится по-различному в каждой отдельной сфере производства. В одних отраслях производства рыночная стоимость определяется худшими условиями, в других—средними, в третьих—лучшими условиями. И в зависимости от того, какие из этих условий в данной сфере производства являются наиболее распространенными, в зависимости от этого определяется и рыночная стоимость товаров. Если в сфере производства средние условия являются господствующими, там рыночная стоимость очевидно будет совпадать с индивидуальной стоимостью этих предприятий, и в целой отрасли рыночная стоимость будет равна сумме индивидуальных стоимостей. Если имеются такие сферы производства, где преобладающими являются лучшие условия производства, то там рыночная стоимость будет стоять в целой сфере производства ниже суммы индивидуальных стоимостей, части индивидуальных стоимостей, т. е. часть стоимости по сути дела будет перенесена в другие сферы производства.

Наконец в третьей отрасли производства, где определяющими условиями, допустим, являются наиболее худшие, там рыночная стоимость, определяемая этими условиями, будет стоять выше суммы индивидуальных стоимостей. Таким образом у Маркса можно найти следующее основное положение: в отдельных сферах производства сумма рыночных стоимостей не совпадает с суммой индивидуальных стоимостей, но в целом обществе сумма рыночных стоимостей должна совпадать с суммой стоимостей. Значит рыночная стоимость отличается от стоимости тем, что она в отдельных сферах производства может быть больше действительно затраченного труда, может быть меньше его и может быть равна. Но рыночная стоимость в тех случаях, где она не совпадает со стоимостью, все-таки содержит в себе количество общественно-необходимого труда. В тех отраслях, где сумма индивидуальных стоимостей не покрывает рыночной стоимости, известное количество общественно-необходимого труда должно быть перенесено из других сфер производства в эти сферы производства.

Исходя из такого понимания индивидуальных стоимостей и рыночной стоимости, мы можем в отношении земледельческих продуктов сказать следующее. Если на разных по плодородию участках затрачены одинаковой величины капиталы, то здесь произведена одинаковая по величине стоимость. Проф. Любимов, утверждая, что вследствие

большого плодородия лучших участков, большей производительности труда, производится большая стоимость, впадает в очень глубокое заблуждение и по существу дела ревизует теорию стоимости Маркса.

Маркс говорит: «Нет ничего ошибочнее представления, что когда ценность единичного товара при повышении производительности труда падает, то ценность всей массы товаров, произведенных определенным капиталом, будто бы возрастает, так как тогда затраченный труд выражается в большем количестве товаров» [1].

Как видите, Маркс говорит, что нет ничего ошибочнее такого представления, и крайне удивительно утверждение проф. Любимова, что большая производительность труда на лучших участках создает большую стоимость.

Спрашивается теперь, где же источник диференциальной ренты, если на лучшем участке не затрачено большее количество труда, чем на худшем участке. Несмотря на то, что во многих положениях я схожусь с позицией т. Лурье, я здесь не согласен с ним, когда он говорит, что в данном случае в земледелии нет источника для диференциальной ренты. На самом деле можно сказать, что источник диференциальной ренты имеется все же и в области с.-х. производства. Я считаю, что если на лучших участках недостает стоимости, а следовательно и прибавочной стоимости, для того чтобы покрыть диференциальную ренту, зато на участках худших имеется настолько достаточной величины прибавочная стоимость, что она дает возможность не только принести среднюю прибыль на капитал, но дает возможность принести некоторую часть абсолютной ренты и, кроме того, имеет избыток, который не реализуется.

Анализ источника диференциальной ренты должен итти по линии перераспределения прибавочной стоимости между самими участками внутри земледелия. Это может быть основным источником диференциальной ренты. Конечно бывают такие обстоятельства и такое состояние конъюнктуры в определенные исторические периоды, когда земледелие может присваивать часть прибавочной стоимости из других сфер, но они никак не являются правилом, не являются законом. Такой закон был у Рикардо, но это не закон Маркса. Маркс считает, что цены с.-х. продуктов определяются не обязательно всегда худшими условиями. Они определяются теми условиями, которые в данное время являются господствующими. Но и в том случае, если худшие участки будут регулировать цену с.-х. продуктов, даже в этом случае это еще не означает, что рыночная цена должна совпадать с индивидуальной стоимостью продуктов, произведенных на этих участках. Имеются еще средние лучшие участки, которые вносят коррективы в это регулирование. Эти коррективы выражаются в том,

[1] „Теории", т. II, ч. 2, с. 26.

что рыночная стоимость стоит ниже стоимости продуктов на индивидуальных участках. Маркс указывает, что Рикардо всегда утверждает, что рыночная стоимость совпадает с индивидуальной стоимостью на худших участках, между тем как это совсем не обязательно. Это — односторонее и насильственное сведение закона к одному случаю. Рыночная стоимость может быть ниже стоимости продуктов в худших участках и должна быть ниже, потому что, кроме худших участков, имеются еще и лучшие участки. И в этом случае часть прибавочной стоимости с худших участков может покрыть дифференциальную ренту на участках относительно лучших.

Следовательно возможно такое положение, когда прибавочной стоимости, созданной в земледелии, может быть достаточно для покрытия дифференциальной ренты.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО Л. ЛЮБИМОВА

Перед тем как перейти к самой сути вопроса, я хочу ответить на один вопрос, который многие мне задавали в перерыве. Мне говорили: вы связываете дифференциальную ренту денежную с натуральной рентой. Но ведь всегда было и будет различие в плодородии между различными землями. Таким образом не получается ли, что дифференциальная рента является вечной категорией? На это я должен сказать следующее: натуральная дифференциальная рента образуется благодаря различию в урожайности различных земель. Но не всякое различие в урожайности обязательно дает дифференциальную ренту, хотя бы и натуральную. «Не всякая обратная теорема верна», как вы знаете. Для того, чтобы различие в производительности земли дало дифференциальную ренту, хотя бы и натуральную, требуется, чтобы с.-х. производство было охвачено капиталистическими отношениями. Только в этом случае этот добавочный продукт может получить форму прибавочной стоимости. Итак, когда я говорю о связи между натуральной дифференциальной рентой и дифференциальной рентой денежной, то у меня речь идет не о натуральном излишке, а о натуральной дифференциальной ренте, т. е. о той категории, которая, как правило, может иметь место только при капиталистическом обществе и которая, к слову сказать, имея место в капиталистическом обществе, никак не может быть объяснена путем перелива прибавочной стоимости из индустрии, потому что, понятно, натуральная дифференциальная рента должна образоваться в самом земледелии, но никак не может притти из индустрии.

Переходя к вопросу, который здесь разбирался, раньше всего остановлюсь на проблеме стоимости, о рыночной стоимости. Здесь было на этот счет развито такое громадное количество новых «теорий», что я в течение краткого времени, которое мне предоставлено, не могу разобрать все эти теории. Поэтому я постараюсь ответить на то, что мне кажется общим в выступлениях многих товарищей. Особенно выпукло, это было представлено у т. Лаптева.

Я отнюдь не отождествляю стоимости и рыночной стоимости. Ясное дело, что стоимость—это категория производственная, рыночная стои-

мость—это та же стоимость, но в разрезе реализации ее на рынке. Следовательно речь идет не о полном тождестве. Речь идет о совершенно другом—могут ли вещи, которые не являются тождественными, быть одинаковыми по величине. Мне представляется, что ставить знак равенства—вовсе не значит утверждать тождество. Возьмем например переменный капитал и заработную плату. Это то же самое? Нет, это совершенно различные категории, но величины их непременно совпадают. Тем более возможно совпадение величин стоимости и рыночной стоимости. И не только возможно, но и обязательно. Допустить иное—значит утверждать, что величина стоимости может измениться в зависимости от процесса реализации. Кроме того, так как стоимость—это основная экономическая категория, к которой в конце концов мы должны непременно свести все остальные экономические категории, то в случае, если мы отрицаем одинаковость величин стоимости и рыночной стоимости, мы неизбежно придем к следующей интерпретации, которая здесь в сущности и предлагалась. Величина цен товаров регулируется ценами производства их; величина цен производства товаров регулируется рыночной стоимостью, а величина рыночной стоимости и товаров регулируется в конце концов стоимостью их. Эта четырехступенная интерпретация (цена, цена производства, рыночная стоимость, стоимость), мне кажется, отличается большой и совершенно ненужной сложностью.

Чтобы лучше убедиться в последнем, разрешите, хотя бы очень бегло, остановиться на истории теории трудовой стоимости. Вы знаете, что первые экономисты, ранние меркантилисты, отождествляли цену и стоимость. Отсюда их убеждение, что стоимость определяется соотношением спроса и предложения. Гораздо глубже ставят вопрос классики, и в особенности Рикардо. Поскольку они отличают цену от стоимости, постольку для них ясно, что стоимость не находится ни в какой зависимости от спроса и предложения. Итак теория цены и стоимости у Рикардо так сказать двухступенная. Первая ступень—цена, вторая ступень—стоимость. Эта вторая ступень зависит только от труда. Но если эта вторая ступень не подвержена действию спроса и предложения, то она находится в большой зависимости от быстроты обращения капиталов (и строения их). Отсюда понятно, почему в письме к Маккэллоху Рикардо пишет, что если бы ему пришлось наново писать свою книгу, он сказал бы, что стоимость зависит от количества труда, с одной стороны, и быстроты оборота капитала—с другой. Вы видите, что большое счастье, что Рикардо не успел этого сделать, ведь это фактически означало чуть ли не отказ от теории трудовой стоимости; что труд оказывает влияние на стоимость, об этом никто не спорит. Является ли труд единственной причиной стоимости? Трудовая теория, говорят, органически связана с утвердительным ответом на этот вопрос. Согласно же формулировке Рикардо в

письме к Маккэлоху получилась бы, что труд не единственная причина стоимости. Поэтому как нельзя более прав Маркс, когда он вместо этих двух ступеней вводит три. Первая ступень—цена колебания величины, которая зависит от спроса и предложения; сама же эта величина регулируется ценою производства. Вторая ступень—цена производства, которая зависит от состава капитала и от быстроты обращения и конечно от стоимости, и наконец третья ступень—стоимость, которая ни от чего не зависит, как только от труда.

Если же мы станем на ту точку зрения, что рыночная стоимость по своей величине отличается от стоимости, тогда у нас получится не трехступенная система Маркса: цена—цена производства—стоимость,—а гораздо более сложная четырехчленная: цена—цена производства—рыночная стоимость—стоимость. Совершенно ясно однако, что раз уже третья ступень ни от чего, кроме труда, не зависит, то нет ни малейшей нужды еще в четвертой ступени. Это в лучшем случае бесполезное усложнение.

Наконец Маркс самым недвусмысленным образом указывает на то обстоятельство, что между величиною стоимости и рыночной стоимости не только нет, но и не может быть никакой разницы.

Разрешите мне в доказательство этого зачитать несколько мест из Маркса: «Рыночная стоимость массы товаров=ее рыночной стоимости» [1].

«Чтобы товар мог быть продан по его рыночной стоимости, т. е. по цене, пропорциональной заключенному в нем общественно-необходимому труду...» [2]. Итак величина рыночной стоимости обусловливается количеством общественно-необходимого труда, т. е. так же, как и величина стоимости. Ясно стало быть, что величина стоимости и рыночной стоимости должна постоянно совпадать.

Недостаток времени вынуждает меня, оставив «Капитал», перейти к другому крупнейшему произведению Маркса—«Теориям прибавочной стоимости». Да и из этой книги мне вследствие того же недостатка времени придется ограничиться очень немногим, несмотря на то, что там имеется не один десяток мест, ясно доказывающих, что величины стоимости и рыночной стоимости всегда непременно и неизбежно совпадают. Придется ограничиться одной таблицей, которая находится на с. 65 русского перевода второй части второго тома названной книги. Привожу эту таблицу, сильно сократив ее (см. с. 274).

Эта таблица интересна в очень многих отношениях. Так например она совершенно определенно указывает, что стоимость постоянно регулируется наименее производительной землей (из общественно-необходимых). Из этого еще раз можно убедиться, кто прав в вопросе о стоимости хлеба—я или мои противники, которые с отвагою, достойной

---

1 „Капитал", т. III, с. 157.
2 Там же, с. 168.

Класс	Капитал (ф. ст.)	Хлеб (квартер)	Стоимость всего продукта (ф. ст.)	Рыночная стоимость квартера (ф. ст.)	Индивидуальная стоимость квартера (ф. ст.)
I	100	60	120	2	2
II	100	65	130	2	1 11/13
III.	100	75	150	2	1 3/5
Всего . .	300	200	400	—	—

лучшего применения, объявляют марксову позицию не марксовой, а только рикардовской. Возвратимся однако к вопросу о величине стоимости и рыночной стоимости. Из этой таблицы ясно видно, что Маркс отождествляет их: ведь у него стоимость всего продукта получается от умножения рыночной стоимости единицы продукта на число этих единиц. Это же, как понятно всякому знакомому с арифметикой, может быть только в том случае, если величины стоимости и рыночной стоимости отождествляются.

Итак в приведенной таблице мы находим недвусмысленный ответ по двум спорным вопросам. Но в ней мы имеем такой же ответ и по третьему спорному вопросу: производится ли на лучшей земле большая стоимость, чем на худшей? Таблица ясно указывает, что чем лучше земля, тем при том же количестве труда больше произведенная на ней стоимость: на земле III произведена стоимость в 150 ф. ст., на земле II произведена стоимость в 130 ф. ст., а на земле I стоимость в 120 ф. ст. Против этой позиции Маркса нередко приводят то место из I главы «Капитала»,—и сегодня его приводили—где Маркс говорит, что с увеличением производительности труда стоимость падает, и выводят отсюда, что неправильно, мол, говорить о том, что на лучшей земле не может быть произведена большая стоимость, чем на худшей. Мои оппоненты в данном случае совершенно верно цитируют Маркса, но так же совершенно не понимают его. То, что Маркс говорит об общем повышении производительности труда, они без всякого на то права применяют к частному повышению производительности его, обязанному своим существованием особым обстоятельствам, не могущим встретить повсеместного применения. Они плохие диалектики, они не понимают, что количественная разница между частным и общим повышением в производительности так велика, что переходит в качественную. Иначе говоря, если мы имеем возможность обойтись без продукта, произведенного на худшей земле, если мы имеем возможность обойтись одними продуктами лучшей земли, то

понятно, что общее увеличение производительности труда, которое вызвано тем, что мы бросили худшую землю, приведет к понижению стоимости хлеба, и в таком случае теперь на лучшей земле большее количество продуктов на ту же самую стоимость, чем раньше на худшей земле. Проанализируем теперь обратный случай, когда наличие лучших земель не освобождает общества от печальной необходимости обрабатывать также и худшие земли.

Предположим, что мы наряду с более производительным трудом, который дает 20 центн. хлеба на гектар, должны пользоваться и трудом вдвое менее производительным. Здесь мы имеем частное (только на лучших землях) повышение производительности земледельческого труда и притом такое, которое не может перейти во всеобщее. Это частное повышение производительности земледельческого труда не окажет и не может оказать никакого влияния на стоимость хлеба. Поэтому-то Маркс и учит, что рыночная стоимость определяется количеством труда, которое затрачивается на производство единицы хлеба на худшей земле. Что мои оппоненты оперируют методом из Маркса, который не имеет никакого отношения к предмету нашего спора, понятно еще и из следующего. Приведенные выше слова Маркса указывают на то, чем определяется стоимость единицы товара. При анализе же вопроса—получается ли при той же затрате труда на лучшей земле бо́льшая стоимость, чем на худшей—и я и большая часть моих оппонентов исходим из того, что стоимость единицы хлеба уже дана. Причем один из моих оппонентов полагали—и совершенно правильно,—что стоимость единицы хлеба определяется количеством общественно-необходимого труда, затрачиваемого на производство этой единицы на худшей общественно-необходимой земле, другие эту же роль приписывают общественно-необходимому труду на средней земле. Кроме того, совершенно ясно, что если стоимость единицы хлеба дана, то стоимость массы хлеба получаемого на том или ином участке, будет зависеть исключительно от величины этой массы. А так как на лучшей земле при прочих равных условиях эта масса больше, то выходит, что на равновеликом лучшем участке будет произведена большая стоимость. Это совершенно понятно.

Короче, когда более производительный земледельческий труд вытесняет менее производительный и в земледелии применяется труд одинаковой (большей, чем раньше) производительности, тогда никакой диференциальной ренты не образуется; как бы ни приветствовали такое явление, все же не годится упускать из виду, что этот случай не имеет никакого отношения к разбираемому вопросу, т. е. к проблеме диференциальной ренты.

Диференциальная рента начинается только там, где мы должны пользоваться одновременно продуктами труда разной производительности. В этом же случае более продолжительный труд образует боль-

шую стоимость. И все же мои оппоненты умудрились не понять этой, такой простой вещи.

Я остановлюсь еще на одном моменте. Стоимость не только является первоосновой, к которой все должно быть сведено, но стоимость является и регулятором капиталистического хозяйства. Повторяю, это не единственная ее роль, но это одна из ее главных ролей. Регулятор (основной) может быть только один. Стало быть в роли регулятора может выступить только рыночная (общественная), но никак не индивидуальная стоимость, потому что индивидуальная стоимость зависит от сортов земли, а сортов земли бесконечное количество. Следовательно, поскольку мы говорим о стоимости как о регуляторе производства, ясно, что стоимость единицы хлеба определяется количеством общественно-необходимого труда, требующегося на производство ее на худшей земле. Пойдем дальше. Есть стоимость индивидуальная, есть стоимость общественная. Какая же из них является основной экономической категорией? Известно, что общественная и рыночная стоимость по Марксу—то же самое. Этого до сих пор еще никто не отрицал. Не менее известно, что Маркс постоянно подчеркивает социальный, общественный, политический характер экономии, следовательно совершенно ясно, что стоимостью как основной категорией может быть именно только общественная, а ни в коем случае не индивидуальная стоимость, если даже понимать под ней, что на мой взгляд правильно, и не только ту стоимость, которая наблюдается в отдельном предприятии, но и ту стоимость, которая наблюдается во всем ряде предприятий, расположенных на земле данного качества.

Против меня приводили цитату, гласившую, что в урожайный год три пуда могут иметь стоимость, какую один пуд в неурожайный. Но это же не исключает того, что я говорил. Не бывает же сразу, что в одно и то же время реализуется продукция и урожайного и неурожайного года. Но из этой цитаты самое большее следует (если следует), что Маркс, который, как он сам указывает, считал в известных случаях совершенно правильным применением того же самого термина к двум разным категориям,—называет стоимостью не только общественную, но и индивидуальную стоимость. Что индивидуальная стоимость—разновидность стоимости, или, короче—стоимость,—это бесспорно, но из этого вовсе не следует, что она, хотя бы в тех или отдельных случаях, является той стоимостью, которая представляет основную экономическую категорию. Вас ввела в заблуждение многозначность слова стоимость, на которую (т. е. на многозначность) вы не обратили достаточного внимания. У Маркса неоднократно указано, как вы сами это признаете, что общественная («рыночная») стоимость—это стоимость и притом стоимость в том смысле, какой Маркс придает категории «стоимость» как основной экономической категории. Но у Маркса нигде не сказано того же самого

в отношении индивидуальной стоимости. Правда, вы толкуете слова Маркса соответствующим образом.

Но там нигде не указано, что это относится к товарам, которые реализуются в одно и то же время. Это вы мысленно дополняете. Это ваше право, но мое право не соглашаться с вашим толкованием. Для меня обязательны только слова самого Маркса, но вовсе не комментарии к ним, хотя бы они были сделаны тем или иным очень хорошим товарищем.

Теперь я остановлюсь еще на словах т. Лаптева. Тов. Лаптев говорит, что диференциальная рента образуется в земледелии. Казалось бы, чего лучше—союзник. Но нет. Я предпочитаю остаться в одиночестве, хотя из имевших место выступлений вы видите, что я не так одинок в этом вопросе. Я исхожу из того, что на лучшей земле создается большая стоимость. А из чего исходит т. Лаптев? Тов. Лаптев исходит из того, что на худшей земле создается большая стоимость. Если на худшей земле и на лучшей земле затрачено одинаковое количество труда (а всякую проблему нужно рассматривать при предпосылке «прочих равных условий»), то, логически рассуждая, мы можем притти только к двум выводам. Если мы исходили из общественной стоимости, мы приходили к заключению, что на лучшей земле производится большая стоимость, чем на худшей. Если мы исходили из индивидуальной стоимости, мы приходили к заключению, что на лучшей и на худшей земле производится та же самая стоимость. На какую бы точку зрения ни становиться, логически рассуждая, никак нельзя притти к выводу, что при одном и том же количестве труда на худшей земле будет большая стоимость. Это неверно. (Лаптев: На единицу продукта). Это нисколько не меняет дела. Если индивидуальная стоимость единицы продукта больше на худшей земле, чем на лучшей, то зато на первой получается соответственно меньше единиц продукта, так что индивидуальная стоимость массы продукта на лучшей и худшей земле—все равно одинакова. Если же т. Лаптев стоит на точке зрения не индивидуальной, а общественной стоимости, но только ошибочно полагает, что она определяется количеством общественно-необходимого труда не на худшей, а на средней из общественно-необходимых земель, то одно из двух—или, если он стоит на той точке зрения, что цена производства единицы земледельческого определяется худшей общественно-необходимой землей он, как мы уже говорили в отношении другого экономиста, должен будет притти к отрицанию абсолютной ренты, потому что последняя возможна только тогда, когда стоимость, единицы хлеба выше его цены производства. Если т. Лаптев стоит на той же точке зрения, что и цена производства единицы с.-х. продукта и его стоимость регулируются средней землей, он будет не в состоянии объяснить, почему капиталисту выгодно

разрабатывать не только лучшие и средние, но даже худшие общественно-необходимые земли.

Остановлюсь теперь на одном месте из выступлений т. Анисимова. Вы помните, он читал из Ленина с. 512 IX тома, где есть указание Маслову в отношении того, что абсолютная рента образуется земельной монополией. Это место из Ленина часто цитируется, но нередко совершенно ошибочно понимается. Тов. Анисимов к сожалению отнюдь не представляет исключения. Что т. Анисимов совершенно неверно понял Ленина—это ясно выступает при чтении Ленина, у него есть не только IX том, но и другие. Я приведу цитату из первой части XI тома, из статьи «П. Маслов в истерике». Там сказано: «У Маркса можно найти десятки фраз, где абсолютная рента выводится из частной собственности на землю, и десятки фраз, где она выводится из низкого строения земледельческого капитала. И это по той простой причине, что о б а э т и у с л о в и я (подчеркнуто у Ленина—*М. Л.*) в соответствующих местах своего изложения выдвигает Маркс,—совершенно так же, как о б а (подчеркнуто Лениным—*М. Л.*) эти условия, излагая Маркса, в ы д в и н у л и я (подчеркнуто Лениным—*М. Л.*) в том самом абзаце моей статьи, из которого взята цитата Маслова (и прибавлено от себя Анисимовым—*М. Л.*), я говорю и о низком с т р о е н и и (подчеркнуто Лениным—*М. Л.*) земледельческого капитала!». Если же в приведенном Анисимовым отрывке Ленин выдвигает именно земельную монополию, то объясняется это просто тем, что Маслов недостаточно учитывает значение ее.

В заключение отвечу на возражение, сделанное мне т. Гордеевым. Он указал, что в Англии в эпоху хлебных законов были высокие монопольные цены. Да, цены были очень высокие, была настоящая грабиловка. Это совершеннейшая правда, но что цены были монопольны—это под большим сомнением. В самом деле во времена хлебных законов земледельцам Англии было выгодно обрабатывать даже очень плохие земли. Без обработки этих столь мало плодородных земель общество не могло покрыть своего спроса на хлеб. Поэтому эти-то столь мало плодородные земли регулировали стоимость единицы хлеба. Разумеется, цена хлеба должна была быть при этих условиях очень высока, но она не превышала той высокой стоимости его, которая имела место в то время. Следовательно цена хлеба, как ни была она безобразно высока, все же не была монопольной.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО Д. ЛУРЬЕ

Товарищи, прежде всего разрешите рассеять одно недоразумение, созданное речами тт. Берзтыса и Гордеева, которые начали свою речь с упрека в том, в чем меня меньше всего можно было бы обвинить,— в том, что я в своем докладе решил противопоставить изложение ренты в III томе «Капитала» изложению ренты в «Теориях прибавочной стоимости». Как раз сегодня, перед заключительным словом, мне передали только что вышедшие 11 и 12 номера журнала «На аграрном фронте», где помещена моя статья, которая специально посвящена вопросам о том, есть ли такое противоречие или нет, и очень резко квалифицирует автора, говорящего о таком противоречии.

Тт. Гордеев и Берзтыс, будучи теоретиками ренты, не нашли нужным отозваться, что в «Теориях прибавочной стоимости» и в «Капитале» есть две различные теории ренты. Я не слыхал этого и лично считал нужным отозваться и квалифицировать подобное утверждение самым резким образом, и в частности у меня, в тезисах, которые все читали, это тоже есть. Какое основание имели тт. Гордеев и Берзтыс обвинять меня в том, в чем они сами виноваты? Тут с больной головы на здоровую валить нечего; для того, чтобы не было никаких недоразумений, прочитайте тезисы. Первый тезис: теория земельной ренты принадлежит к числу наименее разработанных и в то же время наиболее важных составных частей марксовой теории. Два варианта изложения теории земельной ренты (или, может быть, т. Гордеев думает, что есть один вариант изложения теории земельной ренты) у Маркса в III томе «Капитала» и во II томе «Теории», совершенно одинаковые по своей теоретико-методологической установке и взаимно дополняющие друг друга по своему научному значению... содержат основную земельную теорию и дают полное и законченное развитие. Товарищи, разве дает этот тезис какое-нибудь основание для двусмысленного обвинения автора? Не дает. Это одно замечание.

Теперь второе замечание—уже по существу. Я меньше всего ожидал, что мой доклад будут критиковать с точки зрения того, что он недостаточно абстрактен. Я ожидал с некоторым основанием дру-

гого—что меня упрекнут в чрезмерной абстрактности тех положений, которые я развивал. Однако как это ни странно, товарищи, в том числе Любимов и Гордеев, упрекнули меня в том, что я недостаточно абстрактно подошел к вопросу. Эта моя неабстрактность вызвала даже веселенький анекдот со стороны т. Любимова относительно ощипанного петуха. И этот мой грех заключается в том, что я вам процитировал несколько мест из II тома «Теорий прибавочной стоимости», в которых говорилось о том, при каких условиях рыночная стоимость может не регулироваться индивидуальной стоимостью продуктов, произведенных на худшем участке. Среди этих условий были и такие, как соединение землевладельца и капиталиста в одном лице, а также отсутствие ренты как таковой и наличность ее в виде голодной аренды. Тут я сошел с позиции абстрактных методов и стал на какую-то неисторическую точку зрения. Извините меня, но я не хочу быть более абстрактным, нежели Маркс в «Теориях прибавочной стоимости», оставляя это удовольствие тт. Гордееву и Любимову. Я считаю, что та степень абстракции, с которой Маркс излагает эти моменты, вполне достаточна и для меня. По существу же они неправильно поняли меня и неправильно интерпретировали мою мысль. Я говорил, что не только в том случае возможны определения рыночной стоимости худшим участком, когда есть соединение землевладельца с капиталистом в одном лице или когда здесь есть остатки докапиталистической земельной ренты, но это возможно при наличии предпосылок вполне равномерно распределенного капитализма, а именно—когда худший владелец худшей земли не получает *всей* величины разницы между стоимостью и ценой производства этого худшего участка, а лишь *часть* ее. В «Теориях прибавочной стоимости» этот случай тоже подчеркнут неоднократно, и я не решаюсь сказать, какому животному уподобят себя т. Любимов и его сторонники, если они веселеньким анекдотом попытаются опровергнуть Маркса. Я поэтому имею полное основание отбросить обвинение в недостаточной абстрактности и в переходе на какую-то неисторическую точку зрения. Я думаю, что не вам, т. Любимов, говорить относительно историчности ваших позиций, ибо от того, что вы сегодня говорили относительно денежной и натуральной ренты несет таким духом смешения всех азов, смешения потребительской и меновой стоимости в одну кучу, в одну кашу, что не вам бы сегодня делать замечания относительно того, что другой докладчик становится на неисторическую, следовательно на натуралистическую точку зрения.

Далее я хотел бы уверить т. Любимова в том, что он несколько ошибается относительно той цитаты, которую я привел и которую он очевидно плохо помнит или плохо расслышал. В этой цитате как раз говорится о товарах, единовременно реализуемых. Это следует из всего контекста цитаты:

«Если один и тот же труд на неплодородной почве дает 1 квартер, а на плодородной 3 квартера, если это происходит от хорошего или плохого года; если один и тот же труд на очень богатой золотом почве дает одну унцию золота, а на менее золотоносной или истощенной только $^1/_3$ унции; если в течение того же рабочего времени, в какое производится один фунт шерсти, прядется 3 фунта пряжи, то прежде всего ценности 1 квартера и 3 квартеров, 1 унции и $^1/_3$ унции, 1 фунта шерсти и 3 фунтов шерстяной пряжи (минус ценность содержания в ней шерсти)—равны по величине» [1].

Смысл этой цитаты заключается именно в том, что здесь говорится одновременно и о различных годах и о различных сортах земли. Маркс как раз не делает того различия, которое вы хотите найти тут, не делает различия между случаями, когда продукт реализуется одновременно и неодновременно. Из контекста этой цитаты видно, что Маркс этого различия не делает, как сделали это вы в своем заключительном слове. Очевидно вы неверно поняли и неверно истолковали эту цитату.

Это одно из многочисленных замечаний, которые я мог бы сделать по вашему адресу, но я не могу долго останавливаться на этом. Я должен сказать только, что ваша аргументация исходит из некоторой боязни создания новой сложной теории, из некоего подозрительного стремления к «простоте». Если рыночная стоимость не совпадает со стоимостью, то т. Любимову кажется, что обязательно индивидуальная стоимость совпадает со стоимостью. Либо рыночная стоимость, либо индивидуальная стоимость совпадает со стоимостью. Третьего он не видит. Между тем я в докладе говорил о третьем,—что обе эти категории в их единстве и противоречиях являются развитием категории стоимости в ее абстрактном виде. Но этого органически не принимает т. Любимов. У него выходит либо одно, либо другое. Это чисто формальная логика. Это пример формально-логической постановки вопроса, пример органического «неприятия» диалектики, и тут ничего не сделаешь.

Разрешите перейти к другим выступлениям. Тов. Берзтысу я отчасти уже ответил.

Тов. Берзтыс выступил защитником марксовой теории стоимости, изображая дело так, будто я хочу подменить общественно-необходимый труд индивидуальным трудом. Это слишком упрощенный метод критики. Потрудитесь конкретно разобрать предложенную мною концепцию стоимости, рыночной стоимости, индивидуальной стоимости и стоимости и указать на ее недостатки, а не отделываться простой ссылкой на то, что-де у Маркса стоимость определяется общественно-необходимым, а

[1] „Теории", т. II, с. 189.

не индивидуальным трудом. Это—азбука, которую все знают не хуже вас.

Тов. Берзтыс попадает в не совсем ловкое положение, когда он возражает против определения дифференциальной ренты как разности между рыночной стоимостью и индивидуальной стоимостью, ссылаясь на то, что у Маркса дифференциальная рента определяется как разность рыночной и индивидуальной цены производства. Неправильно обвиняя меня в противопоставлении «Теорий» и «Капитала», он сам... противопоставляет формулировку из «Капитала» формулировке из «Теорий». Всем известно, что в «Капитале» Маркс говорил о разности цен производства, в «Теориях» же—о разности стоимостей. Я утверждаю, что верно и т о и д р у г о е для разных условий. На этот счет существует крайне распространенный предрассудок, будто нужно принимать какую-то одну точку зрения—или дифференциальная рента есть разница общей и индивидуальной цены производства, или же она является разницей между рыночной и индивидуальной стоимостью. Будто бы, если мы принимаем одно из этих положений, мы обязательно отрицаем другое и наоборот. Но такая трактовка ничего общего с трактовкой Маркса не имеет. Я приведу вам цитату совершенно определенную и недвусмысленную. Маркс в «Теориях прибавочной стоимости» определяет дифференциальную ренту как разность между рыночной и индивидуальной стоимостью. Это всем прекрасно известно. Но как раз там, где Маркс говорит о колониях, где не действует монополия частной земельной собственности, где он разбирает случай, когда не существует абсолютной ренты, Маркс говорит: «Дифференциальная рента, как и сверхприбыль, никогда не входит в цену производства, так как она всегда представляет лишь и л и излишек рыночной цены производства над индивидуальной ценой производства и л и излишек рыночной ценности над индивидуальной стоимостью» [1]. У Маркса—или-или, т. е. и то и другое может быть верно. Это «или-или» нужно понимать так: когда отсутствует частная земельная собственность, когда цены регулируются ценой производства, в этом случае дифференциальная рента выступает как разность цен производства. Этот случай практически имеет место в колониях с большими пространствами незанятой земли. Когда возникает эта частная земельная собственность, тогда она повышает регулирующую цену, отделяет ее от цены производства. Тогда место регулятора занимает рыночная стоимость. Тогда вместе с этим происходит и превращение самой дифференциальной ренты из разности цен производства в разность стоимостей. Этот п е р е х о д нужно понимать. Этот переход в частности не понимает и не хочет понять Н. Анисимов, так же, как не понимают его очень многие. Между тем

[1] „Теории", т. II, ч. 2.

именно с этой точки зрения понятно, почему Маркс в «Капитале», разбирая дифференциальную ренту отдельно от абсолютной, определяет ее на основе цены производства; в «Теориях» же, разбирая движения обеих рент совместно, определяет дифференциальную ренту на основе рыночной стоимости.

Тов. Берзтыс упрекал меня в том, что я вижу противоречие в «Теориях прибавочной стоимости» и «Капитала». Он видит это противоречие, потому что формулировки «Теорий» противопоставляет формулировкам «Капитала». Он упрекает меня в том, что я здесь усматриваю противоречия, тогда как он сам видит здесь какое-то мнимое противоречие, существующее между «Теориями» и III томом «Капитала». Это подтверждает, что тут у некоторых товарищей были попытки свалить с больной головы на здоровую.

Не буду останавливаться на остальных замечаниях т. Берзтыса и перейду к другим речам.

Относительно речи т. Гордеева должен сказать, что он начал с манеры моей речи, с общей ее характеристики, с мнимого противоречия и т. д. Отвечу ему взаимностью. Мне также манера выступления т. Гордеева совершенно не понравилась. По-моему его речь настолько же претенциозна, насколько и поверхностна, и ничего в решение поставленных вопросов не внесла. Нельзя говорить здесь менторским тоном и, не приводя никаких аргументов, указывать на общие места и общие манеры и думать, что внес нечто новое в разработку вопроса. Остановлюсь только на одном вопросе. Тов. Гордеев защищает—хотя и не говоря, что защищает—тезис Любимова относительно того, что дифференциальная рента создается внутри земледелия и не имеет никаких других источников (по существу растет из земли). Защищая этот тезис, он говорит о том, что здесь Лурье будто бы зря выпячивал 300 и 600,—300 затраты труда—дают рыночную стоимость—600, и заявляет чрезвычайно убедительным и авторитетным тоном с этой кафедры: ведь речь здесь идет не об индивидуальном, а об общественно-необходимом труде, так в чем же дело? Индивидуального труда затрачено 300, общественно-необходимого—600.

Такая аргументация никуда не годится. Надо отказаться от таких методов полемики. Я в докладе говорил о противоречии, которое возникает в самом понятии общественно-необходимого труда. Я говорил о том, что общественно-необходимое рабочее время, которое определяет рыночную стоимость, в условиях земледелия, в условиях известного тормоза, в действии регулирующего механизма стоимости, не совпадает с величиной общественно-обусловленного рабочего времени, которое необходимо для воспроизводства соответствующего количества товаров. Это есть противоречие, являющееся иным выражением противоречия рыночной стоимости и индивидуальной стоимости. Этот тезис у меня имеется в докладе. Пусть т. Гордеев скажет, нужно ли, по

его мнению, на новое воспроизводство того же количества хлеба употребить обязательно 600 единиц труда или можно употребить 300. Общественно обусловленное количество рабочего времени, которое сюда нужно употребить—300 — не совпадает с количеством общественно-необходимого труда. Это — не противоречие Маркса. Это просто демагогия, когда говорят, что я выискиваю противоречия у Маркса. Я говорю о противоречиях определенных категорий. Я постарался разобрать и понять эти противоречия и выставил определенные тезисы. А когда выступают и менторским тоном заявляют, что это общественно-необходимый труд, а не индивидуальный и тем самым проблема решена, я считаю, что такой метод полемики нельзя употреблять здесь на серьезном заседании. (Гордеев: Менторский тон не нравится, а по существу?). По существу я разобрал часть вашей аргументации, всего коснуться не могу и не считаю особо интересным.

Тов. Анисимову я возражать здесь не буду по той простой причине, что не хочу повторять того, что у меня по этому вопросу написано в статье, которая наконец вышла и может послужить дополнением. Поэтому я опускаю здесь т. Анисимова с его схемой и диаграммами.

Разрешите остановиться на т. Смолине и т. Лаптеве.

Тов. Смолин в том сложном построении, которое он перед вами воспроизвел, сделал две ошибки. Первая ошибка заключается в том, что он слова Маркса относительно нормы ренты не совсем правильно понял. Маркс имеет в виду здесь абсолютную ренту, норма которой зависит исключительно от органического состава, т. е. от способа производства. Тов. Смолин отождествил это с нормой всей ренты и впал в ошибку. При его постановке выходит так, что при равно построенных капиталах нормы всей ренты всегда должны быть одинаковы, между тем как на различных участках это не так. Если брать среднюю норму всей ренты (отношение всей ренты ко всему вложенному в земледелие капиталу), то она может измениться без изменения как суммы, так и строения капитала, в случае если капитал по-иному перераспределится между различными сортами земли. Этого не понимает т. Смолин. Я предлагаю ограничиться таким кратким заявлением об этой ошибке.

Теперь относительно источников дифференциальной ренты. Тов. Смолин страшно боится разрыва, он во что бы то ни стало хочет ликвидировать количественное различие между суммой рыночной стоимости и суммой индивидуальной стоимости в сельском хозяйстве. Он считает, что это различие является чем-то чудовищным, не имеющимся в теории Маркса о стоимости, и, исходя из этого, он непременно хочет регулирующие земли передвинуть в самую середку, и тогда у него получается такая концепция: средние земли определяют рыночную стоимость, худшие земли не получают всей абсолютной ренты, и часть

излишка стоимости, произведенного на этих землях, служит источником дифференциальной ренты на лучших землях. По моему мнению, это есть прокрустово ложе, в которое не может уложиться никакая сельскохозяйственная действительность.

Я понимаю т. Лаптева, с которым я не совсем согласен, но тут можно договориться. По его мнению, то положение, что на худших землях в абсолютную ренту может превратиться не весь излишек стоимости, может создать новые источники, которые я не принимал во внимание и не имел в виду в своем докладе, говоря о фонде дифференциальной ренты. Это возможно. Но с окостеневшей формулировкой т. Смолина не могу согласиться, и это есть его вторая ошибка.

Меня от т. Лаптева отделяют не столько общие выводы, которые он делает, сколько ход и характер его аргументации. Я заметил, что в его речи проскользнули некоторые ошибки, характерные для т. Познякова. У него проскользнуло прямое отождествление индивидуальной стоимости и стоимости в условиях первого тома «Капитала». Я не понимаю, как можно притти к такой мысли. Это можно было услышать в докладе т. Познякова, это и проскользнуло в речи т. Лаптева. Тов. Лаптев считает, что развитие стоимости в рыночную стоимость идет по линии перехода от простого товарного хозяйства к капиталистическому хозяйству. Я считаю, что дело не в этом. Дело не в переходе от простого товарного хозяйства к капиталистическому, а в переходе от условий идеального полного адекватного соответствия сфер обращения со сферой производства при идеальной эластичности производства и совершенстве регулирующего механизма стоимости к условиям более конкретным, когда этот механизм тормозится и внутренние противоречия стоимости раскрываются.

По этому пути идет развитие категорий стоимости, когда мы имеем дело с более конкретными условиями, в которых находятся различные производственные сферы и в особенности сельское хозяйство.

Я согласен с теми, кто говорит, что между сельским хозяйством и промышленностью нет никакого принципиального различия; принципиального различия нет, но есть различие в степени, потому что если в той или другой отрасли обрабатывающей промышленности мы можем говорить о задержках, о тормозах регулирующего механизма, то в сельском хозяйстве мы должны говорить о естественной монополии, которая этот тормоз возводит в такую степень, что возможность превращается в неизбежность. Неэквивалентный обмен между отраслями превращается из возможности в действительность. По этой линии идет у меня разногласия с т. Лаптевым,—по линии обоснования, которая мне кажется не выдерживающей критики, но гораздо меньше по линии конечных выводов, к которым он приходит.

Несколько слов в ответ т. Спектатору. Тов. Спектатор ставит здесь такой вопрос: если в сельском хозяйстве рыночная стоимость

стоит выше суммы индивидуальных стоимостей,—то это вы объясняете перекачкой из промышленности; а если так же дело обстоит и во всей промышленности, тогда откуда же взять источник?

Я думаю, такое предложение, что во всей промышленности рыночные стоимости будут регулироваться худшими условиями,—это не реально, это слишком искусственное предложение, это не та абстракция, из которой нужно исходить.

Тов. Спектатор говорит, будто у меня выходит, что стоимость создается на рынке. Я должен сказать, что не так страшен чорт, как его малюют. Тут действительно кое-что на рынке происходит, но прибавочная стоимость не создается, а перераспределяется на рынке. Это действительно происходит на рынке.

Суть рыночной стоимости, в частности, заключается в том, что эта категория предполагает перераспределение прибавочной стоимости на рынке.

Обратная точка зрения моих оппонентов действительно страдает этим грехом. Если взять тот самый цифровой пример—триста и шестьсот,—то оттуда взяты добавочные 300, если они не перераспределены из других отраслей и если товарищи утверждают, что они не выросли из земли. Откуда же они появились?

Эту концепцию можно упрекнуть либо в грубом натурализме, либо, если эти же 300 создаются на рынке, тогда это есть известная разновидность теории, которая не может конечно в настоящее время заслужить нашего поощрения. Мои оппоненты могут свободно выбирать между натурализмом и «меновой концепцией».

Таким образом мне кажется, что упреки и соображения т. Спектатора не колеблят сути той концепции, которую я развивал.

Я должен сделать еще одну оговорку. Все говорили относительно промышленности. Получается, будто я утверждаю, что источник дифференциальной земельной ренты лежит в промышленности. Я этого не утверждал. В докладе вы не встретите слово «промышленность». Когда мы абстрактно разбираем теорию земельной ренты, мы имеем в виду не все сельское хозяйство, а производство важнейшего продовольственного хлеба, производство пшеницы. Когда я говорю о других отраслях, то вовсе не понимаю под этим обязательно промышленность. (С м е с т а: Скажите конкретно, о каких отраслях вы говорите?). Я не обязан этого уточнять сейчас, но я считаю, что когда мы разбираем абстрактную теорию земельной ренты, мы имеем в виду определенную, ведущую, главную отрасль сельского хозяйства—производство главного зернового хлеба, о чем Маркс неоднократно говорит. Когда мы не находим в этой сфере производства источника дифференциальной ренты, неосторожно прямо кивать на промышленность. Рано делать вывод на этой стадии анализа. Может быть мы такой вывод сделаем, проанализировав рентообразование в других отраслях сельского хозяйства, но на данной

стадии анализа я этого вывода не делал и считаю, что мне приписали его зря.

Весь ход сегодняшних прений показал, насколько действительно еще не разработана и насколько темна для нас теория капиталистической земельной ренты. В прениях не было ничего твердого, ничего четкого. Не было борющихся сторон, не было никаких двух групп и буфера между ними, как это обычно бывает во время дискуссий. Было столько точек зрения и концепций, сколько было ораторов, каждый боролся за себя и против всех. (С места: Капиталистический подход...). Да, если хотите, это картина анархии вроде капиталистической. Можно конечно тут начать проводить кое-какие линии, но я думаю, что такая картина на нашей дискуссии определяется тем, что теория земельной ренты крайне неразработана, крайне темна.

Сегодняшняя дискуссия, мне кажется, даст нам достаточно материала для того, чтобы определить, где растет механистическая, фетишистская и натуралистическая опасность, а с другой стороны,— идеалистическая опасность в теории земельной ренты, а вслед за этим и в других вопросах с.-х. экономии.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

СЕКЦИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ АГРАРНЫХ ПРОБЛЕМ

Аграрные кризисы (доклад Г. Гордеева) 5

Прения по докладу

Участники: М. Спектатор (Москва) 31; Т. Билаш (Украина) 38; Л. Любошиц (Москва) 41; Я. Шафир (Москва) 46; А. Ганин (Москва) 51; П. Ульянов (Москва) 55; С. Слуцкина (Москва) 58; Е. Эфроимский (Украина) 59; К. Печак (Москва) 62; М. Власов (Москва) 65; М. Спектатор (Москва) 68.

Заключительное слово Г. Гордеева 71

Сельскохозяйственная экономия как наука (доклад М. Сулковского). 81

Прения по докладу

Участники: А. Сивогривова (Сев. Кавказ) 95; А. Ганин (Москва) 101; О. Таргульян (Москва) 107; Я. Казанчук (Одесса) 111; П. Лященко (Москва) 112; Р. Раевич (Москва) 117; С. Потапов (Москва) 119; В. Келлер (Москва) 125, Е. Эфроимский (Украина) 126; Т. Билаш (Украина) 128; Г. Гордеев (Москва) 130.

Заключительное слово М. Сулковского. 134

Аграрное перенаселение (доклад К. Хоменко) 143

Прения по докладу

Участники: М. Герасименко (Украина) 158; А. Либкинд (Москва) 161; Г. Филиппов (Урал) 165; П. Лященко (Москва) 168; Т. Билаш (Украина) 171.

Заключительное слово К. Хоменко. 172

Некоторые вопросы теории капиталистической земельной ренты (доклад Д. Лурье). 177

О диференцпальной ренте (содоклад Л. Любимова) 199

Прения по докладу

Участники: Я. Берзстыс (Ленинград) 212; Б. Раскин (Москва) 216; Г. Гордеев (Москва) 217; И. Воропаев (Москва) 223; А. Гуревич (Москва) 228; Н. Смолин (Сев. Кавказ) 232; П. Ульянов (Москва) 243; Громов (Москва) 247; Н. Анисимов (Москва) 252; М. Спектатор (Москва) 259; И. Финкель (Москва) 263; И. Лаптева (Москва) 267.

Заключительное слово Л. Любимова 271

Заключительное слово Д. Лурье. 279